

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXVII

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 327(510)(082)

ББК 66.4(5Кит)я4

К45

Рецензенты выпуска:

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций
Сибирского федерального университета;

Мамаева Наталья Леонидовна — доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVII : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова / Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИКСА РАН, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-8381-0444-1

ISSN 2618-6888

DOI 10.48647/IFES.2022.11.52.002

Журнал/сборник научных статей «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» ежегодно издается Институтом Китая и современной Азии РАН (до июля 2022 г. — Институт Дальнего Востока РАН) с 1996 г. Основная тематика журнала — международные отношения КНР, российско-китайское стратегическое партнерство, внешнеэкономическая политика КНР и история российско-китайских отношений.

XXVII выпуск включает статьи специалистов из семи подразделений ИКСА РАН, а также исследовательских структур в России и за рубежом. В 2022 г. коллектив авторов пополнился 11-ю новыми именами ученых из РФ, Пакистана и Сербии.

Раздел «Международные отношения КНР. Российско-китайское стратегическое партнерство» представлен тремя тематическими блоками. Первый блок посвящен анализу российско-китайских отношений и внешней политики КНР в свете новых международных реалий, обусловленных событиями на Украине, в первую очередь — антироссийских санкций. Это и стало особенностью выпуска-2022. В статьях второго блока рассматриваются особенности международного курса КНР и внешнеполитическая идеология Китая в преддверии XX съезда КПК. Третий блок содержит работы, освещающие политику КНР в отношении целого ряда регионов (АТР, Южная Азия, Латинская Америка), международных структур (ВРЭП, ТТП, ШОС, «Индо-Тихоокеанское партнерство») и отдельных стран (Пакистан, Афганистан, Туркменистан). Рассмотрение получили и такие вопросы, как пандемия COVID-19 в качестве фактора расширения глобального влияния Китая, китайская «мягкая сила» в Центральной Азии и деятельность Институтов Конфуция. Раздел «Внешнеэкономическая политика КНР» включает работы по китайско-сербским экономическим отношениям, транспортной активности КНР в Евразии и особенностях экспорта Китая в период пандемии.

Сборник содержит также работы на редкие и/или дискуссионные темы: институциональная конкуренция в АТР, причины синофобии в Южной Корее, значение капитала семьи Ротшильдов для внешнеэкономических позиций КНР, а в разделе «История российско-китайских отношений» — анализ архивных материалов об инциденте на российско-китайской границе в середине XVIII века.

Ключевые слова: Китай, Россия, международные отношения, внешняя политика КНР, российско-китайское стратегическое партнерство, безопасность, институциональная конкуренция, АТР, Южная Азия, Латинская Америка, ВРЭП, ТТП, ШОС, «Индо-Тихоокеанское партнерство», Центральная Азия, «мягкая сила», внешнеэкономические связи, история российско-китайских отношений.

УДК 327(510)(082)

ББК 66.4(5Кит)я4

ISBN 978-5-8381-0444-1

© Сафронова Е.И., составление, 2022

© ИКСА РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

Редакционная коллегия: д.н., проф. **Алка Ачарья** (Индия); д.филол.н., проф. **К.В. Бабаев**; к.и.н. **Н.А. Замаева**; д.полит.н., проф. РАН **Я.В. Лексютина**; д.ю.н., проф. **Ли Юнхуэй** (КНР); д.и.н., проф. РАН **А.В. Ломанов**; д.и.н., проф. **С.И. Лунев**; д.э.н., доц. **В.М. Мазырин**; академик РАН, д.э.н. **В.В. Михеев**; к.э.н., проф. **Арильд Му** (Норвегия); д.полит.н. **В.Е. Петровский**; к.э.н. **Е.И. Сафронова** (отв. ред.-сост.); д.н., проф. **Шаида Узират** (Пакистан); к.и.н. **С.В. Уянаев**.

Ежегодное периодическое издание сборник научных статей (журнал) «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» (ISSN 2618-6888) выходит с середины 1990-х годов. Тематика журнала охватывает целый ряд сфер, относящихся к исследованию международных отношений КНР, российско-китайского стратегического партнерства, внешнеэкономической политики Китая и истории его международных связей.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 83070 от 11.04.2022.

Отрасли науки (разделы рубрикатора ГРНТИ):

03.00.00 История. Исторические науки

06.51.00 Мировое хозяйство. Международные экономические отношения

11.25.91 Теория и практика международных отношений, внешняя политика и дипломатия отдельных стран

Статьи рецензируются, им присваивается DOI.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Тел.: +7 (499) 124 00 02

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН

E-mail: kitvmir@yandex.ru

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and Contemporary Asia
(ICCA RAS)

**CHINA
IN WORLD
AND REGIONAL
POLITICS**

**HISTORY
AND MODERNITY**

Issue XXVII

Moscow
ICCA RAS
2022

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXVII /
Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of China and
Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), 2022.

The journal/collection of scientific articles “China in World and Regional Politics. History and Modernity” has been published annually by the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (before July 2022 — Institute of Far Eastern Studies of the RAS) since 1996. The main topics of the journal are international relations of the PRC, Russian-Chinese strategic partnership, China's foreign economic policy and history of Russian-Chinese relations.

The 27th issue of the journal includes articles by specialists from seven departments of the IFES RAS, as well as from research institutions in Russia and abroad. In 2022, the team of authors was replenished with 11 new names of scientists from the RF, Pakistan and Serbia.

The section “International Relations of the People's Republic of China. Russia-China Strategic Partnership” is represented by three thematic blocks. The first block is devoted to the analysis of Russia-China relations and the PRC's foreign policy in the light of new international realities caused by the events in Ukraine, primarily anti-Russian sanctions. This has become special feature of the 2022 issue. The second block deals with peculiarities of China's international course and foreign policy ideology on the eve of the 20th Congress of the CPC. The third block contains articles on China's policy toward a number of regions (APR, South Asia, Latin America), international structures (RCEP, TPP, SCO, Indo-Pacific Partnership) and individual countries (Pakistan, Afghanistan, Turkmenistan). Such issues as COVID-19 pandemic as a factor of expansion of China's global influence, Chinese “soft power” in Central Asia and activities of Confucius Institutes are also discussed. The section “Foreign Economic Policy of the PRC” includes works on Sino-Serbian economic relations, China's transport activities in Eurasia, and features of China's exports during the COVID pandemic.

The collection also contains works on rare and/or discussion issues: institutional competition in the Asia-Pacific region, causes of Sinophobia in South Korea, importance of the Rothschild family capital for China's foreign economic position and, in the “History of Russian-Chinese Relations” section, — analysis of archival materials on the Russian-Chinese border incident in the mid-18th century.

Keywords: China, Russia, international relations, PRC foreign policy, Russian-Chinese strategic partnership, security, institutional competition, APR, South Asia, Latin America, RCEP, TPP, SCO, “Indo-Pacific Partnership”, Central Asia, “soft power”, foreign economic relations, history of Russian-Chinese relations.

China in World and Regional Politics. History and Modernity

Founder and Publisher: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

This periodical edition/journal (ISSN: 2618-6888) is a peer-reviewed analytical yearbook (collection of research articles) published by the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) since 1996. It provides a solid platform for academics, public figures and practitioners to share their knowledge and assessments of China's international relations, foreign economic activities and diplomatic history.

All articles are assigned Digital Object Identifier (DOI).

The periodical is included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary” and Russian Science Citation Index: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=50496

It is also included in the Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru»: <https://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost>

Editorial Board. **Alexander V. LOMANOV** — Professor of the RAS, Dr. Sc. (History); **Alka ACHARYA** (India) — Professor; **Arild MOE** (Norway) — Research Professor; **Elena I. SAFRONOVA** — Ph.D. (Economics) (Executive Editor, Compiler); **Kirill V. BABAEV** — Dr. Sc. (Philology), Professor; **Natalia A. ZAMARAEVA** — Ph.D. (History); **Sergey I. LOUNEV** — Dr. Sc. (History), Professor; **Sergey V. UYANAEV** — Ph.D. (History); **Shahida WIZARAT** (Pakistan) — Dr., Professor; **Vasily V. MIKHEEV** — Academician of the RAS, Dr. Sc. (Economics); **Vladimir M. MAZYRIN** — Dr. Sc. (Economics), Associate Professor; **Vladimir Ye. PETROVSKY** — Dr. Sc. (Political Science); **Yana V. LEKSYUTINA** — Professor of the RAS, Dr. Sc. (Political Science); **Yonghui LI (LI Yonghui)** (China) — Dr. Sc. (Law), Professor.

Branch of science (in the Russian Federation):

- 03.00.00 History. Historical Science
- 06.51.00 World Economy. International Economic Relations
- 11.25.40 Regional Problems
- 11.25.91 Theory and Practices of International Relations,
Foreign Policy and Diplomacy of Individual Countries
- 23.00.00 Comprehensive Study of Individual Countries and Regions

Contacts. Russian Federation, Moscow, 117997; 32, Nakhimovsky prospect. Tel. +7 (499) 124-00-02; E-mail: kitvmir@yandex.ru

The authors' opinion may not coincide with the Publisher's point of view. Authors are responsible for the accuracy of their information.

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Морозов Ю.В.

Перспективы российско-китайских отношений в свете новой геополитической ситуации (украинский фактор) 12

Ломанов А.В.

Внешнеполитическая идеология Китая в преддверии XX съезда КПК 25

Бабаев К.В.

Технологические компании Китая как направление американского удара в контексте антироссийских санкций 42

Матвеев В.А., Уянаев С.В.

Углеводородная отрасль РФ в условиях санкций: возможности компенсации за счет сотрудничества с КНР 56

Верченко А.Л.

Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица 71

Меркулов К.К.

О некоторых итогах празднования 100-летия КПК в 2021 г.: международно-политические аспекты (аналитический обзор) 84

Лексютина Я.В.

Пандемия COVID-19 как «окно возможностей» для развития Китая и расширения его влияния в мире 98

Петровский В.Е.

Концепции и реальности «Индо-Тихоокеанского партнерства»: взгляды из Китая 112

Ван Яли, Виноградов А.О.

Институциональная конкуренция в АТР и позиция Китая в отношении ВРЭП и ТТП 124

<i>Faisal M., Khan K.</i> China and South Asia: Challenges, Trends and Trajectory (Файзал М., Хан К. Китай и Южная Азия: вызовы, тенденции и траектория развития)	145
<i>Клименко А.Ф.</i> Китай, Россия и другие участники ШОС в новых афганских реалиях	160
<i>Mughal F.A., Hamza A.</i> Pakistan and China in SCO: the Realization of Mutual Potential (Магхал Ф.А., Хамза А. Пакистан и Китай в ШОС: реализация взаимного потенциала)	176
<i>Замараева Н.А.</i> Международные вызовы и пакистано-китайские отношения (2021—2022 гг.)	193
<i>Сафронова Е.И.</i> Значение Латинской Америки для международных позиций Китая	210
<i>Клименко А.Ф.</i> Некоторые особенности современной политики Китая в отношении Афганистана	225
<i>Виноградов И.С.</i> Китай и Россия во внешней политике и экономике Туркменистана	240
<i>Асмолов К.В.</i> О причинах роста антикитайских настроений в Южной Корее	254
<i>Махмутова Е.В.</i> Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители	268
<i>Селезнева Н.В.</i> Новый вектор «мягкой силы» Китая: трансформация политики в отношении Институтов Конфуция	284

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

<i>Zakic K., Stanojevic N.</i> Between aspiration and reality: Sino-Serbian economic relations (Закич К., Станоевич Н. Китайско-сербские экономические отношения: между желаемым и действительным)	298
<i>Вавилов О.К., Сазонов С.Л.</i> Китай и альтернативные сухопутно-морские маршруты на евразийском континенте	312

<i>Лозинский А.Н., Сазонов С.Л.</i> Новый международный сухопутно-морской торговый коридор «КНР—АСЕАН»	324
<i>Александрова М.В.</i> Особенности экспорта КНР в период коронавируса (2020—2021 гг.)	339
<i>Балакин В.И.</i> К вопросу о значении международного капитала для внешнеэкономических позиций КНР (на примере семьи Ротшильдов)	357

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Саркисова Г.И.</i> Из истории русско-китайских отношений: Улхунский пограничный инцидент (1767—1768 гг.) (архивные материалы)	370
--	-----

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

Morozov Yu.V.

Prospects of Russian-Chinese relations in the light
of the new geopolitical situation (Ukrainian factor) 12

Lomanov A.V.

China's Ideology of Foreign Policy on the Eve of the 20th CPC Congress 25

Babaev K.V.

China's technology companies as the target of the US strike in the context
of anti-Russian sanctions 42

Matveev V.A., Uyanaev S.V.

The hydrocarbon industry of the Russian Federation under sanctions:
the possibility of compensation through cooperation with China 56

Verchenko A.L.

China's Community of common destiny concept
and the First Person's diplomacy 71

Merkulov K.K.

On some results of the celebration of the CPC 100th anniversary in 2021:
the international-political aspects (analytical review) 84

Leksyutina Ya.V.

The COVID-19 pandemic as a “window of opportunity” for China
to expand its influence in the world: ways and means 98

Petrovskiy V.Ye.

Concepts and Realities of the 'Indo-Pacific Partnership': Views from China ... 112

Wang Yali, Vinogradov A.O.

Institutional competition in the Asia-Pacific region
and China's position on RCEP and TTP 124

Faisal M., Khan K.

China and South Asia: Challenges, Trends and Trajectory 145

<i>Klimenko A.F.</i>	
China, Russia and other SCO members in the new Afghan realities	160
<i>Mughal F.A., Hamza A.</i>	
Pakistan and China in SCO: the Realization of Mutual Potential	176
<i>Zamaraeva N.A.</i>	
International challenges and Pakistan-China Relations (2021—2022)	193
<i>Safronova E.I.</i>	
The significance of Latin America for China's international position	210
<i>Klimenko A.F.</i>	
Some features of China's modern policy towards Afghanistan	225
<i>Vinogradov I.S.</i>	
China and Russia in the foreign policy and economy of Turkmenistan	240
<i>Asmolov K.V.</i>	
On the reasons for the growth of anti-Chinese sentiment in South Korea	254
<i>Makhmutova Ye.V.</i>	
Chinese «soft power» in Central Asia: prospects and constraints	268
<i>Selezneva N.V.</i>	
China's New Soft Power Vector: Transforming Policy towards Confucius Institutes	284

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

<i>Zakic K., Stanojevic N.</i>	
Between aspiration and reality: Sino-Serbian economic relations	298
<i>Vavilov O.K., Sazonov S.L.</i>	
China paves alternative land-sea routes on the Eurasian continent	312
<i>Lozinskiy A.N., Sazonov S.L.</i>	
New international land-sea trade corridor “China—ASEAN”	324
<i>Alexandrova M.V.</i>	
Features of China's exports during the COVID-19 pandemic (2020—2021)	339
<i>Balakin V.I.</i>	
On the importance of the international capital for China's foreign economic positions (on the example of the Rothschild family)	357

HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

<i>Sarkisova G.I.</i>	
From the history of the Russian-Chinese relations: Ulkhun border incident (1767—1768) (archival materials)	370

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.48647/IFES.2022.55.30.001

Ю.В. Морозов

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ (УКРАИНСКИЙ ФАКТОР)

Аннотация. В начале 2022 г. Украина вошла в эпицентр геополитического напряжения. Это связано с политикой США, отказавшихся учитывать российские обеспокоенности по поводу вероятного принятия Украины в НАТО, и игнорирование «коллективным Западом» принципа «никто не должен укреплять свою безопасность за счет безопасности других стран», закрепленного статьей 8 Хартии европейской безопасности.

В связи с этим, цель данной статьи заключается в проведении анализа американской политики и стратегии в отношении России и Китая и в обосновании возможных путей устранения угроз со стороны «коллективного Запада». В заключении статьи приводятся выводы, вытекающие из целей проведенного исследования. Первый вывод заключается в том, что нынешние взаимоотношения РФ, КНР и США выглядят как своеобразный «треугольник», на одной вершине которого находятся Россия и Китай вместе с государствами — сторонниками многополярности, на другой — США и их союзники, приверженцы однополярной системы международных отношений, третью вершину занимают нейтральные государства, которых становится все меньше. Вторым выводом таков: катализатором формирования новой геополитической конфигурации является Украина, чья поли-

тика была нацелена на вступление в НАТО и на силовой возврат в свой состав «мятежных» территорий ЛНР и ДНР. Это обусловило для РФ необходимость признания независимости этих республик и проведения военной спецоперации с целью демилитаризации Украины. И, наконец, третий вывод: укрепление стратегического партнерства РФ и КНР является адекватным ответом на угрозы «коллективного Запада». Для консолидации партнерства с Китаем у России есть природные ресурсы и обширный внутренний рынок, благоприятствующие экономическому взаимодействию с азиатским партнером, и современные вооруженные силы, обладающие боевым опытом. А у Китая — финансы и развитые высокотехнологические отрасли, способные облегчить России процесс преодоления западных санкций, связанных с событиями на Украине.

Ключевые слова: Россия, США, Китай, ЕС, НАТО, интересы, политика, стратегия.

Автор: Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН и Института США и Канады РАН.

ORCID: 0000-0003-2047-6420. E-mail::morozovyury51@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Yu. V. Morozov

Prospects of Russian-Chinese relations in the light of the new geopolitical situation (Ukrainian factor)

Abstract. At the beginning of 2022, Ukraine has become the epicenter of geopolitical tension due to the US policy, which refused to take into account Russian concerns about the probable Ukraine admission to NATO. In addition, the «collective West» ignored the principle enshrined in Article 8 of the Charter of European Security — «no one should strengthen its security at the expense of the security of other States».

In this connection, the purpose of this article is to analyze American policy and strategy towards Russia and China and outline possible ways to eliminate the threats of the «collective West» to Russian and Chinese national interests. The article offers conclusions resulting from the objectives of this study. They are the following. Firstly, current relations between the Russian Federation, China and the United States look like a kind of “triangle”, on one top of which are Russia and China together with States that support multipolarity, on the other — the United States and its allies adhering to the unipolar system of international relations, the third top is occupied by neutral States.

Secondly, the catalyst for the formation of such a geopolitical configuration is Ukraine, whose policy aimed at joining NATO and forcible re-

turning of the “rebellious” territories of the LPR and DPR in Ukraine. This made it necessary for the Russian Federation to recognize the independence of these republics and conduct a special military operation to demilitarize Ukraine.

Thirdly, strengthening the strategic partnership of the Russian Federation and China is an adequate response to the threats coming from the “collective West”. To consolidate the partnership with China, Russia has natural resources and an extensive domestic market conducive to economic cooperation with China, and modern armed forces with combat experience. China has finances and developed high—tech industries that can facilitate Russia’s process of overcoming Western sanctions related to the events in Ukraine.

Keywords: Russia, USA, China, EU, NATO, interests, policy, strategy.

Author: Yuri V. MOROZOV, Ph.D. (Military Sc.), Professor, Leading Research Fellow, the Institute of the Far Eastern Studies and the Institute of the USA and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-2047-6420. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Стратегия США в отношении России в Европе

Стремительное ухудшение российско-американских отношений из-за разных подходов к разрешению глобальных и региональных проблем безопасности на фоне обострения военно-стратегической ситуации на юго-востоке Украины обусловило необходимость признания Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик зимой 2022 г., тем более что президент Украины В. Зеленский упорно отказывался выполнять требования Минских соглашений. Он начал сосредотачивать наступательную группировку войск на границах с ЛНР и ДНР, чтобы в начале марта 2022 г. силой вернуть «мятежные» территории в состав Украины. В этом ему помогли США и страны НАТО, поставляя Киеву оружие и обещая принять Украину в этот военный альянс.

В ответ Москва в качестве последнего предупреждения разместила группировку войск вблизи границ Украины, заявив, что воинственные планы Зеленского могут привести к катастрофическим последствиям для киевских властей. Но тот продолжал верить, что в случае чего «Запад ему поможет», поэтому на конференции по безопасности в Мюнхене в 2022 г., Зеленский заявил о способности

Украины иметь собственное ядерное оружие и призвал Вашингтон и Брюссель совместно с Киевом выступить единым фронтом против России¹.

Однако президент США Дж. Байден не собирался бороться за Украину, предпочитая действовать «чужими руками» в опоре на украинских военнослужащих и наемников из других стран. Причин для этого несколько, но основные — две. Во-первых, США не намерены ввязываться в войну с ядерной державой — Россией, и во-вторых, военнослужащие США крайне негативно отнеслись к перспективе воевать за интересы чуждадельней Украины, даже за предложенные им весьма немалые доплаты, а в случае их гибели — компенсации родственникам в размере 400 тыс. долл.²

Поэтому, когда 24 февраля 2022 г. ВС РФ начали спецоперацию с целью демилитаризации Украины, Белый дом отказал Зеленскому в командировании в помощь ВСУ подразделений ВС США и в закрытии воздушного пространства Украины. Аналогичным образом на эти просьбы ответил и Брюссель: «коллективному Западу» Украина нужна как постоянный очаг напряженности на границе с Россией, а ее военнослужащие рассматриваются им как расходный материал. Что касается участия наемников в боевых действиях, то «холодным душем» для них стала отправка в зону военного противостояния вооруженных подразделений из Чеченской республики³.

Однако проведение спецоперации РФ позволило США консолидировать НАТО и ЕС и ввести совместные санкции, чтобы замедлить развитие России и при помощи информационной войны изолировать Россию от глобальных процессов. Это полностью соответствует идее З. Бжезинского о том, что «без Украины Россия не будет евразийской империей» [Brzezinski Z.]. Поэтому антироссийская направленность «коллективного Запада» отвечает целям Стратегии национальной безопасности США, в которой их главными глобальными соперниками определены Россия и Китай⁴. В связи с этим первоочередная цель Вашингтона, согласно принципу «разделяй и властвуй», состоит в

¹ Украина была очень близка к созданию ядерного оружия. URL: <https://ria.ru/20220306/ukraina-1776880095.html> (дата обращения: 02.03. 2022).

² За гибель американского солдата семье могут заплатить полмиллиона долларов. URL: <https://lenta.ru/world/2005/02/01/benefit> (дата обращения: 02.03. 2022).

³ Чеченский батальон «Восток» отправили на Украину воевать с ВСУ. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/02/26/chechenskiy-batalon-vostok-otpravili-na-ukrainu-voevat-s-vsu.html> (дата обращения: 04.03. 2022).

⁴ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 3.

том, чтобы сначала «разобраться» с Россией, а затем — с более экономически сильным соперником — Китаем.

Такая последовательность не случайна, так как в экономическом отношении США, и их основные союзники сильнее России. Об этом свидетельствует ВВП за 2019 г. основных антиросийски настроенных стран мира: США — 21,44 трлн долл., Япония — 5,15 трлн долл., Германия — 3,86 трлн долл., Великобритания — 2,97 трлн долл., Франция — 2,876 трлн долл. ВВП же России — всего 1,7 трлн долл.¹, что в 21 раз меньше совокупного показателя указанных стран. При этом до начала спецоперации РФ на Украине основой российского экспорта являлись топливно-энергетические ресурсы, удельный вес которых в структуре экспорта в 2021 г. составил 54,3 %. Это свидетельствует о том, что объем поступлений в казну России до сих пор находится в зависимости от поставок этих ресурсов в Европу. При этом, после «замораживания» пуска «Северного потока-2» стоимость газа в Европе достигла 2400 долл. за 1000 кубометров, хотя до 22 февраля он стоил 900 долл.² Что выгодно Вашингтону, так это увеличить зависимость стран ЕС от поставок американского газа по завышенным ценам.

Антиросийские санкции, введенные Евросоюзом, отвечают интересам США еще и потому, что нанесенный ущерб финансово-экономической сфере РФ и ее СМИ поначалу позволил увеличить стоимость доллара на международной бирже и воспрепятствовал российским масс-медиа в доведении правдивой информации о событиях на Украине до мирового сообщества. Вашингтон также заставил союзников по НАТО увеличить военные расходы на оборону, тем самым снизив собственное финансовое бремя.

Далее Белый дом объявил о многочисленных санкциях против РФ, большинство которых являются «продолжением» ранее наложенных. Но они не нанесли катастрофического вреда России, поскольку РФ уже адаптировалась к санкциям, введенным против нее после присоединения Крыма в 2014 г. Поэтому Москва заранее подготовилась к новым санкциям, накопив более 620 млрд долл. финансовых резервов, позволяющих продержаться 2 года. Помимо этого, российские вложения в казначейские облигации США за последние два года

¹ GDP of European Union countries 2019 — StatisticsTimes. URL: <https://statisticstimes.com/economy/european-union-countries-by-gdp.php> (accessed: 22.02.2022).

² Экспорт России 2021: статистика по странам и товарам, таблица по годам. URL: <https://top-rf.ru/business/141-eksport.html> (дата обращения: 04.03. 2022).

сократились примерно на 80 %¹. Российские власти также легализовали криптовалюту, чтобы защитить государство от экономических санкций. Однако они больно ударили по простым гражданам России.

В качестве ответной реакции на введенные санкции и также на отказ США и НАТО/ЕС учитывать озабоченности РФ по поводу ее безопасности, в перспективе можно ожидать изменение конфигурации безопасности в Европе, в которой вместо принципа «обеспечение равной безопасности для всех» во главу угла встанет принцип «равной угрозы для всех», так как «коллективный Запад» не намерен следовать зафиксированному в Стамбуле принципу, предусмотренному статьей 8 Хартии европейской безопасности, — «никто не должен укреплять свою безопасность за счет безопасности других стран»².

Нарастание напряженности в Европе позволило Вашингтону переложить ответственность за сдерживание России на европейцев и сосредоточить свои усилия против главного соперника в мире — Пекина, который в отношении событий на Украине занял «нейтрально-позитивную» позицию, наблюдая за действиями США и реакцией на них России, с целью заранее разработать свои контрмеры на аналогичные действия США в АТР.

Антикитайская направленность политики и стратегии США

Растущая враждебность Вашингтона по отношению к Китаю связана с осознанием в США, что они могут в ближайшем будущем потерять свое доминирующее положение в мире. Об этом свидетельствуют 3-кратное превышение темпов роста ВВП КНР (6,1 %) по сравнению с ВВП США (2,1 %), в связи с которым Белый дом усиленно педалирует китайскую псевдоугрозу в международных СМИ и перекладывает вину за свои экономические и социальные проблемы на Китай³. При этом его попытки остановить развитие Китая при помощи санкций постоянно терпят неудачу.

Так, США запретили продажу оружия Китаю, вынудив его усиленно развивать собственный ВПК. Благодаря этому, КНР стала

¹ США ввели против России «жесткие санкции». Но их успех под вопросом. URL: <https://inosmi.ru/20220301/sanktsii-253234478.html> (дата обращения: 05.03. 2022).

² Хартия европейской безопасности, принятая в Стамбуле в 1999 г. URL: <https://pasm1.ru/archive/83117/> (дата обращения: 18.02.2022).

³ Will China go bankrupt in a few years? URL: <https://www.quora.com/> (accessed: 23.02.2022).

третьим по величине экспортером оружия в мире. США запретили американским компаниям экспортировать чипы в Китай, чтобы остановить там строительство суперкомпьютеров. В ответ КНР разработала собственный суперкомпьютер *TaihuLight* и вытеснила США с мирового рынка, произведя в 2020 г. 250 млн компьютеров и 1,5 млрд смартфонов¹. Помимо этого, Китай стал серьезным конкурентом США в основополагающих технологиях XXI века: искусственном интеллекте, квантовой информатики и биотехнологии и т. д. [Allison, Klyman, Barbesino, Yen].

При этом США полагают, что их государственная система является образцом для остальных стран мира. Но в реальности это означает наложение американской военной силы и внешнего управления на другие страны мира. Это в корне противоречит интересам Китая, который видит себя Срединным государством — высшей формой цивилизации. В связи с этим председатель КНР Си Цзиньпин нацелен на то, чтобы к середине этого века построить в Китае общество «благоденствия», которое «затмит» американскую модель развития и будет притягательным для других государств мира². И по прогнозам американского политолога Сильвена Сауре (Sylvain Saure) к 2030 г. Китай достигнет своей цели — стать ведущей экономической державой мира³.

Чтобы не допустить этого, Белый дом в отношении Китая желал бы применить тактику, аналогичную используемой на Украине: чужими руками задержать развитие страны, расшатав внутреннюю обстановку при помощи сепаратистов (в Тибете, Синьцзяне, Гонконге и Тайване). В свете этого глава МИД КНР Ван И призвал выполнить ряд обещаний, данных президентом США Д. Байденом, в том числе — не сдерживать Китай своей Индо-Тихоокеанской стратегией и не накалять обстановку вокруг вопроса об объединении материкового Китая с Тайванем⁴. И хотя США на словах официально выступают за

¹ What will happen if USA stop importing from China completely? URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a801a738-62219df0-8f91288c-74722d776562/https/www.quora.com/ (accessed: 23.02.2022).

² Xi Jinping's Speech at the Unveiling of the New Chinese Leadership. (2012). *South China Morning Post*, November 15, 2012.

³ Saure, Sylvain. China's GDP may exceed the United States for the first time this year. Do you think that this will be permanent? URL: <https://mail.yandex.ru/?uid=68109018#message/178736610211332367> (accessed: 22.02.2022).

⁴ Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region / The Department of Defense. July 1, 2019.

их воссоединение в соответствии с принципом «одно государство, две системы», но на деле они ведут секретную деятельность на Тайване с целью укрепления его оборонного потенциала. В связи с чем 29 января 2021 г. посол КНР в США Цинь Ган предупредил, что если Вашингтон будет подталкивать тайваньские власти к провозглашению независимости Тайваня, то между Китаем и США может возникнуть военный конфликт¹. Однако стороны вряд ли дойдут до прямого военного столкновения из-за крайне высокой цены разрыва важной взаимной торгово-экономической связи. Поэтому во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности США подчеркивается: «мы признаем, что стратегическая конкуренция не препятствует и не должна препятствовать сотрудничеству с Китаем»².

Параллельно этому, для усиления своих позиций в противостоянии Пекину в АТР Вашингтон делает ставку на военные альянсы — AUKUS³ и QUAD [Торопчин Г.], что отвечает индо-тихоокеанской стратегии США. Но, по словам командующего Индо-Тихоокеанским командованием ВС США адмирала Ф. Дэвидсона, «КНР располагает крупнейшими в мире военно-морскими силами, численность которых за последние два десятилетия увеличилась втрое только в 2020 г. ВМС КНР ввели в эксплуатацию более 25 крупных кораблей, включая боевые корабли, боевые корабли-амфибии и две атомные подводные лодки с баллистическими ракетами... и истребитель-невидимку 5-го поколения J-20». Вывод командующего однозначен: в АТР США теряют качественное превосходство над потенциальным противником⁴. В связи с этим Байден «пристегнул» к существующей антикитайской коалиции в АТР блок НАТО, который опубликовала доклад #NATO2030 с 138 предложениями по методике борьбы с экономическим ростом Китая⁵.

Помимо этого, усиливается информационная война США против КНР, основанная на лжи и искажении фактов, чтобы наравне с Рос-

¹ Китай предупредил США об угрозе военного конфликта из-за Тайваня. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/29/conflict/> (дата обращения: 04.03. 2022).

² Interim National Security Strategic Guidance. The White House. March 03, 2021. P. 21.

³ США, Британия и Австралия заключили антикитайский военный союз // Российская газета. 16.09.2021.

⁴ Statement of Admiral Philip S. Davidson, U.S. Navy Commander, U.S. Indo-Pacific Command before the Senate Armed Services committee on U.S. Indo-Pacific Command Posture. 09 March 2021. Pp. 3, 32—33.

⁵ The NATO 2030 Report (2021). Strategic Priorities of the Alliance. June 17. *NATO Press & Media Section*. 5p.

сией превратить Китай в «изгоя» в глазах международного сообщества. В связи с этим проф. Д.Л. Гэддис считает: «нет сомнений в том, что США и Китай вступают в новую холодную войну друг с другом» [Брэндс Х., Гэддис Д.Л.]

Возможные пути устранения угроз «коллективного Запада» в адрес РФ и КНР

Адекватным ответом Пекина и Москвы «коллективному Западу» в условиях «холодной войны-2» может стать усиление их стратегического партнерства. К этому их подталкивает агрессивная политика Запада в тех регионах мира, которые входят в сферу национальных интересов РФ и КНР. А выход США из международных договоров по безопасности, развертывание их систем ПРО в Евразии и сохранение там ядерного американского оружия усиливают военные угрозы в отношении РФ и КНР.

В этом контексте Пекин намерен прагматично развивать партнерство с Москвой, так как Россия является одним из важнейших акторов Евразийского континента. Как считает начальник управления анализа рынков «Открытие — Инвестиции» А. Затолокин, «Китай может сыграть очень важную роль в развитии Евразии как поставщик промышленного оборудования и комплектующих, что позволит ему занять новую нишу и расти, несмотря на тяжелые проблемы на Западе». При этом рост Китая может продолжиться, но ориентироваться он будет уже не на Запад¹.

С учетом этих нюансов китайской внешней политики Москве разумно будет опираться на те сферы, где имеет место подлинное совпадение ее интересов с интересами Пекина, ибо в ряде случаев тезисы о «совпадении стратегических интересов РФ и КНР» не соответствуют действительности ввиду наличия у каждой из сторон собственных интересов в каждом конкретном случае.

Поэтому в условиях западных санкций российской власти целесообразно проводить внешнюю политику с учетом общих интересов с властями КНР и укреплять позиции обеих стран в СБ ООН в качестве гарантов глобальной и региональной безопасности; активизировать сотрудничество в рамках ШОС, БРИКС и РИК; содействовать

¹ Байден провалил задачу: Китай меняет ориентацию. URL: <https://1prime.ru/exclude/20220516/836905022.html> (дата обращения: 16.05.2022).

стабильности в АТР; противодействовать региональным системам ПРО США, направленным против РФ и КНР; и наращивать сотрудничество в Евразии в интересах реализации проектов ЕАЭС и «Пояс и путь».

Для реализации этих проектов Москве и Пекину необходимо провести работы по их практическому сопряжению по следующим направлениям:

- модернизация транспортных коридоров в Евразии и формирование «дорожной карты», включающей конкретные мероприятия по сближению интересов РФ с КНР на этом континенте;
- Москве: разработать концепцию развития ЕАЭС с учетом экономических интересов Пекина;
- увеличить пропускную способность Транссибирской железнодорожной магистрали, чтобы грузы из Китая в Европу шли по российской территории;
- И Москве, и Пекину — кроме транспортной артерии «Восток—Запад», развивать транспортный коридор «Север—Юг» с подключением к строительству Индии, Пакистана и Афганистана. В результате реализации этих мероприятий транзитные пути из Азии в Европу (за исключением пути через Суэцкий канал), окажутся под контролем России и Китая, что будет способствовать развитию их транспортных коммуникаций в Евразии.

А для улучшения регионального взаимодействия видится необходимым:

- ускорить строительство логистических платформ и упорядочить процесс прохождения грузов через госграницы;
- совершенствовать национальные законодательства об инвестициях, устраняя административные барьеры и прибегая к более гибким методам финансирования совместных проектов по важным для РФ и КНР направлениям.

Финансовые потери России, связанные с блокадой «Северного потока-2», возможно компенсировать за счет повышения объемов поставок газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири» и ускорения ввода в строй газопровода «Союз-Восток», что также позволит «подтянуть» развитие Дальнего Востока до уровня западных областей РФ.

Важным направлением развития финансовых взаимоотношений в условиях западных санкций является расширение взаиморасчетов РФ и КНР в национальных валютах. Это позволит России минимизировать негативные последствия отключения от системы SWIFT и

продолжить развитие своей банковской сферы. И первые шаги в этом направлении уже сделаны: начиная с 2014 г. Россия работает над созданием собственной системы SPFS, которая в скором времени может соединиться с китайской CIPS, тем самым продемонстрировав всему миру наличие системы, альтернативной SWIFT.

В промышленной сфере для РФ большое значение будет иметь ускорение реализации совместных проектов с КНР на основе высоких технологий, чтобы компенсировать потери из-за западных санкций. Наиболее важными для России являются совместные проекты в области авиастроения, освоения космоса и добычи энергоресурсов. Для них она обладает достаточным потенциалом: 35 % мировых запасов палладия и 90 % неона, используемых для производства полупроводников и чипов. Китай же имеет материальную базу для производства последних¹.

Несмотря на то, что РФ и КНР совместно выступают против военной гегемонии США в мире, создание российско-китайского военно-политического союза преждевременно, поскольку это противоречит официальной политике Китая.

Однако для Пекина существует угроза развязывания Соединенными Штатами «чужими руками» военной агрессии в Южно-Китайском море, например, из-за спорных островов в ЮКМ или под прикрытием защиты «независимости Тайваня», чтобы в последствии обвинить Пекин в агрессии и на этом основании заблокировать реализацию проекта «Пояс и путь» в Евразии и других регионах мира. И чем больше вероятность воплощения такого сценария в АТР, тем вероятнее Пекин сочтет необходимым пойти на военно-политический союз с Москвой.

В качестве первого шага в этом направлении будет необходимо уточнить 9-ую статью Договора о дружбе. Ее содержание должно стать близким к статье 5 устава НАТО, которая гласит: *«вооруженное нападение на одну страну будет рассматриваться как нападение на них в целом»*². При этом, необходимость одновременного сдерживания России и Китая в Европе и АТР вынуждает «коллективный Запад» расплывать силы, не позволяя добиться решающего военного превосходства, так как Москва и Пекин поддерживают свои стратегические ядерные силы на должном уровне, а совокупная военная мощь их

¹ Сможет ли Россия делать чипы? // Аргументы и факты. 2022. № 9.

² The NATO 2030 Report (2021)...

предполагаемого военно-политического союза будет превосходить мощь любого захватчика.

* * *

Подводя итоги анализа стремительных изменений геополитической ситуации в мире в 2022 г. и связанных с ними перспектив российско-китайских отношений, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, в основу стратегии США по отношению к России и Китаю заложен принцип «разделяй и властвуй», соответствующий американским интересам сохранения однополярного мира. В связи с этим, нынешние взаимоотношения трех стран выглядят как своеобразный «треугольник», на одной вершине которого находятся Россия и Китай вместе с государствами — сторонниками многополярности, на другой — США и их союзники, придерживающиеся однополярной системы международных отношений, третью вершину занимают нейтральные государства, которых становится все меньше.

Во-вторых, катализатором формирования такой геополитической конфигурации является Украина, чья политика была нацелена на вступление в НАТО и на силовой возврат в свой состав «мятежных» территорий ЛНР и ДНР. Это обусловило для РФ необходимость признания независимости этих республик и проведения военной спецоперации с целью демилитаризации Украины.

В-третьих, укрепление стратегического партнерства РФ и КНР на основе баланса их национальных интересов является адекватным ответом на угрозы «коллективного Запада». Для консолидации партнерства с Китаем у России есть природные ресурсы и обширный внутренний рынок, благоприятствующие экономическому взаимодействию с КНР, и современные вооруженные силы, обладающие боевым опытом, а у Китая — финансы и развитые высокотехнологические отрасли, способные облегчить России процесс преодоления западных санкций, связанных с событиями на Украине.

Библиографический список

Брэндс Х., Гэддис Д.Л. Новая холодная война // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. С. 150—165.

Торопчин Г. Quo vadis, Quad? История и перспективы «четырёхугольника» // Российский совет по международным делам. 28 января 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-quad-istoriya-i-perspektivy-chetuyekhugolnika> (дата обращения: 04.03. 2022).

References

Brends H., Geddis D.L. (2022). Novaya holodnaya voĭna [The New Cold War], *Rossiya v globalnoi politike [Russia in Global Politics]* : 20: 150—165. (In Russian).

Toropchin G. (2020). Quo vadis, Quad? Istoriya i perspektivi «chetirehugolnika» [Quo vadis, Quad? The history and prospects of the “quadrangle”], *Rossiiskii sovet po mejdunarodnim delam [Russian Council for International Affairs]*. 28 January. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-quad-istoriya-i-perspektivy-chetyryekhugolnika> (accessed: 4 March, 2022). (in Russian).

* * *

Allison Graham, Klyman Kevin, Barbesino Karina, Yen Hugo (2021). Great Tech Rivalry China vs US. *Belfer Center for Science and International Affairs/Harvard Kennedy School*, 2021 URL: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/GreatTechRivalry_ChinavsUS_211207.pdf (accessed: 23. February, 2022).

Brzezinski Z. (1997). The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, *Basic Books*. 223 p.

Martin F., Lawrence S. (2013). Understanding China’s Political System. *Congressional Research Service*, 41p.

Ron Paul (2017). Russia gate is not about Trump, and It Isn’t Even Ultimately about Russia. *The Institute for Peace and Prosperity*.

DOI: 10.48647/IFES.2022.78.33.030

А.В. Ломанов

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КИТАЯ В ПРЕДДВЕРИИ XX СЪЕЗДА КПК

Аннотация. В статье на примере «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» рассмотрен идеологический и политический фон подготовки к проведению XX съезда КПК. Перед важным политическим мероприятием появился запрос на демонстрацию достижений китайского руководства ради создания позитивных настроений в китайском обществе. Интенсификация зарубежной критики в адрес политики Си Цзиньпина порождает попытки представить китайского лидера единственным виновником ухудшения связей КНР с внешним миром. Параллельно набирает обороты китайская пропаганда дипломатических успехов китайского лидера вместе с популяризацией «внешнеполитических идей Си Цзиньпина». Официальная точка зрения подчеркивает целостный и комплексный характер идейной системы Си Цзиньпина. Вместе с тем проблема многослойности современной китайской идеологии заслуживает более пристального внимания. Китайская трактовка «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» исходит из того, что развитие марксизма и продолжение национальной традиции не противоречат друг другу. Предполагается, что благодаря опоре на марксизм «внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» ответили на вопросы о том, строительство какого мира и каких международных отношений должен продвигать Китай, какой должна быть китайская дипломатия в новой ситуации. Исследователи указывают, что «внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» и концепция сообщества судьбы человечества являются «важными результатами китаизации марксизма». В такой интерпретации марксистские идеалы КПК предстают близкими к чаяниям китайской

традиции и потому вполне приемлемы для восприятия во внешнем мире. «Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» тесно вплетены в китайские планы координации внутренней и внешней политики, укрепления систематического планирования внешнеполитической работы, совмещения усилий по обеспечению развития и защите национальной безопасности.

Активная пропаганда в преддверии XX съезда КПК «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» указывает на большую вероятность их существенного присутствия в материалах партийного форума. На фоне сохраняющихся трудностей в экономике ключевым тезисом съезда может стать акцент на успешности внешней политики, способности КПК защитить интересы страны и гарантировать ее безопасность. Развитие конструктивного сотрудничества России с Китаем требует серьезного внимания к идеологическим трактовкам внешней политики Пекина.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внешняя политика, марксизм, традиционная культура, политическая учеба.

Автор: Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. ORCID 0000-0003-2676-4271. E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. V. Lomanov

China's Ideology of Foreign Policy on the Eve of the 20th CPC Congress

Abstract. The article, using the example of Xi Jinping Thought on Diplomacy, analyzes ideological and political background of preparations for the 20th CPC National Congress. Before an important political event, there has been a demand to demonstrate achievements of the CPC leadership in order to arise positive sentiments in Chinese society. Intensified foreign criticism of Xi Jinping's policies has spawned attempts to portray the Chinese leader as the sole culprit for China's deteriorating ties with the outside world. At the same time, Chinese propaganda stresses diplomatic successes of the leader along with the popularization of Xi Jinping Thought on Diplomacy. The official point of view emphasizes the holistic and comprehensive nature of Xi Jinping's ideological system. Nevertheless, the problem of the multi-layered nature of contemporary Chinese ideology deserves closer attention. The Chinese interpretation of Xi Jinping Thought on Diplomacy assumes that the development of Marxism and the continu-

ation of the national tradition do not contradict each other. It is assumed that thanks to the reliance on Marxism, Xi Jinping Thought on Diplomacy has answered questions about what kind of global structure and international relations China should promote, what should be Chinese diplomacy in the new situation. The researchers point out that Xi Jinping Thought on Diplomacy and the concept of the community of the common destiny of mankind both are “important results of the Sinicization of Marxism”. In this interpretation, the Marxist ideals of the CPC appear close to the aspirations of the Chinese tradition and therefore are quite acceptable for the outside world. Xi Jinping Thought on Diplomacy is woven into China’s plans to coordinate domestic and foreign policy, strengthen the systematic planning of foreign policy work, and combine efforts to ensure development and protect national security.

Active propaganda of Xi Jinping Thought on Diplomacy on the eve of the 20th Congress of the CPC indicates a high probability of its increased presence in the materials of the Party forum. Against the backdrop of continuing difficulties in the economy, the key message of the Congress may be an emphasis on the success of the CPC’s foreign policy and its ability to protect national interests and guarantee China’s security. Further development of constructive cooperation between Russia and China requires serious attention to ideological interpretations of Beijing’s foreign policy.

Keywords: China, Xi Jinping, foreign policy, Marxism, traditional culture, political education.

Author: Alexander V. LOMANOV, Dr. Sc. (History), Professor of the RAS, Head of the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

ORCID 0000-0003-2676-4271. E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Запланированное на вторую половину 2022 г. проведение XX съезда КПК повысило требования к эффективности работы китайского руководства. Перед важным политическим мероприятием следовало обеспечить устойчивый экономический рост и гарантировать стабильность ради создания позитивных настроений в китайском обществе.

Сходный запрос на демонстрацию успехов возникает в китайской политике раз в пять лет перед партийными съездами. Вероятное продление по итогам XX съезда полномочий Си Цзиньпина на посту генерального секретаря ЦК КПК на третий срок означает изменение неформального механизма передачи властных полномочий, ограни-

чивавшего пребывание лидера у власти одним десятилетием, состоящим из двух последовательных пятилетних сроков пребывания во главе партии и государства. Властям нужно убедить общество в обоснованности такой перемены, продемонстрировав незаурядность достижений нынешнего руководства.

Китай продвигался к XX съезду КПК на фоне крупномасштабных внутренних и внешних вызовов, более серьезных, чем пять или десять лет назад — перед XIX съездом в 2017 г. или XVIII съездом в 2012 г., на котором пришел к власти Си Цзиньпин. Весной 2022 г. многие крупные города Китая ввели антиковидные локдауны для предотвращения крупномасштабного распространения эпидемии. На возвращение коронавируса власти ответили жесткими мерами, которые уже были использованы для подавления эпидемии в начале 2020 г. Из-за введенных ограничений вновь возникли проблемы остановки производства и снижения объемов розничной торговли. Торможение экономики дало повод для сомнений в достижимости в 2022 г. объявленного в докладе правительства показателя прироста ВВП на 5,5 %.

Западная критика китайской политики

За рубежом по мере приближения съезда КПК критика политики Си Цзиньпина становится все более интенсивной. Западные эксперты высказывали предположения, что в 2022 г. впервые за три десятилетия темпы роста экономики КНР уступят показателю роста США. Если этот прогноз оправдается, замедление из экономической проблемы превратится в политическую ввиду возникновения повода для сомнений в превосходстве китайской модели развития над либеральной моделью капитализма западного образца.

Китайское руководство не смягчило противоэпидемические меры в ответ на недовольство иностранцев «неправильной» борьбой с коронавирусом. Ослабление противоэпидемического контроля ради улучшения условий экономической деятельности могло привести к широкому распространению заболевания и большому количеству жертв. Китайская политика противостояния эпидемии осталась неизменной с 2020 г., когда Си Цзиньпин обещал ставить на первое место сохранение жизней людей. Отказ от этой политики мог ослабить легитимность правления КПК в глазах китайского общества. Для населения бесконтрольное распространение коронавируса стало бы крайне болезненным шоком. Занявший видное место в китайской пропаганде

акцент на неспособности и нежелании правительств развитых стран во главе с США спасти жизни сотен тысяч своих граждан в условиях пандемии усугубил бы удар по авторитету КПК в случае аналогичного развития событий в самом Китае. Поскольку в 2020 г. китайские власти накопили успешный опыт быстрого экономического восстановления после подавления вспышки эпидемии, в 2022 г. это позволило руководству КНР действовать более уверенно, рассчитывая на уже освоенные инструменты, продемонстрировавшие свою эффективность.

Помимо коронавирусных ограничений, вторым «ударом» по китайской экономике, по мнению британского журнала *The Economist*, стала «новая концепция развития» Си Цзиньпина. Признавая, что эта политика преследует рациональные цели борьбы с неравенством, монополизмом и накоплением долгов, а также обеспечения лидерства Китая в новых технологиях и усиления защиты от западных санкций, критики указывали на чрезмерное давление властей на предпринимательство в сфере новых технологий и сектор недвижимости, излишнюю поддержку государственной экономики, отсутствие либерализации и сосредоточение полномочий в руках КПК. Все эти проблемы являются внутренним делом Китая. Однако западные комментаторы оправдывали свое недовольство тем, что возникновение трудностей в огромной китайской экономике может привести к глобальной рецессии и деградации экономического взаимодействия Китая с внешним миром. «В дипломатии менее амбициозный и независимый частный сектор означает, что присутствие Китая за границей будет еще более управляемым государством и политически ориентированным. Оно может стать более злокачественным и также менее эффективным...»¹.

Мишенью для нападок становится внешняя политика Китая. Джуд Бланшетт (Центр стратегических и международных исследований, США) утверждает, что отказ Си Цзиньпина выступить на стороне Запада с осуждением действий России на Украине мог стать его «самой крупной внешнеполитической ошибкой за почти десять лет пребывания у власти». С точки зрения американца, китайская поддержка в отношении России активизирует попытки Тайваня укрепить свой военный потенциал, ведет к сплочению прозападных блоков

¹ How Xi Jinping is damaging China's economy. Inflexible policies are trumping pragmatism // *The Economist*. May 26th, 2022 (Updated: May 27th, 2022). URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/05/26/how-xi-jinping-is-damaging-chinas-economy> (accessed: 30 May, 2022).

НАТО, Quad и AUKUS. Бланшетт видит в политике Пекина лишь ошибочные действия, порождающие невыгодное для китайской стороны внешнее противодействие. По его мнению, ответные санкции Китая против чиновников ЕС в 2021 г. затормозили продвижение китайско-европейского инвестиционного соглашения, угрозы в адрес Тайваня способствовали наращиванию поддержки в адрес острова со стороны США, Австралии и Японии, якобы затеянные Китаем военные столкновения на границе с Индией спровоцировали встречную жесткую реакцию со стороны Дели. С этой точки зрения рост влияния Си Цзиньпина на внешнюю политику оказывает негативное воздействие на долгосрочные стратегические интересы Китая. «В результате, по проблемам от Тайваня до Украины, вся политическая система Китая ждет приказов от Си. Внешнюю политику в период после XX съезда партии, который продлится с 2022 по 2027 годы, будет двигать субъективный взгляд Си на международные события и все более изолированная экосистема принятия решений, которая окружает его» [Blanchette].

Попытка представить китайского лидера единственным виновником ухудшения связей КНР с западными странами является очевидным упрощением. Вместе с тем следует обратить внимание на замечание Бланшетта о том, что внешняя политика КНР превращается в «политику Си Цзиньпина». На фоне широкой пропаганды внутри Китая «внешнеполитических идей Си Цзиньпина новой эпохи» данная констатация, взятая вне связи с необоснованными нападками на политику КНР, могла бы выглядеть в китайском контексте нейтрально и даже позитивно. Также не лишено оснований замечание о снижении воздействия МИД КНР на формирование внешней политики страны на фоне возрастания роли правящей партии. В годы правления Си Цзиньпина был сделан четкий акцент на укреплении «единого централизованного руководства» внешнеполитической работой со стороны ЦК КПК.

«Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина»: марксизм и китайская традиция

Развитие конструктивного сотрудничества с Китаем требует серьезного внимания к идеологическим трактовкам внешней политики Пекина. В 2018 г. внутри Китая стартовала активная пропаганда «внешнеполитических идей Си Цзиньпина новой эпохи». Набор этих

«идей» имеет систематизированный облик и устойчивое содержание, соответствующие идеологические ориентиры отражены в системе политической учебы. Тезис о наступлении с приходом к власти Си Цзиньпина «новой эпохи» развития Китая появился в 2017 г. на XIX съезде КПК как признание того, что изменения коснулись многих сфер жизни партии, государства и общества. Если прежде лейтмотивом внешней политики был восходящий к Дэн Сяопину призыв к скромности и умеренности («скрывать блеск и вскармливать сумрак», *таогуан янхуэй*), то в 2013 г. Си Цзиньпин призвал наращивать активность (*ю со цзо вэй*). Сформировался новый набор внешнеполитических лозунгов, ключевое место среди которых занимает строительство «сообщества судьбы человечества»¹.

Бывший премьер-министр Австралии Кевин Радд, проявляющий большой интерес к изучению китайских проблем, в 2022 г. подчеркнул сложность понимания направленности политики Си Цзиньпина: во внутренней политике и экономике произошел сдвиг «влево», тогда как усиление национализма и более напористая внешняя политика указывают на смещение «вправо». Радд указал на неопределенность перспективы совмещения двух тенденций в рамках политики КПК, стремящейся обрести прочную легитимность глазах китайского народа².

С точки зрения нормативной трактовки «идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой» подобные опасения выглядят безосновательными. Официальная пропаганда подчеркивает целостный и комплексный характер идейной системы Си Цзиньпина.

Вместе с тем многослойность современной китайской идеологии заслуживает более пристального внимания. Представляют интерес взгляды влиятельных китайских исследователей, находящихся в русле

¹ По мнению автора, при переводе китайского сочетания «*жэньлэй миньюнь гунтунти*» («сообщество судьбы человечества») использование дополнительного определения «единый» является избыточным с лингвистической точки зрения и неточным по существу. Китай последовательно подчеркивает свое признание многообразия мира и путей его развития. Поэтому искусственно привносимый в перевод акцент на «единообразной» судьбе человечества противоречит базовым постулатам китайской внешнеполитической идеологии.

² Xi Jinping's Year of Instability: Mounting Challenges to China's Economy in 2022 and the Implications for Chinese Domestic Politics and Foreign Policy. May 10th, 2022 / The full text of ASPI President Kevin Rudd's prepared remarks delivered to the Asia Society, New York on May 9, 2022. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/xi-jinpings-year-instability-4> (accessed: 15 May, 2022).

основного провластного течения, но при этом имеющих возможность высказывать собственную позицию. Известный ученый-международник Янь Сюэтун (Университет Цинхуа) проанализировал противоречия китайской внешнеполитической идеологии в книге «Лидерство и возвышение великих держав», опубликованной в 2019 г. на английском языке в издательстве Принстонского университета. Он отметил, что общемировой упадок либеральной идеологии дает Китаю шанс укрепить влияние своих ценностей и сделать их основой нового международного порядка. Проблема в том, чтобы правильно определить направление поиска необходимых для этого идейных ресурсов.

По мнению Янь Сюэтун, на китайскую внешнюю политику оказывают влияние четыре идеологических течения — марксизм, экономический прагматизм, либерализм и традиционализм. Марксизм авторитетен внутри страны, поскольку является нормативной идеологией КПК, однако его воздействие на внешнюю политику невелико из-за невозможности совместить идею классовой борьбы со стремлением к миру и развитию. Ставший основой политики реформ и открытости Дэн Сяопина популярный в китайском обществе экономический прагматизм считает приоритетом наращивание собственного благосостояния, а не участие Китая в решении международных проблем. Влияние прозападного либерализма после 1980-х годов заметно сократилось и окончательно сошло на нет после провозглашения активного внешнеполитического курса Си Цзиньпина. На этом фоне наиболее перспективным ресурсом китайской внешнеполитической идеологии предстает традиционализм, опирающийся при обосновании современных приоритетов Китая на древнекитайскую идейную традицию [Yan Xuetong, p. 131—136].

Призыв к использованию традиционных идей для создания современной внешнеполитической идеологии укладывается в рамки основного течения. В Китае при поддержке властей происходит заметная «рекитаизация» политической лексики и ценностных воззрений, и это — отличительная черта правления Си Цзиньпина. В реальности все четыре вышеупомянутых течения способны влиять на идеологию внешней политики Китая. Официальная идеология КПК смыкается с экономическим прагматизмом и традиционализмом. Утративший быллой авторитет либерализм находит ограниченное применение для обоснования Китаем благотворности процессов глобализации и приверженности устранению международных барьеров на пути торговли и инвестиций.

Обращаясь к западной аудитории, Янь Сюэтун редуцировал нормативную идеологию к марксизму и учению о классовой борьбе. В реальности современная идеология КПК является многокомпонентной и потому сложной для внешнего восприятия. Ее ведущими составными частями остаются марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна, неотделимые от концепции классовой борьбы. Однако ныне в едином ряду с ними стоят еще несколько компонентов. Их добавили для того, чтобы отразить политические приоритеты эпохи реформ. Это нацеленная на уклонение от международной конфронтации и построенная на приоритете экономического развития «теория Дэн Сяопина». Это «важные идеи тройного представительства» Цзян Цзэминя, благодаря которым КПК провозгласила предпринимателей «строителями социализма с китайской спецификой» и тем самым безоговорочно интегрировала их в китайское общество, закрыв путь для возвращения к противостоянию классов. Это «научный взгляд на развитие» Ху Цзиньтао, призвавший к устранению накопившихся в период быстрого экономического развития противоречий: на этой базе возникли примирительные лозунги строительства «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами.

С 2017 г. составной частью официальной идеологии КПК стали «идеи Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой», призванные отразить обновленные цели и ценности Китая, перешедшего от накопления богатства к укреплению национальной мощи.

«Идеи Си Цзиньпина», включая их внешнеполитический компонент, не являются отрицанием классического марксизма, идей Мао Цзэдуна или теоретического наследия китайских лидеров эпохи реформ. Они претендуют на их унаследование и развитие без разрушения идейной преемственности. Во внутреннем китайском контексте это позволяет непротиворечивым образом сочетать «левое» стремление к обеспечению социальной справедливости под лозунгом «всеобщего богатства» с «правым» настроем на укрепление экономического и научно-технологического суверенитета, увеличение китайского влияния во внешнем мире, расширение опоры на традиционную мысль при формулировке национальных целей.

Популяризация «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» внутри Китая активизировалась после публикации в августе 2021 г. «Учебного очерка внешнеполитических идей Си Цзиньпина» («*Си Цзиньпин вайцзяо сысян сюэси ганьяо*»), подготовленного Отделом пропаганды ЦК КПК и МИД КНР в качестве «авторитетного пособия»

для широкого круга кадровых работников и масс. Две организации выпустили совместное уведомление с требованием к партийным организациям всех уровней включить эту книгу в свои учебные планы. В информации о публикации указано, что «внешнеполитические идеи Си Цзиньпина являются важной составной частью идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой, это важный теоретический результат соединения основополагающих принципов марксизма с практикой дипломатии большого государства с китайской спецификой (*Чжунго тэсэ даго вайцзяо*), это концентрированное воплощение идей об управлении государством ЦК КПК с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра в дипломатической сфере, это коренная приверженность и руководство к действию во внешнеполитической работе Китая в новую эпоху» [“Xi Jinping waijiao..”].

О важности книги свидетельствует проведение в начале сентября 2021 г. в Пекине Отделом пропаганды ЦК КПК и МИД КНР семинара по изучению «Учебного очерка внешнеполитических идей Си Цзиньпина». Выступивший на мероприятии глава МИД Ван И выделил пять ключевых аспектов изучения внешнеполитических идей Си Цзиньпина:

«Прежде всего, нужно глубоко осознать, что внешнеполитические идеи Си Цзиньпина проистекают из эпохи и одновременно являются направляющей и движущей эпоху великой идейной силой. Во-вторых, нужно глубоко осознать светлую истину, что внешнеполитические идеи Си Цзиньпина продвигают китаизацию марксизма, непрерывно осуществляют теоретическую инновацию. В-третьих, нужно глубоко осознать твердую уверенность в себе (*цзяньдин цысинь*) внешнеполитических идей Си Цзиньпина при унаследовании и развитии лучших традиций китайской культуры. В-четвертых, нужно глубоко осознать высочайшие чувства внешнеполитических идей Си Цзиньпина, думающих обо всем мире и заботящихся о деле прогресса человечества. В-пятых, нужно глубоко осознать важный смысл того, что внешнеполитические идеи Си Цзиньпина огромными шагами направляют движение вперед практики дипломатии большого государства с китайской спецификой, непрестанно добиваются исторических успехов»¹.

Нормативная характеристика «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» и пояснения Ван И показывают, что в рамках современной китайской идеологии развитие марксизма и продолжение национальной традиции не противоречат друг другу. Упоминание о «твер-

дой уверенности в себе» отсылает к официальному лозунгу «четырёх уверенностей» (*сы гэ цзысинь*). Сформулированный при Ху Цзиньтао лозунг «трех уверенностей» в пути, теории и строе китайского социализма, в 2016 г. Си Цзиньпин дополнил четвертым требованием «уверенности в собственной культуре». Лозунг «четырёх уверенностей» подчеркивает невозможность хранить приверженность нормативной теории, пути социализма и институциональной системе в отрыве от унаследования традиционной культуры.

В статье для теоретического журнала ЦК КПК «Цюши» глава МИД КНР Ван И пояснил, что благодаря опоре на марксизм «внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» ответили на вопросы о том, строительство какого мира и каких международных отношений должен продвигать Китай, какой должна быть китайская дипломатия в новой ситуации. На основе марксистского учения о производительных силах и производственных отношениях, о базисе и надстройке, удалось проанализировать проблемы экономической глобализации и развития мировой экономики, сформулировать китайский взгляд на глобальное управление, охрану окружающей среды, вопросы развития. Теоретическая и практическая инновация помогла «углубить понимание закономерностей международных отношений и китайской дипломатии, обогатить и развить марксистскую теорию международных отношений, раскрыть новую систему и новые горизонты дипломатической теории нового Китая». При этом использование ресурсов традиционной китайской культуры позволило Си Цзиньпину выдвинуть новые подходы к безопасности, цивилизации, экологии, правам человека, пониманию соотношения справедливости и выгоды, явным образом отличающиеся от устаревшего мышления «игры с нулевой суммой» и силовой политики, отбросить и превзойти традиционную теорию международных отношений, придать новый облик и содержание китайской теории дипломатии [Wang Yi, p. 40—41].

На публикацию «Учебного очерка внешнеполитических идей Си Цзиньпина» откликнулся вице-президент Китайской академии общественных наук, научный сотрудник Центра изучения идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой КАОН Ван Лингуй. Он сосредоточил внимание на концепции «сообщества судь-

¹ Wang Yi chuxi “Xi Jinping waijiao sixiang xuexi gangyao” chuban zuotanhui bing jianghua [Wang Yi presided and delivered speech at the seminar on publication of the “Outline for studies in Xi Jinping Thought on Diplomacy”]. *Xinhuashe [Xinhua News Agency]*, 2021, September 6. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2021-09/06/content_5635772.htm (accessed: 10 April, 2022). (In Chinese).

бы человечества», отметив, что она коренится в лучших традициях китайской культуры. По мнению ученого, после прихода к власти Си Цзиньпин непрерывно искал современное выражение для китайской традиции, в том числе через использование, трансформацию и развитие древних идеалов и ценностей «гармонии без монолитного единства» (*хэ эр бу тун*), «совместного действия в полном согласии» (*хэ чжун гун цзи*), «Поднебесная принадлежит всем» (*Тянься вэй гун*), «Небо и человек едины» (*Тянь жэнь хэ и*). Без накопленного за длительное время богатства культуры было бы «совсем невозможно построить величественную идейную систему» «сообщества судьбы человечества».

Набор пропагандистских аргументов, обосновывающих соответствие традиционной китайской культуры современным ориентирам внешней политики КНР, обрел устойчивый характер в прошлом десятилетии. Речь идет о стремлении к гармонии в отношениях между всеми странами, о способности Китая радеть о выгодах для всего мира, об исконном дружелюбии китайской нации. Вице-президент КАОН отметил, что идеи миролюбия и Великого единения глубоко укоренены в китайской духовности, «продвижение осуществления идеи сообщества судьбы человечества и сердцевинные идеи лучших традиций китайской культуры неразрывно связаны».

На этом фоне выдвинутая Си Цзиньпином инициатива «Пояс и путь» предстает как практическое воплощение «сообщества судьбы человечества». Успешная практика «Пояса и пути» воплотит мировоззрение (букв. — «взгляд на Поднебесную», *Тяньсягуань*) китайской нации и ее идею мира Великой гармонии в грандиозной практике строительства «сообщества судьбы человечества». В перспективе развитие Китая будет соединяться с развитием стран «Пояса и пути» и других государств мира, «китайская мечта» о великом национальном возрождении будет сочетаться с мечтами жителей других стран. Эти рассуждения Ван Лингуя напоминают, что китайская трактовка «Пояса и пути» выходит за рамки экономических проблем и затрагивает сферу идеалов и ценностей.

Ученый указал, что КПК нацеливает на поиск общих интересов Китая и других стран, стремится сделать плоды развития доступными для всех, объединяет помыслы о счастье китайской нации с заботой о прогрессе всего человечества. Будучи самой крупной в мире марксистской политической партией, КПК неизменно стремится к равенству и справедливости в человеческом обществе, добивается того, чтобы все люди жили в мире и согласии, в достатке и благополучии, в атмосфере гармонии между культурами и хорошей экологической

обстановке. На этом фоне концепция «сообщества судьбы человечества» предстает как ответ КПК на вопросы о том, «что мы можем делать сегодня» и «станем ли мы лучше завтра», это результат поиска самого широкого общего знаменателя ценностей человечества, путь для решения современных мировых проблем и осуществления стремления людей к лучшей жизни [Wang Linggui].

Ведущие китайские исследователи указывают, что «теория дипломатии большого государства с китайской спецификой» должна объяснять внешнеполитическую практику и вместе с тем направлять ее. Теорией, направляющей практику, выступают «внешнеполитические идеи Си Цзиньпина». Теорией, объясняющей практику с помощью научных принципов, является «теория сообщества» (*гунтунти лилунь*). Избегая противопоставлений, они утверждают, что «внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» и теория «сообщества судьбы человечества» в равной степени являются «важными результатами китаизации марксизма», инновационным образом осуществившими переход от сообщества классовых интересов к сообществу судьбы человечества, «это марксизм XXI века». С этой точки зрения «внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» демонстрируют преемственность и инновационность как по отношению к теории марксизма, так и по отношению к лучшим традициям китайской культуры [Zhao Kejin, Zhao Danyang, p. 26]. В такой интерпретации марксистские идеалы КПК предстают близкими к чаяниям китайской традиции и потому вполне приемлемы для восприятия во внешнем мире.

Идеологическая опора внешней политики Китая

Сфера применения «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» выходит далеко за рамки теории международных отношений и проблем интерпретации традиционной культуры. В мае 2022 г. член Политбюро ЦК КПК, начальник Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ян Цзечи связал овладение «внешнеполитическими идеями Си Цзиньпина» с созданием нового облика китайской дипломатии.

Примечательно, что публикация Ян Цзечи открывается с ответа иностранным критикам, подчеркивавшим переживаемые Китаем в предсъездовский период трудности. Это дает основания предположить, что западные выпады не остаются незамеченными и китайское руководство пытается парировать внешнее давление усилением внут-

ренной идеологической работы. Ян Цзечи указал, что с начала 2022 г. китайское руководство успешно реагирует на внешние и внутренние вызовы, включая экономическую сферу. По его мнению, успехи стали возможны благодаря «мудрому принятию решений» (*инмин цзю-цзэ*) генерального секретаря Си Цзиньпина и ЦК КПК, правильному руководству со стороны идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой, единению и усилиям партии, армии и всего народа. «Исходя из стратегической цели сдерживания Китая, некоторые страны предпочли закрыть глаза на великие достижения и выдающийся вклад Китая в дело международного мира и развития. Вместо этого, исходя из менталитета холодной войны и идеологических предубеждений, они сделали все возможное, чтобы распространять ложную информацию, выступать с нападками на Китай и очернять его. Они всячески стремятся проводить различные встречи, чтобы ободрить себя и продвигать собственные корыстные интересы; через создание группировок и «маленьких кружков» они инспирируют противостояние лагерей, пытаются подрвать безопасность и стабильность на периферии Китая, нанести ущерб коренным интересам Китая. Их замыслы никогда не увенчаются успехом. Факты доказывают, что мы твердо усвоили общую тенденцию мирового развития и верное направление истории; у нас есть сильное руководство КПК, очевидные преимущества социалистического строя с китайской спецификой, прочные основы для устойчивого и быстрого развития и накопления, долговременная стабильность социальной среды и духовная сила уверенности в себе и укрепления себя» [Yang Jiechi].

Выражение непоколебимой уверенности в обреченности любых попыток нанести ущерб Китаю и затормозить его развитие нацелено на консолидацию общества вокруг КПК в преддверии съезда. Ян Цзечи подчеркнул, что XX съезд — это «главная нить», которая будет пронизывать работу по всем направлениям в течение 2022 г.. «Во внешней работе нужно еще более всесторонне, систематически и глубоко изучать и претворять в жизнь идеи Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой и внешнеполитические идеи Си Цзиньпина, держать перед глазами стратегическую ситуацию великого возрождения китайской нации и крупных изменений в мире, каких не было столетие, высоко поднять знамя построения сообщества судьбы человечества, с высоким чувством политической ответственности и исторической миссии твердо и хорошо проводить внешнюю работу по всем направлениям, практическими делами встречать успешное проведение XX съезда партии, внести необходимый вклад во

всестороннее строительство современного социалистического государства».

«Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» тесно вплетены в планы деятельности Китая на международной сцене. Среди приоритетов в год съезда Ян Цзечи указал на «координацию двух больших ситуаций (*да цзюй*) — внутри страны и на международной сцене, усиление целостного систематического планирования внешней работы», подразумевающие решительное исполнение указаний Си Цзиньпина и ЦК КПК, приверженность стратегическому значению «дипломатии первого лица».

Вторым направлением является «координация развития и безопасности, чтобы еще лучше служить развитию страны и национальному возрождению». Намечено отстаивать институциональную и идеологическую безопасность Китая, гарантировать политическую и социальную стабильность.

Третье направление — «продвижение и совершенствование положения во внешней работе, укрепление глобальной сети партнерских связей», включая углубление координации и сотрудничества с крупными странами. Следует отметить, что среди идеологических формулировок присутствует важное для нашей страны подтверждение внешнеполитического приоритета развития связей Китая с Россией по сравнению с китайско-американскими отношениями. «Будем придерживаться продвижения отношений китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства новой эпохи. Будем добиваться от американской стороны, чтобы она двигалась навстречу китайской стороне, придерживаясь взаимного уважения, мирного сосуществования, взаимовыгодного сотрудничества, надлежащего контроля над разногласиями. Будем решительно отвечать на любые планы, речи и действия американской стороны, направленные на сдерживание и подавление Китая». После этого среди приоритетов китайской внешней политики были перечислены развитие связей с ЕС, реализация соглашения по ВРЭП, взаимодействие со странами АСЕАН.

На четвертое место Ян Цзечи поставил активное участие и руководство со стороны Китая в реформе и строительстве системы глобального управления, отстаивание и осуществление подлинной многосторонности. Пекин сохранит поддержку экономической глобализации и построения мировой экономики открытого типа, международной координации макроэкономической политики, либерализации и упрощения торговли и инвестиций. Была обещана активная

поддержка ШОС и стран БРИКС в практическом сотрудничестве и институциональном строительстве, многосторонних механизмов G-20 и АТЭС.

Завершающим тезисом стало заявление о приверженности единому централизованному руководству со стороны ЦК КПК, дальнейшему укреплению рамок осуществляемого ЦК КПК контроля, координации всех аспектов внешней работы. «В идеях, политике и действиях будем обеспечивать высокую степень единства с ЦК КПК и товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра, обеспечивать полное соблюдение приказов и директив, шагать в ногу, воплощать единое централизованное руководство ЦК КПК во всех аспектах полного процесса внешней работы». Наряду с развитием международных гуманитарных обменов и проекцией за рубеж позитивного образа Китая, поставлена задача обеспечить постоянное долгосрочное изучение истории КПК, унаследование успешного опыта деятельности партии. Усилия в области наращивания «мягкой силы» за пределами Китая сопряжены с повышением требований к идейной и партийно-исторической подготовке китайских координаторов международных связей. Статья Ян Цзечи завершилась призывом еще теснее сплотиться вокруг ЦК КПК с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра, чтобы преодолеть все трудности и осуществить долгосрочные цели [Yang Jiechi].

* * *

В политической традиции КПК важное место занимает способность лидера внести свой вклад в разработку теории. Возвышение «идей Си Цзиньпина» демонстрирует успехи партийно-государственного лидера в данной сфере и способствует укреплению его авторитета. Активная пропаганда в преддверии XX съезда КПК «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» указывает на большую вероятность их существенного присутствия и дальнейшего повышения статуса осенью 2022 г. в материалах партийного форума. На фоне сохраняющихся трудностей в экономике ключевым на съезде может стать акцент на успешности внешней политики, способности КПК защитить интересы страны и гарантировать ее безопасность.

Расширение присутствия идеологии КПК в сфере внешней политики заслуживает пристального внимания и изучения. Западные эксперты, констатируя рост влияния Си Цзиньпина на внешнюю политику КНР, в большинстве случаев ограничиваются выражением поверхностных опасений по поводу риска субъективных оценок и

ошибок китайского лидера. Некритическое восприятие и заимствование этих доводов способно стать препятствием для прогнозирования российско-китайских отношений. Углубленная работа в этой сфере требует всестороннего анализа китайских трактовок «внешнеполитических идей Си Цзиньпина», систематического рассмотрения ключевых лозунгов и политических установок, влияющих на формирование отношений Китая с внешним миром.

Библиографический список [references]

Blanchette, Jude (2022). Xi Jinping's Faltering Foreign Policy: The War in Ukraine and the Perils of Strongman Rule, *Foreign Affairs*, March 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2022-03-16/xi-jinpings-faltering-foreign-policy> (accessed: 12 April, 2022).

Wang Lingui (2021). Tuidong goujian renlei mingyun gongtongti de xingdong zhinan [Action Guideline for Promoting the Building of Community with a Shared Future for Mankind], *Guangming ribao [Guangming Daily]*. October 29, p. 11 (In Chinese).

Wang Yi (2021). Shenru xuexi guanche Xi Jinping waijiao sixiang, fenjin xin shidai Zhongguo waijiao zhuangkuo zhengcheng [Thoroughly Study and Implement Xi Jinping's Thought on Diplomacy, Forge Ahead with the Grand Journey of China's Diplomacy in the New Era]. *Qiushi [Qiushi Journal]*, no. 22: 40–44 (In Chinese).

“Xi Jinping waijiao sixiang xuexi gangyao” chuban faxing [“Outline for Studies in Xi Jinping Diplomatic Thought” Published and Distributed], *Renmin Ribao [People's Daily]*, 2021, August 17, p. 1 (In Chinese).

Yan Xuetong (2019). Leadership and the Rise of Great Powers, *Princeton and Oxford, Princeton University Press*, 260 p.

Yang Jiechi (2022). Shenru xuexi guanche Xi Jinping waijiao sixiang, jin yi bu kaituo dui wai gongzuo xin jumian [Thoroughly Study and Implement Xi Jinping Thought on Diplomacy, Further open up a New Situation in Foreign Affairs], *Renmin Ribao [People's Daily]*, May 16, p. 6 (In Chinese).

Zhao Kejin, Zhao Danyang (2022). Zhongguo tese daguo waijiao de lilun jichu [The Theoretical Basis of Major Country Diplomacy with Chinese Characteristics]. *Shijie jingji yu zhengzhi [World Economics and Politics]*, no 1: 5–26. (In Chinese).

DOI: 10.48647/IFES.2022.51.55.029

К.В. Бабаев

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПАНИИ КИТАЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО УДАРА В КОНТЕКСТЕ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и перспектив китайско-американских отношений в сфере технологического обмена на фоне углубления разногласий двух стран, а также в свете антироссийских санкций и «украинского кризиса». Данная тематика обретает особую актуальность ввиду превращения санкционной политики в основной инструмент давления США на их геополитических оппонентов и растущей обеспокоенности Пекина перед риском ужесточения американских санкций против китайских высокотехнологичных компаний.

Автор полагает, что развитие событий на Украине не привело к видимому изменению внешнеполитического курса КНР, однако вопрос о степени вероятности и направлениях новой атаки Запада на Китай, подобной той, что сегодня испытывает на себе Россия, не может не беспокоить Пекин. Ощущение, что «Китай следующий», пронизывает настроения в китайском социуме.

В статье подчеркивается, что меры, предпринимаемые против самой передовой отрасли китайской экономики, особо значимой для обеспечения политической и экономической безопасности КНР — сферы ИТ, являются наиболее чувствительными для Китая. На примере компании *Huawei* показано, как при помощи санкций США подрывают глобальный рост и развитие китайских технологических

¹ В работе использованы материалы Экспертно-аналитического центра Восточной и Юго-Восточной Азии ИДВ РАН.

гигантов. Для начала США уже ограничили доступ китайских компаний к американскому рынку и технологиям. Автор также характеризует особенности и хронологию стадий «санкционной войны» против КНР, акцентируя мысль о том, что смена администрации в США не только не привела к отмене антикитайских санкций, но и демонстрирует серьезный потенциал для их ужесточения.

В статье констатируется, что практически универсальным предлогом для давления на ведущие технологические гиганты китайской экономики выступают политические мотивы (в т.ч. нарушение прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР), которые наверняка будут использованы Вашингтоном в дальнейшем.

В заключение автор отмечает, что начиная с 2018 г. США целенаправленно и прицельно делают мишенью своего санкционного давления на КНР компании ее технологического сектора, стремясь вытеснить китайских конкурентов с мирового ИТ-рынка. Он приходит к выводу, что в случае декларативного или фактического нарушения Пекином рестрикций, наложенных коллективным Западом на экономику России, именно по технологическим компаниям Китая будет нанесен новый вероятный санкционный удар Вашингтона.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, китайско-американские отношения, санкционная политика, технологические компании.

Автор: Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, профессор, и.о. директора Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kbabaev@ifes-ras.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

K. V. Babaev

China's technology companies as the target of the US strike in the context of anti-Russian sanctions¹

Abstract. The article is devoted to the analysis of the status and prospects of Chinese-American relations in the field of technological exchange against the background of deepening divergences between the two countries, and in the light of anti-Russian sanctions and the “Ukrainian crisis”. This topic is gaining particular relevance due to the transformation of sanctions’ policy into the principal tool of the US pressure on its geopolitical opponents, as well as Beijing’s growing concern about the risk of tightening US sanctions against Chinese high-tech companies.

The author believes that the development of events in Ukraine has not led to an apparent change in the foreign policy of the PRC, but the issue of

¹ Materials of the Expert-Analytical Center for East and Southeast Asia of the IFES RAS were used in the work.

the probability degree and directions of a new Western attack on China, similar to the one Russia is experiencing today, cannot but concern Beijing. The feeling that “China is next” permeates the mood in Chinese society.

The article emphasizes that the measures taken against the most advanced sector of the Chinese economy, especially significant for ensuring the political and economic security of the PRC — the IT sphere, are the most sensitive for China. Using the case of *Huawei*, the author shows how, through sanctions, the US undermines global growth and advance of Chinese high-tech giants. To begin with, the United States has already restricted Chinese companies' access to the American market and technologies. The article also characterizes features and chronology of the stages of the “sanctions war” against China, emphasizing the idea that the change of the US administration not only hasn't led to the lifting of anti-Chinese sanctions, but vividly demonstrates now a serious potential for their tightening.

The article states that political motives (including human rights' violation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC), which will certainly be used by Washington further on, are an almost universal pretext for exerting pressure on the leading technological giants of the Chinese economy.

Finally, the author notes that since 2018, the United States has purposefully targeted companies of Chinese technology sector with its sanctions pressure, seeking to oust Chinese competitors from the global IT market. He comes to the conclusion that in the event of Beijing's declarative or actual violation of the restrictions imposed by the collective West on the Russian economy, there will be China's technology companies to become the target of Washington's new highly probable sanctions attack.

Keywords: China, US, Russia, Chinese-US relations, sanctions policy, high-tech companies.

Author: Kirill V. BABAEV, Dr. Sc. (Philology), Professor, Acting Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kbabaev@ifes-ras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Кризис вокруг Украины, стремительно углублявшийся начиная с декабря 2021 г. и вылившийся в беспрецедентно жёсткое санкционное давление на Россию со стороны Запада, на первый взгляд не привёл к существенному изменению внешней политики КНР. Уже в конце прошлого года китайское руководство выработало ряд формулировок, которые в различных вариациях повторяются в официальных заявлениях представителей МИД, Министерства коммерции и других ведомств КНР вплоть до нынешнего дня (май 2022 г.). Как

всегда, китайское руководство демонстрирует невозмутимость, сдержанность оценок и, по крайней мере на словах, понимание российской позиции.

Между тем не только изучение китайского сегмента интернета и комментарии российских бизнесменов, работающих с китайскими контрагентами в различных областях бизнеса, но и информация западной прессы дают возможность сделать вывод, что как деловые круги, так и политическое руководство КНР весьма обеспокоены сложившейся ситуацией и прикладывает все силы для её углублённого анализа. Вопрос, который не может не беспокоить китайские власти, — это вопрос возможной зеркальной атаки Запада на Китай, подобной той, что сегодня испытывает на себе Россия. Что будет, если США, по-прежнему держащие в руках нити управления глобальным Интернетом, мировой финансовой и торговой системами, а также их союзники решат «разрушить», по выражению британского премьера Б. Джонсона, китайскую экономику? По каким секторам может быть нанесён удар?

Мы видим, что этот вопрос серьёзно волнует сегодня и власть, и общество в КНР. Ощущение, что «Китай следующий», пронизывает дискуссии рядовых пользователей и посты лидеров мнений. Популярная китайская телеведущая Лю Синь, иронизируя по поводу попыток США уговорить КНР соблюдать антироссийские санкции, формулирует американскую позицию так: «Вы не могли бы помочь нам победить вашего друга, чтобы потом нам легче было заняться вами?»¹. В мае 2022 г. британская газета *The Guardian* опубликовала информацию о проводимых в КНР по указанию руководства страны «стресс-тестах» по отработке возможных эффектов санкций США, введенных против различных секторов экономики Китая — от банковской сферы до внешней торговли².

Разумеется, это беспокойство имеет под собой основания. Поэтому видится целесообразным кратко проанализировать санкционную политику США и их союзников на китайском направлении, развивающуюся с 2018 г., и спрогнозировать, где могут быть нанесены следующие удары Запада по КНР и её экономике.

¹ @LiuXininBeijing. 19.03.2022. URL: <https://www.sotwe.com/LiuXininBeijing> (accessed: 25.03.2022).

² Beijing orders 'stress test' as fears of Russia-style sanctions mount // *The Guardian*. 04.05.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/04/beijing-orders-stress-test-as-fears-of-russia-style-sanctions-mobei> (accessed: 05.05.2022).

Санкционные акции в последние годы стали основным инструментом внешней политики США в отношении их геополитических оппонентов¹. Если речь шла о противниках сравнительно малого масштаба — таких, как Сирия, Иран или Северная Корея, то широкое применение санкций объясняется прежде всего высокими издержками на потенциальные или реальные военные операции даже в отношении неглавных оппонентов. Что же касается противников — признанных ядерных держав, то здесь о военных действиях США не может идти и речи и экономические санкции являются по сути единственным способом давления. И если их применение против России стартовало в 2008 г., то в китайско-американских отношениях они стали важным фактором лишь после прихода к власти в США 45-го президента Дональда Трампа в 2017 г. С тех пор, несмотря на смену республиканской администрации Трампа демократической командой Джо Байдена в 2021 г., они лишь наращивали обороты (См., например [Campbell, K. and Sullivan, J.]). В настоящий момент американские санкции действуют против 216 китайских компаний.

Первой стадией санкционной войны США против КНР стала торговая. Основные протекционистские барьеры США в отношении китайского импорта были установлены правительством Трампа в рамках «торговой войны» в 2018—2019 гг. с целью устранения дисбаланса торговли США с Китаем. Эти меры возымели некоторый эффект: так, отрицательное сальдо США в торговле с Китаем составило в 2020 г. 310,3 млрд долл., сократившись по сравнению с 2019 г. на 34 млрд долл.²

Дополнительными таможенными пошлинами в 2018—2020 гг. были обложены товары на сумму около 375 млрд долл. в год³, составлявшие примерно 65 % всего китайского экспорта в США в 2021 г.⁴ В списке облагаемых — более 1300 товарных позиций, они зафиксиро-

¹ *Бабаев К.* Конец санкционной дипломатии // *Международная жизнь*. 16.03.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konecz-sankczionnoj-diplomatii/> (дата обращения: 16.03.2022).

² The People's Republic of China. U.S.-China Trade Facts /The Office of the U.S. Trade Representative (USTR). URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (accessed: 20.03.2022).

³ The United States Innovation and Competition Act (USICA). Section 301 — China. North American Tariff and Trade Insights. URL: <https://www.chrobinson.com/en/resources/insights-and-advisories/trade-tariff-insights/section-301-china> (accessed: 20.03.2022).

⁴ Общий объём экспорта КНР в США в 2021 г. составил 576 млрд долл. // Агентство ПРАЙМ. URL: <https://1prime.ru/world/20220114/835773539.html> (дата обращения: 20.03.2022).

рованы в документах серии *China Section — 301*¹. Китай ответил на это пошлинами в размере 110 млрд долл. в год на американские товары.

С 12 ноября 2020 г. всем американским инвесторам (как институциональным, так и частным) было запрещено инвестировать в ценные бумаги компаний, определенных Министерством обороны США как «военные компании коммунистического Китая». По состоянию на апрель 2022 г. было идентифицировано 68 таких китайских компаний. Санкции коснулись предприятий следующих сфер: ядерная энергетика, аэрокосмические разработки, электроника, телекоммуникации, производство оборудования для видеонаблюдения.

Несмотря на то, что в 2020 г., на излёте правления Дональда Трампа, США и Китай подписали соглашение о прекращении «торговой войны», таможенные тарифы на широкий спектр товаров, ограничивающие поставку товаров в обе стороны, продолжают действовать и при демократической администрации (табл. 1). Администрация Дж. Байдена после прихода к власти сняла некоторые ограничения для стратегически необходимых Штатам товаров, но не намерена отменять все барьеры.

Однако очень быстро стало ясно, что торговые санкции подрывают не столько китайский экспорт, сколько саму глобальную торговую

Таблица 1. Хронология введения торговых барьеров США на импорт из Китая

№	Товары	Условия	Дата введения барьера	Последствия
1	Солнечные батареи	30%-ный тариф на импорт солнечных батарей на сумму 8,5 млрд долл. Вводился на 4 года с ежегодным снижением на 5 % — до 15 %. В феврале 2022 г. продлён администрацией Дж. Байдена	22.01.2018	Китай, как крупнейший мировой производитель солнечных батарей, подал иск в ВТО. Иск не был удовлетворён. Администрация Байдена, продлив действие тарифов, введенных администрацией Трампа на 4 года, сделала исключение для двусторонних солнечных панелей — ключевых для климатической повестки Байдена и использующихся в коммунальных проектах государственного значения. А самая высокая тарифная ставка будет применяться только к тем элементам, которые генерируют более 5 ГВт энергии в год (ранее — от 2,5 ГВт)

¹ The United States Innovation and Competition Act (USICA). Section 301 — China. Tariff Actions and Exclusion Process. URL: <https://ustr.gov/issue-areas/enforcement/section-301-investigations/tariff-actions> (accessed: 20.03.2022).

Окончание табл. 1

№	Товары	Условия	Дата введения барьера	Последствия
2	Стиральные машины	На первые 1,2 млн, ввезённых в 2018 г. — тариф 20 %, на последующие — 50 %. В течение трех лет постепенно снизился до соотношения 16—40 %	22.01.2018	Аналогичное ограничение было наложено и на южнокорейские стиральные машины. В феврале 2022 г. ВТО частично удовлетворила иск Южной Кореи, признав действия США неправомерными. В 2021 г. тарифы были продлены Трампом ещё на 2 года ¹
3	Сталь и алюминий	Импортная пошлина США на сталь — 25 %, на алюминий — 10 %	08.03.2018	Доля Китая в этом сегменте поставок в США в 2018 г. составляла лишь 6 % ² . В ответ Китай 2 апреля 2018 г. повысил тарифы на 15—25 % на импортируемые из США товары в размере 3 млрд долл. В 2021—2022 гг. тарифы были отменены для ряда стран, кроме Китая. Также любые иностранные сталелитейные компании, принадлежащие китайским юрлицам и находящиеся в Британии, должны пройти проверку на предмет китайского субсидирования ³
4	Промышленные и потребительские товары широкого спектра	Барьеры против большей части китайского экспорта: более 1300 товарных позиций. 25%-ным тарифом облагаются импортные товары из Китая на общую сумму около 250 млрд долл.; 7,5%-ным тарифом облагается группа товаров на сумму около 112 млрд долл.	С июня 2018 г. по январь 2020 г. в 4 этапа	На фоне пандемии и ввиду протестов бизнес-кругов вводились временные послабления для ряда товаров. В марте 2022 г. администрация Байдена сделала исключение для 352 товаров, которые не будут облагаться пошлинами (электродвигатели, микроскопы, вилочные погрузчики и проч.) ⁴

¹ Baschuk, B. (2022). WTO Largely Sides With South Korea Over Trump's Washer Tariffs. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-08/wto-largely-sides-with-south-korea-over-trump-s-washer-tariffs> (accessed: 20.04.2022).

² Bown, Chad P. and Kolb, Melina (2018—2022). Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide / Peterson Institute for International Economics. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/trump-trade-war-timeline.pdf> (accessed: 20.04.2022).

³ Ibidem.

⁴ Ngo, Madeleine (2022). The Biden administration will allow some Chinese imports to avoid Trump-era tariffs // The New York Times. 23.03.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/23/business/chinese-imports-tariffs.html> (accessed: 20.04.2022).

систему, которая со времён Бреттон-Вудских соглашений 1944 г. тщательно конструировалась и контролировалась Соединёнными Штатами (См. в частности [He, K. et al.]). Именно поэтому острие основных санкций против КНР со стороны США вскоре было направлено против самой передовой отрасли экономики Китая, стержневой в деле обеспечения его политической и хозяйственной безопасности — сферы ИТ, и это важно понимать, анализируя причины обеспокоенности США растущей технологической и военно-технической мощью крупнейшей азиатской экономики.

В рамках политики протекционизма, получившей популярность при администрации Трампа, США ограничили доступ китайских компаний к своим технологиям (технологии, разработанные в США, либо запатентованные как собственность лиц США), а также лишили их доступа к американскому рынку. Приход к власти Байдена, казавшегося поначалу едва ли не антагонистом Трампа, ничего не изменил: на данный момент под американскими санкциями по-прежнему находятся многочисленные компании китайского ВПК¹ (табл. 2). Пополнение списка продолжается².

Наиболее показателен в этой связи кейс санкционных атак США против компании *Huawei* и её подразделений, на котором следует остановиться подробнее.

В мае 2019 г. компания *Huawei* столкнулась с санкциями США, которые существенно ослабили её мобильный сегмент. Удар в буквальном смысле потряс потребительский рынок смартфонов. Два года спустя, к апрелю 2021 г., компания вышла из пятёрки крупнейших производителей смартфонов, потеряв существенную долю своего рынка³. Однако этим не исчерпываются последствия включения *Huawei* в чёрный список. Рассмотрим на примере *Huawei* как при по-

¹ Мэйго шаньу бу гунбу чжицай миндань, дуй Чжунго цун цзя чжэн гуаньшуй дао цзишу фэнсо?! [Опубликованный министерством торговли США санкционный список: от увеличения таможенных пошлин до технологической блокады Китая?!]. URL: <https://aiqicha.baidu.com/youqing?youqingId=e94b31621228afa72dbd676cfa65e14> (дата обращения: 20.03.2022). (На кит.яз.).

² Мэйго цзайду дая чжун ци! Чжицай ба цзя кэци цие, сяньчжи чжунго хо сяньцинь цзишу! [США снова оказывают давление на китайские компании! Санкции против 8 научно-технологических компаний ограничивают доступ Китая к передовым технологиям]. 16.12.2021. URL: <https://m.kameng98.com/marticleloan/19998> (дата обращения: 20.03.2022). (На кит.яз.).

³ Smartphone Recovery Continues with Shipments Up 25.5 % in the First Quarter of 2021, According to IDC // IDC. 28.04.2021. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS47646721> (accessed: 20.04.2022).

Таблица 2. Высокотехнологичные компании КНР сферы ВПК, находящиеся под санкциями

№	Юридическое лицо	Дочерние компании/Подведомственные учреждения
1	2-й НИИ Китайской корпорации аэрокосмической науки и промышленности	Завод 283, Завод 284, Завод 699, НИИ № 2, НИИ № 23, НИИ № 25, НИИ № 201, НИИ № 203, НИИ № 204, НИИ № 206, НИИ № 207, НИИ № 208, НИИ № 210
2	13-й НИИ Китайской электронной научно-технической корпорации	<i>Hebei Puxing Electronic Technology (Co., Ltd.), Maiteda Microelectronics, Hebei Bowei Integrated Circuit (Co., Ltd.), Hebei Beitai Electronic Technology (Co., Ltd.), Hebei Xinhua North Integrated Circuit (Co., Ltd.), Hebei Yingwotai Electronic Technology (Co., Ltd.), Hebei Zhongci Electronic Technology (Co., Ltd.), Hebei Xingye Hengtong International Trade (Co., Ltd.), Tonghui Electronic Technology (Co., Ltd.)</i>
3	14-й НИИ Китайской электронной научно-технической корпорации	Нанкинский институт радиотехнологий, <i>Nanjing Sansi Industrial (Co., Ltd.)</i>
4	38-й НИИ Китайской электронной научно-технической корпорации	<i>Wuhu Bowei Ruida Electronic Technology (Co., Ltd.), Bowei Terahertz Information Technology (Co., Ltd.), Anhui Sichuang Electronics (Co., Ltd.), Anhui Bowei Changan Electronics (Co., Ltd.), Hefei Huayao Electronic Industry (Co., Ltd.), Hefei Bowei Tamura Electric (Co., Ltd.), Anhui Bowei Guangcheng Information Technology (Co., Ltd.)</i>
5	55-й НИИ Китайской электронной научно-технической корпорации	<i>Nanjing Guobo Electronics (Co., Ltd.), Nanjing Guosheng Electronics (Co., Ltd.)</i>
6	Китайская корпорация по импорту и экспорту высокотехнологичной промышленности	
7	<i>China Huateng Industrial Co., Ltd.</i>	
8	<i>Hebei Far East Communication System Engineering Co., Ltd.</i>	
9	<i>Chengdu Gaston Technology Co., Ltd.</i>	<i>Chengdu Jasic Technology (Co., Ltd.), Haiwei Huaxin, Chengdu Haiwei Technology (Co., Ltd.), Chengdu Zenith</i>

мощи санкций США подрывают глобальный рост и развитие китайских технологических гигантов и к каким решениям в итоге придётся прибегать Китаю в целом и его крупным корпорациям в частности для выживания в условиях санкций.

После введения санкций новые телефоны *Huawei* (двух брендов — *Huawei* и *Honor*), пользовавшиеся большим спросом по всему миру, лишились сервисов *Google*, необходимых для установки и исправной работы приложений, наиболее востребованных пользователями. Компания столкнулась с проблемой на уровне своего прикладного ПО — *Google Mobile Services* (GMS), пакета сервисов, приложений и системных служб, в состав которых входит и магазин *Google Play*. Сервисы *Google* из-за своего влияния на другие приложения являются неотъемлемой частью удобного смартфона, оснащённого операционной системой *Android*. Заменить данные сервисы можно, но альтернатива не будет пользоваться таким спросом, как привычный всем пакет приложений. Следовательно, телефон без GMS неконкурентоспособен по сравнению с другими, располагающими данным пакетом приложений.

Huawei в ответ довольно быстро разработала собственную операционную систему *Harmony* (она же *Hongmeng*), которая является ответвлением привычной *Android*. Вместо пакета GMS новая программная платформа получила *Huawei Mobile Services* с магазином *AppGallery*. Так проблема прикладного ПО (отсутствие сервисов *Google*) затронула другое звено ИТ-инфраструктуры — системное ПО (необходимость создать свою систему). Другим решением стало отделение бренда *Honor* от материнской компании *Huawei*. Так телефоны *Honor* вновь приобрели сервисы *Google*. Манипуляции с брендом *Honor* не раз выручали *Huawei*: от увеличения объема продаж до снижения негативного влияния санкций.

Однако данное решение и ряд других лишь замедлили падение мобильного сегмента компании. На мировом рынке смартфонов по итогам 2020 г. компания спустилась на пятое место с долей 8,4 % при том, что её конкуренты *Xiaomi* и *OPPO* занимают 11,2 % и 8,8 % рынка соответственно¹. *Apple* и *Samsung* заняли первое и второе места с долями рынка 23,4 % и 19,1 % соответственно. А ведь ещё в середине 2020 г. *Huawei* с двумя своими брендами была лидером мирового рынка смартфонов с долей 20,2 %². Сегодня её нет даже в пятёрке лидеров.

¹ Smartphone Shipments Return to Positive Growth in the Fourth Quarter Driven by Record Performance by Apple, According to IDC // IDC. 27.01.2021. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS47410621> (accessed: 20.04.2022).

² Smartphone Market Share // IDC. 28.04.2021. URL: <https://www.idc.com/promo/smartphone-market-share/vendor> (accessed: 20.04.2022).

Пострадали и другие сегменты, имеющие для *Huawei* ключевое значение. Наиболее болезненным последствием введения санкций стало прекращение сотрудничества с ней компаний, соблюдающих санкции США (так называемые солидарные компании). Солидарными являются не только американские, но и европейские, японские, тайваньские компании, среди которых — поставщики важнейших технологий. Почти все крупнейшие некитайские ИТ-компании следуют американским санкциям. *Huawei* лишилась доступа к их технологиям.

Однако для понимания ситуации с *Huawei* проблему следует проанализировать и с точки зрения технологии наложения санкций. Например, ограничения могут быть наложены не на все филиалы подсанкционной корпорации, а на некоторые из них. Более того, даже с подсанкционным филиалом американская компания может сотрудничать, если получит соответствующую лицензию Министерства торговли США.

В худшем случае помимо того, что все подразделения компании могут попасть в санкционный список, к числу солидарных компаний могут присоединиться и другие важнейшие поставщики. Следовательно, подсанкционная компания может оказаться на одной из трёх представленных ниже условных стадий рестрикций. Данное разделение на стадии применимо лишь к корпорациям, имеющим несколько подконтрольных юридических лиц в разных странах. Если у компании несколько юридических лиц в одной стране, то правительство США вводит санкции против всех локальных субъектов.

Первая стадия — назовём её «частичная изоляция» — подразумевает, что под санкции подпадают один или несколько филиалов корпорации. С другими филиалами, не включёнными в список, американские ИТ-компании могут беспрепятственно продолжать сотрудничество. Лицензии нужны лишь для сотрудничества с частью филиалов.

Вторую стадию можно условно назвать «полная изоляция». На этом этапе все филиалы корпорации находятся под санкциями. Ни с одним из них солидарные компании не могут беспрепятственно сотрудничать. Лицензии нужны для сотрудничества с любым из филиалов.

Третья стадия — «забвение». Здесь многое зависит от намерений солидарных компаний. Если они не получают лицензии для сотрудничества с подсанкционным юрлицом, то последнее оказывается в наиболее невыгодном положении, так как лишается крупных

ИТ-партнеров. Кроме того, лицензии должны периодически продлеваться усилиями самих солидарных компаний. Данная стадия подразумевает потерю всеми филиалами возможности сотрудничать с важнейшими контрагентами.

В мае 2019 г. лишь несколько юридических лиц, подконтрольных корпорации *Huawei*, были внесены в санкционный список. Затем в течение двух лет вплоть до апреля 2021 г. список пополнялся: сегодня в нём около 110 позиций. Причем одна позиция может иметь несколько аффилированных юридических лиц. Например, строка «*Huawei Technologies Co., Ltd*» включает 22 юрлица, зарегистрированных на территории КНР. Среди других запрещенных позиций есть и компании, не имеющие в названии прямого указания на *Huawei*, но связанные с ней. В чёрном списке также находятся три российских аффилированных юрлица компании: *Huawei Cloud Russia*, *Huawei OpenLab Moscow* и представительство *Huawei Russia*¹.

Подсанкционная *HiSilicon* — это подразделение *Huawei*, разрабатывающее процессоры. Собственных фабрик оно не имеет. Это обстоятельство подводит нас к одному из главных препятствий на пути производства и распространения китайской высокотехнологичной продукции: невозможности производить сложнейшие ИТ-продукты локально.

Проблему бесфабричности *Huawei* решала силами американских и тайваньских производителей. Но после введения ограничений они один за другим отказались сотрудничать с *Huawei*: компании *Intel*, *Qualcomm*, *Broadcom*, *Xilinx*, *TSMC*, *MediaTek* и другие больше не снабжают её новыми процессорами. Последние версии архитектуры ARM также остаются для *Huawei* большим вопросом: без лицензии процессоры ARM производить не получится².

На основании вышеизложенного нетрудно заключить, что *Huawei* находится на последней стадии ограничений по следующим признакам:

- все её филиалы внесены в санкционный список США, следовательно, стадия «полной изоляции» пройдена;

¹ Export Administration Regulations, Supplement No. 4 to Part 744 // Bureau of Industry and Security. 08.04.2021. URL: <https://www.bis.doc.gov/index.php/policy-guidance/lists-of-parties-of-concern/entity-list> (accessed: 20.04.2022).

² Комиссаров Д. Ловушка глобализации: какие выводы следуют из санкций США против Huawei // РБК. 24.05.2019. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/24/05/2019/5ce6a8a09a79471c2317044a> (дата обращения: 29.03.2022).

- ведущие разработчики микропроцессоров и ПО прекратили поставки *Huawei* компонентов, критически важных для производства широкого спектра устройств компании, и не торопятся получать лицензии. Следовательно, стадия «забвение» достигнута.

Смартфоны, ноутбуки, сервера *Huawei* остались без новейших чипов, работающих на популярнейших микроархитектурах x86 и ARM. Те чипы, которые имеются в запасе у компании и поставляются бывшими партнёрами по старым контрактам, конечно, будут использоваться в устройствах *Huawei*. Однако новейшие микропроцессоры — это наиболее желаемый компонент, потому как устаревшее «железо» и ПО клиентам компании будет неинтересно.

Стадия «забвение» опасна тем, что компания, оставшаяся без компонентов, необходимых для инновационных продуктов, обречена на отставание от конкурентов и на долгие и дорогие поиски собственных уникальных решений взамен чужих, но привычных.

После громких атак на *Huawei*, американские власти с 2020 г. принялись расширять список подсанкционных китайских технологических компаний. Можно не сомневаться, что и их должна постигнуть та же участь «забвения».

16 декабря 2020 г. были наложены санкции на компании *DJI*, *Megvii Technology*, *Dawning Information Industry*, *Yuncong Technology*, *Meiya Pico*. *DJI* разрабатывает технологию беспилотных летательных аппаратов, *Megvii Technology*, *Yuncong Technology* и *Yitu Technology* развивают продукты искусственного интеллекта, например, программы для видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. *Dawning Information Industry* создает суперкомпьютеры, а *Meiya Pico* специализируется на сетевой безопасности. Под санкции также попали компании *Leon Technology* и *NetEase Technology*, занимающиеся облачными вычислениями.

Любопытно, что поводом для давления на крупнейшие технологические гиганты китайской экономики стало нарушение прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Этот практически универсальный предлог позволяет как США, так и их союзникам в Европе применять любые меры санкционного воздействия на Китай и, как представляется, будет и в дальнейшем использоваться в качестве такового.

27 января 2022 г. Федеральная комиссия по связи США издала указание об отзыве лицензии *China Unicom Americas* на предоставление телекоммуникационных услуг в США. Документ предписал *China*

Unicom Americas прекратить предоставление ею любых внутренних и международных услуг в течение 60 дней после издания директивы¹.

Предлогом для отзыва лицензии стало расследование Комиссией по связи деятельности компании *China Unicom*, показавшее, что данная мера — это «защита страны от потенциальных угроз безопасности»². 16 марта 2022 г. подразделение *China Telecom* в США постигла та же участь³. С 2019 г. данный санкционный пакет против *China Telecom* стал уже четвёртым по счету.

Таким образом, начиная с 2018 г., США целенаправленно делают фокусом своего санкционного давления на КНР компании технологического сектора и пытаются вытеснить китайских конкурентов из всех ниш мирового ИТ-рынка. Именно технологические компании ожидает следующий удар со стороны США в том случае, если в Вашингтоне будет принято решение усилить санкции в отношении Китая — например, в случае его декларативного или фактического нарушения санкций, наложенных на российскую экономику.

Библиографический список / References

Campbell, K. and Sullivan, J. (2019). Competition Without Catastrophe: How America Can Both Challenge and Coexist with China, *Foreign Affairs*, Vol. 98(5): 96—110.

He, K. et al. (2021). Rethinking Revisionism in World Politics, *The Chinese Journal of International Politics*, Vol. 14 (2): 159—186. URL: <https://academic.oup.com/cjip/article/14/2/159/6202978>. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poab004> (accessed: 22.01.2022).

¹ The Irish Times. 28.01.2022. URL: <https://www.irishtimes.com/business/fcc-revokes-china-unicom-s-authorization-to-operate-in-us-over-national-security-concerns-1.4787500> (accessed: 20.04.2022).

² ComNews. 31.01.2022. URL: <https://www.comnews.ru/content/218566/2022-01-31/2022-w05/fcc-izgnala-china-unicom-ssha> (accessed: 20.04.2022).

³ NikkeiAsia. 17.03.2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Technology/FCC-revokes-U.S.-authorization-of-China-telecom-Pacific-Networks> (accessed: 20.04.2022).

DOI: 10.48647/IFES.2022.86.63.028

В.А. Матвеев, С.В. Уянаев

УГЛЕВОДОРОДНАЯ ОТРАСЛЬ РФ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЕНСАЦИИ ЗА СЧЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА С КНР

Аннотация. Беспрецедентные антироссийские санкции, которые весной 2022 г. в связи с украинским кризисом инициировал коллективный Запад, во многом направлены против нефтегазового сектора России. Европейский союз, США и их союзники уже предпринимают шаги по резкому сокращению или даже полному прекращению импорта российских углеводородов. Запад откровенно нацелился на разрушение нефтегазового комплекса РФ. В этих условиях Россия, традиционно поставляющая на западные рынки значительную долю своего углеводородного сырья, сталкивается с перспективой серьезных экономических рисков.

На фоне звучащих в Европе призывов к полному отказу от российских энергоносителей, для РФ актуализируется задача реализации контрмер.

России в области энергетики и углеводородного экспорта предстоит решить несколько стратегических задач, связанных со складывающимися чрезвычайными обстоятельствами. Среди ключевых из них — ускоренная географическая диверсификация экспорта нефтегазового сырья.

В среднесрочной перспективе возрастает важность задач по переориентации поставок российских энергоносителей с западного на восточное и, отчасти, южное направление. Этому в целом благоприятствуют тенденции последних лет, когда наблюдается постоянный

рост потребностей в энергоресурсах со стороны быстроразвивающихся экономик — Китая, Индии, стран ЮВА. В частности, речь идет о дальнейшем наращивании углеводородного экспорта и заключении соответствующих новых соглашений с КНР, куда в последние годы направляются значительные объемы российских углеводородов.

Ключевой проблемой реализации этой задачи предстает недостаточность трубопроводной, морской и железнодорожной инфраструктуры. Попутно должна быть решена проблема импортозамещения оборудования для разведки сложных запасов нефти и газа и их добычи.

Условия, в которых предстоит решать перечисленные задачи, профильные эксперты (энергетики, транспортники) оценивают как весьма непростые. Введенные санкции усложняют вопросы инвестирования в нефтегазовую отрасль, а также импорта соответствующих технологий, что резко затрудняет реализацию проектов как транспортировки, так и добычи и производства сжиженного природного газа (СПГ), в частности. Отдельной темой выступает согласование предполагаемого роста поставок в страны — азиатские партнеры РФ.

В любом случае указанный круг задач, осмысление возможностей и лимитов их реализации являются насущной экспертной задачей.

Ключевые слова: Китай, энергоносители, санкции, углеводородный экспорт, арктический СПГ.

Авторы: Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН. E-mail:matveeva@mail.ru

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. E-mail:svuyav@ahoo.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

V.A. Matveev, S.V. Uyanaev

The hydrocarbon industry of the Russian Federation under sanctions: the possibility of compensation through cooperation with China

Abstract. The unprecedented anti-Russian sanctions initiated in spring 2022 by the collective West under the pretext of the Ukrainian crisis are largely directed against the oil and gas sector of Russia. The European Union, the US and their allies are already taking steps to drastically reduce or even completely stop imports of Russian hydrocarbons. In these conditions Russia, which traditionally supplies a significant share of its hydrocarbons to Western markets, faces the prospect of serious economic risks in these conditions.

Against the background of calls sounding in Europe for a complete rejection of Russian energy carriers, the task of implementing countermeasures is becoming more relevant for the RF.

In the field of energy and hydrocarbon exports, several strategic tasks have to be solved due to the emerging extraordinary circumstances. Among the key ones is the need for accelerated diversification of export directions of oil and gas raw materials.

In the medium term, the importance of the tasks of reorienting Russian energy supplies from the West to the East and partly to the South is increasing. This is generally favored by the trends of recent years, when there is a constant increase in energy demand from the rapidly developing economies — China, India, Southeast Asian countries. In particular, we are talking about further increasing hydrocarbon exports and concluding relevant new agreements with China, to where significant volumes of Russian hydrocarbons have been sent in recent years.

The key problem in the implementation of this task is the insufficiency of pipeline, marine and railway infrastructure. Along the way, the problem of import substitution of equipment for the exploration of complex oil and gas reserves and their production should be solved.

The conditions in which the listed tasks are to be solved are assessed by specialized experts in the fields of energy and transport as very difficult. The imposed sanctions complicate the issues of investment, import of relevant technologies, which dramatically complicates the implementation of projects for both transportation and production and production of LNG in particular. A separate topic is the coordination of the expected growth of supplies to Asian partners of the Russian Federation.

In any case, the indicated range of issues, comprehension of possibilities and limits of their implementation is an urgent expert task.

Keywords: China, energy resources, sanctions, hydrocarbon exports, Arctic LNG.

Authors: Vladimir A. MATVEEV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: matveeva@mail.ru

Sergey V. UYANAЕV, Ph.D. (History), Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: svuyav@yahoo.com

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interests.

Объявленная коллективным Западом санкционная война против РФ нацелена на наиболее чувствительный сегменты российской экономики, включая энергетику и особенно ее углеводородный сектор.

Удар по взаимозависимости

Выбор данного направления антироссийской атаки не случаен. За счет добычи нефти и газа в последние годы формируется до 20 % отечественного ВВП, еще выше (до 40 %) — удельный вес нефтегазовых доходов в поступлениях в федеральный бюджет. На долю углеводородов приходится, как правило, свыше половины товарного экспорта РФ¹.

География российских зарубежных поставок сложилась таким образом, что основные потоки оказались привязанными к Европе. На нее приходилось свыше 80 % всего экспорта российского трубопроводного природного газа (в 2020 г. — свыше 167 млрд куб. м из общего экспортного объема в 197 млрд куб. м) и около половины российского экспорта СПГ. В Европу была направлена и большая часть (53 %) российских нефтяных поставок (в 2020 г. — 138 млн т из 260 млн т). И лишь порядка 5 % экспорта нефти и 10 % газа идут из РФ в страны СНГ. Некоторые объемы нефти (около 4 млн т в 2020 г.) отправлялись в США. В восточном направлении на дальнее зарубежье (Китай, Япония, Южная Корея и другие страны АТР) пока приходится не более 12 % экспорта российского природного газа и порядка 40 % российских поставок сырой нефти².

Введенные против России санкции прежде всего коснулись трех крупнейших российских энергетических компаний — «Роснефти», «Транснефти» и «Газпрома», которым ограничили доступ к кредитованию и технологиям. Более того, уже объявленный в США полный запрет на российские углеводороды, планы ЕС поэтапно сократить зависимость от российского газа и через несколько лет или даже раньше уйти от нее полностью, аналогичные намерения Великобритании по нефти³, — все это, в добавление к уже замороженному проекту «Северный поток-2», чревато рисками нового порядка — резким снижением объемов углеводородного экспорта РФ на европейские рынки.

¹ Треть доходов бюджетной системы России оказалась связана с нефтью и газом // РБК.28.02.19. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/08/2019/5d555e4b9a7947aed7a185de> (дата обращения: 18.04.2022).

² BP Statistical Review of World Energy 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed: 23 March, 2022).

³ США и Великобритания объявили о запрете импорта российской нефти и газа. 08 марта 2022/Forbs. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/458305-ssa-i-velikobritania-ob-avilii-o-zaprete-importa-rossijskih-nefti-i-gaza> (дата обращения: 18.04.2022).

Пока же реализовать декларации об «ударе по энергетической зависимости» от России странам ЕС непросто. Действительно, по расчетам за 2020 г., около 29 % всей нефти и 56 % газа, ввозимых в страны ЕС, пришлось на поставки из России. Чуть меньшими, но тоже внушительными цифрами выражается доля российских поставок в структуре общего годового потребления нефти и газа в странах ЕС: в 2020 г. около 22 % и свыше 34 % соответственно¹.

Но в любом случае, для РФ, особенно на фоне звучащих в Европе призывов максимально быстро покончить с зависимостью от России и более того — полностью отказаться от российских энергоносителей — призывов, брошенных рядом стран (Польшей, странами Прибалтики, Болгарией и т. п.), актуализируется задача выработки контрмер, в том числе таких, которые были бы связаны с вероятным расширением энергетического взаимодействия с Китаем.

Однако, прежде чем перейти к анализу поставленных вопросов, скажем несколько слов о «текущем моменте» — о ситуации на мировых углеводородных рынках, характере санкций и уже начавшейся работе по их преодолению.

Мировые потоки

Ситуация на современном мировом рынке нефти с одной стороны и газа — с другой, весьма неоднородна.

На нефтяном рынке в целом нет проблем с заменой российской нефти сырьем других стран-производителей. Отторжение российского сырья тормозится лишь действующим долговременным соглашением стран ОПЕК+ по квотам добычи разных стран и особой позицией ведущих арабских стран-производителей нефти (Саудовской Аравией и ОАЭ) по совместной работе с Россией в формате ОПЕК+, направленной на «обеспечение стабильности мирового нефтяного рынка». Не спеша выбрасывать на рынок дополнительные нефтяные объемы, ОПЕК уже заявила Евросоюзу о невозможности возместить поставки российской нефти. Генеральный секретарь организации отметил, что к высокой волатильности рыночной обстановки, которая наблюдается в настоящее время, привели «нефундаментальные факторы». Кроме того, в ОПЕК полагают, что санкции в отношении Рос-

¹ BP Statistical Review of World Energy 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-revi-ew-2021-full-report.pdf> (accessed: 23 March, 2022).

сии могут спровоцировать один из самых серьезных сбоев поставок нефти в истории¹.

Основной удар Запад наносит России, как уже отмечалось, по вектору ведущих компаний, прежде всего по нефтяной компании «Роснефть».

Ситуацию в «Роснефти» усугубляет объявленное британской *BP* прекращение сотрудничества и намерение выйти из всех совместных проектов. Между тем *BP* является вторым по величине акционером «Роснефти» с долей в 19,75 %, текущая стоимость которой оценивается в 11,5 млрд долл. Владея этой долей с 2013 г., британцы заявили о ее продаже. Топ-менеджеры *BP* уже покинули совет директоров «Роснефти».

Все это в комплексе чревато для нефтяного комплекса РФ немалыми рисками.

В газовой сфере («обычный» природный газ и СПГ) ситуация иная. Особенно это касается сферы трубопроводного газа, где Россия, отличающаяся разветвленной сетью экспортных газопроводов в европейском направлении, выступает значимым мировым лидером.

В добавление к приведенным выше цифрам, заметим, что в 2021 г. Международное энергетическое агентство оценило зависимость Евросоюза от России как еще более высокую — 40 % от потребления. По оценке Банка России, в 2021 г. «Газпром» продал трубопроводного газа за рубеж на 54,2 млрд долл. Из них на страны, не причисленные к категории «недружественных» (в частности это Турция, Белоруссия, Китай), пришлось лишь одна пятая — примерно 11 млрд долл. Соответственно, остальной газ (80 % от общего объема в денежном выражении) был поставлен именно в «недружественные страны» на сумму в 43 млрд долл.²

Ввиду высокой зависимости от поставок из РФ, которую трудно преодолеть одномоментно, западный бизнес неоднозначно оценивает принимаемые Еврокомиссией очередные пакеты санкций против России. Так, многие руководители немецких химических компаний выступили против эмбарго на российский газ, считая, что оно никак не повлияет на спецоперацию на Украине. При этом указывалось, что

¹ Президент Колумбии заявил о готовности частично заместить энергоносители России. URL: https://life.ru/p/1486795?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 14.04.2022).

² Зачем Россия решила перевести расчеты за газ в рубли. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/03/2022/623b32609a794761bc20d5bb?> (дата обращения: 23.03.2022).

при прекращении поставок газа возникают риски краха целых производственных цепочек с фатальными экономическими и социальными последствиями, а также сокращения продаж и рабочих мест¹.

По-особому складывается ситуация в масштабно развивавшемся производстве СПГ в Арктической зоне России (ЯНАО). Здесь сосредоточены гигантские ресурсы природного газа, сжижение которого отличается наименьшей затратностью по сравнению со стоимостью сжижения газа, добытого в других месторождениях.

Связано это в том числе с тем, что российские власти уделяют особое внимание развитию арктической сырьевой базы. Право освоения ее природного газа предоставлено частной компании НОВАТЭК, которая получила от государства беспрецедентные налоговые льготы. Так, проект «Ямал СПГ» пользуется сниженной ставкой налога на прибыль и другими преференциями. Кроме того, для вывоза СПГ из России отсутствует экспортная пошлина. Аналогичные льготы будут и у нового проекта — «Арктик СПГ-2».

Проект «Ямал СПГ» был спроектирован и разработан франко-японским консорциумом *Technip, JGC* и *Chiyoda* с использованием технологии сжижения, предоставленной *Air Products*. В настоящее время (с декабря 2018 г.) введены в действие три технологические линии сжижения газа общей производственной мощностью 16,5 млн т СПГ в год. Начала работать, правда, с перебоями, четвертая линия на 0,9 млн т СПГ, использующая отечественную технологию «Арктический каскад».

В целом, по состоянию на 2021 г. (по данным ФТС), три работающих завода СПГ: «Сахалин-1» на Дальнем Востоке, «Ямал СПГ» в Арктике и «Криогаз Высоцк» на Балтике обеспечили экспорт 26,7 млн т (около 37 млрд куб. м) сжиженного газа. В 2022 г. к ним добавился комплекс «Портовой» на 1,5 млн т, который принадлежит «Газпрому» и находится в Балтийском море.

В фазе строительства находятся «Арктик СПГ-2» на 19,8 млн т и комплекс «Газпрома» в Усть-Луге на 13 млн т². Однако именно сейчас, в результате введения Еврокомиссией пятого пакета санкций, под запрет попали поставки технологий и оборудования для сжиже-

¹ Глава немецкой компании *Leuchtstoffwerk Breitung* заявил о бесполезности санкций против РФ. URL: <https://www.bfm.ru/news/497474> (дата обращения: 12.04.2022).

² Европа приказала российскому газу не сжижаться. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/04/13/evropa-prikazala-rossiyskomu-gazu-ne-szhizhatsya> (дата обращения: 13.04.2022).

ния газа. В результате эти два строящиеся проекта оказались под угрозой, как и общие планы российской «экспансии» на мировом рынке СПГ, согласно которым к 2035 г. Россия планировала минимум вчетверо увеличить экспорт и повысить свою долю в мировых поставках СПГ до 20 %.

По сообщениям экспертов, теперь НОВАТЭК сможет реально продолжить строительство только первой из трех линий «Арктик СПГ-2» мощностью 6,6 млн т, которая готова на 98 %, а работы по остальным линиям придется остановить.

Россия может попытаться завершить уже начатые проекты с отечественной технологией, но сроки готовности нужного оборудования неясны. При этом варианты диверсификации направлений экспорта российского газа в условиях санкционного режима и резкой задержки с введением новых проектов СПГ эксперты оценивают как высоко проблемные. Не исключено, что в России придется переосмыслить саму стратегию развития отрасли СПГ, сделав упор на восточные трубопроводные маршруты.

Болевые точки и поиски ответа

Многие из перечисленных проблем были затронуты на знаковом совещании о чрезвычайной ситуации в нефтегазовом секторе, которое 14 апреля 2022 г. провел Президент России В.В.Путин. Речь шла прежде всего о сложных вопросах, связанных с санкционной политикой Запада, откровенно нацелившегося на разрушение нефтегазового комплекса страны¹.

Главной и совершенно новой проблемой, с которой столкнулись отечественные нефтегазовые корпорации, было названо разрушение логистики экспортных поставок нефти и СПГ, разрывы цепочек транспортировки сырья, резкое сокращение возможностей фрахта и страхования доставки. Это стало прямым следствием действий так называемых недружественных стран, выразившихся, в том числе, в массовых отказах в перевозке, поступивших от судовых компаний, а также в закрытии европейских портов для судов под российским флагом. В результате замедлилась и резко подорожала логистика доставки сырья.

¹ Совещание о текущей ситуации в нефтегазовом секторе // Сайт Президента РФ. 14.04.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68191> (дата обращения: 18.04.2022).

Другой, не менее важной «болевой точкой», сформировавшейся из-за санкций, является проблема задержек оплаты банками недружественных стран экспортных поставок российских энергоресурсов, прежде всего природного газа. В контексте финансовой и экономической безопасности нашей страны решение этой проблемы имеет стратегическое значение.

Руководством страны уже поставлена и реализуется задача по переводу оплаты за газ для недружественных стран в российские рубли. Это связано с тем, что у российских компаний нет теперь доступа к валютным ресурсам, заморожена половина общих валютных резервов страны, оказавшаяся к весне 2022 г. вне российской юрисдикции. В связи с этим, поставлена задача снизить риски и издержки, кардинально повысить валютную ликвидность, в том числе за счет оплаты российских нефти и газа рублями, которые будут приобретаться в необходимом объеме в банках РФ.

В области энергетики и углеводородного экспорта предстоит решить ряд и других стратегических задач, вызванных складывающимися чрезвычайными обстоятельствами.

Среди ключевых — необходимость ускоренной диверсификация экспорта нефтегазового сырья в восточном направлении. В среднесрочной перспективе поставки российских энергоносителей будут переориентированы с западного на восточное и, отчасти, южное направление. Это отвечает актуальной тенденции постоянного роста потребностей в энергоресурсах со стороны быстроразвивающихся экономик — Китая, Индии, стран ЮВА. Масштабы ресурсной базы углеводородного сырья в районах Сибири и Дальнего Востока позволяют резко нарастить поставки. И ключевой проблемой реализации этой задачи является недостаточность трубопроводной, морской и железнодорожной инфраструктуры. Попутно должна быть решена проблема импортозамещения оборудования для разведки сложных запасов нефти и газа и их добычи.

Вторая стратегическая задача нефтегазового комплекса страны связана с повышением эффективности использования ресурсов в народном хозяйстве страны, а именно — с развитием глубокой переработки нефти и газа.

На особом счету стоит реализация задачи масштабного освоения арктических ресурсов природного газа, его эффективного сжижения и транспортировки потребителям.

И вот здесь, возвращаясь к Китаю, необходим анализ имеющих возможностей, особенно важных при реализации столь капиталоем-

ких и масштабных задач. Большой потенциал сотрудничества с восточным стратегическим партнером несомненен. Вопрос в том, на что реально стоит рассчитывать в сотрудничестве с КНР; где есть экономические, технологические и иные лимиты и с какими вызовами может столкнуться Россия уже на данном — китайском направлении.

«Китайские» шансы

- Первым позитивным моментом, позволяющим рассчитывать на благоприятные результаты, можно считать политическую составляющую: Пекин в целом выступает против санкционной политики США, хотя и делает показательную оговорку, акцентируя именно китайские озабоченности: «в вопросе Украины и отношений с Россией США должны серьезно отнестись к опасениям Китая и никоим образом не ущемлять его права и интересы». Важно, что в санкционном контексте КНР заявила о «прочности российско-китайского сотрудничества в энергетике», подчеркнув, что «торговля по газу и нефти будет продолжена»¹.

- Для Китая сохраняется высокая общая потребность в импорте и нефти и газа. Институт энергетической экономики при *CNPC* опубликовал данные по итогам 2021 г. В 2021 г. КНР потребила 726 млн т нефти, причем добыча нефти составила 213 млн т, а импорт достиг 513 млн т (или 72,7 % от потребления). Эксперты нефтегазовой области предполагают, что в 2022 г. потребление нефти вырастет до 736—761 млн т. В свою очередь это предполагает наращивание объема импорта.

Также в 2021 г. в КНР было добыто 207,5 млрд куб.м природного газа с ростом добычи на 7,8 %. Импорт газа — трубопроводного и СПГ — составил почти 170 млрд куб.м (то есть вырос на 19,4 % в годовом исчислении и составил примерно 45 % от потребления)².

Это то, что касается краткосрочных прогнозов. В более же отдаленной перспективе, согласно отчету крупной исследовательской и консалтинговой группы *Wood Mackenzie*, в 2030 г., при нынешней тра-

¹ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on March 9, 2022/ Website of the Chinese Foreign Ministry/ URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202203/t20220309_10650266.html (accessed: 13 April, 2022).

² В Китае отчитались об импорте газа и нефти за 2021 год. URL: <https://rossa.primavera.ru/news/70b94e02>. (дата обращения: 15.02.2022).

ектории развития, Китай будет ввозить уже 80 % всей потребляемой им нефти и более половины нужного ему объема природного газа¹.

Иными словами, для поддержания темпов экономического роста КНР, как это было на протяжении практически всего периода китайских экономических реформ, по-прежнему будет нуждаться в импорте углеводородов, причем объемы ввоза будут лишь возрастать. Трубопроводный способ — самый надежный для Китая вариант поставок, а это значит, что потенциально у России имеется дополнительная ниша для поставки тех нефтегазовых экспортных объемов, которые могут оказаться невостребованными из-за санкций на западном направлении. Однако понятно, что доступ к такой нише предполагает конкурентную борьбу с другими экспортерами и зависит от уже имеющихся у Китая контрактов с третьими сторонами.

День сегодняшний

Текущее сотрудничество РФ с КНР в сфере нефти и газа реализуется в рамках двух основных контрактов. Это:

- Соглашение о поставках нефти в Китай в течение 20 лет (начиная с 2011 г.) общим объемом 300 млн т по трубопроводному маршруту ВСТО с ответвлением на Китай, подкрепленное китайским долгосрочным целевым кредитом в 25 млрд долл.;
- Договор 2014 г. сроком на 30 лет о ежегодных поставках природного газа в объеме 38 млрд куб. м. по газопроводу «Сила Сибири» из Якутии к границе с КНР.

Эти проекты дополняются экспортом в КНР сжиженного природного газа с российского Ямала (проект Ямал-СПГ). После введения в 2014 г. западных санкций против упомянутой компании НОВАТЭК, для нее как нельзя кстати оказались китайские кредиты в объеме 12 млрд долл. (из 18 млрд долл. требуемых), которые в 2016 г. были выданы двумя ведущими китайскими банками (*China Exim Bank* и *China Development Bank*). Освоение с китайским участием новой сырьевой базы под производство арктического СПГ позволило открыть совершенно новый экспортный маршрут — в Азию через Северный морской путь.

¹ Энергетическая независимость обойдется Китаю в 6,4 трлн долл. URL: <https://greenstartpoint.ru/energeticheskaya-nezavisimost-obojdjotsya-kitayu-v-6,4-trilliona-dollarov/> (дата обращения: 13.04.2022).

Возвращаясь к нефти, следует отметить, что определенные объемы российской нефти поставляются в КНР морскими и железнодорожными путями, а также по трубопроводной системе Казахстана.

Планомерно наращивая в последнее десятилетие углеводородный экспорт в КНР, в 2021 г. РФ была вторым по значимости поставщиком на китайский рынок нефти (79,64 млн т, с долей 15,6 %) и поднялась на третью позицию среди мировых экспортеров природного газа в КНР (16,1 млрд куб.м с учетом СПГ, с долей в 10,1 %) ¹.

В стадиях проработки или реализации находятся новые совместные проекты — «Арктик-СПГ-2», газопровод «Сахалин—Хабаровск—Владивосток», а также газопровод «Сила Сибири-2» (ранее «Алтай»).

Именно последний из них — обсуждаемый уже не один год проект газопровода «Сила Сибири-2» (из Западной Сибири), дополненный маршрутом через Монголию («Союз Восток»), сегодня представляется перспективной и актуальной альтернативой, которая способна в заметной мере компенсировать потери, грозящие России в случае отказа Европы от российского газа. Проектная мощность газопровода — 50 млрд куб. м в год. Но еще более важным, чем просто цифры (они будут расти и по мере выхода на проектную мощность уже работающей линии «Сила Сибири-1»), видится то обстоятельство, что «Сила Сибири-2» предполагает соединение газотранспортных систем европейской и азиатской части РФ. Пока оно отсутствует, и это делает технологически нереальной переориентацию нацеленных сегодня на Европу газовых маршрутов. С реализацией же «Силы Сибири-2» Россия сможет осуществлять экспортные поставки газа с Ямала и других сопряженных регионов как на Запад, так и на Восток. Таким образом появляется транспортно-логистическая возможность «переконмутации» экспортных потоков.

Как инструмент компенсации рисков на западном направлении может рассматриваться и наращивание в КНР российских нефтяных поставок. В частности, речь идет о более активной эксплуатации казахстанского маршрута, через который (в соответствии с соглашением между Москвой и Астаной) еще в 2014 г. была предусмотрена перекачка в Китай российской нефти. Увеличение экспорта по этому маршруту уже намечено в российско-китайских соглашениях от февраля 2022 г., где речь шла об экспорте на запад КНР 100 млн т нефти в течение 10 лет.

¹ Россия стала 3-м крупнейшим поставщиком газа в Китай. URL: <http://www.finmarket.ru/news/5680935> (дата обращения: 21.03.2022).

Дальнейшее увеличение объемов нефтяных поставок очевидно зависит от ряда факторов, в том числе от пропускной способности соответствующих нефтепроводов. В любом случае благоприятным моментом здесь служит уже имеющаяся интеграция условно «западных» и «восточных» нефтепроводов, включая ветку «Омск-Павлодар-Атасу-Алашанькоу». Это потенциально обеспечивает возможность диверсификации и смены направлений транспортировки из Европы на Восток.

Кроме этого, в условиях, когда Запад отказывается не только от закупок российских углеводородов, но и от технологического сотрудничества с РФ (НИР в добыче и разведке, технологии сжижения природного газа и т. п.), может быть расширена кооперация с китайскими партнерами и в сфере ноу-хау. Опыт позитивного использования китайского оборудования в разведке и добыче углеводородов уже имеется. Прямые и косвенные возможности на этом направлении должны быть тщательно проанализированы.

Конечно, возможности инвестиционного сотрудничества с КНР также нуждаются в особом рассмотрении, в том числе в связи с уходом из России западных компаний, включая упомянутую выше *BP*, а также *Total*, *Shell* и других. Шансы привлечения инвесторов из КНР «на замену» западным акционерам весьма высоки.

Сложности и ограничения

Разумеется, изложенные предложения имеют дискуссионный характер. Их конкретная имплементация не проста, зависит от многих обстоятельств. Анализ технологических, инвестиционных, стоимостных и многих иных факторов является прерогативой именно профильных специалистов. Достаточно сказать, что инвестиции, необходимые для «Силы Сибири-2», оцениваются сегодня в 1,5 трлн руб. При этом требуются годы на реализацию большинства перечисленных проектов.

Не просто будет и перебросить на Восток высвобождаемые объемы нефтяного экспорта, ныне идущего в Европу. Даже при штатном функционировании соответствующей трубопроводной инфраструктуры (через Казахстан) ее пропускная способность (по крайней мере пока) весьма ограничена — не выше 20 млн т в год.

Более того, отдельный вопрос связан с эволюцией внешней ситуации, с дальнейшей динамикой антироссийской санкционной по-

литики, включая так называемые вторичные санкции. Потенциальные риски на этом направлении уже дают о себе знать, примером чему стало, в частности, заявление вице-премьера правительства Казахстана о том, что его страна «не будет инструментом для обхода санкций США и Евросоюза в отношении России». А это значит, что могут осложниться планы на подключение казахстанских нефтепроводов к процессам расширения российского экспорта в КНР¹.

Есть немало сложных вопросов и в современном энергетическом сотрудничестве с КНР. Так, эксперты видят проблемной текущую задолженность «Роснефти» по упомянутому выше китайскому многомиллиардному кредиту, выданному в свое время на цели предоплаты поставок нефти по ВСТО. Физические поставки пока отстают от графика погашений. Это, надо полагать, создает не лучшие условия для новых соглашений по наращиванию объемов российского нефтяного экспорта, даже при увеличении импортных потребностей КНР.

Но есть и вызовы системного порядка, имеющие отношение к известной теме «экспортной углеводородной иглы». Несомненно, что расширение ориентации российских нефтегазовых поставок на Китай объективно повышает зависимость России от китайского рынка, делая ее позиции уязвимыми. Как минимум, речь идет о вопросах ценообразования прежде всего на газ, но, учитывая напористость партнеров, возможно, что не только на него.

Поэтому насущной по-прежнему является задача диверсификации экспорта как за счет максимального сохранения позиций на европейском и других освоенных углеводородных рынках последних лет (Япония, Южная Корея, Тайвань), так и путем расширения сотрудничества с третьими «игроками», в том числе с Индией. При этом, как становится очевидно, полноформатное решение темы «нефтегазовой иглы» лежит в плоскости резкой модернизации всего производственного комплекса России, общего системного рывка в развитии России.

Библиографический список

Мастепанов А.М. Перспективы нефтегазового комплекса на востоке России // Энергетическая политика. 2020. № 10 (152). С. 62—73.

¹ Казахстан пообещал не помогать России обходить санкции // Интерфакс. 01.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/832657> (дата обращения: 18.04.2022).

References

Mastepanov A.M. (2020). Perspektivy neftegazovogo kompleksa na vostoке Rossii. Energeticheskaya politika [Prospects of the oil and gas complex in the East of Russia], *Energeticheskaja politika [Energy policy]*, 10 (152): 62–73. (In Russian).

* * *

Fulwood Mik (2022). Russian gas to the EU: to sanction or not to sanction / The Oxford institute for Energy studies, April. URL:<https://www.oxfordenergy.org/publications/russian-gas-to-the-eu-to-sanction-or-not-to-sanction/> (accessed: 9 April, 2022).

Yermakov Vitaly, Meidan Michal (2022). Russia and China Expand Their Gas Deal: Key Implications / The Oxford institute for Energy studies, March. URL:<https://www.oxfordenergy.org/publications/russia-and-china-expand-their-gas-deal-key-implications/> (accessed: 9 April, 2022).

DOI: 10.48647/IFES.2022.60.79.027

А.Л. Верченко

КИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» И ДИПЛОМАТИЯ ПЕРВОГО ЛИЦА

Аннотация. В статье впервые рассматривается роль Си Цзиньпина как председателя Китайской Народной Республики и генерального секретаря ЦК КПК в деле глобального распространения концепции «сообщества единой судьбы человечества». Си Цзиньпин впервые включил понятие «сообщество единой судьбы» в концептуальный свод внешней политики КНР. С тех пор китайский лидер, обеспокоенный будущим человечества, вносит эту идею практически во все свои выступления, указывая на тесную связь внутреннего развития Китая с международной средой. Как руководитель партии он разъясняет содержание и важность концепции на съездах и пленумах, партийной учебе и международных форумах «Диалог КПК с миром» с участием представителей политических партий разных стран. Выступая как выразитель внешнеполитической стратегии страны, Си Цзиньпин знакомит с концепцией участников многосторонних площадок: ШОС, БРИКС, РИК, G20, АТЭС, ЕС, АТЭС, Давосского и Боаоского экономических форумов и др. Си Цзиньпин учитывает особенности аудитории, постоянно вносит новые нюансы и формулировки в свои выступления, часто цитирует древних китайских мудрецов и философов, прибегает к красочным образам, сравнениям, высказываниям писателей и исторических личностей разных стран. Продвижению идеи сообщества содействует издание в Пекине произведений Си Цзиньпина, которые переводятся на иностранные языки и через посольства КНР распространяются по всему миру. Во втором

и третьем томах выступлений Си Цзиньпина «О государственном управлении» теме сообщества посвящены отдельные разделы, в которые включены речи Си Цзиньпина с июня 2014 г. по январь 2020 г.

Концепция находит наибольшую поддержку в развивающихся странах, где она опирается на возможности проекта «Пояс и путь», подразумевающего китайские инвестиции и торгово-экономическое взаимодействие.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, дипломатия, КНР, концепция «сообщества единой судьбы человечества».

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия).

ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A.L. Verchenko

China's "Community of common destiny" concept and the First Person's diplomacy

Abstract. The article for the first time examines the role of Xi Jinping as the Chairman of the People's Republic of China and the Secretary-General of the CPC Central Committee in the global dissemination of the concept of the "community of common destiny for mankind". Xi Jinping has incorporated the concept into the foreign policy strategy, and on this basis he systematically introduces this idea into most of his official speeches.

The author shows that in his speeches Xi Jinping expresses concern about the future of the world, stresses close linkage between domestic development of China and international climate. As the leader of the ruling party, he explains the content and importance of the concept at the party's congresses and plenaries, party trainings and international forums such as "The CCP Dialogue with the World" attended by leaders of political parties of numerous countries. Speaking as the carrier of his country's foreign policy Xi Jinping uses multilateral platforms to promote his concepts in: SCO, BRICS, RIC, G20, APEC, EU, ASEAN, Davos and Boao Economic Forums, as well as in bilateral, multilateral and regional inter-State contacts. Xi Jinping takes into account the peculiarities of the audience, constantly introduces new nuances and formulations into his speeches, often resorts to ancient Chinese wisdom and philosophers' sayings, colorful images, comparisons, words of writers and historical figures of different countries. The publication in Beijing of Xi Jinping's works, which are translated into many foreign languages and distributed via China's embassies throughout the world, helps to promote the concept. The second and the

third volumes of Xi Jinping's "The Governance of China" have separate sections, which include Xi Jinping's speeches on the concept relating to the period of June, 2014 — January, 2019. The broadest support the concept finds in developing countries, where it is substantiated by Chinese investment, trade and economic cooperation, including such projects as "Belt and Road Initiative".

Keywords: Xi Jinping, diplomacy, PRC, concept of "community of common destiny for mankind".

Author: Alla L. VERCHENKO, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0002-8718-8338 E-mail: veailan@yahoo.com

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

Вступление

Термин «сообщество единой судьбы человечества» прочно вошел в политический лексикон КНР в начале XXI в. Он ассоциируется с именем Си Цзиньпина, который предложил расширенное толкование этого понятия и придал международное звучание идее, выдвинутой первоначально Ху Цзиньтао еще в 2007 г. как общность судьбы (*минъюнь гунтунти*) и обращенной к соотечественникам за рубежом¹. Позже был добавлен объект применения — «человечество» (*жэньлэй*), и концепция приобрела нынешнюю конфигурацию — сообщество единой судьбы человечества (*жэньлэй минъюнь гунтунти*) (далее — концепция, КСЕС)². Сегодня нередко можно встретить еще одно дополнение относительно периода действия концепции — «в новую эпоху» (*синь шудай*).

Нет необходимости останавливаться на происхождении и содержании концепции, которые были детально проанализированы в целом ряде статей отечественных китаеведов [А.В. Ломанов], [Е.И. Сафронова], [А.В. Семенов, А.В. Цвык] и др. Мнение китайских историков состоит в том, что концепция Си Цзиньпина берет свое начало в китайской традиционной культуре тысячелетней дав-

¹ Ху цзиньтао цзай дан дэ шици цы дайбяо дахуэй шан баогао (чжай яо) [Выдержки из доклада Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК] URL: http://www.gov.cn/ldhd/2007-10/15/content_776431.htm (дата обращения: 03.02.2022).

² Термин пока не нашел единого перевода на русский язык, циркулируют следующие варианты: «общее будущее человечества», «сообщество судьбы человечества», «мировое сообщество с единой судьбой», «сообщество единой судьбы человечества».

ности и представляет собой продолжение мудрости предшественников¹.

Сам автор концепции полагает, что в основе предлагаемого сегодня глобального плана перестройки на планете лежат мир, гармония и согласие — концепты, к которым всегда стремилась китайская нация и которые она пестовала более чем 5 тысяч лет своей истории. В данной статье обратим внимание на то, как Си Цзиньпин, будучи первым лицом государства и генератором идей китайской дипломатии², многовекторно продвигает концепцию «сообщества» как часть внешнеполитической стратегии КНР. Его выступления по данному вопросу вошли в сборники «О государственном управлении», во втором и третьем томах которых материалы о «сообществе единой судьбы» выделены в отдельные разделы [Си Цзиньпин, т. 2, т. 3]. Книги переведены на многие иностранные языки³.

Выступления с трибуны ООН

Си Цзиньпин справедливо отмечает, что «все мы живем на одной планете, где насчитывается 200 с лишним стран и регионов и проживает более 7 млрд человек», где судьбы всех стран и всех народов связаны между собой, и эта взаимосвязь растет [Си Цзиньпин, т. 3, с. 675]. Об этом он говорил на юбилейной сессии ООН в 2015 г., по-китайски четко сформулировав пять направлений общей деятельности (*у гэ цзяньчи*): политика, безопасность, экономика, культура, экология, направленных на совершенствование мирового порядка⁴. Практической «подпиткой» выдвинутой концепции стало решение КНР о создании фонда поддержки деятельности ООН, направленной на сохранение мира, и о выделении для этого фонда 1 млрд долл.

Особенности новой концепции Си Цзиньпин видит в ее справедливом, миролюбивом, инклюзивном, комплексном, научном характере; отмечает, что она возникла из практики международных отно-

¹ Чжэн Цзелань. Китайская традиционная культура в концепции «Сообщества единой судьбы человечества». URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjielan/kitayskaya-traditsionnaya-kultura-v-kontseptsii-soobshchestva-edinoi-s/> (дата обращения: 03.02.2022).

² В 2021 г. в издательстве Жэньминь чубаньшэ вышел «Курс изучения идей Си Цзиньпина в дипломатии».

³ Том 2 переведен на 24 языка.

⁴ Си цзиньпин цзай ди циши цзе лянхэго ибань бяньлунь ши дэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на общей дискуссии на 70-й сессии ГА ООН]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (дата обращения: 14.10.2019).

шений и продолжает обогащаться ею, будучи направленной на поддержание интересов всего мирового сообщества.

В 2017 г. идея Си Цзиньпина вошла в резолюции Совета Безопасности, Комиссии социального развития, Совета по правам человека ООН. Это, несомненно, успех китайской дипломатии и лично Си Цзиньпина как носителя дипломатии первого лица, что имеет даже большее значение для продвижения концепции в мире, чем включение ее в Устав КПК и Конституцию КНР.

Китай в лице своего лидера демонстрирует ответственность великой державы, декларируя свою готовность и решимость рука об руку со всеми странами мира бороться за дело прогресса всего человечества.

Китайский план архитектоники мира соответствует целям ООН, а в новую эпоху предлагает конкретные подходы, учитывающие современные реалии и особенности международных отношений. Си Цзиньпин постоянно работает над теоретическим совершенствованием и практической реализацией концепции, конкретизирует ее в соответствии с новыми вызовами. После начала пандемии коронавируса, например, он обращает внимание на необходимость общих усилий по противодействию вирусу (сообщество единой судьбы в здравоохранении), подкрепляя теорию предоставлением более чем 120 странам и организациям 2 млрд доз антиковидной вакцины и обещанием выделить еще 1 млрд вакцин для Африки и 150 млн доз для стран АСЕАН¹.

Выступая в 2021 г. на 76-й сессии ГА ООН, Си Цзиньпин обновил смысловое содержание своей идеи. Представляется, она стала более приемлемой для международного сообщества, хотя осталась по-прежнему достаточно расплывчатой. «Инициатива по глобальному развитию» (*цюаньцю фачжань чаньги*) из 6 пунктов представляет собой ни что иное, как ту же КСЕС, обращенную в практическую плоскость: отстаивать приоритеты развития, ставить человека во главу угла, поддерживать инклюзивность, а также внедрять различные драйверы инновационной деятельности, развивать гармоничное существование человека и природы, придерживаться целенаправленности действий².

¹ Ван И: гаоцзюй жэньлэй миньюнь гунтунти щичжи кобу цяньсин [Двигаться вперед, высоко неся знамя сообщества единой судьбы человечества]. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2022-01/02/content_5666074.htm (дата обращения: 12.12.2021).

² Си цзиньпин тичу цюаньцю фачжань чаньги [Си Цзиньпин выступил с инициативой по глобальному развитию]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-09/22/content_5638602.htm (дата обращения: 07.02.2022).

Эта формулировка уже закреплена в последнем российско-китайском совместном заявлении¹.

Выступления на партийных форумах

Си Цзиньпин связывает КСЕС со стратегией развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху, поднимает эту тему в докладах на пленумах и съездах КПК, на встречах с партийным активом. Хотя эти мероприятия являются внутривнутрипартийными событиями, но за ними, как правило, следит весь мир, поэтому их содержание становится общеизвестным, а партийные форумы — источником информации о решениях и деятельности компартии, в том числе по линии продвижения идеи сообщества.

В 2013 г. на учебе членов Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин ясно указал: «Мы должны сформировать глобальное видение, теснее связать внутреннее развитие с открытостью для внешнего мира, с мировым развитием, соединить интересы китайского народа с общими интересами народов всех стран, постоянно расширять взаимовыгодные связи, укреплять мир»². Обращают на себя внимание поставленные Си Цзиньпином перед дипломатией амбициозные задачи продвигать идею общего будущего, участвовать в процессе реформирования системы глобального управления и играть в нем ведущую роль [Си Цзиньпин, т. 3, с. 630].

На XIX съезде КПК китайский руководитель сформулировал новые цели по продвижению КСЕС: расширение работы «с людьми всего мира», указав, что осуществление китайской мечты неотделимо от мечты всех людей на земле, тесно связано с мирной внешней средой и стабильной международной обстановкой³. КСЕС сопоставима по значению и сфере охвата с инициативой «Пояс и путь» (ИПП), кото-

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 04.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 12.03.2022).

² Чжунго линдао ганьбу цзыляо ку. 11. Цзоу хэпин фачжань даолу [Материалы для учебы руководящих кадровых работников. 11. Илти по пути мирного развития]. URL: <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0721/c397563-27337509.html> 02.02.2022 (дата обращения: 01.02.2022).

³ Си Цзиньпин цзай чжунго гунчаньдан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао [Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК]. URL: <http://src.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660> (дата обращения: 03.02.2022).

рая, по словам Си Цзиньпина, является «важнейшей практической платформой для продвижения» концепции [Си Цзиньпин, т. 3, с. 628]. В КСЕС просматривается принятый Китаем общий подход к международным проблемам и пониманию принципов глобального управления, таких как равноправие и взаимодоверие, партнерство, установление справедливого мирового порядка и сотрудничества, поддержание открытости, толерантности, обмен опытом и знаниями, достижение взаимной выгоды.

Си Цзиньпин, названный «ядром ЦК КПК и всей партии»¹, проводит обсуждение КСЭС в рамках «Диалога КПК с миром», первый из которых состоялся в Китае в 2014 г. На подобных встречах представители партий из разных стран, занимающие различные политические и идеологические позиции, обмениваются мнениями и опытом, знакомятся с китайской практикой. Эффективность работы «Диалога» иллюстрируется повышением уровня встреч до саммитов и кратным ростом числа участников [Верченко, с. 9]. Это дало основание Си Цзиньпину заявить, что КСЕС завоевывает все большую поддержку и одобрение, превращаясь из концепции в реальную практику. Представляется, что участие высоких зарубежных гостей еще не гарантирует принятие ими китайской точки зрения, но нельзя не признать, что участники услышали голос КПК, ознакомились с ее видением будущего мира, продемонстрировали заинтересованность в совместном обсуждении и решении мировых проблем.

На саммите 2017 г., посвященном ответственности партий, Си Цзиньпин отметил, что «каждая политическая партия должна соответствовать веяниям эпохи, правильно оценивать тенденции развития человечества, увязывать собственное развитие с развитием страны, нации и всего человечества»². В 2021 г. Си Цзиньпин выступил на организованном КПК облачном саммите, посвященном 100-летию КПК, на котором присутствовало более 10 тыс. он-лайн участников, из них 500 руководителей политических партий, в том числе 21-й правящей. Си Цзиньпин в программной речи (*чжучжи цзянхуа*) вновь напомнил, что у китайского народа и народов всего мира одна судьба,

¹ На пленуме ЦК КПК подчеркнули решающее значение определения роли Си Цзиньпина в качестве ядра ЦК КПК и всей партии. URL: http://russian.news.cn/2021-11/12/c_1310307399.htm (дата обращения: 26.01.2022).

² Си Цзиньпин цзай чжунго гунчаньдан юй шицзе чжэндан гаоцэн дуйхуа хуэй шан дэ чжучжи цзянхуа [Программное выступление Си Цзиньпина на диалоге КПК с политическими партиями мира на высшем уровне]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-12/01/content_5243852.htm (дата обращения: 27.01.2022).

что ни одна страна не сможет выжить в одиночку, и единственный выход для человечества — помогать друг другу и жить в согласии. Повторив в целом идеи, высказанные об ответственности политических партий на предыдущих саммитах, Си Цзиньпин сделал акцент на положении о том, что политические партии должны «прислушиваться к голосу людей» и это корреспондируется с частыми в последнее время упоминаниями Си Цзиньпином задачи служения народу и ответственности КПК перед народом.

Внешнеполитическое содержание КСЕС отражает внутривнутриполитические цели, выдвинутые китайским руководством к двум столетним юбилеям. Первая — покончить в основном с бедностью — была выполнена к 100-летию КПК. Завоевание все большего числа сторонников КСЕС имеет ключевое значение, особенно накануне XX съезда, когда КПК и КНР, по словам Си Цзиньпина, находятся *на новом историческом старте*¹ и готовятся к осуществлению китайской мечты, к завершению построения модернизированной социалистической державы — цели, намеченной к столетию КНР [Си Цзиньпин, т. 2, с. 4, 48].

Выступления на международных встречах

Для продвижения КСЕС Си Цзиньпин активно использует многосторонние международные площадки: ШОС, БРИКС, АТЭС, РИК, Группа 20, ЕС, АСЕАН, а также двусторонние форматы (Китайско-африканский форум сотрудничества, Китайско-латиноамериканский форум и др.). Анализ выступлений показывает, что в каждой аудитории Си Цзиньпин определяет приоритеты и акценты, исходя из специфики проводимого мероприятия.

Выступления Си Цзиньпина эмоциональны, он использует древние изречения (Конфуция, Мэн-цзы, Гуань Чжуна), идиомы, красочные образы: «один цветок весны не делает; весна приходит, когда распускаются все цветы», «ручейки дружбы людей сливаются в реки и океаны», «каким бы толстым ни был лед, он не выдержит, если его ломать сообща», «море собирает все капли, поэтому оно безбрежно». Во время зарубежных визитов Си Цзиньпин обращается к культуре и истории посещаемых стран, вспоминает высказывания их классиков.

¹ Си Цзиньпин. Пояснения к «Решению ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии». URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314778.htm (дата обращения: 10.01.2022).

В лекции в МГИМО в 2013 г. он цитировал Н.Г. Чернышевского, а в Африке приводил местные пословицы.

По словам Си Цзиньпина, реализация КСЕС наиболее показательно происходит в отношениях с развивающимися странами¹, в первую очередь с африканским континентом, и может стать примером для других государств. В основе отношений со странами Африки лежат следующие принципы: искренность, практичность, дружба, честность, ответственность, выигрыш, счастье, культура, безопасность, гармония. Руководитель КНР выделил обстоятельства, которые особенно сближают Китай и Африку: это принадлежность к развивающимся экономикам и древнейшим цивилизациям.

Пекин строит отношения как с отдельными африканскими странами, так и с организациями государств «черного континента». Лейтмотивом визита Си Цзиньпина в ОАЭ, Сенегал, Руанду, ЮАР, Маврикий в 2018 г. было стимулирование «прагматичного сотрудничества и совместное возрождение».

Большое внимание в Африке Си Цзиньпин уделил острым проблемам континента: борьбе с бедностью и коррупцией — «раковой опухолью общества», по словам Си Цзиньпина. Поездка стала воплощением усилий Китая по созданию «сообщества единой судьбы с Африкой»². Следует отметить, что в Африке КСЕС находит самую горячую поддержку, так как имеет экономическую основу и дает осязаемый эффект [Си Цзиньпин, т. 2, с. 409—422].

Важную роль Си Цзиньпин отводит деятельности по установлению отношений нового типа в Азиатском регионе, который всегда был и остается объектом геополитических интересов Китая. Стратегическая цель дипломатии здесь состоит в последовательном развитии и укреплении политических, экономических и культурных отношений с соседними странами³. Во многом внимание Китая к Азии объясняется его экономическими интересами к ресурсам и инфраструктурным возможностям региона.

¹ В 2013—2021 гг. инвестиции КНР в 140 развивающихся стран составили 130 млрд долл.

² Шусе сешоу гунцзинь, гунтун фачжань дэ хуа цай юэчжан — си цзиньпин чжуси фанвэнь чжундун фэйчжоу цг го цзи ши [Вписана яркая страница в дело общего движения вперед и развития. Дневник визита председателя Си Цзиньпина в пять стран Ближнего Востока и Африки]. Жэньминь жибао. 30.07.2018. (дата обращения: 01.02.2022).

³ Си Цзиньпин цзай чжоубянь вайцзюо гунцзо цзотань хуэй фабяо чжуньяо цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на совещании по дипломатической работе в сопредельных странах]. 25.10.2013. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/1025/c1024-23332318.html> (дата обращения: 02.02.2021).

В русле азиатской политики Си Цзиньпин не оставляет без внимания ни двусторонние, ни многосторонние форматы. Например, на встрече с генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии, президентом Лаоса Буннянг Ворачитом во время государственного визита в Лаос в ноябре 2017 г. Си Цзиньпин отмечал, что обстановка «способствует построению международных отношений нового типа и построению китайско-лаосского сообщества единой судьбы, имеющего стратегическое значение»¹. Практическую основу для формирования сообщества двух стран имеют близость правящих партий и экономическое сотрудничество (растущий товарообмен, крупные китайские инфраструктурные проекты).

Китайский лидер неустанно работает над расширением круга сторонников КСЕС и в других регионах. Так, выступая на облачном саммите Китая и стран Центральной Азии (Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении) в январе 2022 г., Си Цзиньпин предложил принять 30-летний юбилей установления дипломатических отношений между сторонами за новую отправную точку для развития стратегического партнерства; строить китайско-центральноазиатское сообщество с общим будущим и содействовать установлению сообщества единой судьбы человечества. КСЕС находит поддержку в Центральной Азии на самом высоком уровне и подкрепляется расширяющимся взаимодействием в сфере энергетики, сельского хозяйства, информационных технологий и др.

На саммите прозвучало предложение о проведении диалогов «Китай — Центральная Азия» для обсуждения совместных проектов, в том числе мер по дальнейшему продвижению КСЕС².

Си Цзиньпин встраивает КСЕС в экономический дискурс, последовательно проводит мысль об общем будущем на встречах с крупным бизнесом. Выступая в Давосе в январе 2022 г., он убеждал участников форума, что все страны являются «звеньями глобальной цепи сотрудничества и постепенно сформируют сообщество интересов и

¹ Си Цзиньпин цзай цы хуэйцзянь лаово жэньминь гэмин дан чжунъян вэйюаньхуэй цзун шуцзи, гоцзя чжуси бэнь ян [Си Цзиньпин вновь принял председателя ЦК Лаосской народно-революционной партии, президента страны Буннянг Ворачита]. 14.11.2017. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-11/14/content_5239670.htm (дата обращения: 13.12.2021).

² Си Цзиньпин чжучи чжунго тун чжун я у го цзяньцзяо саньши чжоуянь ши пин фэнхуэй [Си Цзиньпин провел по видеосвязи саммит, посвященный 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и пятью странами Центральной Азии]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-01/25/content_5670395.htm (дата обращения: 01.02.2022).

сообщество единой судьбы». Для убедительности Си Цзиньпин сравнил страны с маленькими лодками, каждая из которых сама по себе не может выдержать ударов стихии, и «только гигантский корабль общей судьбы в состоянии противостоять бурным волнам»¹.

Важным направлением деятельности Си Цзиньпина по продвижению концепции стало международное гуманитарное сотрудничество, предусматривающее культурный плюрализм, то есть сохранение в условиях глобализации культурных особенностей каждой нации. Яркий пример представляет собой конференция «Диалог азиатских цивилизаций», проведенная по инициативе Си Цзиньпина в мае 2019 г. в Пекине. Ранее председатель КПК неоднократно подчеркивал, что движущей силой развития человечества являются межкультурные обмены и диалоги, которые призваны стать мостами для укрепления дружбы между народами и создания благоприятной среды для развития государств [Си Цзиньпин, т. 3, с. 687]. Китайский лидер уверен, что углубление гуманитарных обменов и взаимные заимствования являются важным путем устранения отчужденности и недоразумений, содействия взаимопониманию и сближению народов.

Заключение

Си Цзиньпин неустанно подчеркивает, что Китай как крупная держава готов брать на себя ответственность за будущее человечества, демонстрировать, что шаги и дела крупной державы соответствуют ее статусу (*да го гэн ингай ю да дэ янцзы*), вместе с другими прогрессивными силами строить рациональный мировой порядок, отстаивать мир на земле, активно участвовать в реформировании системы глобального управления².

Сформулировав концепцию и определив векторы ее реализации, Си Цзиньпин систематически и напористо разъясняет ее содержание в мире на самых разнообразных платформах, в среде единомышленников и идейных противников, на политических, партийных, экономических, гуманитарных форумах, через СМИ и посольства КНР.

¹ Си Цзиньпин цзай 2022 нянь шицзе цзинци луньтань шипинь хуэйидэ яньцзыан (цюань вэнь) [Полный текст выступления Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме 2022 г.] URL: <http://www.gov.cn/xinwen/2022> (дата обращения: 02.02.2022).

² Си Цзиньпин: даго гэн ингай ю даго дэ янцзы, чжаньсянь даго даньдан [Крупная держава обязана соответствовать своему статусу и нести ответственность как крупная держава]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-09/22/c_1126527636.htm (дата обращения: 01.02.2022).

Хотя концепция провозглашает универсальные ценности и элементарные истины, не все в мире могут принять идею, предложенную руководителем компартии, отказаться от гегемонизма и менталитета холодной войны, осознать происходящую трансформацию системы глобального управления и движение мира к многополярности. Самую большую поддержку концепция находит в тех странах, где она имеет реальную экономическую опору. Так или иначе, на сегодняшний день концепция приобрела глобальное звучание. Си Цзиньпин предупреждает, что путь будет длинным и трудным. Однако, как известно, «капля камень точит» или, как говорят в Китае, — «путь в тысячу ли начинается с первого шага» (*цяньли чжи син юй цзу ся*).

Библиографический список

Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6—18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001.

Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8—18.

Сафронова Е.И. К вопросу о трактовке китайской концепции «сообщества единой судьбы» // Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений / отв. ред.-сост. А.О. Виноградов. Москва: ИДВ РАН. 2018. С. 45—54.

Семенов А., Цвык А. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 72—81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 2. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2018. 812 с.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т.3. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2021.846 с.

References

Lomanov A.V. (2017). Novyye kontseptsii kitayskoy vneshey politiki [New Concepts of Chinese Foreign Policy], *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*, 12: 8—18. (In Russian).

Safronova E.I. (2018). K voprosu o traktovke “soobshchestva yedinoy sud'by” [On the Interpretation of the Chinese Concept of “a Community of Common destiny”] / Resheniya XIX s"yezda KPK i perspektivy rossiysko-kitayskikh otnosheniy [The 19th CCP Congress's Decisions and the Prospects for Russian-Chinese Relations] / A.O. Vinogradov (ed.). — Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS: 45—54 (In Russian).

Semenov A., Tsvyk A. (2019). Kontsepsiya “obshchego budushchego chelovechestva” vo vneshnepoliticheskoy strategii Kitaya [The “Community of a Shared Future for Humankind” Concept in China’s Foreign Policy], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [*World Economy and International Relations*], 8: 72–81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81. (In Russian).

Verchenko A.L. (2020). Prodvizheniye Kitayem idei «soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva» [China's Promotion of the Idea of “Community of Common Destiny for Mankind”], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia; Fact and Analytics*], 1:6–18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001. (In Russian).

Xi Jinping (2018). O gosudarstvennom upravlenii. Tom II [The Governance of China. Volume II]. *Beijing: Waiwen chubanshe*. 812 p. (In Russian).

Xi Jinping (2021). O gosudarstvennom upravlenii. Tom III [The Governance of China. Volume III]. *Beijing: Waiwen chubanshe*. 846 p. (In Russian).

DOI: 10.48647/IFES.2022.94.22.026

К.К. Меркулов

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ПРАЗДНОВАНИЯ 100-ЛЕТИЯ КПК В 2021 г.: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

*Светлой памяти профессоров
К.А. Меркулова (1924—1999) и
Э.А. Меркуловой (1933—2017)
посвящается*

Аннотация. Данный аналитический обзор посвящен исследованию некоторых важнейших международно-политических аспектов празднования 100-летия Коммунистической партии Китая (КПК) в 2021 г. В своем комплексном (теоретико-методологическом и научно-практическом) подходе к анализу этого феномена автор априори ориентируется на историко-философский принцип «большое видится только на расстоянии». На особую значимость такого подхода в исторических исследованиях неоднократно указывал, в частности, академик С.Л. Тихвинский (1918—2018).

По форме исследования вариант «аналитического обзора» выбран автором по ряду соображений. Так, во избежание обвинений во «вмешательстве во внутренние дела» КПК, стиль обзора подразумевает «простую» тезисную характеристику ряда научных источников и литературы по данной теме, изданных в КНР, в нашей стране и за рубежом. Причем, ряд высказанных в этой литературе мнений наводит на мысли о закате «дэновских реформ» и все большей «ресталинизации на китайский манер» в КПК и КНР «в эпоху Си». Автор намерен предоставить читателю возможность составить собственное мнение по их поводу.

Далее, в обзоре кратко описан международно-политический климат торжеств по случаю 100-летия КПК, апофеозом которых стал прошедший 6 июля 2021 г. в формате видеоконференции саммит КПК и ведущих политических партий из других стран мира. При этом предпринята попытка теоретического развития ряда известных постулатов марксизма в аспекте закономерностей и перспектив наступления эпохи «посткоммунистической» мировой истории. В соблюдение принципа научности обзор, будучи снабженным необходимыми ссылками, опирается на первоисточники, содержа и авторские «мысли вслух».

Данный обзор представляет собой «программу-минимум» фундаментального исследования автора, посвященного всемирно-историческому значению 100-летию КПК, где автор подробно системно-синергетически исследует варианты трансформации идеологической платформы КПК и судьбу коммунистического движения в Китае и во всем мире, исходя из того, что ранее профессорами К.А. Меркуловым (1924—1999) и Э.А. Меркуловой (1933—2017) уже был сформулирован проект идеологии «истинного добра» как вероятный концептуальный ориентир для новой стратегии и тактики международного коммунистического и рабочего движения (МКРД) и других передовых сил человечества.

Ключевые слова: Китай (КНР), КПК, международное коммунистическое и рабочее движение (МКРД), празднование 100-летия КПК, саммит КПК и мировых политических партий, марксизм, эпоха «посткоммунистической» мировой истории, идеология истинного добра.

Автор: Меркулов Катенарий Катенарьевич, доктор экономических наук (МАН Сан-Марино), кандидат исторических наук (МГИМО МИД СССР), действительный член Академии проблем дипломатических наук и международных отношений (1998), старший научный сотрудник ИДВ РАН. ORCID: 0000-0002-6244-1800; E-mail: katenariy@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

К.К. Merkulov

On some results of celebration of the CPC 100th anniversary in 2021: the international-political aspects (analytical review)

Im memorium to my blessed parents

Abstract. This analytical review is devoted to the study of some most important international-political aspects of the celebration of the 100th anniversary of the Communist Party of China (CPC) in 2021. In his compre-

hensive theoretical-methodological, scientific-methodological and scientific-practical approach to the systemic-synergetic analysis — synthesis — forecasting of this issue, the author a priori focuses on the historical and philosophical principle “the big is seen only at a distance”. The special significance of this approach to the content of historical research was repeatedly pointed out, in particular, by Academician S.L. Tikhvinsky (1918—2018).

Regarding the form of the study, the author chose the 'analytical review' option for a number of reasons. Thus, in order to avoid accusations of the “interference in the internal affairs” of the CPC, the review style suggests a “simple” thesis description of a number of academic sources and literature on the topic, published in the PRC, in our country and abroad. Moreover, a number of opinions expressed in this literature are suggestive of the decline of “Deng’s reforms” and the strengthening of “restalinization in the Chinese way” in the CPC and PRC “in the Xi era”. The author intends to allow the reader to form own opinion about them.

The review then briefly describes the international political climate during the CPC centenary celebrations, which culminated in a summit of the CPC and the world’s leading political parties on July 6, 2021 (via videoconference). It attempts a theoretical development of some well-known Marxist postulates in terms of the regularities and perspectives of the “post-communist” epoch of the world history. Observing the principle of scientificity, the review has the necessary references and footnotes being based on primary sources. It also contains “thoughts aloud” of the author.

This review is a “programme-minimum” of the fundamental study of the author, devoted to the world-historical significance of the 100th anniversary of the CPC, where the author considers in detail the options of transformation of the ideological platform of the CPC and the fate of the Communist movement in China and in the world, based on the fact that earlier, Professors K.A. Merkulov (1924—1999) and E.A. Merkulova (1933—2017) have already formulated a project of the ideology of the «genuine good» as a probable conceptual reference point for the new strategy and tactics of the international communist and workers' movement (ICWM) and other advanced forces of humanity.

Keywords: China (PRC), CPC, International Communist and Workers' Movement (ICWM), celebration of the 100th anniversary of the CPC, summit of the CPC and world political parties, Marxism, “post-communist” epoch of the world history, ideology of the genuine good.

Author: Katenariy K. MERKULOV, Dr.Sc. (Economics) (IAS San Marino, 1994, Moscow), Ph.D (History) (MGIMO of the USSR Ministry of Foreign Affairs, 1990, Moscow), Active Member of the Academy of problems of diplomatic sciences and international relations (1998, Mos-

cow), Senior Research Fellow, the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Предисловие

Еще в середине XX века н.э. великий индийский революционер и мыслитель Шри Ауробиндо Гхош пророчествовал, что коммунизм возродится в более гуманистической форме — как «рациональная система управления, демократии, социализма и коммунизма»¹.

В 2021 г. в Китае, да и за его пределами, был с размахом отмечен 100-летний юбилей Коммунистической партии Китая (КПК). Это событие стало, безусловно, важной исторической вехой не только для китайских коммунистов и КНР, но и для всего мира.

Комплексному научному осмыслению и историко-философскому обобщению славного — одновременно успешного и сложного — пути развития коммунистического движения в Китае и исторических достижений КНР посвящено множество достойных публикаций различных авторов — и ученых, и практиков. И все это — несмотря на хроническое злопахательство реакционных СМИ и консервативных политических кругов².

В своем анализе комплекса исследуемых проблем истории, современного состояния и перспективной динамики развития коммунистического и рабочего движения в Китае и в целом в мире автор (в 1988—1991 гг. — освобожденный инструктор парткома МГИМО МИД СССР по оргработе) исходит, с одной стороны, из вечных истин «борьбы за светлое настоящее и истинно доброе будущее»; и с другой стороны, из всего известного ему положительного духовно-материалистического наследия общества, в том числе в духе мак-

¹ A Perspective on Modern Polity in the Light of Sri Aurobindo (2). II. The Rational System of Governance, Democracy, Socialism and Communism, the Experience of the Last One Hundred Years and Its Likely Culmination. Published on November 8, 2020 by the blog “Resurgent India” (2020). URL: <http://new.resurgentindia.org/a-perspective-on-modern-polity-in-the-light-of-sri-aurobindo-2/> (accessed: 13.02.2022).

² См., например: China's Communist Party is a threat to the world, says former elite insider. By CNN Staff. Updated 0007 GMT (0807 НКТ) August 23, 2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/08/22/asia/chinas-communist-party-threat-world-intl-hnk/index.html> (accessed: 07.03.2021).

симы «марксизм — не догма, а руководство к действию»¹, и принципов «золотого сечения», «золотой середины» и т. д.

Авторские «мысли вслух» о возможной «истинно доброй» судьбе теории и практики коммунистического движения в Китае и МКРД не имеют ничего общего ни с поверхностным «левым» ревизионизмом, ни с реакционным «правым» оппортунизмом, ни с беспринципным «центризмом», а основаны на универсальном духовно-материалистическом подходе, включая в том числе заповеди М.В. Ломоносова о гармонии «мира правды/знания» и «мира веры».

Взгляд на 100-летие КПК китайских авторов

Внутри самой КНР 100-летнему юбилею правящей 95-миллионной партии (при общем населении страны, превышающем 1,4 млрд чел.) по праву было посвящено рекордное количество торжественных мероприятий, включая по сути беспрецедентную пропагандистскую кампанию КПК в СМИ и в научных изданиях².

1 июля 2021 г. генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР и председатель Центрального военного совета Си Цзиньпин выступил с важной речью на торжественном собрании по случаю 100-летия основания КПК на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Подводя итоги пути КПК, Си Цзиньпин объявил, что Китай добился приуроченной к столетию КПК цели: «На китайской земле было полностью построено среднезажиточное общество, раз и навсегда был положен конец абсолютной бедности. Мы, преисполненные небывалого энтузиазма, продвигаемся вперед к цели полного построения модернизированной социалистической державы, намеченной к сто-

¹ Первоисточник — письмо (29 ноября 1886 г.) Фридриха Энгельса (1820—1895) к Ф. А. Зорге. Энгельс, критикуя немецких социал-демократов, переехавших в Америку, писал, что они рассматривают марксизм «доктринерски и догматически, как нечто такое, что надо выучить наизусть, и тогда уж этого достаточно на все случаи жизни. Для них это догма, а не руководство к действию». См. *Энгельс Ф.* Письмо к Ф. А. Зорге (29 ноября 1886 г.) / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36, М., 1964. URL: https://dic.academisci.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1710/He_догма... (дата обращения: 14.10.2021).

² The People's Republic of China State Council news "The 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China". URL: <http://english.www.gov.cn/2021special/SPCentennial> (accessed: 20.09.2021); *Чжан Ханьхуэй*. Посол Чжан Ханьхуэй: Китайско-российские отношения в контексте 100-летней истории КПК. Авторская статья Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Чжан Ханьхуэй в российской газете «Труд» 2021/07/16. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghd/t1892763.htm> (дата обращения: 01.08.2021).

летию КНР... китайская нация бурно развивается и неуклонными шагами идет по пути к своему великому возрождению»¹.

Суммируя итоги «четырёх великих успехов, достигнутых КПК за прошедшее столетие», председатель Си Цзиньпин отметил: «Во имя великого возрождения китайской нации КПК, сплотившая и ведя за собой китайский народ, стойко и упорно сражалась в кровопролитных боях, добилась великих успехов в новодемократической революции..., опираясь на собственные силы, добилась великих успехов в деле социалистической революции и строительства..., раскрепощала сознание, твердо стремилась вперед, добилась великих успехов в деле реформ, открытости и социалистической модернизации..., скоординировала усилия по осуществлению великой борьбы, великой программы, великого дела и великой мечты, добилась великих успехов в деле социализма с китайской спецификой в новую эпоху»².

Решения об историческом значении 100-летия КПК были приняты на 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва (Пекин, 8—11 ноября 2021 г.), принявшем 3-е в истории КПК «*Решение ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии*»³. Си Цзиньпин по поручению Политбюро ЦК КПК дал особые пояснения на пленуме, в частности так определив феномен «*Историческое значение столетней борьбы КПК*»: «На основе всестороннего ретроспективного обобщения истории и основных достижений столетней борьбы партии, с более широкой точки зрения обобщено историческое значение столетней борьбы КПК, а именно: столетняя борьба КПК в корне изменила перспективы и судьбу китайского народа, проложила верный путь к великому возрождению китайской нации, продемонстрировала могучую жизненную силу марксизма, оказала глубокое влияние на мировой исторический процесс, закалила идущую в авангарде эпохи КПК»⁴.

¹ Full Text: Speech by Xi Jinping at ceremony marking CPC centenary. Updated: Jul 01, 2021 05:40 PM Xinhua. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202107/01/content_WS60dd8d8ac6d0df57f98dc459.html (accessed: 30.09.2021).

² Ibidem.

³ Full Text: Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century. Source: Xinhua | 2021-11-16 18:50:21 | Editor: huaxia. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/16/c_1310314611.htm (accessed: 09.03.2022).

⁴ Full Text: Xi's explanation of resolution on major achievements and historical experience of CPC over past century. Source: Xinhua | 2021-11-16 18:50:42 | Editor: huaxia. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/16/c_1310314613.htm (accessed: 09.03.2022).

Интересные документы и материалы о 100-летию КПК публиковались в КНР и позднее. Но особо важными в этом контексте призваны стать, возможно, «по-китайски неосталинистские» оценки XX съезда КПК, которые могут стать для КПК и всего МКРД принципиальной исторической антитезой известным решениям XX съезда КПСС, принятым по инициативе «группы Н. Хрущева».

100-летний юбилей КПК в интерпретации экспертов России и Союзного государства

Ряд важных научно-исследовательских материалов о 100-летнем юбилее КПК был издан и в нашей стране [Барский, Виноградов, Салицкий, 2021], [Виноградов, 2021], [Исторические события..., 2021], [Коммунистический Китай..., 2021], [Мельников, 2021], [Михеев В.В., Луконин, 2021], [Портяков, 2022], [Смирнов, 2022].

Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР А.И. Денисов в своем выступлении на приеме по случаю 20-летия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве РФ и КНР 12 июля 2021 г. в Пекине заявил в частности следующее: «Нынешний год отмечен историческими юбилеями. Совсем недавно прошла серия масштабных мероприятий по случаю 100-летия образования КПК. Позвольте еще раз выразить китайским друзьям самые искренние поздравления! Без компартии не было бы нового Китая. Построение общества «среднего достатка» и полная ликвидация абсолютной бедности — исторические успехи в масштабах всей человеческой цивилизации»¹.

«100-летие КПК... поможет миру лучше изучить накопленный Китаем опыт строительства социализма с китайской спецификой», — заявил руководитель экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития Ю.В. Тавровский. — «Главное достижение — разработка концепции реформ и открытости, которая... стала большим шагом в развитии теории марксизма и практическим

¹ Денисов А.И. Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в КНР А.И. Денисова на приеме по случаю 20-летия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве РФ и КНР 12 июля 2021 г. URL; https://beijing.mid.ru/ru/news/vystuplenie_andreya_denisova_na_prieme_po_sluchayu_20_letiya_dogovora_o_dobrososedstve_druzhe_i_sot/ (дата обращения: 04.09.2021).

созданием нового мирохозяйственного уклада, обеспечивающего синергию плановой и рыночной экономик»¹.

СМИ РФ часто отмечают, что именно руководящая роль КПК в системе органов власти КНР сыграла свою роль в успешной борьбе с общим врагом человечества — пандемией коронавируса².

Вместе с тем, в некоторых новейших аналитических материалах в РФ о КНР и КПК высказываются серьезные опасения по поводу роста «китайской угрозы», особенно ближе к середине XXI века — уже в «эпоху после Си» и т. д. [Меркулова и др., 2019—2022].

Как отмечается в ряде солидных аналитических материалов Академии управления развитием — Института Небополитики, в 1989 г. в КНР «на площади Тяньаньмэнь произошел «контрреволюционный мятеж... Только в 2013 г. с приходом к власти в КНР Си Цзиньпина был восстановлен политический курс Великого Октября»³ [Девятов, 2021].

Ряд представителей «левого» и «ультралевого» фланга в МКРД, в том числе в РФ, рассматривают отход КПК от ориентации на идеи маоизма и от курса «дэнсяопиновских» реформ, начатых в 1978 г., сквозь призму «борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом», «контрреволюцией» и др.⁴

«Си Цзиньпин — демократический китайский Сталин», — таким был заголовок в сети «Интернет» при изложении интервью профессора А.А. Маслова от 23.12.2016 г.⁵ А комментарий интернет-портала

¹ Комментарий Агентства Синьхуа «Эксклюзив: 100-летие КПК поможет миру изучить опыт Китая в строительстве социализма с китайской спецификой — российский китаевед Ю. Тавровский». 2021-02-08. URL: http://russian.news.cn/2021-02/08/c_139729724.htm (дата обращения: 09.02.2021).

² *Зуенко И.Ю.* Как Китай справился с коронавирусом и почему сейчас боится открывать границы // Профиль. 02.12.2021 г. URL: <https://profile.ru/abroad/kak-kitaj-spravi-lysa-s-koronavirusom-i-pochemu-sejchas-boitsya-otkryvat-granicy-lysa-s/> (дата обращения: 02.12.2021).

³ *Девятов А.П.* Курсом Великого Октября навстречу 100-летию КПК. URL: <https://auroga.network/articles/251-nebopolitika/81632-kursom-velikogo-oktjabrja-navstrechu-100-letiju-kpk> (дата обращения: 06.03.2021).

⁴ 100-летие Октября и мировое коммунистическое движение. Материал на сайте: «Марксистско-ленинское рабочее движение “Рабочий путь”». 31.10.2017. URL: <https://work-way.com/blog/2017/10/31/100-letie-oktyabrya-i-mirovoe-kommunisticheskoe-dvizhenie/> (дата обращения: 07.03.2021).

⁵ *Маслов А.А.* Китай выбирает национального лидера. Интервью руководителя Школы востоковедения ВШЭ профессора А.А. Маслова в прямом видеоэфире Pravda.Ru. 23.12.2016 г. URL: <https://www.pravda.ru/world/1321030-maslov/> (дата обращения: 26.04.2021).

«Рамблер» от 16.12.2018 г. был назван «Китай идет сталинским путем реформ: в КНР не признается тезис о “кровавом сталинизме”...».

Главный итог развития КНР под руководством КПК, по оценке профессоров А.В. Виноградова и А.И. Салицкого, таков: «реформы и модернизация в Китае близки к завершению, ...страна вступила в принципиально новую фазу развития, в ней формируется самобытный общественный строй, а китайская специфика приобретает черты целостности в качестве самостоятельного, альтернативного Западу проекта общественного развития» [Виноградов, Салицкий, 2019]. Добавим, что такое развитие событий вписывается в канву гипотез ученых семьи Меркуловых о генезисе истинно доброго общества на Земле.

100-летие КПК в зеркале политологии стран Запада и Юга

Исторические достижения КПК широко признаны и за пределами КНР. Несмотря, повторим, на злопыхательство реакционных СМИ и консервативных социальных сил, 100-летие КПК достаточно трезво рассмотрено в ряде солидных новейших научных изданий на Западе и на Юге [Clifford, 2022], [Gore, 2021], [Jacques deLisle, Guobin Yang, 2022], [Lin Chun, 2021], [Okawa, 2021], [Sullivan, 2022], [Weizheng Shao, Xiaobao Liu, 2021].

Примечательно, что в некоторых из новейших публикаций видных западных востоковедов впервые в истории современного китаеведения по существу поставлены под вопрос перспективы дальнейшего продолжения реформ в КНР, начавшихся в «эпоху Дэн Сяопина», имея в виду, что таковые во многом оказались заблокированы из-за ужесточения власти КПК в «эпоху Си» [Clifford, 2022]. Эти оценки дополнительно наводят на мысли о все большей «ресталинизации на китайский манер» в КПК и КНР ныне — в «эпоху Си».

Некоторые итоги саммита КПК и мировых политических партий

В дополнение к серии праздничных мероприятий внутри КНР апофеозом международно-политических торжеств по случаю 100-летия КПК стал саммит Компартии Китая и мировых политических партий (китайский: *Zhongguo gongchandang yu shijie zhengdang lingdao ren fenghui*). Этот форум представлял собой видеоконференцию по международным отношениям между различными международными политическими партиями, включая как правящие, так и не правящие

партии, состоявшуюся 6 июля 2021 г. Его председателем был генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин. В саммите приняли участие представители 500 политических партий из 160 стран. Темой саммита была «За благополучие людей: ответственность политических партий»¹.

Центральным событием саммита стало установочное выступление Си Цзиньпина. Председатель Си на правах организатора саммита поблагодарил представителей национальных и политических партий, которые направили добрые пожелания в адрес КПК по случаю ее 100-летия. Он призвал политические партии во всем мире взять на себя историческую ответственность за обеспечение благополучия людей и прогресса человечества. Он также вновь призвал работать над созданием сообщества единой судьбы человечества и выразил неприятие технологических блокад, разъединения в развитии, а также односторонности, гегемонии и политики власти².

Лидеры различных национальных и политических партий, принявших участие в этом саммите, по очереди поздравили КПК с юбилеем и выступили за дальнейшее развитие международного сотрудничества и диалога, что было де-юре зафиксировано в принятом по итогам саммита Совместном заявлении участников³.

Заключение. Коммунистическая идея между прошлым и будущим

Китайские коммунисты прошли большой героический путь борьбы и выдающихся достижений и побед, несмотря на ряд ошибок и неудач. Но перспективы коммунистического движения в Китае и в мире, мягко говоря, неоднозначны.

¹ Саммит КПК и мировых политических партий. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.cb006cc4-620e5869-3943143a-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/CPC_and_World_Political_Parties_Summit (дата обращения: 17.02.2022).

² Сообщение ИА Синьхуа о выступлении Председателя КНР Си Цзиньпина на Саммите КПК и мировых политических партий 6 июля 2021 г. в Пекин (в онлайн-формате) «Си Цзиньпин призвал политические партии мира взять на себя ответственность за благополучие людей и прогресс человечества». URL: http://russian.news.cn/2021-07/07/c_1310046465.htm (дата обращения: 04.09.2021 г.).

³ Joint Statement of Proposals of the CPC and World Political Parties Summit. July 6, 2021 // *Beijing Review*. July 2021. China Insight. Special Issue on CPC and World Political Parties Summit. — Beijing: The Press Office, International Department of the CPC Central Committee, 2021. URL: <http://www.bjreview.com/2021pdf/ChinaInsightCPCSummit.pdf> (accessed: February 17, 2022).

Беда самой по себе «коммунистической идеи» (по крайней мере, в форме возведенной в догму индустриально-классовой интерпретации «ортодоксального марксизма») в том, что она исходно таит в себе ряд принципиальных ошибочных элементов: вульгарный атеизм, общественное насилие, излишний экономический детерминизм и т. д. в ущерб универсальным гуманистическим принципам «вечного истинного добра». Более того, «исторически проигрывают» так называемые лингвистические бренды теории и практики борьбы за «светлое настоящее и истинно доброе будущее» в виде терминов «социализм» и «коммунизм», ибо уже чисто языковедчески они принципиально уязвимы и по форме (означая в дословном переводе с немецкого языка, на котором писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «общественность» и «всеобщность»), и по содержанию (подразумевая по сути стратегическую ориентацию на «всеобщность добра и зла») [Меркулова и др., 2019—2022].

Как писал «ранний» Маркс, коммунизм «означает становление практического гуманизма... *Коммунизм* есть необходимая форма и энергичный принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [Маркс, 1844, с. 169]. Апофеоз гуманизма — путь вида *homo sapiens* к духовному материализму и меритократии.

Будем же черпать силу в том числе и в провозвестии преподобного Серафима Вырицкого: «Многие страны ополчатся на Россию, но она выстоит, утратив большую часть своих земель. Эта война, о которой повествует Священное Писание и говорят пророки, станет причиной объединения человечества. Люди поймут, что невозможно жить так дальше, иначе все живое погибнет...» [Преподобный Серафим Вырицкий].

Библиографический список

Барский К.М., Виноградов А.В., Салицкий А.И. О диалектическом единстве внутренней и внешней политики Китая. (К 100-летию образования Коммунистической партии Китая) // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 8. С. 703—712. DOI 10.31857/S086958732108003X.

Виноградов А.В. Круглый стол «100-летие КПК», проведенный 28 апреля 2021 г. (обзор) // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 13—33.

Виноградов А.В., Салицкий А.И. Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? // Вестник Российской академии наук. Том 89. № 2 (2019). С. 172—178. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178>.

Исторические события в жизни Китая и современность. Выпуск VI. К 100-летию Коммунистической партии Китая: сборник статей / сост., отв. ред. Н.Л. Мамаева. М.: ИДВ РАН, 2021. 296 с.

Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Москва, 17 и 19 марта 2021 г. М.: ИДВ РАН, 2021. 392 с.

Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. с. 44—174.

Мельников И.И. Выдающийся опыт КПК — достояние всего мира // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 7—13. DOI: 10.31857/S013128128120015438-2.

Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К. Системология истинного добра: избранные основы: колл. монография. В 4-х кн. М.: Спутник+, 2019—2022.

Михеев В.В., Луконин С.А. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Том 65. Выпуск № 7. С. 25—33. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33.

Портяков В.Я. Роль Коммунистической партии Китая во внешней политике Китайской Народной Республики // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019—2021 : монография. М.: ИДВ РАН, 2022. С. 213—222.

Преподобный Серафим Вырицкий / сост. О.Л. Рожнева. 2-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 128 с.

Смирнов Д.А. Идеино-теоретическая платформа КПК // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019—2021 : монография. М.: ИДВ РАН, 2022. С. 11—17.

References

Barskiy K.M., Vinogradov A.V., Salitskiy A.I. (2021). O dialekticheskom edinstve vnutrenney i vneshney politiki Kitaya. K 100-letiyu obrazovaniya Kommunisticheskoy partii Kitaya) [On the dialectical unity of internal and external policy of China. In commemoration to the 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*, Vol.:91:8: 703—712. (In Russian).

Istoricheskiye sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost'. Vypusk VI. K 100-letiyu Kommunisticheskoy partii Kitaya: sbornik statey (2021) [The historical events in the life of China and the modernity. Issue VI. To the 100th anniversary of the CPC: the collection of articles] / ed. N.L. Mamayeva. Moscow: IFES RAS, 296 p.

Kommunisticheskiy Kitay. Tseli i zadachi k stoletnemu yubileyu KPK. Materialy yezhegodnoy nauchnoy konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN. Moskva, 17 i 19 marta 2021 goda. (2021) [Communist China. Goals and objectives for the CPC centenary. Materials of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts, IFES RAS. Moscow, 17 and 19 March 2021]. Moscow: IFES RAS, 392 p. (In Russian).

Marx K. (1844). Ekonomiko-filosofskiye rukopisi 1844 goda [The economic and philosophical manuscripts dated 1844 A.D.] / K. Marx, F. Engel's. Works. 2nd Edition: 42: 44—174. (In Russian).

Mel'nikov I.I. (2021). Vydayushchiysya opyt KPK — dostoyaniye vsego mira [The outstanding experience of the CPC is the heritage of the entire world], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 3: 7—13. (In Russian).

Merkulova E.A., Merkulov K.A., Merkulov K.K. (2019—2022). Sistemologiya istinnogo dobra: izbrannyye osnovy: kollektivnaya monografiya. V 4-kh kn. [Systemology of True Good: Selected Principles: Collective Monograph. In 4 books]. Moscow: Sputnik + PH. (In Russian).

Mikheyev V.V., Lukonin S.A. (2021). Vtoroye stoletiyе Kommunisticheskoy partii Kitaya i novaya bipolyarnost' [The second centenary of the Communist Party of China and the new bipolarity], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, Vol. 65:7: 25—33. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33. (In Russian).

Portyakov V.Ya. (2022). Rol' Kommunisticheskoy partii Kitaya vo vneshney politike Kitayskoy Narodnoy Respubliki [The role of the CPC in the foreign policy of the PRC], *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2019—2021*: monograph, Moscow: IFES RAS, 354 p.: 213—222.

Prepodobnyy Serafim Vyritskiy (2016) [Reverend Seraphim Vyritskiy] / comp. O.L. Rozhneva. 2nd Ed. Moscow. 128 p. (In Russian).

Smirnov D.A. (2022) Ideyno-teoreticheskaya platforma KPK [The CPC ideological and theoretical platform], *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China: policy, economy, culture]*. 2019—2021 : monograph / IFES RAS], Moscow: IFES RAS, 354 p.: 11—17.

Vinogradov A.V. (2021). Kruglyy stol «100-letiyе KPK», provedennyy 28 aprelya 2021 g. (obzor) [The review of the conference “The 100th anniversary of the CPC”, organized on April 28, 2021], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 3: 13—33. (In Russian).

Vinogradov A.V., Salitskiy A.I. (2019). Mozhno li govorit' o formirovaniy v Kitaye novogo obshchestvennogo stroya? [On the problem of formation of a new social formation in China], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*, Vol.89: 172—178. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178>. (In Russian).

* * *

Clifford, Paul G. (2022). The China Paradox: At the Front Line of Economic Transformation. 2nd edition. *Walter de Gruyter GmbH Berlin/Boston*. URL: https://books.google.ru/books?id=bw5QEAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 9 February, 2022).

Gore, Lance. 1958-editor. (2021). The Chinese Communist Party in Transformation: the crisis of identity and possibility for renewal / Editor, Lance L. P. Gore, *East Asian*

Institute, National University of Singapore. New Jersey: World Scientific / Series: EAI se Iries in East Asia, 2529-718X. URL: https://books.google.ru/books?id=FDsoEAAAQBAJ&pg=PA18&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiausHUvPX1AhUCzYsKHZ_0Ans4ChDoAXoECAAQAQ#v=onepage&q=100th%20anniversary%20of%20the%20chinese%20communist%20party&f=false (accessed: 10 February, 2022).

Jacques deLisle, Guobin Yang (2022). *The Party Leads All: The Evolving Role of the Chinese Communist Party*. Washington D.C., *Brookings Institution Press*, 365 p. URL: https://books.google.ru/books?id=_rmLzgEACAAJ&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&source=gbp_book_other_versions (accessed: 09.02.2022).

Lin Chun. (2021). *Revolution and Counterrevolution in China*. First published by *Verso 2021 — versobooks.com* — L., NY. URL: https://books.google.ru/books?id=dMxAEAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 10 February, 2022).

Okawa, Ryuhō. (2021). *The Xi Jinping Thought Now*. Tokyo, *IRH PRESS*. 214 p. URL: https://books.google.ru/books?id=x1FozgEACAAJ&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y (accessed: 9 February, 2022).

Sullivan, Lawrence R., author (2022). *Historical Dictionary of the Chinese Communist Party* / Lawrence R. Sullivan. 2nd ed. / *Lanham: Rowman and Littlefield / Series: Historical dictionaries of Asia, Oceania, and the Middle East*. URL: https://books.google.ru/books?id=adJJEAAAQBAJ&pg=PA187&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiausHUvPX1AhUCzYsKHZ_0Ans4ChDoAXoEAcQAQ#v=onepage&q=100th%20anniversary%20of%20the%20chinese%20communist%20party&f=false (accessed: 10 February, 2022).

Weizheng Shao, Xiaobao Liu (2021). *The Beginning of China's National Renewal: A Century of the Communist Party of China*. New York, *ROYAL COLLINS Publishing Company*, 324 p. URL: https://books.google.ru/books?id=57SRzgEACAAJ&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y (accessed: 9 February, 2022).

DOI: 10.48647/IFES.2022.13.15.025

Я.В. Лексютина

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК «ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ» ДЛЯ РАЗВИТИЯ КИТАЯ И РАСШИРЕНИЯ ЕГО ВЛИЯНИЯ В МИРЕ

Аннотация. Несмотря на то, что пандемия COVID-19 стала сильнейшей встряской для всего мира, создала проблемы и сложности для всех стран без исключения, руководство Китая, тем не менее, попыталось найти в кризисной ситуации новые возможности для развития страны и укрепления ее роли на мировой арене. В статье прослеживается использование Пекином возможностей, которые, по оценкам китайского руководства, создала пандемия COVID-19. Так, необходимость решительной борьбы с пандемией обусловила возможность введения китайскими властями жестких ограничительных мер, позволивших не только сдержать распространение COVID-19, но и реализовать ряд важных внутривнутриполитических задач. Пандемия также открыла возможности для китайского руководства продемонстрировать мобилизационные способности государства, подчеркнуть сильные стороны общественного строя и модели кризисного управления Китая, что способствовало упрочнению позиций политического режима и укреплению легитимности КПК среди населения страны. Обусловленный развитием пандемии возросший глобальный спрос на противоэпидемические средства и вакцины был использован Китаем как для продвижения коммерческих интересов, так и для наращивания «мягкой силы» и влияния в развивающихся странах. Обозначившийся на фоне стремительного распространения пандемии временный вакуум лидерства в вопросах глобального здравоохранения и противодействия

пандемии открыл возможности для Китая претендовать на осуществление этих лидерских функций. В фокусе внимания статьи находится соотнесение конструируемого китайским руководством имиджа Китая как ведущего актора в оказании поддержки развивающимся странам с реальными масштабами китайской помощи в преодолении пандемии, подтвержденными статистикой международных организаций (ЮНИСЕФ, ВТО, МВФ).

Ключевые слова: Китай, пандемия COVID-19, США, вакцинация, дипломатия, лидерство в области здравоохранения, помощь.

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор Кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.
ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ya.V. Leksyutina

The COVID-19 pandemic as a “window of opportunity” for China to expand its influence in the world: ways and means

Abstract. Despite the fact that the COVID-19 pandemic has become the strongest shake-up for the whole world and created pressing problems for all countries, the Chinese leadership, nevertheless, tried to find new opportunities in the crisis situation for the country’s development and strengthening its role on the world arena. The article traces the Beijing’s use of the opportunities that, according to the Chinese leadership, the COVID-19 pandemic has created. The need for a decisive fight against the pandemic made it possible for the Chinese authorities to introduce tough restrictive measures, which made it possible not only to contain the spreading of COVID-19, but also to address a number of important domestic political issues. The pandemic has also opened up opportunities for the Chinese leadership to demonstrate the mobilization ability of the State, highlight the strong features of China’s social order and crisis management model, which helped to strengthen the political regime and the legitimacy of the CCP. The increased global demand for COVID-19 critical products and vaccines driven by the pandemic has been used by China both to pursue commercial interests and to increase soft power and influence in developing countries. Amid the rapid spread of the pandemic, a temporary leadership vacuum in global health and in pandemic response has opened up opportunities for China to make a quest for this leadership role. The article focuses on the correlation of the constructed by the Chinese leadership image of the PRC as a leader in providing support to developing countries with the real scale of Chinese assistance, confirmed by the statistics of international organizations (UNICEF, WTO, IMF).

Keywords: China, COVID-19 pandemic, US, vaccine diplomacy, global health leadership, aid.

Author: Yana V. LEKSYUTINA, Dr.Sc. (Political Sc.), Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor of the American Studies Department, Saint-Petersburg State University.

ORCID: 0000-0001-6766-1792 (lexyana@ya.ru).

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Для современного Китая характерны две уникальные способности — это адаптивность, или способность быстро подстраиваться под новые, меняющиеся условия, и способность превращать кризисные явления мирового развития в возможности или трамплины для собственного усиления. Столкнувшись с пандемией COVID-19 первым, Китай достаточно быстро, в считанные месяцы — с декабря 2019 г. по март 2020 г. — смог стабилизировать эпидемиологическую ситуацию внутри страны, прибегнув к жестким методам в русле политики «нулевой терпимости», а также восстановить деловую активность и внешнюю торговлю. Пандемия, которая на первоначальном этапе рассматривалась многими зарубежными экспертами как способная подорвать международный имидж Китая (из-за первоначальных неудач Пекина в купировании пандемии, а также ставших достоянием широкой международной общественности фактов сокрытия информации о вирусе COVID-19 китайским правительством) и затруднить реализацию китайской инициативы «Пояс и путь» [Huang, p. 1], напротив, открыла для Китая «окно возможностей» для дальнейшего усиления и расширения его влияния в мире.

В китайском Докладе о выполнении плана социально-экономического развития за 2020 год беспрецедентные вызовы, с которыми мир столкнулся ввиду развития пандемии COVID-19, характеризовались как несущие «с собой и небывалые ранее шансы, которые имеют большое стратегическое значение и предоставляют еще большую гибкость для использования»¹. В докладе подчеркивалось, что «Китай по-прежнему находится в периоде важных стратегических шансов», и

¹ Report on the Implementation of the 2020 Plan for National Economic and Social Development and on the 2021 Draft Plan for National Economic and Social Development. March 5, 2021 // XinhuaNews. March 13, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-03/13/c_139807950.htm (accessed: 01.04.2022).

у китайского руководства «есть уверенность, сила и потенциал для того, чтобы создать возможность в кризисных ситуациях, превратить этот кризис в возможность»¹.

Опыт прошедших двух лет с момента развития пандемии позволяет утверждать, что с марта — апреля 2020 г. Китай действительно мог не только эффективно сдерживать и контролировать пандемию, но и использовать кризисные явления, связанные с развитием пандемии, в интересах собственного развития и расширения своего влияния в развивающихся странах. Китайскому руководству удалось решить ряд важных внутривнутриполитических задач, извлечь экономическую выгоду и нарастить «мягкую силу», способную конвертироваться в политическое влияние в развивающемся мире.

Пандемия как «окно возможностей» для реализации внутривнутриполитических и экономических интересов Китая

В контексте решения внутривнутриполитических задач, на фоне пандемии китайские власти смогли значительно расширить свои возможности осуществлять мониторинг, надзор и контроль над населением и общественным дискурсом. Используемые в китайских системах распознавания лиц алгоритмы стали более совершенными (например, они способны распознавать лица людей в масках), была создана система быстрого выявления социальных связей граждан, в полиции и службах реагирования стали широко применяться дроны и автоматизированные системы слежения и пр. В ходе пандемии был отработан механизм полного закрытия страны, проведена инвентаризация методов и определение «узких мест» в вопросах мобилизации китайского населения. В том числе благодаря пандемии COVID-19, позволившей обосновать введение жестких ограничительных «коронавирусных» мер (ограничение свободы передвижения, собраний, слова и права на доступ к информации и пр.), удалось прекратить протесты в Гонконге. Китайские власти получили полный «мандат» от населения на введение жестких ограничительных мер, призванных сдержать распространение COVID-19. Продемонстрированный с весны 2020 г. китайским властями успех в контроле пандемии во многом способст-

¹ Ibid.

вовал укреплению среди населения Китая авторитета КПК и лично Си Цзиньпина. Социологические опросы, проведенные не только китайскими, но и зарубежными институтами¹ [Liu, Xiao, et. al.], свидетельствуют о возросшем на фоне пандемии уровне доверия населения Китая к правительству. В целом в ходе осуществления мер по сдерживанию пандемии Китай значительно усилился в плане внутренней стабильности и повышения легитимности правящей КПК.

Помимо решения внутривластных задач, Китаю удалось извлечь и экономическую выгоду из ситуации, обусловленной распространением COVID-19. В предельно сжатые сроки Китай расширил массовое производство и экспорт масок, средств индивидуальной защиты (СИЗ), аппаратов ИВЛ и прочих предметов медицинского назначения. До пандемии Китай уже был основным поставщиком респираторов и СИЗ, экспортируя их больше, чем все остальные страны мира вместе взятые, а к февралю 2020 г. его производство масок увеличилось в 12 раз [Huang, p. 7]. Насытив внутренний рынок, в середине марта 2020 г. Китай начал поставлять за границу маски, СИЗ, аппараты ИВЛ и другие предметы медицинского назначения. Обладая конкурентными преимуществами перед другими странами как первый испытавший на себе удар пандемии и первый же сумевший ее поставить под контроль и восстановить производство и внешнюю торговлю, Китай смог увеличить свою нишу на мировом рынке товаров, критически важных для борьбы с COVID-19. В 2020 г. на Китай пришлось 43 % мирового экспорта СИЗ по сравнению с 21 % в 2019 г. [Huang, p. 7]. Согласно исследованию Института мировой экономики Петерсона, в стоимостном выражении китайский экспорт СИЗ вырос почти в 4 раза с 22,9 млрд долл. в 2019 г. до 88,1 млрд долл. в 2020 г., из которых экспорт масок и респираторов увеличился с 5,4 до 53,8 млрд долл., защитных костюмов — с 0,9 до 10,8 млрд долл., медицинских перчаток — с 1 до 3,9 млрд долл., щитков для лица — с 13,3 до 16,8 млрд долл. [Bown, p. 11]. Как следует из данных ВТО, в 2020 г. и в первой половине 2021 г. Китай являлся крупнейшим в мире поставщиком противоэпидемических средств: в первой и второй половинах 2020 г. доли Китая достигали 28,7 и 24,8 % мирового экспорта соответственно, тогда как доля второго крупнейшего экспортера, США,

¹ Wu, C. Did the pandemic shake Chinese citizens' trust in their government? We surveyed nearly 20,000 people to find out // The Washington Post. May 5, 2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/05/05/did-pandemic-shake-chinese-citizens-trust-their-government/> (accessed: 02.04.2022).

составляла 12,1 и 11,3 %¹. Однако, с течением времени, по мере адаптации других стран к пандемии, Китай стал постепенно утрачивать свое конкурентное преимущество: другие страны начали наращивать экспорт противоэпидемических средств (США, Германия, Нидерланды, Малайзия, Япония и пр.), и, в частности, соотношение долей Китая и США в мировом экспорте противоэпидемических средств изменилось до 17,7 % к 12,7 % в первой половине 2021 г.

Большие экономические и внешнеполитические дивиденды Китай также смог получить от поставок развивающимся странам вакцин против COVID-19. Китай стал одной из первых стран, разработавших антиковидные вакцины, оперативно наладивших их массовое производство и масштабный экспорт в зарубежные страны (с декабря 2020 г.). На конец января 2022 г. Китай являлся крупнейшим в мире производителем вакцин против COVID-19: в Китае было произведено 41,2 % всех вакцин в мире (в численном выражении — 5 млрд доз вакцин), тогда как в ЕС было произведено 23,9 %, в Индии — 16,5 %, США — 10 %, России — 2,1 %².

Огромный глобальный спрос на вакцины против COVID-19 позволил Пекину выйти на рынки, на которых долгое время доминировали индийские и западные фармацевтические компании [Huang, p. 8]. В конце января 2022 г., незначительно уступая ЕС, Китай занимал позицию второго крупнейшего в мире экспортера вакцин против COVID-19: доля ЕС составляла 39,3 % от всего мирового экспорта, а доля Китая — 33,7 % (в количественном выражении это около 1,7 млрд доз)³.

В стоимостном выражении доля Китая в мировом экспорте вакцин еще значительнее ввиду высокой цены китайских вакцин в сравнении с большинством других вакцин. Согласно информации ЮНИСЕФ, стоимость китайских вакцин CoronaVac (производитель — Sinovac) и BBIBP-CoV (Sinopharm, Beijing) составляет 29,75 долл. за дозу, в то время как, например, произведенная в ЕС Vaxzevria

¹ Trade in medical goods in the context of COVID-19: developments in the first half of 2021. December 14, 2021. P. 6 // WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/medical_goods_update_dec21_e.pdf (accessed: 03.04.2022).

² WTO-IMF COVID-19 vaccine trade tracker. Total supply, as of January 31, 2022 // WTO. URL: https://www.wto.org/spanish/tratop_s/covid19_s/vaccine_trade_tracker_s.htm (accessed: 02.04.2022).

³ WTO-IMF COVID-19 vaccine trade tracker. Exports, as of January 31, 2022 // WTO. URL: https://www.wto.org/spanish/tratop_s/covid19_s/vaccine_trade_tracker_s.htm (accessed: 02.04.2022).

(AstraZeneca) стоит лишь 2,19—3,50 долл., американская mRNA-1273 (Moderna) — 15 долл., произведенная в США Comirnaty (Pfizer BioNTech) — 19,50 долл., Спутник V, произведенный в Казахстане, — 13 долл., а в Аргентине — 9,95 долл.¹

Как свидетельствует статистика ВТО и ЮНИСЕФ, подавляющее большинство вакцин, предоставляемых Китаем развивающимся странам и позиционирующихся китайскими официальными лицами и экспертами как оказание Пекином помощи развивающимся странам, представляет собой коммерческие продажи вакцин, а не безвозмездные поставки. Продажа вакцин против COVID-19 стала для Китая огромным, приносящим десятки миллиардов долларов бизнесом. Так, согласно обнародованным в ходе прошедшей в начале марта 2022 г. 5-й сессии ВСНП 13-го созыва информации, Китай предоставил зарубежным государствам более 2,1 млрд доз вакцин против COVID-19². Ввиду отсутствия китайской официальной статистики относительно того, какую часть из указанного объема составляют коммерческие продажи, а какую — безвозмездная передача вакцин развивающимся странам, приходится обращаться к альтернативным данным. ЮНИСЕФ, например, приводит цифру в 97 млн доз вакцин, поставленных Китаем в форме пожертвований. Из этого следует, что лишь 5 % предоставленных Китаем вакцин развивающимся странам были пожертвованиями, а 95 % (в количественном выражении это около 2 млрд доз) составили продажи китайских вакцин.

Пандемия как «окно возможностей» для наращивания Китаем политического влияния в развивающихся странах

Предоставление Китаем масок, СИЗ, иных предметов медицинского назначения и вакцин иностранным государствам, позволяли ему как реализовывать свои экономические интересы (в случае коммерческих поставок), так и наращивать свою «мягкую силу», способную конвертироваться в политическое влияние в мире. Отправка Пекином развивающимся странам медицинских бригад, групп экспертов, гуманитарных грузов с СИЗ и вакцинами, налаживание ме-

¹ Reported COVID-19 vaccine price per dose. COVID-19 vaccine market dashboard // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/supply/covid-19-vaccine-market-dashboard> (accessed: 01.04.2022).

² Китай предоставил наибольшее количество вакцин от COVID-19 в глобальном масштабе — представитель сессии ВСНП // Жэньминь жибао. 4 марта 2022. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0304/c31521-9966095.html> (accessed: 02.04.2022).

ханизма совместного производства вакцин в развивающихся странах содействовали укреплению позиций Китая в развивающемся мире и завоеванию новых лояльных партнеров. Некоторые эксперты даже выстраивают прямые причинно-следственные связи между предоставлением Китаем вакцин и дипломатическими шагами стран-реципиентов. Например, в декабре 2021 г., спустя неделю после переключения дипломатического признания с Тайваня на КНР, Никарагуа получили первый транш китайских вакцин в виде пожертвований¹.

География распространения Пекином вакцин через пожертвования также говорит о многом. Крупнейшими реципиентами адресной помощи Китая являются его ближайшие и беднейшие соседи: Мьянма получила 9,2 млн доз китайский вакцин в виде пожертвований, Камбоджа — 8,4 млн, Бангладеш — 7,6 млн, Лаос — 7,3 млн, Филиппины — 5 млн².

Регулярно делая заявления о все возрастающих масштабах помощи развивающимся странам, которые Китай оказывает в форме предоставления вакцин, масок или СИЗ, при этом не конкретизируя каково соотношение между коммерческими и безвозмездными поставками, Пекин искусственно конструирует имидж державы, лидирующей в оказании поддержки развивающимся государствам в преодолении пандемии. Искусственность в конструировании имиджа заключается в том, что, как следует из данных ЮНИСЕФ, крупнейшим донором вакцин в мире — суммарно в рамках COVAX и на двусторонней основе — являются США, чьи поставки вакцин в качестве пожертвований составили на конец марта 2022 г. более 512 млн доз вакцин. Второе место занимает Германия, предоставившая в виде пожертвований около 102 млн доз и лишь третье место в списке крупнейших доноров вакцин в мире занимает Китай, предоставивший 97 млн доз вакцин³.

Более того, пожертвования КНР антиковидных вакцин также имеют свою, китайскую специфику. На фоне распространения пандемии COVID-19 в мировой практике сформировалось два основных канала пожертвования вакцин развивающимся странам: посредством

¹ Nicaragua receives China vaccines after cutting ties with Taiwan. December 13, 2021. URL: <https://headtopics.com/sg/nicaragua-receives-china-vaccines-after-cutting-ties-with-taiwan-22836309> (accessed: 02.04.2022).

² COVID-19 vaccine deliveries (China). COVID-19 vaccine market dashboard // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/supply/covid-19-vaccine-market-dashboard> (accessed: 02.04.2022).

³ COVID-19 vaccine deliveries. COVID-19 vaccine market Dashboard // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/supply/covid-19-vaccine-market-dashboard> (accessed: 02.04.2022).

специализированного международного механизма распространения вакцин COVAX и напрямую государством-донором государству-реципиенту в рамках достигнутых двусторонних договоренностей. Предоставление вакцин посредством COVAX в большей степени можно рассматривать как намерение государства-донора поддержать многосторонние усилия по оказанию безвозмездного содействия развивающимся странам в преодолении пандемии¹. А передача вакцин на двусторонней основе, нередко называемая «вакцинной дипломатией» [De Bengy Puvallee, Storeng], отражает намерение государства-донора оказать адресную помощь и получить соответствующую «признательность» от государства-реципиента. Передача пожертвований напрямую позволяет подчеркнуть личный вклад государства в сдерживание глобальной пандемии, улучшить его имидж в стране-реципиенте, содействуя тем самым расширению своего влияния.

Как следует из имеющихся на март 2022 г. данных ЮНИСЕФ, Китай предоставляет вакцины на безвозмездной основе развивающимся странам исключительно на двусторонней основе и никогда посредством COVAX. Для контраста, крупнейший донор вакцин против COVID-19 — США — 85 % пожертвованных вакцин проводит через COVAX и только 15 % передает напрямую. Германия — второй крупнейший донор вакцин в мире — 92 % пожертвований поставяет через COVAX.

Следует отметить, что конструируемый Пекином имидж Китая как лидера в оказании помощи развивающимся странам по преодолению пандемии COVID-19 не в полной мере соответствует реальному положению дел, по крайней мере, если отталкиваться от приводимых ЮНИСЕФ и ВТО статистических данных. Так, в конце ноября 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И по завершении 8-й министерской встречи в рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству указал, что Китай предоставил более 1,8 млрд доз вакцин странам мира, из которых около 180 млн были поставлены в Африку. Также он пообещал передать Африке еще 1 млрд вакцин, из которых 600 млн доз будут предоставлены на безвозмездной основе².

¹ Поскольку вакцинами, распределяемыми в рамках COVAX, могут быть только одобренные ВОЗ (в т.ч. для экстренного применения), российские вакцины в рамках данного механизма распределяться пока не могут.

² Wang Yi: China-aided vaccines to Africa will cross mountains and rivers and outpace the virus // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. December 1, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202112/t20211201_10460739.html (accessed: 01.04.2022).

Данные ВТО дают другую картину: из около 762 млн доз вакцин, полученных Африкой на конец января 2022 г., 44 % было поставлено США, 18 % — ЕС, и 17 % — Китаем (см. табл.). При этом доля пожертвований в общем объеме поставленных в Африку вакцин составила 80 % в случае с США, 61 % — в случае ЕС и лишь 19 % — в случае Китая. Из 128 млн поставленных Китаем в Африку доз вакцин только 24 млн доз было передано безвозмездно (табл. 1).

Таблица 1. Поставки вакцин против COVID-19 в Африку, млн доз, на 31.01.2022

	Поставки коммерческие в рамках COVAX	Поставки коммерческие (прямые)	Пожертвования (прямые)	Пожертвования в рамках COVAX	Число доз всего
США	62	5	1	269	337
ЕС	36	17	21	62	136
Китай	32	71	24	—	128
Всего страны мира	166	110	50	348	762

Источник: WTO-IMF COVID-19 Vaccine Trade Tracker. Supply to Continents, as of January 31, 2022. URL: https://www.wto.org/spanish/tratop_s/covid19_s/vaccine_trade_tracker_s.htm (accessed: 02.04.2022).

Сильный дисбаланс между пожертвованным Китаем количеством доз и проданным наблюдается и в других регионах: в Азии — 67 млн доз против 1108 млн (лишь 6 % пришлось на пожертвования), Европа — 4 млн против 31 млн (13 %), Северная Америка — 1 млн против 74 млн (1,4 %), Южная Америка — 5 млн против 278 млн (1,8 %), Океания — 0,5 млн против 9 млн (6 %)¹. Данные ВТО однозначно указывают на то, что крупнейшими донорами антиковидных вакцин развивающимся странам (на безвозмездной основе) были США и ЕС, а крупнейшим экспортером (когда вакцины продавались с целью получения коммерческой прибыли) был Китай.

Несоответствие реального состояния дел создаваемому Пекином нарративу о лидерстве Китая в оказании помощи развивающимся странам в преодолении пандемии COVID-19 не мешает Пекину, хотя и с разной степенью успешности, продвигать его в мировой дискурс.

¹ WTO-IMF COVID-19 vaccine trade tracker. Supply to continents, as of January 31, 2022. URL: https://www.wto.org/spanish/tratop_s/covid19_s/vaccine_trade_tracker_s.htm (accessed: 03.04.2022).

Пандемия как «окно возможностей» для заявки на лидерство в области глобального здравоохранения

Пандемия COVID-19 с момента ее распространения стала рассматриваться китайскими властями как явление, предоставляющее Китаю возможность проявить себя лидером в области глобального здравоохранения. Ранее этот вектор не был свойственен Китаю в контексте позиционирования его как ответственной великой державы. Так, например, до 2020 г. взносы Китая в ВОЗ были очень ограничены. В двухлетний период 2018—2019 гг. 25 % всех обязательных взносов ВОЗ приходилось на крупнейшего донора ВОЗ — США (237 млн долл.), в то время как обязательные взносы Китая насчитывали лишь 76 млн долл.¹ В среднем добровольных взносов — они составляют 75 % бюджета организации — вклад Китая был еще меньшим, особенно на контрасте с США: добровольные взносы Китая, второй крупнейшей мировой экономики, насчитывали 10 млн долл., а США — 656 млн долл.

Частичное временное самоустранение США при администрации Д.Трампа от осуществления лидерских функций, в том числе в области глобального здравоохранения (что нашло отражение в приостановке финансирования ВОЗ в середине апреля 2020 г. и обнародованном намерении выйти из нее), существенно облегчало Пекину задачу наращивания лидерского потенциала на мировой арене. Для демонстрации своего намерения внести вклад в глобальную борьбу с пандемией Пекин обнародовал инициативу выделить ВОЗ дополнительные пожертвования в 20 млн долл. в марте 2020 г. и еще 30 млн долл. спустя месяц. В августе 2021 г. Китай обозначил решение пожертвовать 100 млн долл. проекту по совместным закупкам и распространению вакцины COVAX (Gavi COVAX AMC) для оказания помощи развивающимся странам².

Китаем также была озвучена инициатива «Шелковый путь здоровья», и китайские вакцины стали позиционироваться как «глобальное общественное благо», которое Китай предлагает миру (при этом Пекин противопоставлял это «вакцинному национализму» других стран).

¹ Assessed contributions payable summary 2018—2019 // WHO. URL: <https://www.who.int/about/funding/assessed-contributions> (accessed: 20.05.2020).

² Для сравнения, пожертвования в адрес Gavi COVAX AMC со стороны США составили 3,5 млрд долл., Германии — 952 млн долл., Японии 940 млн долл. См.: GAVI's donor profiles // GAVI. URL: <https://www.gavi.org/investing-gavi/funding/donor-profiles> (accessed: 03.04.2022).

Последовавший вслед за первоначальным провалом (декабрь 2019 г. — март 2020 г.), успех Китая в сдерживании пандемии позволил Пекину позиционировать страну в качестве образцового лидера в глобальной борьбе с пандемией [Huang, p. 6]. Пекин стал конструировать и продвигать в мировой дискурс нарратив о происхождении вируса (этот аспект в большей степени стал ответной реакцией на обвинения со стороны Вашингтона в адрес Китая), о превосходстве китайской модели кризисного управления в области здравоохранения и противодействия пандемии, о Китае как лидере в предоставлении развивающимся странам помощи в борьбе с пандемией и т. п.

Примечательно, что Пекин проявлял заинтересованность в том, чтобы поделиться с другими странами своим опытом и моделью сдерживания пандемии, а также всячески популяризовал положительные эффекты китайской традиционной медицины в лечении COVID-19. Многие страны признавали успех Китая в сдерживании пандемии и даже восхищались им, однако лишь немногие решились на применение кардинальных мер в русле философии «нулевой терпимости» (среди таких стран можно назвать Сингапур, Австралию, Новую Зеландию).

Нарратив успешности Китая в преодолении пандемии использовался в мировом контексте в целях, с одной стороны, дискредитации мирового лидерства США и американской модели развития, и одновременно утверждения имиджа Китая как ответственной мировой державы, способной возглавить усилия мирового сообщества в области глобального здравоохранения. Сама постановка нарратива таким образом была продиктована как логикой американо-китайского соперничества, при администрации Трампа распространившегося почти на все сферы двустороннего взаимодействия (включая соперничество за превосходство модели развития), так и внешнеполитическими амбициями Китая и его заявкой на мировое лидерство (в китайской интерпретации). В связи с этим принятие на себя ведущей роли в глобальном противодействии COVID-19 рассматривалось Китаем как акт, подкрепляющий его заявку на мировое лидерство.

Нарратив о превосходстве китайской модели государственного управления в условиях кризисного реагирования включал, но не был ограничен лозунгами о том, что Китай первым смог локализовать вспышку COVID-19, стал единственной крупной экономикой, продемонстрировавшей экономический рост в 2020 г. Использовалось противопоставление способности китайской социалистической системы справиться с распространением пандемии внутри Китая и ку-

пировать ее влияние на экономику и, с другой стороны, неспособности американских властей эффективно остановить распространение коронавирусной инфекции в США и возглавить усилия мирового сообщества в борьбе с пандемией. При этом, «узкие места» в китайской системе реагирования на кризисы, ярко проявившиеся в начальный период вспышки COVID-19 в Китае, игнорировались. Акцент в китайском нарративе сделан на способности государства мобилизовать огромное население на реализацию поставленных государством задач и выполнение установок (соблюдение жесткой изоляции, ношение средств защиты и пр.), организовать систему оперативного реагирования на вспышки COVID-19 и в целом благодаря следованию политики «нулевой терпимости» сдерживать распространение пандемии и оперативно наладить восстановление деловой активности.

Такой нарратив, хоть и находил поддержку среди многих развивающихся стран, вызывал отторжение со стороны отдельных развитых. В свою очередь, непринятие китайского нарратива вызывало резкую реакцию Пекина. Наиболее ярким примером стала Австралия, призыв которой в апреле 2020 г. к проведению независимого расследования относительно происхождения вируса COVID-19 в Ухани вызвал резкий ответ со стороны Пекина, включая введение ограничительных торговых мер, и запустил процесс нарастания конфликтности в китайско-австралийских отношениях.

Более того, меры, которые Пекин до сих пор позиционирует как в высшей степени успешные, включая массовые тотальные локдауны, во многих либеральных демократиях воспринимаются как избыточные, репрессивные и нарушающие права человека. А систематическое закрытие Китаем пограничных пунктов пропуска и китайских портов, приводящее к сильнейшим сбоям в мировых производственно-сбытовых цепочках и торговле, провоцирует недовольство со стороны широкого спектра китайских торгово-экономических партнеров.

Заключение

Став первой страной, столкнувшейся с вспышкой COVID-19, Китай смог достаточно быстро переломить складывавшуюся не в его пользу ситуацию и использовать пандемию COVID-19 в своих интересах: внутривнутриполитических, экономических и внешнеполитических. Вместе с тем, важно отметить, что сделанные в статье выводы носят

промежуточный характер. Мир пока еще не вступил в постковидный период, эффективность разных вакцин против различных штаммов COVID-19 также пока не в полной мере раскрыта (в частности, некоторые эксперты ставят под сомнение эффективность китайских вакцин), и перспективы выхода Китая из пандемийной реальности ввиду специфики применяемой им политики «нулевой терпимости» пока неясны. Более того, коммерческие выгоды, которые китайские производители извлекали из связанной с пандемией ситуации, по мере снижения остроты пандемии будут сокращаться (падение спроса на СИЗ, вакцины и пр.). Также под вопросом то, будут ли набранные Пекином во время пандемии COVID-19 «внешнеполитические очки» (или иными словами — ресурс «мягкой силы») конвертированы в устойчивое, а не кратковременное политическое влияние Китая в развивающихся странах. И, наконец, ситуация в 2020—2021 гг. была очень динамична в плане участия великих держав в глобальной борьбе с пандемией: если на начальном этапе пандемии западные страны — страны ЕС и США — несколько запаздывали по сравнению с Китаем в вопросах оказания помощи развивающимся странам, наращивании мощностей по производству СИЗ и вакцин, то примерно к середине 2021 г. они уверенно перехватили инициативу у Китая. И если примерно с середины 2020 г. по середину 2021 г. Китай имел основания для заявлений о его успехе и вкладе в дело глобального противодействия COVID-19, превосходящих успехи и вклад других стран, то ситуация стала меняться с середины лета 2021 г.

Библиографический список / References

Bown, Ch. (2021). How COVID-19 Medical Supply Shortages Led to Extraordinary Trade and Industrial Policy, *Washington: PIIE*, 29 p. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/wp21-11.pdf> (accessed: 3 April, 2022).

De Bengy Puyvallee, A.; Storeng, K.T. (2022). COVAX, Vaccine Donations and the Politics of Global Vaccine Inequity. *Global Health* 18, 26. DOI: 10.1186/s12992-022-00801-z. URL: <https://globalizationandhealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12992-022-00801-z#citeas> (accessed: 3 April, 2022).

Huang, Y. (2022). The COVID-19 Pandemic and China's Global Health Leadership. *Council Special Report. Washington: Council on Foreign Relations*, no. 92, 42 p.

Liu, B.; Xiao, J.; Li, L.; Wu, G. (2021). Do Citizen Participation Programs Help Citizens Feel Satisfied with Urban Redevelopment Policy in China? *Journal of Chinese Governance*, 30, 132: 930-944. DOI: 10.1080/10670564.2021.1893558.

DOI: 10.48647/IFES.2022.62.35.024

В.Е. Петровский

КОНЦЕПЦИИ И РЕАЛЬНОСТИ «ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО ПАРТНЕРСТВА»: ВЗГЛЯДЫ ИЗ КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена обсуждению стратегий концепции «Индо-тихоокеанского партнерства» (ИТП) и практических действий по ее формированию в китайском научно-экспертном сообществе как с точки зрения геополитики и теории международных отношений, так и с точки зрения национальных интересов и интересов безопасности самого Китая. Автор предлагает гипотезу о том, что китайский анализ ситуации вокруг ИТР является ситуативным и мотивируется прежде всего стремлением дать геополитический и геоэкономический ответ на конкурентный вызов со стороны США.

По мнению китайских исследователей, последние несколько администраций США последовательно продвигали «Индо-тихоокеанскую стратегию». Со времен администрации Барака Обамы Соединенные Штаты планировали усилить систему сдержек и противовесов против Китая в рамках «системы двух океанов» — Индийского и Тихого, особенно для укрепления отношений между Соединенными Штатами и Индией и продвижения переговоров по «Транс-тихоокеанскому партнерству».

В Китае констатируют, что продвижение американской Индо-тихоокеанской стратегии США побудило страны за пределами региона последовать их примеру, особенно европейских союзников США. С 2019 г. они сформулировали стратегические документы по Индо-Тихоокеанскому региону. Европа, по мнению китайских исследователей, более делает упор на «стратегическую автономию» и уделяет больше внимания укреплению экономических связей в своем

диалоге с АСЕАН. Однако будущая региональная политика и действия Европы не могут быть полностью независимыми от США.

В контексте «тайваньской проблемы» особое, если не первоочередное, внимание китайские исследователи уделяют актуальной и потенциальной роли Тайваня в формировании Индо-тихоокеанского партнерства. В частности ими отмечается, что первоначальная роль так называемой Новой политики южного направления, выдвинутой администрацией острова, заключалась в содействии диверсификации экономического развития Тайваня и улучшении структуры его внешнеэкономических связей. Еще задолго до того, как Соединенные Штаты рассматривали возможность включения Тайваня в свою «Индо-тихоокеанскую стратегию», Тайбэй активно стремился присоединиться к ней, надеясь использовать влияние США в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, стратегия Индо-Тихоокеанского партнерства, геополитика, концепция «наступательного реализма», американско-китайское соперничество, QUAD, ВРЭП.

Автор: Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН. ORCID: U-1454-2017.
E-mail: petrovsk4@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. Ye. Petrovskiy

Concepts and Realities of the ‘Indo-Pacific Partnership’: Views from China

Abstract. The article is devoted to the discussion on the strategies of the Indo-Pacific Partnership (IPP) concept and practical actions for its formation going on in the Chinese academic and expert community, both from the point of view of geopolitics and the theory of international relations, and from the point of view of national and security interests of China itself. The author proposes a hypothesis that the Chinese analysis of the situation around the Indo-Pacific region is situational and is motivated primarily by the desire to give a geopolitical and geo-economic response to the challenge of competition from the United States.

According to Chinese researchers, the last few US administrations have consistently promoted the “Indo-Pacific strategy.” Since the administration of Barack Obama, the United States has planned to strengthen the system of checks and balances against China under the “two oceans system” — Indian and Pacific, especially to strengthen relations between

the United States and India and advance negotiations on the “Trans-Pacific Partnership”.

In China, it is noted that the promotion of the American Indo-Pacific strategy of the United States has prompted countries outside the region to follow suit, especially the European allies of the United States. Since 2019, they have formulated strategic documents for the Indo-Pacific region. Europe, according to Chinese researchers, is placing more emphasis on “strategic autonomy” and paying more attention to strengthening economic ties in its dialogue with ASEAN. However, the future regional policy and actions of Europe cannot be completely independent of the US.

In the context of the “Taiwan problem”, Chinese researchers pay special, if not primary, attention to the actual and potential role of Taiwan in the formation of the Indo-Pacific Partnership. In particular, they note that the initial role of the island administration's so-called “New Southern Policy” was to help diversify Taiwan's economic development and improve the structure of its foreign economic relations. Long before the United States began considering the inclusion of Taiwan in the US Indo-Pacific Strategy, Taipei actively sought to join it, hoping to leverage U.S. influence in the Indo-Pacific region.

Keywords: Indo-Pacific region, strategy of the Indo-Pacific Partnership, geopolitics, concept of offensive realism, America-China rivalry, QUAD, RCEP.

Author: Vladimir Ye. PETROVSKIY, Dr.Sc. (Political Science), Chief Academic Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: U-1454-2017;
E-mail: petrovsk4@gmail.com

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

Представители китайского научного и экспертного сообщества обращают внимание на то, что в последнее время активизировались, особенно в США, обсуждение концепции «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР) и практические действия по ее формированию. Эти усилия воспринимаются как попытки «переформатировать» Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) для достижения своих геостратегических и геополитических интересов.

Ниже представлен авторский анализ взглядов китайских ученых и экспертов на концепции ИТР и практические усилия по формированию так называемого Индо-тихоокеанского партнерства как с точки зрения геополитики и теории международных отношений, так и, прежде всего, — с точки зрения интересов безопасности самого Китая. Автор предлагает гипотезу о том, что китайский анализ положения

вокруг ИТР является ситуативным и мотивируется прежде всего стремлением дать геополитический и геоэкономический ответ на вызов конкуренции со стороны США.

Представители китайского аналитического сообщества рассматривают данную проблематику в исторической ретроспективе. Так, Чжао Минхао — научный сотрудник Института Чархар, приглашенный научный сотрудник Чунъянского института финансовых исследований Народного университета Китая и член Китайского национального комитета Совета по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (CSCAP), отмечает, что понятие «Индо-Тихоокеанский регион» впервые было предложено немецким ученым-геополитиком Карлом Хаусхофером еще в 1920-х гг. В последние годы оно стало весьма популярным среди стратегов США, Индии, Австралии и других стран. Современную концепцию ИТР предложил в 2012 г. бывший премьер-министр Японии Синдзо Абэ.

Последние администрации США последовательно продвигали «Индо-тихоокеанскую стратегию». Со времен Б. Обамы Соединенные Штаты планировали усилить систему сдержек и противовесов против Китая в рамках «системы двух океанов» — Индийского и Тихого, особенно для укрепления отношений между Соединенными Штатами и Индией и продвижения переговоров по «Транс-тихоокеанскому партнерству». Администрация Дж. Байдена, вступившая в должность в январе 2021 г., неоднократно заявляла, что конкуренция — это суть американо-китайских отношений. «Индо-Тихоокеанский регион» является ключевым регионом стратегического соперничества между США и Китаем [Чжао Минхао].

Со своей стороны, Ли Чэн, приглашенный научный сотрудник Центра изучения стратегии и безопасности Университета Цинхуа, указывает: «Индо-тихоокеанская стратегия» администрации Дж. Байдена демонстрирует, что нынешний Белый дом унаследовал убежденность в большом стратегическом значении «Индо-Тихоокеанского региона» от администрации Д. Трампа, и в то же время обобщает стратегическую практику и обеспечивает стратегическое планирование для следующего этапа.

Китайский ученый также указывает на то, что «Индо-Тихоокеанская стратегия» администрации Трампа сталкивалась с ограничителями, препятствующими ее реализации, включая первоначальный чрезмерный акцент на проблематике Корейского полуострова и собственную непоследовательность; использование таких инструментов внешней политики, которые недооценивают возможности диплома-

тии и слишком сильно полагаются на вооруженные силы; трения с основными союзниками, такими как Япония и Южная Корея, по вопросам торгово-экономических отношений и обороны и др. «Индо-тихоокеанская стратегия» Белого дома по-прежнему рассматривает Китай в качестве основного конкурента, но также вносит коррективы, исходя из стратегической концепции команды Байдена и изменения ситуации. В этой связи, в частности, предлагалось:

Во-первых, еще больше усилить тему стратегического соперничества с Китаем и приглушить «вызовы» Корейского полуострова и других направлений.

Во-вторых, сделать акцент на «возвращении» США в регион, приглушить протекционизм в экономической сфере, уменьшить трения со странами, кроме Китая, и создать условия для всесторонней мобилизации союзников и партнеров.

В-третьих, не рассматривать военные методы как основное средство, а придавать значение комплексному использованию различных средств [Ли Чэнь].

Китайские исследователи внимательно прослеживают процесс формирования Индо-тихоокеанской стратегии США за последние годы. В ноябре 2019 г. Государственный департамент США впервые опубликовал суммированный публичный документ под названием «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (FOIP), в котором комплексно и обобщенно было представлено видение стратегии США в ИТР¹.

В мае 2021 г. были обнародованы ранее засекреченные «Контурные стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона» (U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific²) — стратегии, которая расценивается как некая гарантия преемственности внешнеполитической линии Вашингтона на азиатском направлении независимо от партийной принадлежности руководства страны.

Прежде всего, по мнению китайских экспертов, этот документ предусматривает ужесточение противостояния с Китаем в военной и экономической сферах. На его основе были сформулированы прикладные и вспомогательные стратегические документы, такие как

¹ A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. November 4, 2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (accessed: 28.04.2022).

² U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 28.04.2022).

«Стратегический подход США к Китайской Народной Республике», «Стратегический план США по противодействию экономической агрессии Китая», «План кампании США по противодействию пагубному влиянию Китая в международных организациях» и др.

Итоговый вариант «Стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)» появился после министерской встречи Госсекретаря США Э. Блинкена со странами Quad и Южной части Тихого океана в Австралии в феврале 2022 г., и стал окончательной версией обнародованных в мае 2021 г. «Контуров стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона» (U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific), демонстрируя преемственность внешнеполитической линии на азиатском направлении администрации Дж. Байдена и ее предшественниц¹.

Наиболее очевидное доказательство такой преемственности китайские ученые и эксперты видят в стремлении сдерживать Китай в ИТР. В Стратегии заявлено, что «КНР объединяет свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, преследуя цель получить сферу влияния в Индо-Тихоокеанском регионе и стремясь стать самой влиятельной державой в мире. Принуждение и агрессия со стороны КНР охватывают весь земной шар, но наиболее остро они проявляются в Индо-Тихоокеанском регионе. От экономического принуждения Австралии до конфликта вдоль линии фактического контроля с Индией, до растущего давления на Тайвань и запугивания соседей в Восточном и Южно-Китайском морях, наши союзники и партнеры в регионе несут основные последствия зловерного поведения КНР»².

В Китае обращают внимание на то, что авторы документа все-таки делают оговорку, что «не собираются менять Китай» и придерживаются (несмотря на американскую поддержку Тайваня) политики «одного Китая». Но это, по их мнению, не изменяет антикитайской сути «Стратегии». При этом способ конкуренции, к которому стремится администрация Байдена в своей «Индо-тихоокеанской стратегии», — это «всесторонняя конкуренция, а не только одна область геополитики. Администрация Байдена понимает, что путь, ориентированный на традиционную геостратегическую конкуренцию, приведет лишь к ограниченному эффекту реализации стратегии в «Ин-

¹ Ibidem.

² Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. The White House, Washington. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 28.04.2022).

до-Тихоокеанском» регионе, поэтому она не подчеркивает роль «жесткой силы» США в других областях, помимо геополитики, как это делала администрация Трампа. В этой версии «Индо-Тихоокеанской стратегии» администрация Байдена не использует традиционную концепцию «баланса сил», а вместо этого делает акцент на «балансе влияния» в пользу США [Чжао Минхао].

Практическая реализация стратегии ИТП осуществляется по линии создания многосторонних форматов сотрудничества. Главным из них считается объединение «Квадро» (QUAD), призванное «сплотить четыре демократии» Индо-тихоокеанского региона — США, Японию, Австралию и Индию.

Как полагают в связи с этим некоторые китайские эксперты, «В Евразии есть две основные линии геополитики: вопрос контроля над «мировым островом» с позиции сухопутной мощи и связь Средиземного моря с Индийским океаном и Тихим океаном с позиции морской мощи. В контексте хаотической и турбулентной евразийской сухопутной структуры власти, вызванной украинским кризисом, ЕС неизбежно повернется ко второй основной линии, нарастит ресурсные инвестиции в Индо-Тихоокеанский регион, обеспечит поставки ключевых сырьевых материалов и проявит свое геополитическое влияние» [Го янь юань фабу...].

При этом нельзя не заметить американской избирательности в выборе партнеров. Среди них нет, например, Пакистана, Шри-Ланки и Мьянмы, которые поддерживают тесные отношения с Китаем. Говорится также о желании «работать с АСЕАН, чтобы повысить ее устойчивость в качестве ведущего регионального института». Однако в списке региональных партнеров страны АСЕАН упомянуты по отдельности. Также говорится о желании развивать отношения с «союзниками и партнерами за пределами региона», прежде всего с ЕС и НАТО, чтобы «согласовывать наши подходы и реализовывать наши инициативы в координации, для увеличения нашей эффективности»¹.

В новом стратегическом документе, подчеркивают китайские исследователи, впервые упоминаются инициативы в сфере экономики и торговли, при том, что раньше речь шла исключительно о военно-политической составляющей деятельности США в ИТР. Говорит-

¹ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. The White House, Washington. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 28.04.2022).

ся о том, что двусторонняя торговля между Соединенными Штатами и регионом в 2020 г. составила 1,75 трлн долл., а прямые иностранные инвестиции из США в 2020 г. превысили 969 млрд долл., почти удвоившись за последнее десятилетие. Демонстрируя свою экономическую заинтересованность в региональном развитии и пытаясь «отодвинуть» Китай, авторы документа декларируют: «Соединенные Штаты остаются инвестиционным партнером номер один в странах-членах АСЕАН, инвестируя больше, чем следующие три инвестиционных партнера Юго-Восточной Азии вместе взятые»¹.

Понимая ожидания стран региона в контексте китайских инициатив, США предлагают своим партнерам «Индо-тихоокеанскую рамочную экономическую основу — многостороннее партнерство для XXI века». Однако, констатируют китайские ученые и эксперты, идея этой экономической основы для ИТР предлагается лишь в самой общей форме. Возможно, речь идет об американском стремлении замечать чем-то Транс-тихоокеанское партнерство (ТТП), из которого США вышли при Дж. Байдене. Однако пока видны лишь самые общие контуры новой инициативы, и ее успех далеко не очевиден.

Судя по реальной политике администрации Байдена, объединение союзников и партнеров для противодействия региональному влиянию Китая стало основной целью «Индо-тихоокеанской стратегии». Однако «существует серьезное противоречие между стратегией США по подавлению Китая и региональной стратегией, которую они рассчитывают получить, что приведет лишь к проигрышному исходу» [Сунь Чэнхао, Ван Цзиншу].

Китайские исследователи Сунь Чэнхао и Ван Цзиншу указывают и на то, что по мере вступления в силу Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) азиатско-тихоокеанская региональная экономическая интеграция демонстрирует новые успехи. Администрация Байдена видит это и надеется вмешиваться в региональные дела через «Индо-тихоокеанскую стратегию», делиться дивидендами регионального развития и даже возглавить региональное развитие.

Реализация новой американской стратегии предусматривает десять основных направлений деятельности в течение ближайших 1—2 лет: привлечение новых ресурсов в ИТР; создание индо-тихоокеанской экономической рамочной структуры; усиление возможностей сдерживания; укрепление и усиление единой АСЕАН; поддержка

¹ Ibidem.

возвышения и регионального лидерства Индии; развитие Quad; расширение сотрудничества США, Японии и Республики Корея; партнерское участие в обеспечении устойчивого развития островов Южной части Тихого океана; поддержка «благого правления» и подотчетности; поддержка открытых, устойчивых, безопасных и надежных технологий.

В результате смещения глобального стратегического фокуса США на Индо-Тихоокеанский регион, их «Индо-тихоокеанская стратегия» распространилась на такие сферы как безопасность, экономика, новые технологии, строительство инфраструктуры и другие аспекты. Она также делает союзников США в «Индо-Тихоокеанском регионе» главной осью соответствующих усилий [Сунь Чэнхао, Ван Цзиншу].

В Китае констатируют, что в первую очередь европейские союзники США (Франция, Германия, Нидерланды и Европейский союз) с 2019 г., действуя в русле американской политики, последовательно формулировали стратегические документы по Индо-Тихоокеанскому региону, стремясь усилить свое присутствие в нем. Европа, по мнению китайских исследователей, делает упор на «стратегическую автономию» и уделяет больше внимания укреплению экономических связей в своем диалоге с АСЕАН. Однако будущая региональная политика и действия Европы не могут быть полностью независимыми от США.

Как ЕС будет сотрудничать или конкурировать с «Индо-тихоокеанской стратегией» США? Как это будет влиять на Китай? И как Китай должен реагировать? Представители академического сообщества *Fudan Europe Observation* (сформированного учеными-европеистами Фуданьского университета в Шанхае) высказали свое мнение по данным вопросам.

Так, по мнению Чжан Ци, Индо-тихоокеанская стратегия Франции и ЕС отличается от стратегии США. Стратегия США сосредоточена на геоконкуренции, в основном нацеленной на сдерживание Китая. Хотя Индо-тихоокеанские стратегии Франции и Евросоюза также имеют интенцию предотвратить быстрый рост влияния Китая, они в то же время делают акцент на «сотрудничестве» и «управлении», и на эту разницу следует обратить внимание.

При этом Цзянь Цзюньбо считает, что хотя политика ЕС в отношении Индо-Тихоокеанского региона исключает КНР из числа его «партнеров», Китаю по-прежнему следует стремиться к двустороннему и многостороннему сотрудничеству с ЕС в регионе. В стратегиче-

ском документе ЕС «Индо-Тихоокеанский регион» возможности сотрудничества с Китаем полностью не исключаются.

Со своей стороны Чжан Сяотун полагает, что ситуация вокруг Украины «не может помешать продвижению США и других западных стран в Индо-Тихоокеанский регион, а морское геоэкономическое положение Китая усложнится. Морской Шелковый путь столкнется с более острой конкуренцией. В этом контексте Китаю необходимо срочно укрепить строительство Морского Шелкового пути, увеличить инвестиции в ресурсы, способствовать созданию нового порядка морской безопасности и сотрудничества, а также стимулировать экономическое развитие стран, расположенных вдоль Морского пути» [Го янь юань фабу...].

В контексте «тайваньской проблемы» особое, если не первоочередное внимание китайские исследователи уделяют актуальной и потенциальной роли Тайваня в формировании Индо-тихоокеанского партнерства. Цэн Сяосюй, например, анализируя так называемую Новую политику южного направления, выдвинутую администрацией Тайваня во главе с Цай Инвэнь, отмечает, что ее первоначальная цель заключалась в содействии диверсификации экономического развития Тайваня и улучшении структуры его внешнеэкономических связей. Задолго до того, как Соединенные Штаты рассматривали возможность включения Тайваня в «Индо-тихоокеанскую стратегию», Тайбэй активно стремился присоединиться к ней, надеясь использовать влияние Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе.

В докладе Госдепартамента США «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион: продвижение общего видения» (ноябрь 2019 г.) тайбэйская «Новая политика южного направления» упоминалась. Соединенные Штаты заявили, что «Индо-тихоокеанская стратегия» укрепит их двустороннее партнерство с Тайванем, тесно интегрировав его с «Новой политикой в южном направлении».

Законодательные усилия Конгресса США по усилению американских гарантий в деле поддержания обороноспособности и международного пространства для Тайваня показывают, что США придают большое значение возможной роли Тайваня в «Индо-тихоокеанской стратегии». Это свидетельствует о том, что США хотят укрепить не только двустороннее партнерство с Тайванем, но и связи острова с зарубежными странами.

Речь прежде всего идет об Индии. Судя по текущей тенденции развития «Индо-тихоокеанского партнерства», тенденция, способствующая повышению международного статуса Индии, будет продол-

жаться, полагает ученый. «Хотя Моди с тех пор, как пришел к власти, неоднократно заявлял о своей стратегической независимости и позиции неприсоединения путем проведения дипломатии баланса между великими державами (Китаем и Соединенными Штатами),...не исключено, что Индия воспользуется силой Соединенных Штатов, чтобы уравновесить Китай» [Цэн Сяосюй].

В этом контексте Цэн Сяосюй цитирует Дж. Миршаймера, американского ученого, придерживающегося взглядов «наступательного реализма», который прямо заявил, что Тайвань как «пешки» США уже недостаточно для сдерживания Китая, и на этом фоне США срочно необходимо повысить статус Индии. «Новая политика южного направления» тайваньской администрации выполняет двойную функцию: противодействие материковому Китаю и при этом — сближение с Индией, поэтому она была включена в ту часть, которую необходимо усилить [Цэн Сяосюй].

По мере углубления своей проамериканской политики Тайвань будет все более и более внедряться в американскую «Индо-Тихоокеанскую стратегию», заключает автор. «Чем глубже будет интеграция Тайваня в «Индо-тихоокеанскую стратегию», тем большую цену он заплатит» [Цэн Сяосюй].

Таким образом, можно заключить, что китайские ученые и эксперты, внимательно следя за эволюцией концепции «Индо-Тихоокеанского партнерства» и политикой США, их союзников и партнеров по ее практической реализации, приходят к выводу о том, что авторы этих концепций и политики исходят из постулатов западной геополитики и теории международных отношений, прежде всего из «наступательного реализма» американского политолога-международника Дж. Миршаймера.

При этом китайские исследователи также придерживаются позиций «жесткого», классического реализма в международных отношениях, исходя, прежде всего, из необходимости защиты и продвижения интересов безопасности самого Китая. Это подтверждает авторскую гипотезу о том, что китайский анализ положения вокруг ИТР является ситуативным и мотивируется прежде всего стремлением дать геополитический и геоэкономический ответ конкуренции со стороны США.

Также китайский анализ стратегий в Индо-Тихоокеанском регионе и попыток сформировать ИТП создает для российского научно-экспертного сообщества необходимость повышенного внимания к роли российско-китайского стратегического партнерства в разви-

тии механизмов безопасности и сотрудничества в Евразии, Северо-Восточной Азии и АТР. Речь идет, прежде всего, о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), механизмах сопряжения евразийской интеграции и китайской инициативы «Пояс и путь», а также последовательной реализации российской инициативы Большого Евразийского партнерства (БЕП).

Библиографический список [references]

Ceng Xiaoxu (2020). “Yin tài zhànlüè” xià táiwān “xīn nán xiàng zhèngcè” juésè de biànhuà [The changing role of Taiwan's “New Southbound Policy” within the framework of the “Indo-Pacific Strategy”], *Tōngyī lùntán” zázhi* [“United Forum” Journal], 18 August, 2020. (In Chinese). URL: http://www.zhongguotongcuhui.org.cn/tylt/202001/202008/t20200818_12290930.html (accessed: 28.04.2022).

Guó yán yuàn fābù. Fùdàn ōuzhōu guānchá (shísi): Ōuméng “yìn tài” hézuò lùntán wèihé méi yāoqǐng zhōng měi liǎng guó? (2022) [Why did the EU “Indo-Pacific” Cooperation Forum not invite China and the United States?]/ *Fùdàn dàxué guójì wèntí yán jiū yuán* [National Research Institute. Fudan Europe Observation (14): Institute of International Studies, Fudan University], 02 March, 2022. (In Chinese). URL: <https://fdi.fudan.edu.cn/9e/14/c21257a433684/page.htm> (accessed: 28.04.2022).

Li Chen (2022): Bǎi dēng zhèngfǔ zhèngshì chūtái “yìn tài zhànlüè” [Biden administration officially launched “Indo-Pacific Strategy”], 23 March, 2022. (In Chinese). URL: <https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/mggc/4651> (accessed: 28.04.2022).

Sun Chenghao, Wang Jingshu (2022). Měi chōngshí “yìn tài zhànlüè” jiājù duì yàtài pòhuài [US Enriches Indo-Pacific Strategy to Increase Damage to Asia-Pacific]. (In Chinese). URL: <http://www.nanhai.org.cn/search-detail/12025/1.html> (accessed: 28.04.2022).

Zhào Míngào (2022): Jiù píng xīnjiǔ bài dēng zhèngfǔ de “yìn tài zhànlüè” fābù shíjiān [Zhao Minghao: “Young Wine in Old Wineskins: The Biden Administration’s Indo-Pacific Strategy”], February 15, 2022. (In Chinese). URL: http://www.rdcy.org/index/index/news_cont/id/692278.html (accessed: 28.04.2022).

DOI: 10.48647/IFES.2022.76.85.023

Ван Яли, А.О. Виноградов

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В АТР И ПОЗИЦИЯ КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ ВРЭП И ТТП

Аннотация. Вступление в силу соглашения о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) обозначает новый шаг в институциональной конкуренции в АТР. При этом для России сегодня происходящие в АТР интеграционные процессы очень важны с точки зрения выбора собственной стратегии экономического развития и налаживания внешнеэкономических связей с этим регионом.

В этом плане важно проанализировать, с одной стороны, конкретные особенности вступившего в силу соглашения ВРЭП, а с другой, — перспективы развернувшегося сегодня в АТР так называемого институционального противостояния, которое имеет значение не только для участвующих в нем региональных игроков, но и для России, которой предстоит очередной раз сделать непростой выбор.

Термин «институциональная конкуренция» в последнее время становится все более и более популярным среди самых различных ученых, занимающихся международными отношениями, особенно в экономической сфере. Важность институциональной конкуренции становится особенно очевидной по мере нарастания экономической и политической мощи Китая и выдвижения последним претензий на большую роль в мировых делах и мировых институтах управления. Основное, на наш взгляд, направление в конкуренции между Китаем (восходящей державой) и США (доминирующей державой) — борьба за изменение условий и доминирование в международных институтах. И это стало одним из основных направлений в усилиях Китая по установлению так называемой многополярности. В том числе одной из причин создания ШОС и особенно БРИКС.

Аналізу характеру інституціональної конкуренції в АТР і різних підходах до інтеграційних процесів в цьому регіоні, а також особливостям регулювання торгівлі і інвестиційної діяльності в рамках ВРЭП, Транстихоокеанського партнерства (ТТП), а також пришедшего на смену ТТП Всеобъемлющего і прогрессивного угоди про Транстихоокеанському партнерстві (ВПТТП) і присвячена дана стаття.

Ключевые слова: Азійсько-тихоокеанський регіон, інституціональна конкуренція, регіональна інтеграція, ВРЭП, ВПТТП.

Автори: Ван Ялі, магістрант факультета світової економіки і світової політики НІУ ВШЭ. E-mail: yavan_2@edu.hse.ru

Виноградов Андрій Олегович, доцент Школи східознавства факультета світової економіки і світової політики НІУ ВШЭ; ведучий научний співробітник ІДВ РАН. ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinandr@mail.ru

Конфликт интересов: Автори заявляють про відсутності конфлікту інтересів.

Wang Yali, A.O. Vinogradov

Institutional Competition in the Asia-Pacific Region and China's Position on RCEP and TTP

Abstract. The entry into force of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) agreement marks a new step in institutional competition in the Asia-Pacific region. At the same time, integration processes taking place in the AP are very important for Russia in terms of choosing its own economic development strategy and establishing foreign economic ties with the region.

In this regard, it is important to analyze, on the one hand, the specific features of the RCEP agreement that entered into force, and, on the other hand, the prospects of the so-called “institutional confrontation” unfolding today in the APR, which is important not only for the regional players involved, but also for Russia, which once again has to make a difficult choice.

The term “institutional competition” has recently become more and more popular among a wide variety of scholars of international relations, especially in the economic sphere. The importance of institutional competition has become particularly evident as China's economic and political power has grown and the latter has laid claim to a greater role in world affairs and global government institutions. The main, in our view, direction in the competition between China (the rising power) and the United States (the dominant power) is the struggle for changing conditions and for dominance in international institutions. And this has become one of the main directions in China's efforts to establish the so-called “multipolarity”. And

this represents also one of the reasons for the creation of the SCO and especially the BRICS.

The article analyzes the nature of institutional competition in the Asia-Pacific region and the different approaches to integration processes in the region, as well as specifics of trade and investment regulation within the RCEP, the Trans-Pacific Partnership (TTP) and the Comprehensive and Progressive Trans-Pacific Partnership (CPTTP) that replaced it.

Keywords: Asia-Pacific region, institutional competition, regional integration, RCEP, CPTTP.

Authors: WANG Yali, Master's student of the Higher School of Economics. E-mail: yavan_2@edu.hse.ru

Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Associate Professor of the School of Oriental Studies of the Higher School of Economics; Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0067-2168.

E-mail: vinandr@mail.ru

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

С 1 января 2022 г. вступило в силу соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). При этом нужно отметить, что переговоры о заключении Соглашения велись на протяжении более 10 лет, а само Соглашение было подписано еще в ноябре 2020 г..

Вступление в силу этого соглашения не только серьезно меняет существующую в АТР конфигурацию экономических и торговых потоков, но и означает начало нового этапа в институциональной конкуренции в АТР. При этом для России сегодня, в силу многих обстоятельств, включая крайне серьезное осложнение торгово-экономических связей со странами Европы и другими странами, поддержавшими введение жестких санкций против российской экономики, опыт происходящих в АТР интеграционных процессов крайне важен ввиду необходимости выбора ее собственной стратегии экономического развития и внешнеэкономических связей. России крайне важно не остаться в стороне от интеграционных процессов в Азии и попытаться серьезно активизировать свои усилия по налаживанию экономических и политических связей с конструктивными интеграционными объединениями. Именно в этом, на наш взгляд, должен в первую очередь состоять заявленный уже почти 10 лет назад руководством РФ «поворот на Восток», который теперь, когда отношения России с

«коллективным Западом» предельно обострились, стал насущной необходимостью.

В силу этого представляется целесообразным проанализировать, с одной стороны, конкретные особенности вступившего в силу соглашения ВРЭП, а с другой, — перспективы развернувшегося сегодня в АТР так называемого институционального противостояния, которое имеет значение не только для участвующих в нем глобальных и региональных игроков, но и для России, которой предстоит очередной раз сделать непростой выбор.

Термин «институциональная конкуренция» в последнее время становится все более и более популярным в различных экспертных сообществах, занимающихся международными отношениями, особенно в экономической сфере. Например, Джон Мюллер в сравнительно недавней статье подчеркивает, что так называемый американский мир (*Pax Americana*) отличается от «британского мира» (*Pax Britannica*) прежде всего явственным доминированием США в международных институтах, конвенциях и регламентах [Mueller], выступающих в качестве «глобальных общественных благ» [Nye]. Другими словами, существует некая «институциональная гегемония», которая является особой чертой международных отношений¹.

Важность институциональной конкуренции стала очевидной по мере нарастания экономической и политической мощи Китая и выдвижения последним претензий на большую роль в мировых делах и глобальных институтах управления, таких как МВФ и ВБ, а также в мировой финансовой системе в целом (через включение юаня в корзину мировых резервных валют и т. п.) (подробнее см. [Виноградов А.О. Ассиметричный ответ...]). В этом контексте обозначилось основное, на наш взгляд, направление в конкуренции между Китаем (восходящей державой) и США (доминирующей державой) — борьба за господство и изменение режима международных институтов. И это стало одним из основных направлений активности Китая по установлению так называемой многополярности. И одной из причин создания ШОС и особенно БРИКС.

Первое упоминание об «институциональном праве голоса на международной арене»² прозвучало из уст руководителя КНР Си Цзинь-

¹ From traditional to institutionalized hegemony. URL: <http://www.g7.utoronto.ca/schol/ar/bailin/bailin2000.pdf> (accessed: 10.05.2022).

² Xi Jinping zai baxiguo yuyi de yuanjiang [Xi Jinping's speech in the Brazilian Congress], URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-07/17/c_1111665403.htm (accessed: 10.05.2022).

пина во время 6-го саммита БРИКС в 2014 г. в Бразилии. После этого Си Цзиньпин неоднократно упоминал о «реформе системы мирового управления» и «важности участия в установлении правил и направления для международного порядка»¹. Важность институциональной конкуренции в стратегическом соперничестве с Китаем стали подчеркивать и в США, логично полагая, что именно это, а не торговая война, является главным содержанием противостояния двух держав [Lippert and Perthes]. В своем Послании Конгрессу в 2015 г. тогдашний президент США Барак Обама подчеркивал: «Китай хочет установить правила для самого быстрорастущего региона в мире... Почему мы должны позволить этому случиться? Мы должны написать свои правила»².

АТР, безусловно, может рассматриваться как типичный пример и даже «жертва» институциональной конкуренции. Несмотря на то, что первые попытки интеграции предпринимались в АТР еще в 1990-х гг., в регионе так и не появилось единой системы интеграции, подобной ЕС в Европе или структурам на постсоветском пространстве (ЕАЭС). С некоторой натяжкой подобным институтом можно считать АСЕАН, но это объединение носит субрегиональный, а не региональный характер.

В АТР мы наблюдаем конкуренцию разных интеграционных проектов, которые предлагаются для данного региона целым рядом государств (США, Китаем, Индией, Японией, странами АСЕАН). Эти проекты в чем-то совпадают, в чем-то взаимодействуют, а часто и противоречат друг другу (рис.1). В результате институциональная конкуренция и разные видения перспектив интеграции АТР привели к фрагментации институтов и эффекту «миски спагетти» — так называют эффект беспорядочного переплетения различных связей³ (рис. 2).

С самого начала интеграционных процессов в АТР в них присутствовала некая «двухколейная» логика: «восточноазиатский путь» (то

¹ Xi Jinping: tui dongquanqiu zhili tizhi gengjia gongzheng gengjia heli, wei woguo fazhan heshi jiche pingchuang zaoyou litiao jian [Xi Jinping: Promote a fairer and more reasonable global governance system to create favorable conditions for our country's development and world peace], URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/1014/c64094-27694665.html> (accessed: 10.05.2022).

² Remarks by the President in State of the Union Address. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/01/20/remarks-president-state-union-address-January-20-2015/> (accessed: 10.05.2022).

³ US trade policy: The infatuation with FTAs. URL: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8CN7BFM> (accessed: 10.05.2022).

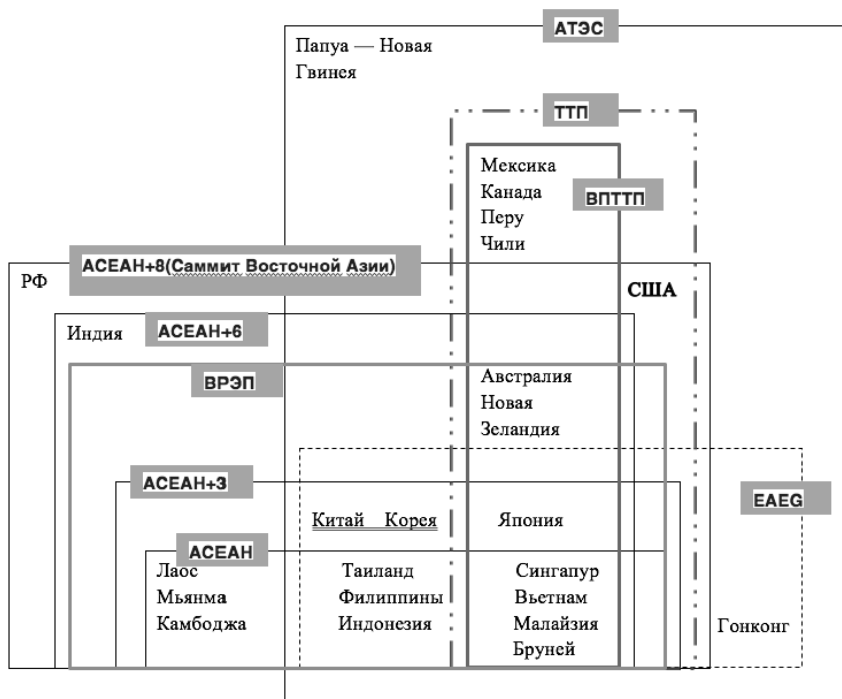


Рис. 1. Комплекс экономических институтов в АТР. Составлено Ван Яли.

есть, интеграция восточноазиатских стран под их же руководством) и «азиатско-тихоокеанский путь» (интеграция с участием стран вне Восточной Азии, в первую очередь США). Эту же логику отражает и развернувшаяся в последние годы острая конкуренция между Транстихоокеанским партнерством (ТТП) (после выхода США оно стало называться Всеобъемлющим и прогрессивным Транстихоокеанским партнерством — ВПТТП) и Всеобъемлющим региональным экономическим партнерством (ВРЭП). Первый проект, который даже после выхода из него США можно считать «проамериканским» — это пример «азиатско-тихоокеанского пути». Второй, который активно поддерживает Китай, — «восточноазиатского пути».

В теории международных отношений пока нет раздела, касающегося институциональной конкуренции, хотя важность международных институтов и борьбы за доминирование в них рассматриваются как в классических построениях (политический реализм, либерализм, конструктивизм и др.), так и в сравнительно новых западных концеп-

The “spaghetti bowl” of FTAs in the Americas and Asia-Pacific (2005)

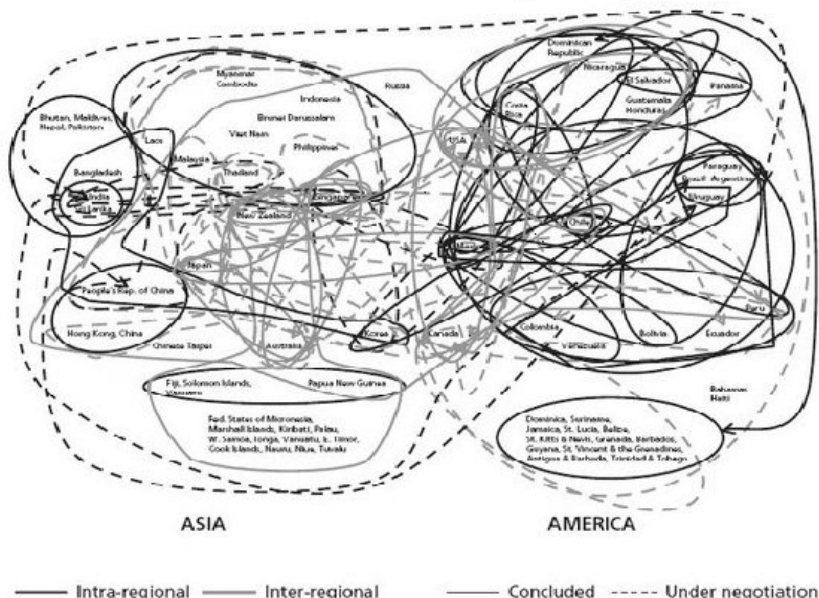


Рис. 2. Эффект «миски спагетти» в обеих Америках и АТР.

Источник: Baier S. et al. The Growth Of Regional Economic Integration Agreements And The Middle East //Region et Developpement, LEAD, Universite du Sud-Toulon Var. 2009. Vol. 29. P. 11—30 (accessed: 10.05.2022).

циях так называемого среднего уровня («институциональный реализм», «нейтральность международных институтов», «мягкое балансирование», «оспариваемый мультилатерализм» и т. д.). Данная статья не претендует на критический анализ этих теорий: авторам важнее сформулировать понятие *международных институтов* и *институциональной конкуренции* в целом.

Традиционно под международными институтами понимаются сугубо официальные международные организации. В подразумеваемом нами широком смысле международные институты — это не только интернациональные организации с постоянным характером деятельности и наличием устойчивой структуры и системы органов, но и международные режимы, то есть принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений [Duffield]. Соответственно, международная

институциональная конкуренция — это борьба между субъектами международных отношений вокруг этих принципов, правил, норм и процедур. Если говорить проще — это борьба за роль того, кто «заказывает музыку» или кто определяет *дискурс* (еще одно достаточно часто употребляемое в последнее время понятие, в том числе в Китае) международных отношений. И кто пытается оспорить существующие правила (концепция «оспариваемого мультилатерализма» Джулии Морс и Роберта Коheyна) [Morse and Keohane]. При этом институциональную конкуренцию можно подразделить на глобальную (например, G-20 против G-7/8) и региональную (ВРЭП и ТТП). А также на межинституциональную (ВРЭП и ТТП) и внутриинституциональную (споры по правилам ВТО и ее реформирования) [Виноградов А.О., Зацепенко А.Ю., Сафронова Е.И].

Причины институциональной конкуренции понятны. Международные институты — это глобальные общественные блага, ибо они снижают издержки трансакций, облегчают обмен информацией и способствуют международному сотрудничеству в целом [Keohane and Martin]. Однако в то же время они являются для доминирующих в них государств механизмами реализации интересов, то есть, по сути — источниками власти [Wivel and Paul, 2019]. Именно такая «нейтральность» международных режимов и их дуалистический характер и приводят к институциональной конкуренции [Zhang and Feng].

Все страны так или иначе участвуют в институциональной конкуренции. Либо в гонке за доминирование, либо из-за страха негативных последствий в случае неприсоединения (для этого даже существует особый термин — «негативные экстерналии» [Yang]). Тот, кто формирует состав организации (решает, кто может быть ее членом), повестку дня и определяет правила, оказывает влияние на основные элементы институции, при этом доминирующая страна может превратить выгодные для себя законы и правила в общепринятые нормы для всех участников, тем самым получая больше преимуществ. В то же время небольшие страны пытаются обрести более широкое право голоса, объединяясь друг с другом (например, АСЕАН в Азии или страны «Вышеградской четверки» в ЕС¹). Кроме того, малые страны часто используют международные институты как способ «мягкого балансирования». Осознавая, что военное преимущество сильных госу-

¹ Заметим, правда, что если страны АСЕАН вполне успешно пытаются «говорить одним голосом», то у европейских стран это никак не получается, особенно в последнее время — см. [Виноградов А. О., Борумбей Е. К.]

дарств является подавляющим, небольшие государства пытаются ограничить влияние более сильных соседей и конкурентов путем комбинирования экономических, дипломатических и институциональных методов [Wivel and Paul, 2020].

В конечном счете в результате институциональной конкуренции формируется некий институциональный комплекс или режим (regime complex) [Raustiala and Victor], то есть множество частично пересекающихся неиерархических институций. Такой комплекс может иметь как недостатки, так и преимущества: с одной стороны он чреват немалой путаницей в отношении полномочий, организационных границ и неопределенностью правил, с другой стороны, — он обладает большей гибкостью [Orsini and Young]. Именно как пример большей гибкости по сравнению с европейским режимом обычно и приводят региональный порядок в Восточной Азии, позволяющий (точнее, позволявший до поры до времени) США и Китаю взаимодействовать в рамках этой архитектуры [Cha]. Однако усиление глобального соперничества и здесь приводит к конкуренции и борьбе за «институциональную власть»¹.

История и логика институциональных конкуренций в АТР: «Восточноазиатский путь» и «Азиатско-тихоокеанский путь»

Историю экономической интеграции в Восточной Азии условно можно разделить на три этапа. Первый отмечен ведущей ролью в интеграционном процессе США и форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Второй — развитием восточноазиатского регионализма (без активного участия США). С 2009 г. начинается новый этап, основным содержанием которой стала конкуренция между «восточноазиатским путем» и «азиатско-тихоокеанским путем», выражающаяся в конкуренции между ТТП и ВРЭП.

При этом отметим, что, по нашему мнению, Азиатско-Тихоокеанский регион — это не географическое понятие, а политическое и идеологическое, которое было в свое время введено в оборот специально для того, чтобы вовлечь США в азиатские дела [Buzan]. И в

¹ Cho H.S. (2018). Understanding Institutional Power Politics: Theory, Method and a case of US-China Competition (Doctoral dissertation, Columbia University). URL: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8TT53NM> (accessed: 10.05.2022).

этом плане мы согласны с мнением не только китайских экспертов, но и с мнением, например, известного американского историка турецкого происхождения Арифа Дирлика, который еще в начале 90-х гг. писал, что «в фундаментальном смысле не существует Тихоокеанского региона, который был бы объективной данностью, а есть лишь конкурирующий набор идеологических конструкций...» [Dirlik].

Начало экономической интеграции в АТР принято связывать с созданием объединения «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (далее — АТЭС). АТЭС было создано по предложению премьер-министров Австралии и Новой Зеландии в 1989 г., однако США не только были среди стран-учредителей, но и выступили основным инициатором формирования АТЭС, главной целью которого было заявлено обеспечение устойчивого экономического роста и процветания, а также осуществление либерализации торговли в АТР.

АТЭС долгое время было единственным интеграционным проектом в АТР, хотя можно отметить несколько попыток создать альтернативные интеграционные проекты в Азии без участия США. Среди них можно в первую очередь отметить инициативу премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда по формированию «Восточноазиатской экономической группы» (*The East Asia Economic Caucus (EAEC)*) или *East Asia Economic Group (EAEG)*. Малазийский премьер предлагал создать организацию, «членами которой были бы исключительно азиаты» и которая «помогла бы продвигать азиатскую терпимость и веру в невмешательство во внутренние дела других стран»¹. По замыслу Махатхира, во главе *EAEG* должна была стоять Япония, а такие неазиатские страны, как Соединенные Штаты и Австралия, были бы из этого процесса исключены². Эта инициатива встретила активное противодействие со стороны США, которые оказали давление на своих ключевых азиатских союзников (Южную Корею и Японию), чтобы они не поддерживали *EAEG*. В конце концов идея *EAEG* так и не была реализована. Но, безусловно, конкуренция между АТЭС и *EAEG* стала самой ранней формой институциональных конкурencies в АТР, а идея Махатхира Мохамеда способствовала формированию восточноазиатского регионализма следующего этапа.

¹ Let Asians Build Their Own Future Regionalism by Mahathir Mohamad. URL: https://www.globalasia.org/v1no1/cover/let-asians-build-their-own-future-regionalism_mahathir-mohamad (accessed: 10.05.2022).

² Заметим, что подобная конструкция невольно напоминает идеи «совместного процветания», которые активно продвигались той же Японией во время Второй мировой войны. — А.В.

Финансовый кризис 1997 г. показал слабость АТЭС и простимулировал новый спрос на внутреннюю интеграцию стран Восточной Азии [Cheng]. К этому нужно добавить, что после событий 11 сентября 2001 г. США сократили активность на восточноазиатском направлении, переориентировав основные усилия на Ближний Восток и в Центральную Азию. В результате азиатские страны, в первую очередь Япония, Китай и страны АСЕАН, после 1997 г. инициировали интеграцию по «восточноазиатскому пути», то есть без участия США. На неформальном саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре в декабре 1997 г. лидеры стран АСЕАН, а также присутствовавшие на саммите представители Китая, Японии и Южной Кореи впервые обсудили возможное распространение зоны свободной торговли АСЕАН на страны Северо-Восточной Азии, то есть создание формата АСЕАН+3 (+ Китай, Япония, Южная Корея). Наиболее активно за этот формат выступал Китай, обоснованно считавший, что, во-первых, в рамках АСЕАН+3 он получит больше прав голоса и доминирования, а, во-вторых, формат АСЕАН+3 более эффективен и выполним.

Однако это встретило возражения со стороны Японии, которая выступила за формат АСЕАН+6 (Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия), который позволил бы ослабить доминирование Китая в интеграционном процессе [Lewis]. В результате в 2006 г. Китай выдвинул проект Восточноазиатского соглашения о свободной торговле (*EFTA*) в формате АСЕАН+3, а Япония выдвинула альтернативный интеграционный проект Всеобъемлющего экономического партнерства Восточной Азии (*CEPEA*) в формате АСЕАН+6.

В 2009 г. в Заявлении председателя 4-го Восточноазиатского саммита АСЕАН в Таиланде отмечалось, что оба предложения (Китая и Японии) могут быть изучены и рассмотрены параллельно, но на деле оба предложения даже не были включены в повестку дня переговоров¹. Однако в связи с началом переговоров о ТТП² страны АСЕАН инициировали проект ВРЭП, и конкуренция форматов АСЕАН+3 и

¹ Chairman's Statement of the 4th East Asia Summit, Cha-am Hua Hin, Thailand, 25 October 2009. URL: <https://asean.org/chairmans-statement-of-the-4th-east-asia-summit-cha-am-hua-hin-thailand-25-october-2009/> (accessed: 10.05.2022).

² Trans-Pacific Partners and United States Launch FTA Negotiations. URL: https://web.archive.org/web/20110721072213/http://www.ustraderep.gov/Document_Library/Press_Releases/2008/September/Trans-Pacific_Partners_United_States_Launch_FTA_Negotiations.html (accessed: 10.05.2022).

АСЕАН+6 завершилась тем, что Япония и Китай отложили свои разногласия и присоединились к ВРЭП.

Конкуренция форматов «АСЕАН+3» и «АСЕАН+6» была формой борьбы за доминирование в интеграционных процессах между Японией и Китаем. По различным историческим и актуальным ныне причинам ни Китай, ни Япония не могли принять друг друга в качестве доминирующей силы, поэтому единственным достижимым компромиссом стала поддержка ими лидерской роли АСЕАН. Понятно, что термин «центральная роль АСЕАН» вызывает обоснованные сомнения со стороны самых различных экспертов [Acharya], но, в отличие от интеграции в Северной Америке, Европе или на постсоветском пространстве, где главную (центральную) роль играют большие страны (США, Франция и Германия, РФ), азиатская интеграция развивается при лидирующей роли более слабых стран, точнее, стран АСЕАН, которая, как полагают, не является потенциальным конкурентом какой-либо крупной державы. По словам одного из китайских коллег, «маленькая лошадь АСЕАН может тащить большую повозку», то есть пока в регионе существует китайско-японская конкуренция, АСЕАН может играть ведущую роль [Cui].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что интеграционный процесс в Азии протекал медленно и сложно из-за противоречий (институциональной конкуренции) между ведущими державами (Китаем, Японией и США) относительно следующих моментов: по какому пути пойдет интеграция («Восточноазиатский путь» и «Азиатско-тихоокеанский путь») и кто будет доминировать в интеграционном процессе. Выдвижение проектов ТТП и ВРЭП оформило окончательное противостояние этих двух логик: ВРЭП предполагает постепенную интеграцию без участия США, ТТП — радикальную интеграцию высокого уровня, но без участия Китая.

ТТП (ВПТТП) и ВРЭП

Транстихоокеанское партнерство (далее ТТП) изначально было соглашением о свободной торговле между четырьмя небольшими государствами (Бруней, Сингапур, Чили и Новая Зеландия), которое вступило в силу в 2006 г. После мирового финансового кризиса 2008 г. администрация Обамы объявила об изменении внешнеполитических приоритетов и «возвращении США в Азию». «Поворот к Азии» был вызван рядом причин: возвышением КНР в качестве глав-

ной экономической силы Азии, военно-политическим усилением Китая в АТР, и, как было сказано выше, активным развитием региональной интеграции без привлечения США. Участие в ТТП представлялось способом восстановить доминирующую роль США в азиатском интеграционном процессе.

В 2008 г. США заявили о своем участии в переговорах по ТТП, в 2016 г. 12 стран (США, Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили и Япония) подписали предварительное соглашение. В 2017 г. администрация Трампа объявила о выходе США из ТТП, однако остальные 11 стран провели переговоры по новой версии соглашения — Всеобъемлющее и прогрессивное транстихоокеанское партнерство (ВПТТП), которое вступило в силу в декабре 2018 г. и сохранило две трети содержания ТТП¹.

Переговоры по ТТП ускорили формирование ВРЭП. ТТП не включает Китай и объединяет только 4 страны АСЕАН (см. рис. 3) и, соответственно, создает для стран, не присоединившихся к этому соглашению, экономические и политические риски (те самые «негативные экстерналии»). В частности, в 2015 г. торговля Китая с регионом ТТП составляла 49 % от общего объема торговли Китая. Формирование ТТП, по некоторым подсчетам, должно было привести к сокращению экспорта Китая в регион на 0,3 %, импорта — на 1,05 % и к финансовым потерям для Китая в размере около 3 млрд долл. [Sikdar and Mukhopadhyay].

С политической точки зрения формирование ТТП создавало для АСЕАН угрозу раскола и потери центральной роли в азиатском интеграционном процессе. К тому же, Китай и страны АСЕАН теряли свою роль в региональной интеграции (как уже было сказано, доминирование также является движущей силой участия в институциональных конкуренциях). Возникла вероятность того, что именно стандарты свободной торговли в рамках ТТП станут образцом для Азиатско-Тихоокеанской интеграции. Поэтому возникла необходимость ускорить создание ВРЭП (см. рис. 4 и 5).

Лидеры стран АСЕАН в ноябре 2011 г. одобрили работу над созданием ВРЭП, а через год, на XXI саммите АСЕАН, уже выпустили «Руководящие принципы и цели ведения переговоров по ВРЭП». С учетом сложившихся условий Китай поддержал данную инициати-

¹ From TPP to CPTPP. URL: <https://www.csis.org/analysis/tpp-cptpp> (accessed: 10.05.2022).

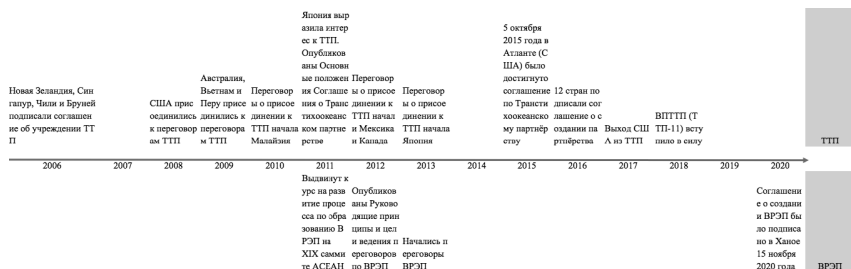


Рис. 4. Догоняющий характер ВРЭП по сравнению с ТТП. Составлено Ван Яли.

	Глобальная либерализация				Япония, Китай, Корея		ТТП (%)
	ЗСТ в АТР	АСЕАН + 6	АСЕАН + 3	Корея	ТТП		
Япония	1,25	1,36	1,10	1,04	0,74	0,54	
Китай	7,35	5,83	3,43	3,16	2,27	-0,30	
Корея	8,68	7,10	6,34	5,94	4,53	-0,33	
Гонконг, Китай	3,19	2,65	-0,24	-0,10	-0,30	-0,22	
Китайский Тайбэй	7,51	6,44	-1,88	-1,73	-1,18	-0,33	
Сингапур	3,53	2,42	3,15	2,71	-0,42	0,97	
Индонезия	4,71	3,64	3,69	3,00	-0,32	-0,36	
Малайзия	12,34	9,43	8,27	7,53	-0,52	4,57	
Филиппины	6,00	6,07	4,60	4,42	-0,75	-0,39	
Тайланд	26,35	20,24	17,03	16,31	-1,19	-0,89	
Вьетнам	37,50	34,75	23,42	23,13	-0,50	12,81	
Индия	8,39	-0,91	2,99	-0,29	-0,16	-0,22	
Австралия	2,46	2,08	2,44	-0,04	-0,11	1,16	
Новая Зеландия	4,86	3,80	2,29	-0,19	-0,24	2,15	
США	0,35	0,26	-0,07	-0,03	-0,05	0,09	
Канада	0,71	0,71	-0,02	0,03	-0,02	-0,24	
Мексика	4,46	3,03	-0,10	-0,07	-0,08	-0,42	
Чили	1,57	1,35	-0,13	-0,02	-0,13	0,40	
Перу	1,88	0,94	-0,06	-0,02	-0,04	0,64	
РФ	5,45	1,50	-0,05	0,06	-0,08	-0,17	
ЕС	0,87	-0,31	-0,12	-0,05	-0,09	-0,14	
Швейцария	2,30	-0,10	-0,09	0,01	-0,04	-0,08	

Рис. 5. Влияние разных возможных путей либерализации региональной торговли на ВВП. Негативные экстерналии разных путей либерализации.

Источник: Kawasaki K. Determining priority among EPAs: which trading partner has the greatest economic impact // Available on http://www.rieti.go.jp/en/columns/a01_0318.html. Column. 2011. Vol. 218. (accessed: 10.05.2022).

ву, хотя проект ВРЭП далеко не полностью совпадал с китайским проектом ЗСТ для Восточной Азии (АСЕАН+3). Как уже говорилось, соглашение о создании ВРЭП было подписано 15 ноября 2020 г. и вступило в силу 1 января 2022 г. ВРЭП стало самой большой зоной

свободной торговли с самым многочисленным населением и самым большим объемом экономики и торговли в мире (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение ВРЭП и ВПТТП по данным 2020 г.*

	ВРЭП (15 стран)		ВПТТП (11 стран)	
		Доля в мире (%)		Процент в мире (%)
Территория	22 530 000 км ²	15,1	22 990 000 км ²	15,4
Население	2,26 млрд чел.	29,8	0,51 млрд чел.	6,7
ВВП	26 052,2 млрд долл.	30,8	10824,5 млрд долл.	12,8
Экспорт	5418,5 млрд долл.	30,8	2738,9 млрд долл.	15,6
Импорт	4672,5 млрд долл.	26,2	2569,5 млрд долл.	14,4

* Составлено Ван Яли на основе данных Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/country> (accessed: 10.05.2022).

В целом меры по либерализации торговли в рамках ВРЭП являются менее строгими, чем в ТТП. Недаром в США ТТП назвали «всеобъемлющим соглашением высокого стандарта, знаковым соглашением XXI века»¹. Интеграционные цели ТТП включают в себя не только либерализацию торговли товарами и услугами, но также выработку общих правил в отношении прав интеллектуальной собственности, государственных предприятий, политики в области конкуренции, электронной торговли, трудовых норм и экологических стандартов. Присоединение к ТТП требует полного открытия рынков и устранения тарифных и нетарифных барьеров практически во всей торговле. При этом, несмотря на некоторый переходный период, даже для стран с отсталой экономикой не предусмотрены никакие исключения и послабления [Park and Plummer].

В отличие от ТТП, ВРЭП, скорее, является «унификатором» существующих соглашений свободной торговли АСЕАН с другими странами (АСЕАН+N) и в настоящее время сосредоточено только на либерализации торговли и инвестиций. Предусмотренные в рамках ВРЭП меры по снижению тарифов и либерализации торговли и инвестиций гораздо менее радикальны и носят постепенный характер. Кроме того, ВРЭП предусматривает возможность защиты интересов присоединившихся к соглашению стран в деле либерализации тор-

¹ Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2015/october/summary-trans-pacific-partnership> (accessed: 10.05.2022).

говли и инвестиций. В частности, допускаются исключения и специальные меры защиты для таких стран, как Япония и Южная Корея, в области сельского хозяйства, а также для относительно неразвитых стран АСЕАН, таких как Камбоджа, Лаос и Мьянма, которым предоставляется особый режим в рамках ВРЭП.

Понятно, что это делает соглашение ВРЭП относительно уязвимым с точки зрения унификации и применения общих норм. Но одновременно и более привлекательным для развивающихся стран с относительно слабой экономикой. Более детальное сравнение ВПТТП и ВРЭП можно увидеть в табл. 2, составленной на основе анализа соответствующих соглашений.

Таблица 2. Сравнение ВРЭП и ВПТТП*

	ВРЭП	ВПТТП
Пошлины	В конечном итоге 90 % товаров достигает нулевых пошлин сразу после вступления в силу или в течение 10 лет. Для отдельных товаров в отдельных странах время отмены пошлин составляет 20 лет	Более 95 % товаров в конечном итоге будут пользоваться нулевыми пошлинами. В первый год после вступления в силу ВПТТП доля товаров с нулевыми пошлинами в большинстве государств-членов превысит 80 %
Правила происхождения	Если 40 % компонентов конечного продукта произведено на территории ВРЭП, то тогда такой продукт, с некоторыми исключениями, облагается более низкими таможенными пошлинами	Компонент региональной стоимости должен учитываться в соответствии с различными методами расчета в размере 30 %, 35 %, 40 %, 45 % и 50 %
Торговля услугами	Смешанный режим положительного списка и негативного списка. Страны, которые принимают положительный список, обещают перейти на негативный список ¹ в течение 6 лет после вступления соглашения в силу (15 лет для Камбоджи, Лаоса и Мьянмы)	Только негативный список
Электронная торговля	Допускается исключения в рамках электронной торговли, объясняемые целями государственной политики; не предусматривает урегулирование споров	Полностью запрещаются таможенные пошлины на товары, поставляемые в рамках электронной торговли. Устанавливается правовая основа электронной торговли

¹ «Негативный список» содержит только те отрасли, доступ в которые для иностранцев запрещен. «Положительный список» представляет собой список секторов услуг, открытых для иностранных поставщиков. Области, не включенные в список, закрыты для иностранных поставщиков услуг.

Окончание табл. 2

	ВРЭП	ВПТТП
Интеллектуальная собственность	Содержит обязательства по соглашениям в рамках ВТО+, но более ограниченные по охвату	На данный момент продвигаемые США положения о расширенной защите интеллектуальной собственности в рамках ТТП приостановлены
Дополнительные главы	Отсутствуют	В дополнительных главах регулируются условия функционирования госпредприятий, антимонопольное законодательство, трудовое право, охрану окружающей среды, борьбу с коррупцией

* Составлено Ван Яли на основе сравнения текстов Соглашения ВРЭП и Соглашения ВПТТП. URL: <https://www.iilj.org/wp-content/uploads/2018/03/СРТТР-consolidated.pdf> (дата обращения: 10.05.2022). URL: <https://rcepsec.org/legal-text/> (дата обращения: 10.05.2022).

С точки зрения анализа текущих интеграционных процессов в АТР можно констатировать, что ВРЭП и ТТП на данный момент являются конкурирующими проектами интеграции и примером борьбы «восточноазиатского пути» и «азиатско-тихоокеанского пути». Однако по сути, это два конкурирующих пути к одной и той же цели (рис. 6).

Разница в том, кто будет устанавливать правила игры и, соответственно, получать наибольшие дивиденды от процесса интеграции.

В связи с этим возникает вопрос о возможности компромисса и объединения двух путей, особенно после того, как в 2021 г. Китай подал заявку на присоединение к ВПТТП. Судя по всему, Китай допускает возможность некой конвергенции и последующего слияния ВРЭП и ТТП благодаря их взаимодополняемости. По этой логике некоторое время ВРЭП и ТТП могут развиваться независимо, при этом более развитые экономики, входящие в состав ВРЭП, постепенно могут присоединяться и к ТТП для интеграции глубокого уровня. В то же время для более слабых членов ВРЭП данный формат может послужить неким «подготовительным этапом» для последующей интеграции более высокого уровня в рамках ТТП. Когда все участники окажутся объединенными в рамках ТТП, два пути в конечном итоге сольются в Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли.

Однако возможность такого оптимистического сценария появится только в случае, если китайская заявка на вступление в ВПТТП будет принята. На данный момент это нереально не только потому, что Китай вряд ли согласится с более жесткими стандартами ВПТТП, касаю-

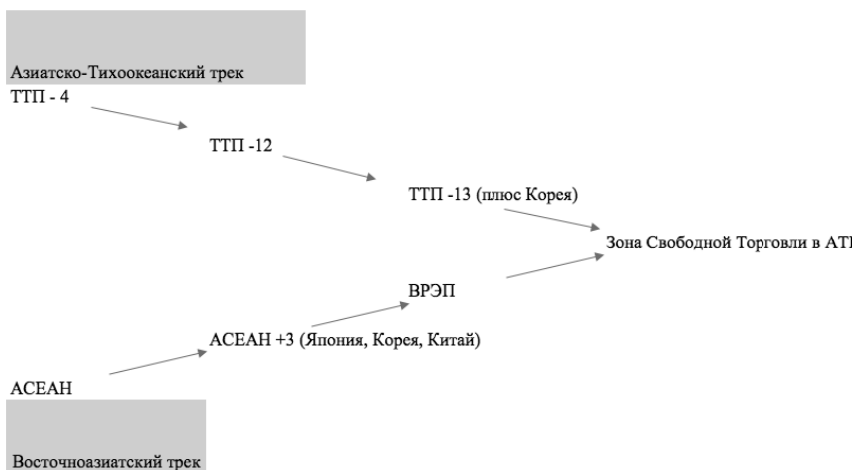


Рис. 6. Два пути к интеграции: «Азиатско-Тихоокеанский трек» и «Восточноазиатский трек». Составлено авторами.

щимися трудовыми правами, «свободного обмена» данными и открытия практически всех отраслей промышленности, производства и финансовой сферы для иностранной конкуренции. Но и потому, что вступление в ВПТТП требует единодушного согласия всех его членов. Япония, Канада и Австралия, отношения с которыми у Китая в последнее время значительно обострились из-за нарастающего противостояния КНР и США, вряд ли смогут одобрить китайское участие в ВПТТП.

Так что более вероятным представляется пессимистический сценарий, связанный с продолжением конфронтации и конкуренции двух форматов — ВРЭП и ТТП, что будет препятствовать формированию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Впрочем, если исходить из текущих глобальных тенденций, то закончить данную статью стоит словами австралийского ученого Марка Бисона: «Если это будет так называемый азиатский век, то на данном этапе еще не ясно, как будет выглядеть «Азия» в интегрированной форме, и будет ли такая форма вообще» [Beeson and Lee-Brown].

Библиографический список

Виноградов А.О. Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире // Философские науки. 2015. № 1. С. 116—134.

Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китай и ВТО: последствия американско-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIV. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 187—206.

Виноградов А.О., Борумбей Е.К. Отношения Китая со странами Вышеградской группы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 200—214.

References

Vinogradov A.O. (2015). Assimetric response, or China's strategy in the global world [Asymmetric response, or China's strategy in the global world], *Filosofskiye nauki [Philosophical Sciences]*, 1: 116—134. (In Russian).

Vinogradov A.O., Borumbey E. K. (2018). Otnosheniya Kitaya so stranami Vishegradskoy gruppi [China's relations with the Visegrad Group countries], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Vyp. XXIII [China in World and Regional Politics. History and Modernity. Iss. 23]* / ed. E.I. Safronova. — Moscow: IFES RAS, 23: 200—214. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10015

Vinogradov A.O., Zaklepenko A.Yu., Safronova E.I. (2019). USA, China and the WTO: consequences of the US-China trade conflict for world trade, *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Vyp. XXIV [China in World and Regional Politics. History and Modernity. Iss. 24]* / ed. E.I. Safronova. — Moscow: IFES RAS, 24: 187—206. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10011

* * *

Acharya, A. (2017). The myth of ASEAN centrality?, *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 39(2): 273—279.

Beeson, M., & Lee-Brown, T. (2017). The future of Asian regionalism: Not what it used to be?, *Asia & the Pacific Policy Studies*, 4(2): 195—206.

Buzan, B. (1998). The Asia-Pacific: what sort of region in what sort of world, *Asia-Pacific in the New World Order*: 68—87.

Cha, V. D. (2011). Complex patchworks: US alliances as part of Asia's regional architecture. *Asia policy*, 11: 27—50.

Cheng, T.J. (1998). APEC and the Asian financial crisis: A lost opportunity for institution-building?, *Asian Journal of Political Science*, 6(2): 21—32.

Cui Kun (2009). Xiao ma la da che? — dui dong meng zai dong ya he zuo zhong di wei zuo yong de zai ren shi [A small horse pulls a cart? — Re-understanding of ASEAN's status and role in East Asian cooperation], *Wai jiao ping lun (wai jiao xue yuan xue bao) [Diplomatic Review (Journal of the Academy of Foreign Affairs)]*, 26(2): 9—15. (In Chinese).

Dirlik, A. (1992). The Asia-Pacific idea: Reality and representation in the invention of a regional structure, *Journal of World History*: 55—79.

- Duffield, J. (2007). What are international institutions?, *International Studies Review*, 9(1): 1—22.
- Keohane, R.O., & Martin, L.L. (1995). The promise of institutionalist theory, *International security*, 20(1): 39—51.
- Lewis, M.K. (2013). The TPP and the RCEP (ASEAN6) as Potential Paths toward Deeper Asian Economic Integration, *Asian J. WTO & Int'l Health L & Pol'y*, 8: 359.
- Lippert, B., & Perthes, V. (Eds.) (2020). Strategic rivalry between United States and China: causes, trajectories, and implications for Europe, *Berlin: German Institute for International and Security Affairs* (Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP — Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit). DOI: <https://doi.org/10.18449/2020RP04>
- Morse, J.C., & Keohane, R.O. (2014). Contested multilateralism, *The Review of international organizations*, 9(4): 385—412.
- Mueller, J. (2020). “Pax Americana” Is a Myth: Aversion to War Drives Peace and Order, *The Washington Quarterly*, 43(3): 115—136.
- Nye Jr, J.S. (2002). The American national interest and global public goods, *International Affairs*, 78(2): 233—244.
- Orsini, A., Morin, J. F., & Young, O. (2013). Regime complexes: A buzz, a boom, or a boost for global governance, *Global governance*.
- Park, C.Y., Petri, P.A., & Plummer, M.G. (2021). The Economics of Conflict and Cooperation in the Asia-Pacific: RCEP, CPTPP and the US-China Trade War, *East Asian Economic Review*, 25(3): 233—272.
- Raustiala, K., & Victor, D.G. (2004). The regime complex for plant genetic resources, *International organization*, 58(2): 277—309.
- Sikdar, C., & Mukhopadhyay, K. (2017). Economy-wide impact of TPP: new challenges to China, *Journal of Economic Structures*, 6(1): 1—29.
- Wivel, A., & Paul, T. V. (2020). Soft Balancing, Institutions, and Peaceful Change, *Ethics & International Affairs*, 34(4): 473—485.
- Wivel, A., & Paul, T.V. (eds.) (2019). International institutions and power politics: bridging the divide, *Georgetown University Press*.
- Yang Hui (2021). Zhu dao quan, zhi du fu wai bu xing yu ya tai di qu de jing ji zhi du jing zheng — yi TPP yu RCEP wei li [Dominance, the negative externality of the system and the competition of the economic system in the Asia-Pacific region on the example of TPP and RCEP], *Waijiao pinglun (waijiao xueyuan xuebao) [Diplomatic Review (Journal of the Academy of Foreign Affairs)]*. (In Chinese).
- Zhang, Y., & Feng, W. (2021). Non-neutral International Institution and Catch-Up Strategy of Emerging-Market Economies, *Reform, Opening-up and China's Changing Role in Global Governance*, *Springer, Singapore*: 189—209).

DOI: 10.48647/IFES.2022.37.85.022

Muhammad Faisal, Komal Khan

CHINA AND SOUTH ASIA: CHALLENGES, TRENDS AND TRAJECTORY

Abstract. China's engagement with South Asia region has grown manifold in recent years. This is a consequence of growing importance of South Asia in China's foreign policy as Beijing has emerged as a key factor in South Asian geopolitics and geo-economics. China is influencing intraregional dynamics by expanding its political, economic, and security ties with smaller South Asian nations. Enhanced engagement of China has led to push back from regional heavy-weight India, which has traditionally considered South Asia as its 'natural sphere of influence'.

Meanwhile, Pakistan and smaller South Asian states have courted China's growing presence in a bid to balance India's outsized role. This has led to intensified competition in South Asia with implications for South Asian security and economic development as their geo-strategic interests of China and India overlap. Smaller South Asia states are deftly navigating competing pressures of India and China to enhance their political and economic gains.

This article analyses emerging trends in China's engagement with South Asia due to three-way maneuvering and the attended changing dynamics of the region for peace and stability in South Asia.

Keywords: China, South Asia, Pakistan, India, BRI, CPEC.

Authors: Muhammad FAISAL (Mr), Research Fellow, the Institute of Strategic Studies, Islamabad. E-mail: faisal@issi.org.pk;

Komal KHAN (Ms), Research Officer, Strategic Vision Institute, Islamabad. E-mail: kcomal93@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

М. Файзал, К. Хан

**Китай и Южная Азия:
вызовы, тенденции и траектория развития**

Аннотация. За последние годы взаимодействие Китая с регионом Южной Азии многократно возросло. Это является следствием растущего значения Южной Азии для китайской внешней политики: Китай стал ключевым фактором в геополитике и геοэкономике Южной Азии. Китай оказывает влияние на внутрирегиональную динамику путем расширения своих политических, экономических связей, а также связей в сфере безопасности с небольшими государствами Южной Азии. Рост региональной активности Китая привел к оттеснению с ее позиций регионального «тяжеловеса» — Индии, которая традиционно рассматривает Южную Азию как свою «естественную сферу влияния».

Между тем, Пакистан и менее крупные южноазиатские государства, стремясь уравновесить чрезмерную роль Индии, приветствуют расширение присутствия Китая в регионе. Это влечет за собой усиление конкуренции в Южной Азии и возникновение новых вызовов для безопасности и экономического развития региона, поскольку геостратегические интересы Китая и Индии в Южной Азии пересекаются. Малые государства Южной Азии, в надежде на получение дополнительных политических и экономических дивидендов, успешно маневрируют в условиях конкурирующего давления Индии и Китая.

В данной статье анализируются новые тенденции в отношениях Китая с Южной Азией по трем основным векторам, а также сопутствующие динамические изменения по проблемам поддержания мира и стабильности в Южной Азии.

Ключевые слова: Китай, Южная Азия, Пакистан, Индия, ИПП, КПЭК.

Авторы: Мухаммад ФАЙЗАЛ (Mr), научный сотрудник Института стратегических исследований, Исламабад.
E-mail: faisal@issi.org.pk

Комал ХАН (Ms), научный сотрудник Института стратегического видения, Исламабад. E-mail: kcomal93@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Introduction

Patterns of conflict, competition and cooperation are changing across South Asia. New contours are influencing regional dynamics. Earlier, most South Asian states looked towards India for political, economic, and securi-

ty cooperation. It was due to the geographic centrality of India in South Asia, as it shares land and maritime borders with five South Asian countries. In turn, New Delhi viewed the South Asian region as its backyard and 'sphere of influence' and acted in some ways as a regional hegemon. This, however, is changing now.

Across South Asia rising China is driving a new balance of power. China is a neighbor of South Asian countries. It shares land border with India, Pakistan, Nepal and Bhutan. Earlier, China pursued a low-key approach in South Asia. It maintained political and diplomatic ties with all South Asian states, except for Bhutan. Beijing's focus was on stabilizing its frontier region through boundary agreements and limited economic linkages. In this, political cooperation and strategic coordination with Pakistan, however, was an exception. Gradually, due to its remarkable economic growth and development, and extensive regional trade, China is now an indispensable part of the South Asian order. It is in South Asia, that China is also showcasing its prowess and implementing a grand economic connectivity initiative. This is transforming regional dynamics.

First, China's basic interest in South Asia is to balance India in regional security and economic framework. The Indian foreign policy under Modi regime is oriented towards regional hegemonic ambitions and leadership role in Indian Ocean Region (IOR) viz-a-viz China. To this end, India has deepened its strategic cooperation with the United States (US) to counter rise of China and its influence in South Asia and IOR.

Second, China engagement in South Asia is also driven by the China-US strategic competition for dominating the global order. The China led economic connectivity is reorienting the organization of world politics, securing support of regional countries. United States has declared China as the strategic rival and a challenge to American economic and political power and security at the world level, in general, and in the Indo-Pacific in particular. Therefore, in adoption of a strategic reassurance policy under the 'United States Indo-Pacific Strategy', the 'free and open Indo-Pacific policy' implemented via alliance-cum-partnerships and the 'freedom of navigation' doctrine, the United States is seeking regional alliances to counter China's influence in the Indian Ocean Region

China has responding to the imminent strategic adjustment of the United States for the security of economic and geo-political interests of China while being in a state of constant competition and avoiding confrontation at the same time. China is doing this by entering into regional partnerships such as China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) and

China-Myanmar Economic Corridor (CMEC), the port leasing, investments, and defense and technological trade, naval deployments, and military stationing for a sustained and effective deterrence against United States in the Indo-Pacific. A survey of China's political, economic, and military engagements as well as the BRI in South Asia has been discussed in relevant sections below.

First, this paper seeks to analyze the geo-strategic relations between China and South Asia region and finds out the challenges to China's interests in South Asia and China's liability for South Asian states' security challenged in relation to the US-China strategic competition for order and security across Indo-Pacific. Second, the research paper discusses the trends of China's political and economic engagement in South Asia. Third, the paper determines the trajectory of China's strategic gains in South Asia specifically with respect to China's emerging strategic culture and its impact on peace and security in IOR.

China's South Asia Strategy

For China, the importance of South Asia has steadily increased in the conduct of its foreign policy. China's foreign policy ideas of 'periphery diplomacy', 'major-country diplomacy', 'South-South diplomacy' intersect with South Asia, both directly and indirectly. Similarly, South Asia naturally aligns with China's external strategies pursued since 2000, such as 'Go West', which focused on the developed Western region of China, bordering South Asia. Next, 'March West' was an effort to balance Washington's pivot to Asia, and here South Asia emerged as a natural region to extend China's reach. Through these engagements, China has sought to manage competition with India and protect its periphery while balancing competition with the US, its peer competitor.

In South Asia, China remains cognizant of India's expanding power and engagement with the US-led international security arrangements. China has not engaged in an active military confrontation with any of its neighbours for nearly three decades. Remarkably, China has managed to settle nearly 17 boundary disputes with its neighbours, except for the one with India and Bhutan. With India in recent years, however, China has experienced recurring standoff in different sectors of their boundary. In 2017, the Doklam standoff was a serious crisis, but military confrontation was averted. The June 2020, Eastern Ladakh crisis, however, led to military engagement as both armies contested intrusions and infrastructure building in border re-

gions. This has drastically altered the dynamics of the India-China relationship for the near-to-medium term and intensified regional competition. For Beijing, the priority is to maintain the status quo in the border region while pushing for a favorable resolution of the boundary question.

Meanwhile, Beijing is engaging New Delhi and expanding its political and economic equities through enhance cooperation with smaller South Asian states, as the region has a relatively young population and immense prospects for economic growth. Akin to general Chinese foreign policy, in South Asia trade and investment relations are leading China's engagement in South Asia. Between 2005 and 2018, China's exports to South Asia increased from 8 billion USD to 52 billion USD, a phenomenal increase of over 500 percent [Sinha, R., and Sareen N.]. India-China bilateral trade remains above 80 billion USD annually. In South Asia, China has a free-trade agreement with Pakistan, its closest strategic partner. Beijing is currently negotiating a free-trade agreement with Sri Lanka.

Gradually, new linkages have been established between China and South Asian states through trade, investment, and infrastructure cooperation. China is playing a leading role in Belt and Road Initiative (BRI). In some ways, for China, South Asia by and large, appeared an ideal first destination for several reasons: large population, developing countries, growing economies, weak intra-regional connectivity, and infrastructure waiting for upgradation. When China expressed interest in building ports, roads, and railways, South Asian nations were receptive. In 2013, when Chinese Premier Li Keqiang undertook his first international visit, he chose South Asia to promote two economic corridors i.e. China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) and Bangladesh-China-India-Myanmar Corridor (BCIM). Since 2013, China has steadily increased its political and economic engagement in South Asia through projects under Belt and Road Framework. Four distinct sub-initiatives of BRI in South Asia include China-Pakistan Economic Corridor, Bangladesh-China-India Myanmar Economic Corridor, Trans-Himalayan Corridor, and bilateral cooperation with Bangladesh, Sri Lanka and the Maldives under 21st Century Maritime Silk Road (MSR-21).

China's Interests and Capabilities in the IOR

China's interests are also growing in the Indian Ocean, which directly affects coastal states, including South Asian nations. The Indian Ocean hosts critical Sea Lanes of Communication (SLOCs) ferrying crucial im-

ports and exports, including vital energy supplies. Presently, China is the largest importer of crude oil in the world.¹ Meanwhile, around 90 percent of China's international commerce, by volume, is transported by sea.² Global trade and transit routes pass through IOR and the South China Sea, while 80 percent oil and gas ships traverse through Malacca Strait. Similarly, being a global manufacturing hub, Chinese economy is dependent on raw materials and minerals imports from African and Indian Ocean littoral states via sea. China is also focusing on developing its 'blue economy'³, which was estimated to be more than 1.2 trillion USD in 2020 and is growing at an average rate of 7 percent annually.

For China, thus, unhindered access to IOR is a strategic requirement as critical SLOCs around Eurasian rim-land must be secured. Presently, access to IOR is dependent on China's stable relations with the United States, whose navy dominates IOR, and the U.S. allies like India have sizeable presence. China's Defense strategy whitepaper issued in 2015, directed People's Liberation Army-Navy (PLAN) to ensure security at open seas. It essentially means now PLAN is a blue water maritime force with the capabilities to undertake prolonged missions in high seas.⁴ The Paper also emphasized ensuring protection of sea lines of communication (SLOCs) across the Indian Ocean". Additionally, Military Strategy white paper emphasized that China should develop a 'modern maritime military force' to 'safeguard national sovereignty and maritime rights and interests, protect the security of strategic SLOCs and overseas interests'. This shift in PLAN's mission emerged at a time when Beijing has expanded its economic cooperation through BRI and requires PLAN to safeguard its interests, assets and citizens in foreign lands and seaports. Beijing is focusing on exerting influence, mitigating its vulnerabilities, and securing its maritime trade in the IOR.

¹ Barron, J. (2018). China surpassed the United States as the world's largest crude oil importer in 2017. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=34812#:~:text=China%20surpassed%20the%20United%20States%20in%20annual%20gross%20crude%20oil,d%20for%20the%20United%20States> (accessed 18.4. 2022).

² "How Much Trade Transits the South China Sea?", 2017 / Center for Strategic and International Studies. URL: <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/#:~:text=ChinaPower%20found%20that%20an%20estimated> (accessed 18.04 2022).

³ «Синяя (или голубая) экономика» — понятие, связанное с системным и устойчивым развитием отраслей экономики, базирующихся на использовании ресурсов мирового океана и морей (Прим. ред.).

⁴ "China Military Strategy". The State Council Information Office of the People's Republic of China. May, 2015. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2015/05/27/content_281475115610833.htm (accessed 20.04.2022).

To advance its interests, Beijing has enhanced its economic and naval cooperation with IOR littoral states by investing in a number of new ports in the IOR. This Chinese policy is being implemented through ‘Maritime Silk Road’ (MSR), a sea-based component of the broader BRI.¹ At its core, BRI envisions connectivity across regions, enhanced industrial cooperation among partner countries.² MSR, meanwhile, focuses on establishing a network of ports through building new ports, expanding existing ones and developing industrial zones in these port cities. A major artery of MSR goes from China’s eastern-seaboard to European ports via South China Sea, the IOR, Mediterranean Sea, which then links to the Atlantic. Beijing is pursuing long-term lease rights to ports in friendly countries along strategic waterways. These agreements are being inked between Chinese state-owned companies and local governments of IOR. Long-term presence in IOR countries is intended to bolster local economies and connect them with Chinese ports. In case of Gwadar (Pakistan) and Kyaukpyu (Myanmar), goal is to stimulate development of China’s inland under-developed provinces through economic corridors by linking them with Indian Ocean.

This economic cooperation has been followed by building overseas military facilities, joint exercises and expansion of defence and maritime cooperation. China stated its forays in IOR in 2008 near Horn of Africa [Shinn, D.]. In 2009, first anti-piracy missions were undertaken in Gulf of Aden. It became a regular feature with expanding scope. From 2014 onwards, Chinese submarines have also ventured into Indian Ocean, making port calls in Colombo and Karachi. Chinese patrols have gradually increased as New Delhi claimed that it spotted 14 Chinese ships in August, 2018.³ After two years of negotiations with Djibouti government, China opened its first foreign military base in August, 2017.⁴ PLAN troops were stationed and ships

¹ “Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative”/ The State Council Information Office, June 20, 2017. URL: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2017/06/20/content_281475691873460.htm (accessed 18.04.2022).

² “Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road”/ National Development and Reform Commission, March 28, 2015. URL: <http://2017.beltandroadforum.org/english/n100/2017/0410/c22-45.html> (accessed 18.04.2022).

³ Shaurya Karanbir Gurung (2018). “14 Chinese navy ships spotted in Indian Ocean, Indian Navy monitoring locations”, *The Economic Times*, July, 12. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/14-chinese-navy-ships-spotted-in-indian-ocean-indian-navy-monitoring-locations/articleshow/61882634.cms> (accessed 20.04.2022).

⁴ Wang Xuejing (2017). “China’s first overseas military base opens in Djibouti”, CGTN, August 1. URL: https://news.cgtn.com/news/3d6b7a4e3241544e/share_p.html (accessed 20.04.2022).

were deployed to officially termed 'logistical facilities'. It now has deployment of a Marine company and related equipment. Its location in Horn of Africa in IOR enables Beijing to project power, deploy deterrent forces and undertake military operations in faraway seas.

Challenges to China's South Asia Strategy

China has been facing challenges at three levels: (a) pushback from India; (b) India-Pakistan conflict; and (c) role of the US.

Pushback from India: Traditionally, India has viewed South Asia as its natural sphere of influence. This has led India to exercise considerable regional dominance in South Asia. As mentioned above, owing to geographic advantage, New Delhi has expanded its influence and presence across smaller South Asian states, barring arch-rival Pakistan. India has pursued it through political engagement, defence cooperation, and economic and trade ties while deepening cultural linkages. When China upgraded its engagement with smaller South Asian states, India viewed it as a challenge. India remained skeptical of Chinese plans to increase political and economic engagement with smaller South Asian states particularly, the rollout of BRI and its flagship project, CPEC. New Delhi did not endorse Beijing's flagship BRI and also abstained from supporting China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), the flagship project of BRI. Chinese leadership sought to reassure New Delhi that CPEC was an economic development project and in the words of Premier Li Keqiang to "wean populace from fundamentalism".¹ India, however, did not view unfolding developments the same way.

To balance China, India pursued two strategies: cooperate with China where possible and also propose alternate connectivity initiatives. In 2014, India joined the China-led Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) as a founding member. It also joined New Development Bank. In 2017, India gained full membership into the Shanghai Cooperation Organisation, a regional security forum where China plays a leading role. Meanwhile, to take advantage of its growing economic prowess and geographical location, New Delhi proposed five new initiatives Neighbourhood First policy (2014), the Act East policy (2014), Project Mausam (2014), Security and Growth for

¹ Shishir Gupta (2015). "Govt Makes It Clear: India Has Not Forgotten Pakistan-Occupied Kashmir", *Hindustan Times*, May, 24. URL: <https://www.hindustantimes.com/india/govt-makes-it-clear-india-has-not-forgotten-pakistan-occupied-kagovt-/story-uYgfYu ruxj4eYBfpGV0H7L.html> (accessed 20.4.2022).

All in the Region (SAGAR) (2015), and partnered with Japan in the Asia-Africa Growth Corridor (2017).

India-Pakistan Conflict: In South Asia, the intractable India-Pakistan conflict has the potential to undermine regional peace and stability. A case in point in February 2019 crisis, which brought India and Pakistan on the brink of an open war. China has been cognizant of the impact of India-Pakistan crisis escalating to a general war. It has, thus, lent support to the US led crisis management and conflict avoidance diplomacy. Increasingly China has been reluctantly adopting crisis manager role in South Asian to support de-escalation. India's conventional strategic culture is transitioning from the Sundarji Doctrine to the Cold Start Doctrine (CSD) that is a pro-active aggressive strategy limiting Pakistan to engage in kind of a limited conflict characterized by nuclear overhang. India stress over reviewing its No First Use policy is an indication of intensifying strategic dilemma in South Asia. Meanwhile, Pakistan has adopted the posture of Full-Spectrum Deterrence to avoid war, and ensure deterrence is established.

Indian is advancing its military programmes, specifically within maritime, intelligence, and aerospace domains, though propounded in the context of Pakistan, however, the recent trends of extending the weapons outreach indicate their threat factor for China. These tactical and strategic weapons of concern for China include Hypersonic Technology Demonstrator Vehicle and Aerobic Vehicle for Trans-atmospheric Hypersonic Aerospace Transportation (AVATAR), the BrahMos cruise missile, Agni-III and Agni-V ballistic missiles, Arihant-class submarine and the Su-30MKI combat aircraft.

Role of the US: In 2005, the United States and India entered into the strategic partnership as part of the regional bandwagoning policy¹ to achieve favourable balance of power by both the partners specifically through bilateral security and intelligence exchange cooperation extended under the doctrine of a "free and open Indo-Pacific." United States and India have signed various security and intelligence cooperation and interoperability agreements bilaterally and through multilateral forums such as Quadrilateral Security Dialogue (QUAD). The most significant 2+2 ministerial agree-

¹ Примыкание (англ. *bandwagoning*) в исходном смысле — это сотрудничество с державой, представляющей основную опасность. Оно происходит, если примыкающее государство не обладает значимым потенциалом, а также в случае отсутствия у него потенциальных союзников (Walt, Stephen M. (1985). *Alliance Formation and the Balance of World Power*, *International Security*, Vol. 9: 4:18.). В контексте данной статьи примыкание имеет более констатирующий смысл: авторы прямо не выделяют в связках примыкания лидеров и подчиненных (Прим. ред.).

ments include General Security of Military Information Agreement (GSO-MIA) — 2002; Logistics Exchange Memorandum of Agreement (LEMOA) — 2016; Helicopter Operations from Ships Other Than Aircraft Carriers (HOSTAC) — 2017 for maritime security; Communications Compatibility and Security Agreement (COMCASA) — 2018; Industrial Security Agreement (ISA) — 2019 for the defense industries' bilateral information exchange; and Basic Exchange and Cooperation Agreement (BECA) — 2020 for geospatial information exchange.

The defense and technology deals include C-17, C-130J, P-81, M777, SIG716, AH-64E, CH-47F9(I), MH-60R, and strategic trade authorization-1 for India. US-India bilateral military exercises include VAJRA PRAHAS, 'TIGER TRIUMPH, YUDH ABHYAS, and COPE INDIA. Both states have also been in cooperation for joint training of military forces. Significantly, India has also gained naval liaison at United States Naval Forces Central Command (NAVCENT).

This reorientation of the foreign policy of India has expanded India's regional hegemonic goals viz-a-viz China primarily, and India's maritime security concerns against China's influence.

Trends of China's South Asia Engagement

China's geo-economic framework in South Asia: investments, connectivity, and financial cooperation

China's geo-economic framework in South Asia exists by the name of BRI that is primarily an infrastructure project financed by China, with the objective of bolstering China-led connectivity through South, Southeast, and Central Asia, Middle East, Europe and Africa. Out of the six economic Corridors that include China-Pakistan, China-Mongolia-Russia, New Eurasia, China-Central Asia-West Asia, and in the South Asia there is China Indo-China Peninsula, Bangladesh-China-India-Myanmar route. Notably, South Asia is the key beneficiary of the BRI.¹

Sri Lanka has been the route of maritime trade for China since 14th century [Anand, J.]. In February 1957, China extended to Sri-Lanka the status of the Most Favoured Nation (MFN) [Samaranayake, N., p. 144]. In 2007, Sri Lanka and China signed eight bilateral agreements and Memorandum of Understanding under the framework of BRI in which the most sig-

¹ Deloitte Insights. Embracing the BRI ecosystem in 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/xe/en/insights/economy/asia-pacific-bkp/china-belt-and-road-initiative.html> (accessed: 10.05.2022).

nificant agreements were on economic as well as technical cooperation, investment promotion, interlinking of Guangzhou and the port city of Hambantota, academic and cultural exchanges, and much more. Hence, in Sri Lanka, China's BRI has been incorporated into national policy officially in 2007 by the then president Rajapaksha. China remained accounted for highest FDI to Sri-Lanka from 2011—2015, amounting to 989.6 million dollars which makes a 15 % of the total FDI in Sri Lanka [Samaranayake, N., p. 149]. In 2016, China committed to Bangladesh about 40 billion dollars investment which included 24.45 billion dollars for infrastructure projects, 13.6 billion dollar in joint ventures; and additionally, 20 billion dollar in loan agreements. In 2016, MOUs for Chinese investment of 9.45 billion dollar were signed by China and Sri-Lanka [Khatun, F.].

In January 2020, China and Myanmar signed 33 MOUs and agreements under the framework of BRI for China-Myanmar Economic Corridor with investment of 21 billion dollar in areas including infrastructure, railways, industries, power projects, investments, trade, and human resource.¹ CMEC resembles CPEC in kind and development.²

Nepal also signed the BRI MOU with China in May, 2017, however, its implementation and further development is still a process to be agreed upon by both states in the years to come.

In April 2017, Pakistan and China signed 51 MOUs amounting to Chinese investment of 48 billion dollar under BRI framework to launch the key corridor of CPEC. The investment pours in the areas of Gwadar port development, rail and road projects, industries, energy sector, human resource, and cultural exchange. CPEC hosts the mega project of BRI in South Asia.³

China-Pakistan Engagement: From support to proactive cooperation in South Asia

Pakistan — China strategic ties date back to 1960 with China—Indian conflict from 1962 to 1980s to the present in US-China competition for determining world order. Both sides have been into an engagement arrangement to balance the power of India in South Asia. China has at most times provided active support for Pakistan against India. China's policy viz-a-viz

¹ Lwin, N. (2020). Myanmar, China Sign Dozens of Deals on BRI Projects, Cooperation During Xi's Visit. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/myanmar-china-sign-dozens-deals-bri-projects-cooperation-xis-visit.html> (accessed 05.05.2022).

² Myers, L. (2020). The China-Myanmar Economic Corridor and China's Determination to See It Through. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/china-myanmar-economic-corridor-and-chinas-determination-see-it-through> (accessed 07.05.2022).

³ China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) Authority. URL: <http://cpec.gov.pk/> (accessed 05.05.2022).

Pakistan is pursued primarily by China's interest in counterbalancing India's regional ambitions by diverting India's strategic attention away from China. The China—Pakistan cooperation presents India with a two-front confrontation during conflict, however, with either of the country.

To sustain Pakistan's active deterrence in South Asia, China remains Pakistan's key defense supplier. The recent significant developments in Pakistan-China defense cooperation include JF-17 aircraft deals, its production facilities, the F-22P frigates and helicopters, the K-8 jet trainers, the T-85 tanks, the F-7 aircraft, and other tactical arms. At present, Pakistan is pursuing modernization of its navy and air force with active cooperation from China, including acquisition of advanced systems such as Type 039 submarines and J-10C jets.

China's competitive alignment with third states in South Asia: A counter-balance strategy to the United States and India in the Indo-Pacific is less focused on alignment with the U.S. or India and more on alignments for geo-strategic and geo-economic gains. Developing smaller states in South Asia have remained more interested in economic development in their foreign policies and present trends of geo-economics in South Asia provide them with China as an attractive economic hub in Asia-Pacific.

In July 2019, China and Bangladesh agreed on integrating Bangladesh's economy with the BRI funding for geo-economic cooperation where Beijing does aim for port access of Payra similar to that of Gwadar and Hambantota. The 2019 agreement also pledges for defense cooperation in areas that include defense industry, arms trade, military training, and exchange of navy ships. In 2016 and then in 2017, China navy made port visits to Chittagong indicating maritime significance of geostrategic position of Bangladesh for China.

In 2019, China and Nepal entered into 20 agreements under BRI framework to build the Trans-Himalayan Multi-Dimensional Connectivity Network via ports, communications, railways, roads, and aviation with China seeking Kathmandu's acknowledgement for China's stance on Tibet dispute being China's internal matter.

Trajectory

South Asia for China: A stakeholder in emerging multilateral world order

The United States-China geo-strategic competition for the world order in the Indo-Pacific has become inescapable for South Asia. The China-led economic connectivity is reorienting the organization of world politics, se-

curing support of global and regional states including South Asia. United States has declared China as the strategic rival and a challenge to American economic and political interests, and security at the world level, in general and in the Indo-Pacific in particular.

Therefore, the United States has adopted a strategic reassurance policy under the 'United States Indo-Pacific Strategy', the 'free and open Indo-Pacific policy' implemented via alliance-cum-partnerships and the 'freedom of navigation' doctrine to counter China's influence in the region and beyond. U.S. is seeking partnership with India to counterbalance China in Indian Ocean region. The Indian membership in QUAD and the militarization of India in South Asia to create a power balance against China are part of the United States integrated deterrence strategy against China in South Asia. India's official recognition of the United States' Free and Open Indo Pacific in 2005 under partnership agreement with the United States points out Liberal World's geostrategic stakes in South Asia. The United States interest in South Asia is to balance China's expansion in Indo-Pacific and India has the potential to act as a balancing agent for power in the region.

Enhancing China's Strategic Space in South Asia

China has had success in enhancing its strategic space in South Asia by upgrading relations with smaller states, that earlier had close relations with India due to geographic and cultural linkages. Beijing's expanding relations focused more on economic and infrastructure development projects instead of a deeper political and security footprint. China's remarkable economic growth has played a crucial role, making it a major commercial partner of South Asian states, including India. This has allowed China to conduct 'neighborhood diplomacy' with much more confidence.

India under Pressure

China's steady rise opened up substantial balancing space for India's neighbours. It is also due to the relative absence of a hardcore balance of power competition, so far, between India and China in South Asia. Beijing and New Delhi are pursuing soft-balancing strategies and diplomatic engagement. This has led India to address the needs and concerns of smaller states as they pursue enhanced cooperation with China. India remains under wary of potential upgradation of China-SA states political and security cooperation, particularly, Chinese naval presence in strategic ports. If smaller states consent to Chinese naval presence, particularly, Sri Lanka and the Maldives, it will escalate regional competition in South Asia. If it happens,

this will also complicate stability for smaller states, and potentially undermine the ability of SSA countries to attract economic support and investments from both India and China.

Conclusion

China's interests in South Asia include balancing India and the United States on the one hand and to sustain China's maritime presence in the Indian Ocean Region on the other. China has political, economic, and military engagement with South Asia. The key challenge for China in South Asia remains the Indo-US partnership, which is America's way forward in US-China Competition. Second, China's integration of South Asia in China-led economic network finds resistance in the forms of nuclear-armed brinksmanship in between Pakistan, India, as well as China, hence offering a setback to China's economic order in the region. China does have liability for strategic dilemma in South Asia based on its bandwagoning policy with Pakistan to balance the Indo-U.S. alignment in U.S.-China competition for determination of world order in the IOR.

While the challenges remain intact to South Asian security dynamics, there are also positive trends of economic development led by China's geo-economic framework in South Asia which is based on policy of investments, connectivity, and financial cooperation. The China-Pakistan bandwagoning in South Asia ranges from constructive neutrality to active support in South Asia hence maintaining the deterrence equilibrium in Indo-Pak conflicts in which China acts as a participant as well as a mediation regime for conflict management and de-escalation. China has entered into competitive alignment with third states in South Asia as a counterbalance strategy to the United States in the Indo-Pacific.

The trajectory of China's dominance in Indian Ocean Region is also determined in South Asia where China successfully operates as an influential stakeholder in emerging multilateral world order. Lastly, and most significantly, South Asia is the geostrategic locality for China's emerging strategic culture in Indo-Pacific as the South Asian ports of Gwadar and Hambantota have potential to serve for China's strategic naval interests in the Asia Pacific region.

Библиографический список / References

Anand, J. (1977). Sino-Sri Lanka Trade Relations: Twenty-Fifth Anniversary, *China Report*, (13): 6: 3—6.

Khatun, Fahmida (2019). Belt and Road Initiative: What Are Bangladesh's Interests? / *Center for Policy Dialogue*. URL: <http://cpd.org.bd/wp-content/uploads/2019/09/Presentation-on-Belt-and-Road-Initiative-BRI-Dr-Fahmida-Khatun-1.pdf> (accessed: 7 May, 2022).

Samaranayake, N. (2019). China's engagement with smaller South Asian countries. Washington D.C.: *United States Institute of Peace*.

Shinn, David (2017). China's Power Projection in the Western Indian Ocean, *Jamestown Foundation*, April 20. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-power-projection-western-indian-ocean/> (accessed: 18 April, 2022).

Sinha, R., and Sareen, N. (2020). India's limited trade connectivity with South Asia / *Brookings*. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/05/Trade-Policy-Brief.pdf> (accessed April 18, 2022).

DOI: 10.48647/IFES.2022.22.71.020

А.Ф. Клименко

КИТАЙ, РОССИЯ И ДРУГИЕ УЧАСТНИКИ ШОС В НОВЫХ АФГАНСКИХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем безопасности в Центральной Азии в свете прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» (запрещено в России), оценке новых вызовов и угроз для Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также характеристике основных направлений деятельности Организации по обеспечению региональной стабильности.

Автор обращает внимание на противоречия в интересах, целях и задачах членов ШОС в Афганистане. По его мнению, поиск точек соприкосновения и согласование коллективных усилий является необходимым условием для эффективного содействия правительству этой страны в ее становлении как демократического и мирного государства, свободного от терроризма, войн и наркотиков.

Анализируя деятельность различных акторов по афганскому направлению, автор выделяет ряд многосторонних форматов, созданных участниками ШОС в Центральной Азии и прилегающих регионах с целью потиводействия террористическим и другим угрозам. Некоторые из этих форматов, не проявив особой активности, «ушли со сцены». Действия иных, в первую очередь Организации тюркских государств (ОТГ), в состав которой входят участники ШОС — Казахстан, Киргизия и Узбекистан, противоречат национальным интересам других полноправных членов Шанхайского форума.

Автором выделено три структуры — Содружество независимых государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества, предназначение и направленность которых соответствуют задачам преобразо-

вания Афганистана в стабильное государство, а также обеспечения региональной безопасности и стабильности.

При этом оценка состава, структуры и уставных документов названных организаций дает основание сделать вывод о том, что перед их государствами-участниками встает ряд проблем, связанных с необходимостью дальнейшего повышения эффективности этих организаций в плане решения стоящих перед ними задач в условиях усложняющейся международно-политической обстановки.

Ключевые слова: Китай, Афганистан, экономическое сотрудничество, безопасность и стабильность, Центральная Азия, Шанхайская организация сотрудничества, Организация тюркских государств.

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A.F. Klimenko

China, Russia and other SCO members in the new Afghan realities

Abstract. The article is devoted to the analysis of security problems in Central Asia with the coming to power in Afghanistan of the Taliban movement (banned in Russia), assessment of new challenges and threats to the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as well as to the main directions of its activities to ensure regional stability.

The author draws attention to contradictions in interests, goals and objectives of the SCO members in Afghanistan. In his opinion, the search for common grounds and coordination of collective efforts are prerequisites for gaining success in assisting the Government of this country in its transition to a democratic and peaceful State free of terrorism, wars and drugs.

Analyzing activities of various actors in the Afghan direction, the author reveals a number of multilateral formats created by the SCO members in Central Asia and adjacent regions in order to counter terrorist and other threats. Some of these formats, which had not shown much activity, “left the scene.” Actions of others, primarily in the Organization of Turkic States (OTG), which includes SCO members — Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan, contradict national interests of other full members of the SCO.

The author identifies three organizations — the Commonwealth of Independent States (CIS), the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the Shanghai Cooperation Organization, whose purpose and

direction of activity correspond to the tasks of transforming Afghanistan into a stable state, as well as ensuring regional security and stability.

At the same time, assessment of the composition, structure and statutory documents of these organizations gives grounds to conclude that their participating States face a number of problems related to the need to further increase the capacity of these organizations in terms of solving the tasks they face in an increasingly complicated international political situation.

Keywords: China, Afghanistan, economic cooperation, security and stability, Central Asia, Shanghai Cooperation Organization, Organization of Turanian States.

Author: Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D. (Military Sc.), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

Conflict of interests: The author declares that there is no conflict of interests.

Введение

Как известно, формальным препятствием для содействия пришедшему к власти в Афганистане движению «Талибан» (запрещено в России) в построении стабильного, экономически состоятельного государства остается статус Афганистана, указанный в списках ООН, как террористическое государство. В не меньшей мере препятствует этому и сама ситуация в стране. С одной стороны, после отказа Запада в предоставлении Афганистану финансовой помощи, экономическое положение страны стало катастрофическим. С другой — серьезную помеху восстановлению экономики создает отсутствие стабильности. И хотя талибы заявили о разгроме противостоящего им Национального фронта в Пандшерском ущелье, руководители последнего и его оставшиеся бойцы ушли в горы и утверждают, что продолжают борьбу. В стране регулярно происходят теракты, ответственность за которые берет на себя «Исламское государство» (ИГИЛ, запрещено в РФ). А за пределами Афганистана вновь активизировались лидеры национальных меньшинств.

В целом положение с безопасностью, которую могли бы гарантировать пришедшие к власти талибы, ухудшается. Удержаться у власти талибам будет нелегко. А в случае обострения ситуации в Афганистане и вокруг него возрастут угрозы для России, Китая и других государств-участников ШОС, среди которых есть страны с большой долей приверженцев ислама.

Разрядка напряженности вокруг Афганистана, являющегося наблюдателем при ШОС, возможна лишь при содействии со стороны России, Китая и других участников Организации в восстановлении экономики и стабилизации обстановки в стране.

Необходимость в углубленном анализе всех этих вопросов в свете неопределенности развития ситуации в Афганистане обуславливает актуальность данного научного труда.

Как известно, обеспечение безопасности и стабильности в ЦАР изначально стало функцией ОДКБ, а также СНГ, и, во многом — ШОС. Вместе с тем, в последнее десятилетие для решения этих же задач параллельно ОДКБ, СНГ и ШОС был создан ряд других форматов с участием некоторых членов этих организаций. При этом ставится под сомнение статья 1 Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. о невступлении государств-участников в иные военные союзы. Изучение этой проблемы показало, что часть из новых форматов, не проявив особой активности, стала функционировать на двусторонней основе, а деятельность других противоречит национальным интересам некоторых из полноправных членов ШОС. Попытка провести комплексное исследование роли и места всех этих организаций и форматов в решении задач по стабилизации обстановки в Афганистане и Центральном-Азиатском регионе обуславливает новизну данного труда.

1. «Воцарение» Талибана в Афганистане и проблемы региональной безопасности

Приход террористического движения «Талибан» к власти в Афганистане был ожидаем, но возникшим при этом хаосом воспользовались другие террористические группировки. Следует ожидать, что они будут стремиться использовать Афганистан в качестве плацдарма для экспансии в страны Центральной Азии, и не только туда. По некоторым данным, на Украину для борьбы против российской армии уже пытается просочиться, не без помощи западных стран, часть из ранее перебравшихся в Афганистан боевиков разгромленного в Сирии ИГИЛ. Остающиеся игиловцы и прочие «союзники» будут провоцировать Талибан на агрессивное поведение. Однако талибы отрицают эту возможность, подчеркивая, что «движение хочет хороших отношений со всеми государствами и не позволит атаковать другие страны с территории Афганистана. Кроме того, Талибан обещает бо-

роться с Аль-Каидой (*запрещена в России — прим. автора*) и другими террористическими организациями и не допускать их в Афганистан»¹. Но это лишь желаемое.

В действительности в Афганистане действуют террористические группировки, преследующие собственные цели. Среди них запрещенные в СНГ «Исламское движение Узбекистана», «Хатиб имам аль-Бухари», радикальная группировка «Джамаат Ансаруллах», отметившаяся терактами на территории Таджикистана»². Уже при новом режиме они разместились в приграничных районах Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана и активно действуют против других стран-участниц СНГ и ШОС. Наибольшие опасения у центральноазиатских стран вызывает ситуация в афганском Бадахшане, где нашло убежище немалое число радикально настроенных выходцев из стран Центральной Азии, готовящихся вернуться на родину. Там активизируются и боевики «Исламского движения Восточного Туркестана» (запрещено в РФ). Их цель — отделение от Китая территорий, населенных уйгурами.

По информации Центра изучения современного Афганистана, в последнее время ряд полевых командиров Талибана в том же Бадахшане обсуждает возможность вторжения в Таджикистан. По их мнению, «благоприятные условия для этого возникнут в случае неудачи военной спецоперации России в Украине, что сделает маловероятным ее вмешательство в новые вооруженные конфликты»³. Они небезосновательно надеются, что, в случае вторжения боевиков в Таджикистан, Россия не сможет оказать существенную поддержку Душанбе. В этом случае под вопрос будет поставлена безопасность других центральноазиатских республик, и не только их. Дестабилизация может распространиться на близлежащие регионы.

Не следует сбрасывать со счетов и американский фактор: Вашингтон не смирится с потерей влияния в регионе «Большой Центральной Азии», который для США в геостратегическом плане имеет принципиальное значение. Здесь важно принимать во внимание не-

¹ *Медкович Н.* Талибан и его военная угроза Центральной Азии 17.09.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/taliban-i-ego-voennaya-ugroza-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.02.2022).

² Там же.

³ *Serenko A.* Командиры талибов в афганском Бадахшане обсуждают возможность вторжения в Таджикистан. 27.02.22. URL: <http://inozpress.kg/a-serenko-komandiry-talibo-v-v-afganskom-Badakhshane-obsuzhdayut-vozmozhnost-vtorzheniya-v-Tadzhikistan/> (дата обращения: 10.02.2022).

изменность целей американской внешней политики. Наиболее известные из них — «стремление к сохранению своего доминирования в мире и монополии на управление большими трансграничными процессами»¹, включая евразийский континент и индо-тихоокеанское пространство. В ЦАР главная задача США — противодействие Китаю, России и изоляция Ирана. Поэтому «стратегии США не трансформируются, меняется только тактика. Американцы пытаются осуществлять дистанционное управление ситуацией в Афганистане с целью сохранения очага напряженности в центре Евразии. Суть этого проекта — экспорт дестабилизации из Афганистана»².

Следует отметить, что начавшееся переустройство афганского государства в сторону провозглашения «Исламского Эмирата Афганистан» дает некий результат. Талибы сформировали правительство и временно восстановили действие Конституции 1964 г.. Но им не удастся наделить военный режим реальной политической властью, взять под полный контроль собственные вооруженные отряды, другие террористические формирования и стабилизировать ситуацию на всей территории страны. А, как известно, внутренняя нестабильность в государстве приводит ко вмешательству со стороны внешних врагов с вытекающими отсюда последствиями.

В этих условиях практически все проблемы Афганистана вынуждены разрешать центральноазиатские государства, а также Россия, Китай, Иран, Пакистан и Индия — участники ШОС. Но каждая из этих стран имеет собственные интересы в Афганистане, оказывая при этом поддержку враждующим между собой на его территории политическим силам и этническим группам. Так, например, Иран поддерживает шиитские группировки, Пакистан — пуштунов, а Индия готова поддержать любое правительство, которое будет проводить независимую от Пакистана политику. КНР же заинтересована в реализации проектов по добыче полезных ископаемых в Афганистане и в развитии транспортных коммуникаций в рамках Инициативы «Пояс и путь». Но при этом интересы Китая могут столкнуться с интересами Индии. Турция же, пытаясь сотрудничать с талибами, не прекращает контакты с настроенным против них узбекским меньшинством.

¹ Князев А. Сценарии США для Центральной Азии после ухода американцев из Афганистана 2021. URL: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/stsenarii-ssha-dlya-tsentralnoy-azii-posle-ukhoda-iz-afganistana/> (дата обращения: 12.02.2022).

² Как будут действовать США в Центральной Азии после ухода из Афганистана? — Вероятные сценарии. 2021.12.29. URL: <https://crss.uz/kak-budut-dejstvovat-ssha-v-centralnoj-azii-posle-ukhoda-iz-afganistana-veroyatnye-scenarii/> (дата обращения: 12.02.2022).

А Россия заинтересована в безопасности своих центральноазиатских союзников, ликвидации очагов международного терроризма и в предотвращении миграционного кризиса.

И только центральноазиатские страны, опасаясь распространения на их территорию террористических угроз из Афганистана, настроены на сотрудничество по противодействию «трем силам зла» и с Россией, и с Китаем, и с США. Кроме того, эти страны, находясь на основных маршрутах наркотрафика из Афганистана, чрезвычайно заинтересованы в борьбе с ним совместно с Россией, Ираном, Турцией и Пакистаном, поскольку наркотрафик является источником финансирования экстремистских и террористических групп, способствуя тем самым развитию организованной преступности.

Даже этот краткий анализ подводит к выводу о том, что страны-участницы ШОС в сложившейся ситуации имеют и совпадающие, и пересекающиеся, и противоречивые интересы. Однако ни одна из заинтересованных стран в одиночку не имеет шансов на успех в решении всего комплекса задач по обеспечению региональной безопасности и стабильности, а также по оказанию действенной помощи Афганистану. Необходима тесная координация коллективных действий.

2. Региональные форматы безопасности и их возможности по обеспечению стабильности в Афганистане и безопасности на пространстве ШОС

Итак, как уже указывалось, на евразийском пространстве ШОС существует ряд коллективных форматов (образованных в том числе при участии членов этой организации), позиционирующих себя в качестве гарантов региональной безопасности.

Во-первых, это СНГ, изначально созданное для «цивилизованного развода» республик СССР с целью смягчения последствий его распада.

Во-вторых, ОДКБ, которая проявила себя с лучшей стороны во время недавних событий в Казахстане. Но в данном военно-политическом союзе отсутствуют Китай, Индия, Пакистан и Иран. И их участие в ОДКБ маловероятно.

В-третьих, созданная в 2016 г. по инициативе Китая «Урумчийская четверка». Кроме КНР в нее входят Пакистан, Афганистан и Таджикистан. Но этот альянс недолго проявлял активность (кстати, соглашение о его образовании не межгосударственное, а межармей-

ское, заключенное генеральными (главными) штабами вооруженных сил указанных стран). В настоящее время антитеррористическая деятельность Пекина с остальными участниками этого соглашения переведена на двустороннюю основу.

На особое место в регионе претендует Турция со своей идеей построения «Великого Турана». Турция — также участник ШОС, но в статусе партнера по диалогу. Есть и у нее свой интерес в Афганистане. После завершения «афганской миссии» американский президент Д. Байден и его турецкий коллега Р. Эрдоган договорились, что турецкие военные останутся обеспечивать безопасность кабульского аэропорта. Таким образом, Турция закрепила в Афганистане и в регионе в целом, что может помочь ей в строительстве «Великого Турана».

Напомним историю турецких усилий. В 1992 г. был образован Совет сотрудничества тюркоязычных государств, активно использующий идеи пантюркизма. В ноябре 2021 г. на Совете было принято решение о его преобразовании в Организацию тюркских государств (ОТГ), в которую вошли Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, а также Туркменистан в качестве страны наблюдателя. Там же было объявлено о формировании в ОТГ «Механизма гражданской обороны», что, по мнению экспертов, «является первым шагом в направлении создания единой армии тюркского мира»¹. Карабахская война 2021 г. стала поворотным моментом, позволившим Анкаре сделать второй шаг: принятая Шушинская декларация, оформившая союз Турции и Азербайджана, может стать прообразом военного альянса, который «должен объединить под началом Анкары тюркские народы и такие страны, как Казахстан, Туркменистан, Киргизию, Узбекистан и даже Монголию»². Кстати, не стоит забывать, что Турция является членом НАТО.

Многие эксперты задаются вопросом, насколько реалистична идея построения «Великого Турана»? И не придадут ли ее забвению с уходом Р. Эрдогана с поста президента Турции? В частности, министр иностранных дел России С. Лавров так отвечал на подобные

¹ Геополитический промах или расчет России. Вчера создана Организация Тюркских Государств, в которую вошли 5 бывших республик СССР. 13.10.2021. URL: <https://zen.yandex.ru/media/pinchprofit/geopoliticheskii-promah-ili-raschet-rossii-vchera-sozdana-organizaciiia-tiurkskih-gosudarstv-v-kotoruiu-voshli-5-byvshih-respublik-sssr-618fc38c9a5df961763489b3> (дата обращения: 22.02.2022).

² Журавлев Р. «Армия Турана» султана Эрдогана. 21.12.2020. URL: https://octagon.media/vojna/_armiya_turana_sultana_erdogana.html (дата обращения: 15.02.2022).

вопросы: «Не думаю, что Турция преследует такую цель. Не вижу, как в реальности страны, бывшие частью СССР и ставшие независимыми государствами, могут эту идею в каком-то виде поддерживать. Наоборот, весь пафос их внешней политики и практика их деятельности заключается в том, чтобы укреплять свои национальные государства»¹.

На сегодня такая оценка вполне логична. После попыток январского госпереворота в Казахстане сотрудничество центральноазиатских стран с Турцией и НАТО поставлено под вопрос, ибо в ЦАР казахстанские «протесты» рассматривают как операцию США и западные акторы стали восприниматься как угроза существующим режимам. В результате, в регионе доверие к США и НАТО оказалось подорванным и «Турции продвигать свою идеологию о пантюркистском мире будет не так удобно, как ранее, ибо за ее ширмой будет маячить призрак государственного переворота»². Таким образом, погашенные беспорядки в Казахстане и последовавшее за этим окончательное устранение от власти бывшего президента Н. Назарбаева, активно продвигавшего идею пантюркизма, ослабили позиции «Турана». А эффективные действия ОДКБ по стабилизации обстановки в Казахстане усилили позиции России в регионе.

Попытки Турции консолидировать тюркский мир негативно воспринимаются и в России, и в Китае, обеспокоенном настроениями тюркского населения в СУАР. Пока еще Анкара не выступает открыто против Москвы. Но можно согласиться с мнением о том, что «Великий Туран, подкрепленный политической идеологией, может оказаться сильнее предлагаемого Россией евразийского единства»³. В этом плане следует обратить внимание на экстренную встречу президента Р. Эрдогана с главами стран — членов ОТГ после ввода миротворцев ОДКБ в Казахстан. Она проходила на фоне отрицательного отношения к этому миротворчеству со стороны турецкой общественности, особенно ее военной части, которая стремится к большей роли

¹ Лавров прокомментировал турецкую идею «Великого Турана». 20.02.2021. URL: https://tengrinews.kz/world_news/lavrov-prokommentiroval-turetskuyu-ideyu-velikogo-turana-429569/ (дата обращения: 22.02.2022).

² Удар под дых Великому Турану: Турецкие СМИ кусают локти из-за привлечения ОДКБ в Казахстане и требуют создания тюркского военного союза. 2022. URL: <https://fotkaew.ru/udar-pod-dykh-velikomu-turanu-turetskie-smi-kusayut-lokti-iz-za-privlecheniya-a-odkb-v-kazahstane-i-trebuyut-sozdaniya-tyurkского-voennogo-soyuz-a> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Родионов Д. Великий Туран наносит ответный удар? 19.01.2022. URL: https://octag.on.media/mir/velikij_turan_nanosit_otvetnyj_udar_.html (дата обращения: 25.02.2022).

Анкары в Казахстане. Так, бывший военный атташе Турции в Азербайджане генерал Юджель Карауз заявил, что ОТГ должна предпринять реальные шаги по созданию объединенных вооруженных сил: «...в организации должны быть приняты правовые меры по созданию объединенной военной силы. Если мы опоздаем, можем понести непоправимый ущерб. То, что сейчас происходит в Казахстане, может произойти и в других братских республиках»¹. О необходимости «создать армию Турана» высказался и ушедший в отставку начальник штаба ВМС Турции контр-адмирал Д. Яйджи. Следует ожидать, что Турция под прикрытием дружественной риторики в адрес России и Китая де-факто будет усиливать соперничество с ними, наращивая усилия по строительству ОТГ, в том числе в военно-политической и военно-технической сферах, постепенно функционально вытесняя ОДКБ и ШОС из Центральной Азии.

Что же касается «Урумчийской четверки», то она не проявила особой активности в обеспечении региональной стабильности, и ее участники перешли к сотрудничеству на двусторонней основе. Поэтому логичным было бы сосредоточить решение всех проблем по стабилизации обстановки в Афганистане, а также обеспечению региональной безопасности и стабильности силами СНГ, ОДКБ и ШОС.

В настоящее время в этом направлении проводится практическая работа. Так, в сентябре 2020 г. состоялось совместное заседание министров обороны государств — участников ШОС, ОДКБ и СНГ. В его итоговом коммюнике отмечено, что с ростом численности конфликтов «особую значимость приобретает сотрудничество в области безопасности как основополагающее условие развития ШОС, СНГ и ОДКБ». А уже в 2021 г. на первом заседании Постоянного совета ОДКБ было объявлено: «Сферы взаимодействия организаций будут уточнены, выработаны практические механизмы сотрудничества»².

Можно сделать вывод, что идет планомерная работа по обновлению юридической базы сотрудничества названных организаций и институциональное оформление их партнерства. Практическим подтверждением этому стали масштабные учения «Кавказ-2020», в кото-

¹ Молчаливое турецко-российское противостояние в Казахстане. 23.01.22. URL: <https://zen.yandex.ru/media/ulyanov/molchalivoe-tureckorossiiskoe-protivostoianie-v-kazahstane-61edad6b9a54d91fbc429ec0?> & (дата обращения: 26.02.2022).

² Сидоров И. Перспективы расширения сотрудничества ОДКБ и ШОС // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». 2021. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/03/18/perspektivy-rasshireniya-sotrudnichestva-odkb-i-shos> (дата обращения: 10.02.2022).

рых приняли участие военнослужащие России, Белоруссии, Ирана, Китая, Армении, Пакистана и Мьянмы.

С возможностью расширения сотрудничества ШОС и ОДКБ согласны и в КНР. По мнению китайского исследователя Ван Чаоцина «ОДКБ и ШОС имеют много аналогичных стратегических целей и интересов в сфере безопасности. В связи с этим обе организации могут сосредоточить внимание на сотрудничестве в области безопасности». Его дополняет известный эксперт Чжао Хуашэн: «ОДКБ и ШОС — родственные структуры, так как большинство членов ОДКБ являются основными членами ШОС..., и они могут состоять в тесных партнерских отношениях» [Ван Чаоцин, с. 47—52].

При этом следует учесть, что ШОС является универсальной по своему назначению организацией. Она соединяет в себе и экономические, и гуманитарные, и военно-политические функции. Это выдвигает ее на ведущую роль в качестве координатора при решении задач, определенных в разделе 3.1 Душанбинской декларации 20-летия ШОС. Остановимся на данном вопросе подробнее.

3. 0 роли ШОС в становлении Афганистана в качестве стабильного развивающегося государства

Не секрет, что препятствием к решению практических задач является недостаточная эффективность ШОС из-за отсутствия в ее составе исполнительных структур и органов управления. Предложения по устранению этих недостатков неоднократно озвучивались на конференциях в Институте Дальнего Востока РАН [Клименко А.Ф., с. 284—328]. Звучали они и на более высоком уровне.

Еще в июне 2012 г. в ходе Пекинского саммита глав государств-членов ШОС Президентом России В.В. Путиным была высказана идея о «создании в рамках Шанхайской организации универсального центра по противодействию терроризму, наркотрафику и оргпреступности» [Путин В.В., с. 1—8]. Через 5 лет эту идею поддержал премьер Госсовета КНР Ли Кэцян.

Как отметил директор Исполкома РАТС ШОС Е. Сысоев, речь шла о включении в компетенцию этой структуры, помимо борьбы с «тремя силами зла», «еще и противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, транснациональной организованной преступности, незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, а также обеспечение международной

информационной безопасности»¹. Понятно, это позволило бы ей комплексно решать задачи по противодействию вызовам и угрозам, имеющим взаимосвязанный характер. Китай и ряд других участников ШОС поддержали эту инициативу, но до настоящего времени практический консенсус по ней не был достигнут.

Конкретно вопрос о ситуации в Афганистане обсуждался на сентябрьском 2021 г. саммите ШОС в Душанбе. Была озвучена задача ШОС по локализации афганского террористического очага за счет содействия «началу инклюзивного межафганского мирного процесса с одновременным блокированием исходящих из Афганистана угроз терроризма, наркотрафика, религиозного экстремизма»². По итогам встречи ее участники приняли Душанбинскую декларацию 20-летия ШОС.

В этом документе по вопросу «Афганистан и региональная безопасность» участники встречи руководствовались тем, что «скорейшее урегулирование ситуации в Афганистане является одним из важнейших факторов сохранения и укрепления безопасности и стабильности на всем пространстве ШОС»³. Особо подчеркивалось, что «исключительно важным является создание в Афганистане инклюзивного правительства с участием представителей всех этнических, религиозных и политических групп афганского общества»⁴.

Учитывая неблагоприятные оценки развития международно-политической ситуации, участники саммита заявили, что «Государства-члены будут развивать сотрудничество в области обороны в интересах обеспечения мира, противодействия угрозам безопасности и создания благоприятных условий для устойчивого развития ШОС»⁵.

Итоги разрозненным «заявлениям о намерениях» по совершенствованию ШОС были подведены главами России и Китая 4 февраля 2022 г. в Совместном заявлении двух государств о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии.

¹ Сысоев Е. ИГ стремится создать новое квазигосударство на территориях Афганистана, Ирана, Пакистана и стран Центральной Азии. 05.03.2018. URL: <https://www.arms-expo.ru/news/protivodeystvie-terrorizmu/evgeniy-sysoev-ig-stremitsya-sozdat-novoe-kvazigosudarstvo-na-territoriyakh-afganistana-irana-pakist/> (дата обращения: 27.02.2022).

² ШОС: соответствовать статусу крупнейшего трансрегионального объединения. 22.09.2021. URL: <https://newsmonitor.ru/blog/44000114528/shos-sootvetstvovat-statusu-krujneshhego-transregionalnogo-obedineniya> (дата обращения: 16.02.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Во-первых, в документе было отмечено, что и Россия, и Китай «нацелены на всестороннее укрепление Шанхайской организации сотрудничества и дальнейшее повышение ее роли в формировании полицентричного миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права, многосторонности, равной, совместной, неделимой, комплексной и устойчивой безопасности»¹.

Во-вторых, подводя итог внесенным ранее предложениям об усилении потенциала ШОС в борьбе с «тремя силами зла», лидеры РФ и КНР заявили, что «считают важной реализацию договоренностей о совершенствовании механизмов противодействия вызовам и угрозам безопасности государств — членов ШОС и в контексте решения этой задачи выступают за расширение функциональных возможностей РАТС ШОС»².

В-третьих, российской и китайской сторонами был сделан акцент на расширении спектра задач, решаемых ШОС, закрепление ее статуса в качестве универсальной организации, «что будет способствовать приданию нового качества и динамики взаимодействия между государствами — членами ШОС»³.

Таким образом, на всех уровнях необходимые решения по становлению ШОС как действительно универсальной организации были приняты. И требуется незамедлительная работа по их практическому претворению в жизнь. Как представляется, это возможно на базе укрепления российско-китайского сотрудничества и усиления взаимодействия России, Индии и Китая — неформального ядра ШОС — в рамках Организации. Аналогичного мнения придерживаются и китайские эксперты: «Согласованное сотрудничество между Россией Китаем и Индией заложит прочную основу интеграционного процесса ШОС, будет способствовать созданию благоприятной среды для дальнейшего развития организации» [Ван Чэньшэн, Цзян Хунфэй, с. 40]. Более сложной, но не менее важной является задача координации действий участников ШОС и БРИКС на площадке ООН с целью совместного противодействия деструктивному влиянию развязанной против них «коллективным Западом» информационной войны.

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 4.02.2022 URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 16.02.2022).

² Там же.

³ Там же.

Заключение

1. Международно-политическая обстановка в мире усложняется. Восточная Европа, Центральная Азия, Индо-Тихоокеанское пространство дестабилизированы. Государства-участники ШОС сталкиваются с беспрецедентными вызовами, инспирированными англосаксонскими государствами и их вассалами. Одновременно предпринимаются попытки расколоть партнерские связи ШОС изнутри, используя межстрановые противоречия.

2. Вызывают опасения нацеленность Турции на подмену ШОС и ОДКБ в Центральной Азии Организацией турецких государств.

3. В условиях роста значимости проблем безопасности в Евразии необходимо укреплять дееспособность ШОС, развивая и совершенствуя нормативно-правовую базу ее деятельности. В качестве первого шага можно было бы подготовить концепцию региональной безопасности ШОС [Васильев Л.Е., с. 31—34].

4. В целях решения проблем региональной безопасности в условиях нарастающих вызовов и угроз членам ШОС необходимо укрепить взаимодействие по линии вооруженных сил, а также операционный потенциал Организации. Последнее подразумевает: расширение мандата РАТС и Секретариата ШОС; создание правовых условий для ускоренного формирования коллективных миротворческих сил и соответствующего органа управления ими на базе контингентов ВС, подготовленных в ходе маневров «Мирная миссия» в каждой из стран-участниц; отработка взаимодействия при решении задач борьбы с террористическими организациями на совместных учениях и тренировках ШОС и ОДКБ.

5. По нашему мнению, определяя роль и место ОДКБ и ШОС в крупномасштабных антитеррористических операциях, целесообразно учитывать следующие обстоятельства:

- ОДКБ имеет все необходимые силы, средства и органы управления ими, что позволяет ей в кратчайшие сроки приступить к выполнению поставленных задач;

- в ШОС на учениях «Мирная Миссия» подготовлен контингент сил и средств. Но эти силы и средства дислоцируются в своих странах и непосредственно не подчинены Организации. К тому же ШОС не имеет в своем составе соответствующего органа управления ими. Поэтому для приведения этого контингента в боевую готовность потребуется определенное время. С учетом данного обстоятельства контингент ОДКБ может применяться в крупномасштабных анти-

террористических (специальных) операциях в первом эшелоне, а подготовленные силы и средства ШОС использоваться для развития усилий.

При необходимости стоит рассмотреть вариант формирования объединенной группировки ВС ряда государств, входящих в разные организации, в случае создания ими временной «коалиции по интересам» для решения частных оперативных задач.

Библиографический список

Ван Чаоцин. Международное сотрудничество в области безопасности между ШОС и ОДКБ // Теория и практика общественного развития. Международный научный журнал. 2015. № 8. С. 47—52.

Ван Чэньшэн, Цзян Хунфэй. Мысли о совместном предотвращении «цветной революции» Китаем и Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 5. С. 100—112.

Васильев Л.Е. ШОС и многосторонние форматы взаимодействия в сфере безопасности Евразии. // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия // Рос. акад. наук, Институт Дальнего Востока; ред.-сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН. 2020. С. 31—34.

Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества. Проблема обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН. 2009. С. 284—328 .

Путин В.В. Выступление на заседании Совета глав государств — членов ШОС // Международная жизнь. 2012. № 7. С. 1—8.

References

Klimenko A.F. (2009). Strategiya razvitiya Shanxajskoj Organizacii Sotrudnichestva. Problema oborony i bezopasnosti [Development strategy of the Shanghai Cooperation Organization. The problem of defense and security]. *M.: IDV RAN. [M.: IDV RAS]: 284—328.* (In Russian).

Putin V.V. (2012). Vystuplenie na zasedanii Soveta glav gosudarstv — chlenov ShOS. [Speech at the meeting of the Council of Heads of SCO Member States], *Mezhdunarodnaya zhizn [International Life], 7: 1—8.* (In Russian).

Vasiliev L.E. (2020). ShOS i mnogostoronnie formaty` vzaimodejstviya v sfere bezopasnosti Evrazii. ShOS v sisteme bezopasnosti v Evrazii: problemy` mnogostoronnego vzaimodejstviya. [SCO and multilateral formats of interaction in the field of security of Eurasia. SCO in the security system in Eurasia: problems of multilateral cooperation] / ed. L.E. Vasiliev. *M.: IDV RAN. [Russian Academy of Sciences, Institute of the Far East]: 31—34.* (In Russian).

Wang Chaoqing (2015). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti bezopasnosti mezhdu ShOS i ODKB. [International cooperation in the field of security between the SCO and the CSTO], *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal [Theory and Practice of Social Development. International Scientific Journal]*, 8: 47—52. (In Russian).

Wang Chchensheng, Jiang Hongfei (2021). Mysli o sovместnom predotvrashchenii «tsvetnoy revolyutsii» Kitayem i Rossiyey [Thoughts on the joint prevention by China and Russia of “color revolution”], *Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 5: 100—112. (In Russian).

DOI: 10.48647/IFES.2022.37.31.021

Farhat Akram Mughal, Ameer Hamza

PAKISTAN AND CHINA IN SCO: THE REALIZATION OF MUTUAL POTENTIAL

Abstract. This paper acknowledges that Pakistan and China keep close strategic ties and cooperate in diverse directions within the Shanghai Cooperation Organization (SCO). It argues that whether Pakistan and China cooperate at a bilateral or multilateral level, the net result does not remain limited to both states alone but positively affects other SCO member states.

It identifies specific areas of bilateral cooperation which yielded regional impacts where China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) remains atop. The joint efforts of peace, security, and counter-terrorism are other such areas that engulf the entire SCO, including Russia, and create more space for closer cooperation at the multilateral level. Pakistan and China are receptive to the participation of Central Asian Republics in their endeavors and cement further bilateral relations with each state promoting economic and security ties. This paper further illustrates how Belt and Road Initiative and China Pakistan Economic Corridor created a possibility of mutual development and growth, invoking regional integration and promoting peace and security. The linkage between BRI initiatives in Central Asia and China Pakistan Economic Corridor in Pakistan blurs the bilateralism between China and Pakistan as part of SCO. This paper suggests that Pakistan and China capitalize on their mutual incentives of being permanent members of SCO and enable a friendly environment for mutual growth, prosperity, and a shared future along with their other SCO partner states in the region.

Keywords: Pakistan, China, SCO, Belt and Road Initiative (BRI), CPEC, Complex Interdependence.

Authors: Farhat Akram MUGHAL, Ph.D., Scholar, the School of Politics and International Relations Quaid-I-Azam University, Islamabad, Pakistan; Founder President, Institute of Peace and Diplomatic Studies, Islamabad. E-mail: ipd.pakistan@gmail.com

Ameer HAMZA, MPhil scholar, Air University, Islamabad. E-mail: ipd.pakistan@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

Ф.А. Магхал, А. Хамза

Пакистан и Китай в ШОС: реализация взаимного потенциала

Аннотация. В статье констатируется наличие тесных стратегических связей Пакистана и Китая и факт развития многовекторного сотрудничества сторон в рамках ШОС. Авторы указывают, что независимо от того, на каком уровне — двустороннем или многостороннем — осуществляется сотрудничество Пакистана и Китая, результат его сказывается не только на этих двух государствах, но и положительно влияет на другие страны — члены ШОС.

В работе характеризуются конкретные области двустороннего сотрудничества, которые оказали влияние на регион в свете особой роли Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Совместные усилия в области поддержания мира, безопасности и противостояния терроризму — это еще одна сфера, важная для всей ШОС, включая Россию, и создающая дополнительные возможности для более тесного сотрудничества в многостороннем формате.

Пакистан и Китай приветствуют участие республик Центральной Азии в соответствующих усилиях и укрепляют дальнейшие двусторонние отношения с каждым из этих государств, продвигая связь в сфере экономики и безопасности. В статье также показано, как инициатива «Пояс и путь» и КПЭК, создав возможность взаимного развития и роста, стимулируют региональную интеграцию, способствуя укреплению мира и безопасности. Связь между инициативой «Пояс и путь» в Центральной Азии и Китайско-пакистанским экономическим коридором в Пакистане размывает двусторонние рамки отношений между Китаем и Пакистаном как части ШОС и поднимает их диалог на уровень многостороннего взаимодействия. В работе высказывается пожелание, чтобы Пакистан и Китай оптимальным образом использовали преимущества, проистекающие из того, что обе страны являются полноправными членами ШОС, и создавали

дружественную среду для взаимного роста, процветания и общего будущего со всеми другими региональными государствами — партнерами по ШОС.

Авторы: Фархат Акрам МАГХОЛ, доктор философии (Ph.D.), научный сотрудник Школы политики и международных отношений Университета Куэйд-И-Азам, Исламабад, Пакистан; президент-основатель Института мира и дипломатических исследований, Исламабад. E-mail: ipd.pakistan@gmail.com

Амир ХАМЗА, магистр философии (MPhil), Авиационный университет, Исламабад. E-mail: ipd.pakistan@gmail.com

Ключевые слова: Пакистан, Китай, ШОС, ИПП, КПЭК, комплексная взаимозависимость.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Introduction

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) has been considered an essential and significant political, economic, diplomatic, and strategic converging point for Pakistan and China, especially after Pakistan joined the SCO as a permanent member in 2017. Pakistan swiftly considered the potential of regional cooperation in SCO and joined the organization as an observer state in July 2005, and later in 2017, after a long presence, became a permanent member along with India.

The attraction for Pakistan to be in SCO was not impulsive but driven by growing extremism, separatism, and terrorism in the region in the aftermath of the 9/11 incident and the U.S.-led Global War on Terror (GWOt), which Pakistan could not unilaterally mitigate. Pakistan faced tremendous challenges, including a deficit of trust in developing close cooperation with the U.S. and allies in their Afghanistan pursuits. On the other hand, Pakistan suffered more than 150 billion USD in loss to the economy and sacrificed more than 70,000 lives in the past 20 years after remaining allied with the U.S. as a frontline state.¹ Pakistan was forced to join the GWOt due to the U.S. classic arms twisting approach.² Even after being an active partner

¹ Ahmad Khurshid. 'War on Terror' Has Cost Pakistan More Than \$150bn in Losses Since 9/11, Officials Say, *Arab News*, September 12, 2021. URL: <https://www.arabnews.com/node/1927131/world> (accessed: 20 May, 2022).

² Goldenberg Suzanne. Bush threatened to bomb Pakistan, says Musharraf, *The Guardian*, September 22, 2006. URL: <https://www.theguardian.com/world/2006/sep/22/pakistan.usa> (accessed: 20 May, 2022).

in the uncalled-for war, Pakistan was continuously asked “to do more” in its role in U.S.'s global engagement in Afghanistan.¹

For Pakistan, SCO also offers a platform where the country can achieve its objectives through various initiatives. Pakistan's presence in SCO has also offered the country to build its togetherness with China and balance India in the regional security, economic and strategic calculus. With the advent of the Belt and Road Initiative (BRI), in 2013² the prospects for deepening economic cooperation improved after China became a World Trade Organisation (WTO) member in 2001. This inclusion was a stepping stone toward making China's economic development and the vision for making the country a moderately prosperous society. Moreover, cooperation in China Pakistan Economic Corridor (CPEC) in 2015, Pakistan's prospects for cooperation with China grew manifold.

Pakistan and China are committed to integrating the entire region and shaping its industrial transportation towards Gwadar port for trade, business, and economic endeavors. In this regard, China and Pakistan cooperate closely with Central Asian Republics (CARS) at the bilateral and multilateral levels to realize the true potential of cooperation in the SCO. Although Pakistan has had very close cooperation with CARS, Chinese-supported permanent membership of SCO enables Pakistan to work with CARS on areas of mutual interest more closely. These areas of interest may include culture, tourism, energy, economy, trade, religious harmony, research and development, science, emerging technologies, mining, and information technology.

The contemporary regional dynamics suggest that the SCO region is the core of Chinese efforts concentrated on development and growth. China's increasing cooperation with Russia, Pakistan, and Central Asia approves the notion because it tends to push SCO member states to increase interconnectivity, boost regional trade, and innovate transportation and communication infrastructure.³ This paper rightly identifies that Pakistan and China

¹ Afzal Madiha. An Uneasy Limbo for US-Pakistan Relations Amidst the Withdrawal from Afghanistan, Brookings, August 6, 2021. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/08/06/an-uneasy-limbo-for-us-pakistan-relations-amidst-the-withdrawal-from-afghanistan/> (accessed: 20 May, 2022).

² Xi Jinping. Promote Friendship Between Our People and Work Together to Build a Bright Future (speech, State visit to Kazakhstan, Nazarbayev University, Astana, September 7, 2013).

³ Nurgozhayeva Roza. How Is China's Belt and Road Changing Central Asia?, *The Diplomat*, July 9, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/07/how-is-chinas-belt-and-road-changing-central-asia/> (accessed: 20 May, 2022).

must deepen their bilateral cooperation and broaden their scope by adding CARs into the cooperation equation. It will strengthen the SCO and fulfill the Shanghai Spirit's true meaning.

Theoretical Framework

In times of growing interdependence, interconnectivity, and globalization, there is an emerging debate on the impact of regional organizations integrating the participating states. The scholarly research on Shanghai Cooperation Organization (SCO) primarily focused on its means of cooperation is insufficient and inadequate, the gap this particular research aims to bridge. In this research paper, using the relevance of the complex interdependence theoretical framework, an attempt has been made to explain the complex dynamics involved in building a solid partnership between states at bilateral and multilateral levels. The theory of Complex Interdependence is equally relevant to Pak-China bilateral relations and multi-party cooperation in the SCO at the regional level.

A core value of SCO is the Shanghai Spirit which binds the state in mutual trust, respect, equality, respect for diverse civilizations, and pursuit of development.¹ Joseph Nye and Robert Keohane [Nye J. and Keohane R.] have further proposed complex interdependence as a theoretical paradigm to understand the multilateral cooperation phenomenon discussed in the study. The framework also relates well with the contemporary models and theories of people-to-people contacts, and finally, it has maintained solid foundations despite continuous refining.² Here interdependence also refers to a growing sensitivity and vulnerability between separate units in the international system or states in the organizations being the primary actors [Zurn Michael]. The theory's fundamental concepts are, along with others, power and dependence, conflict and cooperation, coordination and communication.

Inter-dependence is when nation states and national societies depend on other states to achieve their vital interests and help other states achieve their goals. The core elements of this theory are the cornerstone of Pak-China cooperation, where they cooperate at the multilateral level and

¹ Xinhua. 'Shanghai Spirit,' Secret of SCO's Success, *China Daily Website — Connecting China Connecting the World*, last modified June 6, 2017. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2017xivisitskazakhstan/2017-06/06/content_29640474.htm (accessed: 20 May, 2022).

² Van Lange and Paul A. M, *APA Handbook of Personality and Social Psychology: Interpersonal Relations* (Washington, USA: American Psychological Association, 2015).

create space for coordination and cooperation through communication and dependence. It is worth mentioning here that China and Pakistan have already incorporated the notions of complex interdependence and made significant strides. China and Pakistan have worked with BRI and CPEC, respectively, to create an incentive in their favor in the organizational setting of SCO by using the practical model proposed by Joseph Nye and Robert Keohane.

Pakistan's SCO Membership and Pak-China Cooperation

SCO is regional cooperation whose core membership area remains Southern Asia, Central Asia, and Eurasia, where multiple states are willing to cooperate on areas of mutual interest. Pakistan lies at the center of the other three major in SCO, i.e., China, India, and Russia.¹ The geography of Pakistan makes it a central and thus integral state to the SCO. It is a transit corridor amongst the states and the land trading routes of Eurasia and maritime trade routes in the Indian Ocean. The permanent membership of Pakistan gave SCO multiple incentives, which are beneficial for Pakistan.

Initially, the organization was a focused contact group comprising China and Central Asian Republics, which later evolved into an organization inspired by the European Union (E.U.) integration model. SCO was not only an organization that evolved after Soviet disintegration and followed the E.U. model, but many other organizations came into being [Johnston Seth A.]. The E.U. model presented a guidebook for later organizations like SCO to become more inclusive and integrated by resolving the border disputes, evolving market economy, and standardized rules applicable to all states driven by consensus [Ayusi Rafiq and Nurhasanah Siti].

Given the evolution and membership of Pakistan in SCO, Pakistan and China are closely working on regional integration by developing a network of highways, railways, and seaways. The foremost and critical of all is the agreement between China and Pakistan to build the Kashgar-Gwadar Street Rail system, enabling connectivity and decreasing transit time from Kashgar to Gwadar. In addition, Pakistan is an energy deficient country that needs immense energy resources to supplement its electricity in summers and gas in winters. Central Asian Republics are a source of cheaper and reliable energy for Pakistan, cooperating with Central Asian Republics to build CA-

¹ Kelly Lidia, Pinchuk Denis, and Korsunskaya Darya. India, Pakistan to Join China, Russia in Security Group, U.S., July 10, 2015. URL: <https://www.reuters.com/article/china-russia-india-pak-sco-idUKKCN0PK20520150710> (accessed: 20 May, 2022).

SA-1000¹ and Turkmenistan—Afghanistan—Pakistan—India (TAPI)² pipelines to meet the acute shortages of energy [Zab Un-Nisa and Ghulam Mustafa].

The permanent membership of SCO has served Pakistan in multiple ways as it dispelled the notion of diplomatic isolation in Pakistan. Pakistan was also able to interact with Russia, China, and Central Asian states with renewed confidence and continuously engaged in multi-level economic and security cooperation, especially in the Regional Anti-Terrorism Structure (RATS) and in Afghanistan [Aslam Tehmina and Tariq Ilsa]. The Afghanistan contact group has recently been active in building regional consensus on the Afghanistan problem.

Pakistan further got the opportunity to expand trade with SCO members except for India and open more avenues of cooperation in tourism, defense, religion, culture, science, information technology, commerce, trade, and industry. Climate change, clean energy, protection of human rights, and evolution of democratic practices have also been the focus of Islamabad in SCO. Pakistan can become reliable and potential energy and commercial trading partner of all SCO members. China has committed 4.68 billion USD to the SCO to promote interconnectivity, streamlined trade, and open markets. China further announced establishing an SCO Interbank Consortium in 2005 to keep the cash available for joint projects of SCO. It can also be a good source of finances for Pakistan during the stressed economy [Aslam Tehmina and Tariq Ilsa].

The core interest of Pakistan is to kick start sustainable economic growth in the country and make active contributions toward peace, security, progress, and mutual harmony. Moreover, CPEC is a mega project destined to play an incremental role in SCO to mitigate the distances in the second phase of its development. It would increase socio-economic interaction amongst member states, boost people-to-people ties, and appreciate cultural diversity and its assimilation into a diverse community of nations [Fayyaz Shabana].

Some specific experts gave their positive and convincing arguments in favor of Pakistani membership in SCO. It is also argued that Pakistan has the potential to forge strong ties with Central Asia and gain access to the natural resources of Kyrgyzstan and Kazakhstan. Although Turkmenistan is not a permanent member of SCO, Pakistan still manages to make inroads

¹ CASA-1000 Project details <https://www.casa-1000.org/> (accessed: 20 May, 2022).

² TAPI. URL: <https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/turkmenistan-afghanistan-pakistan-india-tapi-gas-pipeline-project/> (accessed: 20 May, 2022).

and conclude the TAPI gas pipeline project [Aslam Tehmina and Tariq Ilsa].

Another scholar suggested that the CASA-1000 project is a testimony to rich natural resources in Central Asia. Given the geographic proximity, a country like Pakistan cannot ignore and is right in deciding to import energy from Tajikistan and Kyrgyzstan to Afghanistan and Pakistan. CPEC's extension towards Kabul and its outreach to Central Asia would increase bilateral trade and transit revenue to all states enroute, including the Gwadar port. It is also argued that CPEC and Energy transmission are classic examples of giving and take exchange between Central Asia and Pakistan [Aslam Tehmina and Tariq Ilsa].

What Pakistan needs to do with the region and connectivity infrastructure is to run it smoothly and efficiently, enabling organic and sustainable growth in the region. Pakistan should make its way up to the Eurasian Economic Union led by Russia to diversify destination markets and multiply the origins of raw materials and minerals to produce value-added and exportable commodities [Aslam Tehmina and Tariq Ilsa].

If Pakistan can smoothly operationalize CPEC, it can offer Russia a transit corridor via CPEC, passing through Afghanistan in reciprocation for market access to Eurasian Economic Union.

Pakistan-China relations in and beyond SCO

Pakistan and China are close partners, which led to the permanent Pakistani membership of SCO after years of Observer Status. China has always welcomed Pakistan's presence in the SCO especially being a vital neighbor and partner for the long-term strategic relationship. This cooperation results from mutual trust and respect over decades which has evolved into a strategic partnership. The relationship between Pakistan and China is bilateral in its outlook but regional in its impacts because of accelerating regional interconnectivity sparked by BRI and CPEC. Pak-China bilateral regions do not operate in isolation. Instead, they can potentially impact the entire SCO's trade, economy, energy, peace, security, and transportation landscape.

Economic Cooperation

The economic cooperation between Pakistan and China is not new and is not only simply bound by the presence of Pakistan in SCO; however, the history of economic cooperation is long and outstanding. The relationship between states based on economics and trade was improved due to China's

opening up and reform period and later joining of WTO as a member in 2001. Similarly, Pakistan has faced strict restrictions from the U.S., and the economic crunch, including terrorism, has resulted in a long abyss that caused nearly absent foreign direct investment. This was the case, especially in the years in the aftermath of 9/11. A result of limited options and strategic and primarily economic compulsion has also led Pakistan to get closer to China to develop multiple tools to deepen and broaden the bilateral cooperation on the economy. The first significant understanding between both partners was focused on amendments to imports and export quotas, reducing tariffs, enabling an investment-friendly environment, and removing trade barriers.

Early Harvest Program 2005 is considered a binding agreement between Pakistan and China to formalize the trading practices to improve competitiveness to enhance economic cooperation. It was aimed at removing trading barriers and promoting bilateral trade between Beijing and Islamabad. It paved the way for other trade agreements, i.e., Preferential Trade Agreements (PTA) and Free Trade Agreements (FTA).¹

These trade agreements paid off both partners in revenue and mutual trust because they significantly boosted bilateral trade. The steady rise in trade volume started with EHP enabled trade volume of 9.2 billion USD in 2010 and 17 billion USD in 2014. The exports by Pakistan increased from 1.5 billion USD in 2010 to 2.5 billion USD in 2014, but there is more space for increasing exports to China.²

Although the balance of trade analysis suggests that the balance remains in Chinese favor because Chinese exports to Pakistan are five to six times higher than Pakistani exports to China. In December 2020, monthly Pakistani exports to China hit 312.33 million USD, while the Chinese exports to Pakistan were worth 2.12 billion USD during the year 2020.³ Chinese exports to Pakistan were hit 15.36 billion USD for the same period. Given Pakistan's trade volume and potential, China remains the second largest export destination of Pakistan after the U.S.⁴ Several factors influence the trade

¹ Durrani Zahra. Pak-China Trade: Free Trade Agreements, *Centre for Strategic and Contemporary Research*, November 6, 2018. URL: <https://cscr.pk/explore/themes/trade-economics/pak-china-trade-free-trade-agreements/> (accessed: 20 May, 2022).

² Ibid.

³ Ahmad Shahzada. Pakistan-China Relations: Increasing Bilateral Trade, *The News International*, March 14, 2021/ URL: <https://www.thenews.com.pk/tns/detail/803196-increasing-bilateral-trade>. (accessed: 20 May, 2022).

⁴ Ibid.

imbalance whereby the size of the economy and manufacturing capacity are among crucial factors.

To increase the export potential of Pakistan, China and Pakistan are developing CPEC, which recently entered into its second phase where the focus is on agriculture and industrial development. In its first phase, the electric power projects under CPEC added 10,000 MW of electricity to the national grid of Pakistan. It helped Pakistan overcome chronic energy shortage and install new power plants to increase the 61 % efficiency factor by reading 28 % cost for the consumers.¹ The surplus electricity would allow Pakistan to increase value-added manufacturing to gain export balance.

The second important fact of Pak China's cooperation in the network of highways, railways, and Exclusive Economic Zones, Mass Transit Systems, and Mail Line trains enables the Pakistani industry to mobilize the goods to the port areas. It creates employment for the population and generates revenue for the state, adding growth to the national economy.² The Western route of CPEC passes through underdeveloped Balochistan and Southern KP, which are now integrated with the mainstream markets of Pakistan and connected with international markets via road and rail. It will increase the potential of mining, horticulture, poultry, livestock, fisheries, and other unique local craft which may find their space in the mainstream market generating revenue for the locals.

CPEC is designed to incentivize a more significant chunk of the population to yield maximum out of the mega project. It is possible only due to Chinese cooperation that remote and disadvantaged areas of Pakistan are now witnessing growth and will become at par with other country regions. It will enable national cohesion and integration and boost national morale among the Pakistanis, hopeful of the future. The critics and detractors of CPEC have many baseless arguments to stall the progress Pakistan and China have made. However, the statistics reflect the positive impacts of CPEC on Pakistan's economy, society, infrastructure, and industry.³

Strategic Partnership

The strategic partnership between Pakistan and China is the most significant facet of the bilateral relationship, which matured in the wake of fa-

¹ Husain Ishrat. CPEC and Pakistani Economy: An Appraisal, (Islamabad: Center of Excellence for CPEC). URL: http://cpec.gov.pk/brain/public/uploads/documents/CPEC-an-d-Pakistani-Economy_An-Appraisal.pdf (accessed: 20 May, 2022).

² Ibid.

³ Ibid.

ding Pak-US bilateral ties driven by the Salala incident.¹ Raymond David case² and Abbottabad operation³. These events deteriorated the mutual trust and reliability to no repair. By default, it created the space for China, which expanded their ties in the following years, where significant breakthroughs included CPEC and Pakistan's permanent membership of SCO [Naseer Namra, Ahmad Azhar].

China and Pakistan have forged a 'strategic partnership,' which is usually termed 'all weather friendship'. It is a multi-level and multi-sectoral approach to cooperation. Every aspect of mutual significance falls under the umbrella of strategic partnership, including defense, diplomacy, and socio-economic cooperation. However, it is worth mentioning that defense and security cooperation are the defining elements of strategic cooperation [Qandeel Siddique]. Pakistan effectively needs Chinese support to succeed out of CPEC, seeking its integration with other SCO partners in Eurasia. In contrast, all other actors in SCO need Pakistan as a transit corridor which makes it a perfect bilateral and multilateral transaction [Naseer Namra, Ahmad Azhar].

The cooperation between Pakistan and China during the global pandemic has also been phenomenal, and both nations helped each other. Former Prime Minister Khan and President Xi Jinping met in China and reaffirmed their commitment to a bilateral strategic partnership. It appears to be the historic choice of the people which enables their states to cement the relationship further. This multidimensional bilateral relationship shapes the regional landscape concerning energy, economy, security, and transportation because of CPEC and BRI.⁴ If CPEC is the Southwestern arm of BRI, Central Asia is the Northern arm of BRI, enabling Pakistan and China to integrate Central Asia into their strategic calculations.

Pakistan and China are strategic weather partners who do not operate in isolation but rather believe in multilateralism. Giving SCO member states

¹ BBC. Pakistan outrage after 'Nato attack kills soldiers, November 26, 2011. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-15901363>(accessed: 20 May, 2022); Response of Inter Services Public Relations Pakistan on Abbottabad Salala incident, <https://www.ispr.gov.pk/front/press/pakistan.pdf> (accessed: 20 May, 2022).

² Timeline The Raymond Davis Case, Dawn, February 4, 2011 URL: <https://www.dawn.com/news/603788/timeline-the-raymond-davis-case> (accessed: 20 May, 2022).

³ Abbottabad Operation and Statement fro the Prime Minister of Pakistan, May 7, 2011, *Ministry of Foreign Affairs, Govt of Pakistan*. URL: <https://mofa.gov.pk/abbottabad-operation-press-release-issued-by-the-pm-house-today/> (accessed: 20 May, 2022).

⁴ Baabar Mariana. Pakistan, China Pledge to Maintain Defence Cooperation Momentum, *The News International*, last modified February 7, 2022. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/931373-pakistan-china-pledge-maintaining-defence-cooperation-mom93137> (accessed: 20 May, 2022).

access to CPEC is a vital interest of Pakistan and developing BRI through Central Asia is significant for Chinese development and growth of export markets. When PM Khan and President Xi met, both leaders discussed the details of regional situations and international politics to converge their views on strategic issues [Wolf Siegfried O.]. Afghanistan, these days, is the core debate in the entire SCO because it shares borders with crucial states in SCO, including Pakistan and China. China and Pakistan spearheaded the efforts to bring all Afghan neighbors through a Contact Group to discuss border security and counter-terrorism¹.

It is worth mentioning that all Afghan neighbors are part of SCO, be it permanent membership or observer states like Iran. Through mutual efforts, the strategic partnership between China and Pakistan is helpful for the entire organization.

Another critical aspect of strategic nature is the operational sustainability of BRI which should remain effective and consistent. The maritime routes in the Indian Ocean would serve as the primary trade routes for Pakistani, Central Asian, Chinese, and Russian goods, which might be threatened in case of conflict. Given Indian apprehensions about BRI and CPEC, the Indian Ocean could be a hotbed for the conflicts [Wolf Siegfried O.]. Pakistan is committed to securing sea lanes of communication in their exclusive economic zone and has set up a special task force for the coastal infrastructure detrimental to regional trade.

The partnership is diverse and in all dimensions. Within the framework of SCO, Pakistan and China are cooperating in the framework of RATS for cooperating and intelligence sharing on dealing with terrorism. Both countries are also part of the dialogue and forums on SCO related to anti-money laundering and anti-terrorist financing. In the framework of the SCO, both states are also cooperating to thwart drug trafficking and remove the human trafficking incidences in the region.

Security Cooperation

The security cooperation between China and Pakistan is bilateral but regional in its impacts. The unique security culture of the region binds both partners not to ignore the regional realities. It enables the cooperation to bring peace and stability while eliminating terror and destabilizing elements. At the core, China supports Pakistan in guarding its independence, security, and sovereignty and facilitates socio-economic development in Pakistan.

¹ China, Pakistan to Upgrade Counter-terrorism Security Cooperation Framework After Terrorist Attack, *Global Times*, last modified August 10, 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202108/1231053.shtml> (accessed: 20 May, 2022).

Pakistan supports Chinese commitments in the South China Sea, Taiwan, Tibet, Hong Kong, and Xinjiang.

Pakistan and China also share the same views on terrorism, be it in Afghanistan, Baluchistan, or Central Asia, and closely cooperate at the bilateral and multilateral levels within SCO through Regional Anti-Terrorist Structure. If the entire region is free from conflicts, a better environment can be created for trade, business, and investments across the SCO.

Pakistan has heavily invested in its security, which further complements the security of CPEC guarding against the threats of terrorism. Pakistan has raised a Special Security Division in the Ministry of Interior, which represents regular troops of the Pakistan Army and Civilian Law Enforcement Agencies of Pakistan, which are mandated to guard the critical infrastructure projects of CPEC [Wolf Siegfried O.]. Pakistan Navy has raised a Special Force, namely Task Force 88, mandated to guard the coastal infrastructure of CPEC, including the Gwadar port and sea routes passing trade from the Gwadar port, against the traditional and non-traditional security threats.

Pakistan Navy regards due importance to maritime security and raised a Coastal Security and Harbour Defence Force trained to operate in the coastal areas and force Protection Battalion, marines force, deployed at Gwadar to protect Chinese companies and workers [Ali Akber]. PLA Navy and Pakistan Navy also cooperate through multiple platforms, including Maritime Domain Awareness, Joint Maritime Information, Coordination Center, and Coastal Watch Stations, which serve the interests of Pakistan and China and secure the trade of all regional countries.

People to People Ties

People-to-people diplomacy has been acquiring critical importance because of its inherent openness and impartiality; unlike in traditional diplomacy and official state channels, it can involve scientists, artists, businessmen, religious leaders, youth, tourism, and sports organizations without political involvement and legal restrictions. The people-to-people corporation is simple communication between ordinary people and organizations from different countries, which seeks to deepen relations for a better understanding of culture and traditions and develop mutually beneficial cooperation. In the framework of SCO as a multilateral institution and at the bilateral level, both China and Pakistan cooperate to build stronger ties between the people.

People-to-people exchanges have played an essential role in establishing and deepening bilateral relations with other countries as part of China's diplomacy. As an essential component of China's overall diplomacy, peop-

le-to-people diplomacy has played a vital role in consolidating public support and laying a foundation for developing state-to-state relations. Pakistan and China cooperate closely to promote people-to-people ties in education, culture, language, and tourism through multiple scholarships to Pakistani students, Confucius institutes in Pakistan for language and culture, and investments for business-to-business contact.

Along with its diverse and appealing culture, places of many religious sites, ancient civilizations, cuisine, ethnic diversity, geographic landscape, and multiple kinds of weather, Pakistan has the wealthiest resource of people to people contact in the entire region. However, Pakistan is a rich country in culture, art, geostrategic location, and transnational communication corridors, relevant to all education, sports, and commerce exchange programs. The countries like Pakistan, aiming to maintain amicable relations with the rest of the world, need a superior image in the sense of the global community. Talking about the image of Pakistan, it is in dire need of developing it exceedingly since Pakistan has been mired in the security problems. Has been immeasurably manipulated on account of terrorism in the past couple of decades [Hafeez U. Khan].

Both Pakistan and China can capitalize on their respective public goodwill to further boost their ties and spread their outreach to neighboring regions such as Central Asia. Pakistan shares common history, ancestral ties, mutual religion, and identical culture with Central Asia, and China has closer ties hence there is a greater chance to create the public goodwill and capitalize for socio-economic development of the entire region.

Emerging Challenges in SCO for China and Pakistan

By design, SCO was conceived as Shanghai Five for mutual understanding and cooperation in the post-Soviet unipolar world. After 9/11, SCO was formally conceived and continues to serve its purpose even in the challenging times of global terrorism. The political instability and vacuum caused by the GWT, and haste full irresponsible withdrawal of the U.S. security forces impeded the way of peaceful resolution and sustainable political government in Kabul. The success of China's largest infrastructure project, BRI, is highly dependent on the political stability in Kabul because BRI has its footprints around Afghanistan. Furthermore, instability in Afghanistan fuels insecurity in the Western regions of Pakistan and China. A stable Afghanistan is a key to stability in the whole SCO region, while all SCO members are cognizant of the fact and have established an SCO contact group.

The territory of Afghanistan is central to SCO because it has the potential to act as a transit corridor not only for goods and services but also for energy and power transmission. Although CPEC electric power projects helped Pakistan overcome acute electricity shortages, it needs a reliable surplus power source during the long summer season while a constant gas supply during the winters. TAPI and CASA-1000 are key projects vital for Pakistan to be passed through Afghanistan, enabling socio-economic growth in Pakistan and operationalization of manufacturing units in Specialized Economic Zones (SEZs) of CPEC [Fayyaz Shabana]. Pakistan supports the SCO Contact Group to assist Afghanistan with peace and security. Hopefully, SCO Contact Groups can potentially play a positive role in resolving the issues of Afghanistan.

India is another significant challenge for BRI due to its regional ambitions and rivalry with Pakistan. Indian officials have publicly raised concerns about many projects of BRI and CPEC on account of their geographic connotations. India believes that CPEC would run through the disputed territory of Kashmir, which generates a de facto impression of Chinese recognition of Kashmir territory as sovereign land of Pakistan [Ali Akber]. Territorial disputes between India, China, and Pakistan further raise concerns in New Delhi to remain suspicious of the intentions of CPEC and BRI [Prakoso Septyanto G. and Murtyantoro Andriyansyah P.]. As India is a part of the Quadrilateral Alliance to contain China in the Indian and Pacific Oceans, it is not comfortable with China operating through Gwadar port by limiting the use of the Malacca Strait. India believes Gwadar port is a cog in the historic 'String of Pearls' maritime theory, which seeks to establish maritime trade routes, connectivity, and trade across major Sea Lanes of Communication [Brewster David, 2016; 2014].

Conclusion

The relationship between Pakistan and China is older than the SCO or even the Shanghai Spirit, but SCO indeed gave impetus to the bilateral relationship and added multilateral agenda to mutual relations. Pakistan and China are cooperating on multiple initiatives which have multilateral impacts, such as CPEC, peace and stability in Afghanistan, linking Pakistan with Central Asia through a network of roads and railways, developing Gwadar port to access international trading routes in the Indian Ocean, counter terrorism and counter-extremism along with the promotion of development, prosperity, and growth. These initiatives directly or indirectly af-

fect the SCO member states in Central Asia, creating more space for interdependence and interconnectivity.

Pakistan offers transit to China and CARs through its territory and gets market access for its products in Chinese and Central Asian markets. It has served the purpose and enhanced the scope of connectivity and interdependence between China and Pakistan and in the SCO. Pakistan needs to focus on developing the second phase of CPEC and enhance its potential offering to the region, enabling more connectivity and dependency.

Библиографический список / References

Ali Akber (2016). China Pakistan Economic Corridor: Prospects and Challenges for Regional Integration, *Arts and Social Sciences Journal* 7: 4.

Aslam Tehmina and Tariq Ilsa (2021). Pakistan's emerging regional politico-economic role in the SCO, *Liberal Arts and Social Sciences International Journal (LASSIJ)* 5: 2.

Ayusi Raviq and Nurhasanah Siti (2020). Shanghai Cooperation Organization (SCO) in Eurasia Regionalism: New India-Pakistan Membership and Regional Security, *Jurnal Sentris* 1:1:165—180. DOI: 10.26593/sentris.v1i1.4175.165—180.

Brewster David (2014). Beyond the 'String of Pearls': is there really a Sino-Indian security dilemma in the Indian Ocean?, *Journal of the Indian Ocean Region* 10: 2: 133—149. DOI:10.1080/19480881.2014.922350.

Brewster David (2016). Silk Roads and Strings of Pearls: The Strategic Geography of China's New Pathways in the Indian Ocean, *Geopolitics* 22: 2: 269—291. DOI:10.1080/14650045.2016.1223631.

Fayyaz Shabana (2019). Pakistan and the SCO — Aspirations and Challenges, *Journal of Political Studies* 26: 1: 95—102. URL: <https://www.prdb.pk/article/pakistan-and-the-sco-aspirations-and-challenges-8096> (accessed: 20 May, 2022).

Hafeez U. Khan (2019). Global Image of Pakistan: Significance of Public Diplomacy, *Research Journal of South Asian Studies* 34: 1 (June 2019), 309. URL: http://pu.edu.pk/images/journal/csas/PDF/18_v34_1_19.pdf (accessed: 20 May, 2022).

Husain Ishrat (2017). *CPEC and Pakistani Economy: An Appraisal*. Islamabad: Center of Excellence for CPEC, n.d. URL: http://cpec.gov.pk/brain/public/uploads/documents/CPEC-and-Pakistani-Economy_An-Appraisal.pdf (accessed: 20 May, 2022).

Johnston Seth A (2017). *How NATO Adapts: Strategy and Organization in the Atlantic Alliance Since 1950* — Baltimore: JHU Press.

Nye Joseph and Keohane Robert (1989), *Power and Interdependence: World Politics in Transition* — Scott, Foresman-Political Science.

Prakoso Septyanto G. and Murtyantoro Andriyansyah P. (2019). China-Pakistan Economic Corridor: China's Strategic Ambition, *Journal Ilmu Sosial* 18: 1: 81—92.

Qandeel Siddique (2014). Deeper than the Indian Ocean? An Analysis of Pakistan-China Relations, *Centre for International and Strategic Analysis CISA*, no. 16. URL: <https://silo.tips/download/sisa-report-no-deeper-than-the-indian-ocean-an-analysis-of-pakistan-china-relati> (accessed: 20 May, 2022).

Wolf Siegfried O. (2021). The Growing Security Dimension of the China-Pakistan Economic Corridor, *ISPI*, last modified June 24. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/growing-security-dimension-china-pakistan-economic-corridor-25316> (accessed: 20 May, 2022).

Zab Un-Nisa and Ghulam Mustafa (2021). Pakistan and Shanghai Cooperation Organization (SCO): An Analysis, *JRSP* 58, no. 2 (April/May 2021). URL: http://pu.edu.pk/images/journal/history/PDF-FILES/14_58_2_21.pdf (accessed: 20 May, 2022).

Zurn Michael (2002). From Interdependence to Globalization, *Handbook of International Relations* — California: Sage Publications Pvt Ltd.

DOI: 10.48647/IFES.2022.27.82.019

Н.А. Замараева

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПАКИСТАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (2021—2022 гг.)

Аннотация. Данная статья посвящена одной из актуальных тем в современном российском востоковедении — пакистано-китайским отношениям в 2020—2022 гг. Это период, когда мир охватила эпидемия COVID-19, мировая экономика и финансовая система были поставлены на паузу. Эти годы совпали с несколькими мировыми политическими потрясениями: усиление конкурентного экономического и политического соперничества между Китаем и США и его влияние на Пакистан, формирование и Китаем, и США альянсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

2021—2022 гг. — период экономических и социально-политических потрясений в Пакистане, которые и привели к конституционно-парламентскому кризису. Допущенные премьер-министров И.Ханом (2018—2022 гг.) просчеты при реализации проекта Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и смена состава федерального правительства в апреле 2022 г. значительно замедлили сроки строительства объектов КПЭК.

КПЭК, стартовавший в 2015 г., с годами терял свою уникальность в качестве флагманского проекта, учитывая подписание в 2021 г. Соглашения о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Ираном и КНР, планы Китая в Афганистане, формирование Поднебесной новых альянсов, например, Соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве, дальнейшее укрепление связей Китая с АСЕАН.

2020—2022 гг. — период невыполнения / не сдачи пакистанской стороной в срок объектов КПЭК в силу разных причин.

Ключевые слова: Китай, Пакистан, стратегическое партнерство, торгово-экономические отношения, Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), китайская Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), AUKUS, АСЕАН, Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве, Соглашение о свободной торговле.

Автор: Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

E-mail: olunja@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

N.A. Zamaraeva

International challenges and Pakistan-China Relations (2021—2022)

Abstract. The article is devoted to one of the relevant topics in modern Russian Oriental studies — Pakistani-Chinese relations in 2020—2022. This is the period when the COVID-19 pandemic swept the world, and global economy and financial systems were put on pause. These years coincided with several global political upheavals: the strengthening of economic and political rivalry between China and the United States, and, as a result, the rivalry's influence on Pakistan, the formation of alliances in the Asia-Pacific region by both China and the United States.

2021—2022 is a period of economic and socio-political upheavals in Pakistan, which led to the constitutional and parliamentary crisis. The miscalculations made by Prime-Minister Imran Khan (2018—2022) during the implementation of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) and the change in the composition of the federal government in April 2022 significantly slowed down the construction of CPEC facilities.

CPEC, which started in 2015, has been losing its uniqueness over the years as a flagship project, given the signing in 2021 of Agreements on comprehensive strategic partnership between Iran and China, China's plans in Afghanistan, formation of new alliances by China, for example, the Agreement on Comprehensive Regional Economic Partnership, further strengthening of China's ties with ASEAN.

2020—2022 — the period of non-fulfillment/ non-delivery of CPEC facilities by the Pakistani side on time because of various reasons.

Keywords: China, Pakistan, strategic partnership, trade and economic relations, China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), China's Belt and

Road Initiative (BRI), AUKUS, ASEAN, Comprehensive Regional Economic Partnership Agreement, Free Trade Agreement.

Author: Natalia A. ZAMARAEVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: olunja@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Отношения между Пакистаном и Китаем многогранны и охватывают такие области, как экономика, общественные отношения, военные контакты, безопасность и т. д.

2021 г. — юбилейный, стороны отмечали 70-летие установления дипломатических отношений. «Пакистан считает Китай своим ближайшим другом, верным партнером и железным братом... Последовательное развитие отношений является примером уникальной модели братства»¹. Двусторонние отношения развиваются по пути углубления стратегического сотрудничества и укрепления доверия.

В настоящее время страны тесно сотрудничают в реализации Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Проект стартовал еще в 2015 г. в рамках китайской Инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Основная его цель — интеграция экономик стран «для взаимной выгоды»² путем трансформации экономики Пакистана при инвестиционной поддержке Китая в объеме 62 млрд долл.

Пандемия COVID-19 поставила мировую экономику в 2020—2021 гг. на паузу. Крупнейшие экономики пережили спад в среднем на 3,2 %. Стороны совместно работали над устранением рисков и вызовов. Исламабад в 2020 г. одним из первых получил помощь от Пекина в размере полумиллиона китайских вакцин. Ранее Китай предоставил Пакистану медицинскую аппаратуру и оборудование для борьбы с пандемией.

Но основные мировые, региональные и двусторонние вызовы были еще впереди.

Первый, это приход в Белый дом президента-демократа Дж. Байдена в январе 2021 г. и усиление соперничества между Соединенными Штатами и Китаем, проявлением которого стали:

- обострение торгового конфликта в форме новых санкций;

¹ Pakistan, China to form MPs panel for CPEC oversight. URL: <https://tribune.com.pk/story/2281663/pakistan-china-to-form-mps-panel-for-cpec-oversight> (accessed: 28.01.2021).

² Pak-China Free Trade Agreement in services. URL: <https://www.commerce.gov.pk/ab-out-us/trade-agreements/pak-china-free-trade-agreement-in-services/> (accessed: 21.02.2009).

- американо-китайское соперничество за влияние в Азии;
- формирование новых альянсов в Тихоокеанском регионе (Австралия, Индия, США и Япония; Австралия, Великобритания, США);
- вывод войск США/НАТО из Афганистана и возврат к власти Движения «Талибан» (запрещено в РФ) в Кабул в августе 2021 г.;
- дальнейшее укрепление отношений Китая с мусульманскими странами;
- напряженность пакистано-американских отношений.

В силу национальных особенностей Китай и Пакистан по-разному реагировали на меняющуюся ситуацию в мире и вызовы, порожденные региональными и международными конфликтами. Несмотря на всю турбулентность событий, отношения сторон отличались стабильностью, совпадением позиций по многим вопросам, что и формировало особенности двустороннего стратегического сотрудничества.

Нельзя не упомянуть о вызовах в пакистано-китайских связях в рассматриваемый период. Это касается реализации второй очереди проектов Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и террористических актов против китайских специалистов, работающих в разных местах Пакистана. Забегая вперед, подчеркнем, что стороны проанализировали свои ошибки, признали, что они носили неантагонистический характер и не повлияли на «модель братства».

* * *

Спустя несколько дней после своего вступления в должность в январе 2021 г. президент США Дж. Байден охарактеризовал Китай как угрозу глобальному господству¹. Его администрация повторяла, что Поднебесная обладает потенциалом и решимостью будущей сверхдержавы. Решение самой важной геостратегической задачи США в этом столетии — недопущение дальнейшего подъема Китая и, следовательно, вытеснение КНР из экономической конкуренции — оставалось критически важным для США. В целях решения этой задачи Вашингтон предпринял шаги по мобилизации всех доступных ресурсов, в частности путем объединения европейских и азиатско-тихоокеанских союзников для создания единого антикитайского фронта. Основной посыл — экономическое ослабление Китая, и одним из тра-

¹ China annoyed but undeterred. URL: <https://tribune.com.pk/story/2355145/china-annoyed-but-undeterred> (accessed: 03.05.2022).

диционных американских инструментов этого выступило повышение торговых барьеров. Все эти события прямо или косвенно касались и Пакистана, очередной этап борьбы за влияние на который стартовал еще в начале XXI в.

США, чтобы подорвать экономику Китая и его растущий военный потенциал, замедлить развитие технологий и производственных возможностей КНР, не только ввели многочисленные санкции, но и внесли в черный список успешные китайские компании, торговавшие с США, на том основании, что они потворствовали злоупотреблениям и краже технологий.

Ухудшение отношений между Китаем и США, по утверждению Пекина, произошло по вине американского экс-президента США Д. Трампа. Еще в 2018 г. его администрация открыла черный список, в который внесли 31 успешную китайскую компанию (телекоммуникационные, строительные и технологические фирмы, включая *China Mobile*), закрыв для них доступ к американским инвестициям. Администрация президента США Дж.Байдена расширила список до 60 компаний, выдвинув им обвинения в нарушении согласованных международных норм и практики ведения бизнеса. Это был отработанный Вашингтоном прием: многие страны были обвинены в аналогичных деяниях, когда пытались достичь доминирующего положения на мировом рынке [Гордиенко, 2021].

Великобритания, Евросоюз, Канада и США в начале 2021 г. ввели новые санкции, на этот раз против четырех граждан Китая и одной организации по обвинению их в нарушении прав человека в Синьцзяне. В ответ Пекин внес в черный список десять парламентариев и ученых, а также четыре организации Евросоюза.

МИД Китая ввел ответные санкции в отношении США и Канады из-за ситуации вокруг Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Ограничения коснулись отдельных физических лиц и организаций, в том числе главы американской Комиссии по международной свободе вероисповедания и члена канадского парламента. КНР призывал США и Канаду исправить «ошибочные действия» по Синьцзяну и прекратить вмешиваться во внутренние дела Китая. Под ограничения Китая попали и граждане и организации Великобритании, которые «распространяли ложь и дезинформацию» о Синьцзяне.

Глава МИД КНР Ван И заявил в феврале 2022 г., что «...в последние несколько лет отношения Китая и США отклонились от нормального пути. Они столкнулись с самыми серьезными трудностями с момента установления дипломатических отношений. Ключе-

вой причиной стало то, что предыдущая администрация США, исходя из собственных политических интересов, в серьезной степени извратила путь Китая в будущее и политику в отношении него»¹. Ван И также призвал Госдепартамент США нормализовать отношения с Пекином, отказавшись от необоснованных подозрений и недружественных действий. «Призываем США перестать очернять Коммунистическую партию Китая и политическую систему КНР, прекратить потворствовать и даже оказывать поддержку ошибочным заявлениям и действиям сепаратистских сил, выступающих за независимость Тайваня, а также перестать подрывать суверенитет и безопасность Китая в его внутренних делах в Гонконге, Синьцзяне и Тибете», — сказал он².

Двухлетняя торговая война проходила по формуле «око за око». Первая официальная встреча по торгово-экономическим вопросам состоялась в апреле 2021 г. и лишь усилила напряженность между двумя крупнейшими экономиками мира. Страны вновь расходились во мнениях по разным вопросам — от кибератак до торговли. В начале июля 2021 г. Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США (BIS) внесло 34 организации в черный список за их участие или потенциальный риск вовлечения в деятельность, противоречащую внешней политике и интересам национальной безопасности Соединенных Штатов. Среди этих организаций были и 23 структуры из Китая. «Министерство торговли по-прежнему твердо привержено принятию решительных мер в отношении организаций, которые допускают нарушения прав человека в Синьцзяне или используют технологии США для подпитки дестабилизирующих усилий Китая»³.

Пекин расценил этот шаг как «...неоправданное давление на китайские компании и серьезное нарушение экономических и торговых правил». Китайцы были особенно возмущены тем, что Вашингтон ввел против них санкции из-за разгона сторонников демократии в Гонконге за день до двусторонних переговоров⁴.

¹ МИД Китая обвинил Трампа в деградации отношений Пекина и Вашингтона. URL: <https://news.mail.ru/politics/45310446/?frommail=1> (accessed: 22.02.2021).

² Там же.

³ Commerce Department Adds 34 Entities to the Entity List to Target Enablers of China's Human Rights Abuses and Military Modernization, and Unauthorized Iranian and Russian Procurement. URL: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2021/07/commerce-department-adds-34-entities-entity-list-target-enablers-chinas> (accessed: 09.07.2021).

⁴ US-China contest for influence in Asia. URL: <https://nation.com.pk/17-Apr-2021/us-china-contest-for-influence-in-asia> (accessed: 17.04.2021).

США повторили, что они «не перестанут возлагать на Китай ответственность за его действия в Гонконге, где Пекин расправился с демократией; его экономическое принуждение других стран. США не стремятся к конфликту, но приветствуют жесткую конкуренцию и всегда будут отстаивать свои принципы, свой народ и своих друзей»¹. В реальности это была реакция Вашингтона на поражение Америки в экономической войне с Китаем, вынуждающая США занять еще более жесткую позицию по отношению к КНР.

По окончании встречи многие сделали вывод об очередном этапе усиления американо-китайского соперничества за влияние в Азии.

Одновременно с дипломатическим поиском точек соприкосновения и устранением разногласий в переговорах США—Китай Вашингтон в том же июне 2020 г. призвал страны Северо-атлантического альянса тратить больше ресурсов на борьбу с растущим глобальным влиянием Китая. Принятая Стратегия НАТО 2030 г. объясняла наступление на Китай «...защитой своих ценностей: укрепление военной мощи, укрепление наших обществ, принятием глобального мировоззрения и создание НАТО как институционального связующего звена между Европой и Северной Америкой»².

Несколько дней позже во время 47-го саммита Большой семерки (11—13 июня 2021 г.) президент Дж. Байден анонсировал план «Построить лучший мир» (B3W /Build Back Better World) в качестве стратегического конкурента китайской ИПП. Призвав ужесточить позицию в отношении Пекина, конкуренцию с Китаем он представил как «соревнование» западных демократий с автократами. Лидеры G7 заняли единую позицию — незамедлительно действовать, чтобы противостоять возрождающемуся Китаю.

Китай и на этот раз прояснил свой подход как стремление к балансу сил в мире. Однако предупредил НАТО, что он не будет сидеть сложа руки перед лицом вызовов; заявив лидерам G7, что времена, когда «небольшая» группа стран решала судьбу мира, давно прошли»³. И Китай почти удвоил свои расходы на оборону.

Сразу после подписания китайско-пакистанского пакета документов по КПЭК в 2015 г., США резко выступили против этого про-

¹ Ibidem.

² NATO 2030: Making a strong alliance even stronger. URL: <https://www.nato.int/nato2030/> (accessed: 14.06.2021).

³ G7 summit: China says small groups do not rule the world. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-57458822> (accessed: 13.06.2021).

екта, рассматривая его как один из механизмов экономического подъема Поднебесной благодаря строительству транспортно-логической и энергетической инфраструктуры в Пакистане.

В 2021 г. ряд обстоятельств прямо или косвенно способствовал военно-дипломатической активизации США в «Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)»¹:

- вывод войск США/НАТО из Афганистана;
- ослабление позиций Индии в регионе Западной Азии (как следствие);
- успешная реализация I-го этапа проектов КПЭК и т. д.

«Оголение» Азии, то есть вывод войск США/НАТО после 20 лет неудач в антитеррористической международной кампании в Афганистане, побудили США взять реванш в АТР. По мере роста экономического потенциала Китая, усиливалась напряженность в отношениях между США и Поднебесной. Дж.Байден сосредоточился на нескольких вопросах и в первую очередь, на трансатлантическом сотрудничестве.

США приступили к выработке «долгосрочной стратегии» по сдерживанию влияния Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). На слушаниях в Конгрессе США подчеркивалось, что «...созданный президентом Дж. Бушем-младшим, поднятый на другой уровень президентом Д. Трампом, и выведенный на действительно высокий уровень президентом Дж. Байденом альянс четырех стран (Австралии, Индии, США и Японии — QUAD. — *Н.З.*) может принципиально помочь закрепить альянсы США в регионе»².

Три из четырех крупнейших экономик мира входят в четверку QUAD. Стратегическая задача «четверки» развивать эту сеть союзников, углублять ее, расширять, учитывая, что «...между Соединенными Штатами и Индией наблюдалось растущее стратегическое сближение»³. Президент США Дж. Байден в марте 2021 г. провел первый в истории четырехсторонний саммит с лидерами Австралии, Индии и

¹ 30 мая 2018 г. Джим Мэттис, тогдашний министр обороны Соединенных Штатов, объявил, что Тихоокеанское командование Пентагона переименовывается в Индо-Тихоокеанское командование. Это предоставляет Индии большую роль на Тихоокеанском театре военных действий в стремлении сдерживать Китай и противодействовать ему.

² Congressional Record Vol. 167, No. 55. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record/2021/3/24/senate-section/article/s1779-5?q=%7B%22search%22%3A%5B%22India%22%2C%22India%22%5D%7D&s=7&r=24> (accessed: 24.03. 2021).

³ No sanctions, but US wants Delhi to break from Russia. URL: <https://www.dawn.com/news/1687679/no-sanctions-but-us-wants-delhi-to-break-from-russia> (accessed: 01.05.2022).

Японии, наращивая усилия по укреплению союзов в свете опасений перед растущим потенциалом Китая [Тимофеев, 2021].

В те дни на Пакистан было оказано давление, чтобы он изменил свою позицию или понизил уровень отношений с Китаем. Тогдашний премьер-министр И. Хан противостоял этому давлению, подтвердив, что «отношения между Пакистаном и Китаем очень глубокие; это отношения не только правительств, но и между людьми»¹.

Второй альянс AUKUS (аббревиатура названий трех стран-участниц: Австралия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты) по замыслу США представляет собой трехстороннее партнерство в области безопасности. Великобритания и США являются ведущими членами НАТО — самого важного оборонного альянса в мире.

Цель AUKUS: укрепление обороноспособности; повышение совместных возможностей и оперативной совместимости; обмен информацией и технологиями; углубление сотрудничества по ряду направлений в области безопасности и обороны. Вашингтон сформировал/реанимировал два альянса и успешно работал со странами АСЕАН.

* * *

Пекин основное внимание уделял региональному контексту, занимаясь разработкой и укреплением безопасности. Курс на усиление позиций в Западной Азии Пекин в 2021 г., помимо отношений с Пакистаном, начал с усиления своих связей с Ираном, республиками Центральной Азии, Афганистаном, странами АСЕАН. Все понимали, что партнерство — это единственная жизнеспособная стратегия мирного сосуществования в противоположность альянсам во главе с США.

Через пару дней после встречи Китай — США на Аляске, Иран и Китай подписали Соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве² с заявленной суммой китайских инвестиций, превышающей 400 млрд долл. в течение 25 лет. Соглашение бросало вызов попыткам США изолировать Иран. Китайские инвестиции планировалось направить в различные проекты — от атомной энергетики,

¹ Unfair of US to press Pakistan to take sides, downgrade ties with China: PM Khan. URL: <https://nation.com.pk/30-Jun-2021/unfair-of-us-to-press-pakistan-to-take-sides-downgrade-ties-with-china-pm-khan> (accessed: 30.06.2021).

² Full text of Joint Statement on Comprehensive Strategic Partnership between I.R. Iran, P.R. China. URL: <https://www.president.ir/EN/91435> (accessed: March 2021).

портов, железных дорог и другой инфраструктуры до военных технологий и нефтегазовой промышленности Ирана. В обмен Китай гарантировал себе стабильные поставки иранской сырой нефти. Так Пекин расширял влияние на континенте, не обращая внимания на санкции США.

Соглашение о стратегическом партнерстве между Китаем и Ираном по сути это продвижение на запад транспортно-логистической инфраструктуры ИПП, то есть самостоятельный проект.

Исламабад воспринял это давно ожидаемое соглашение двояко: с одной стороны, осознал, что КПЭК уже не является единственно «любимым» детищем китайской ИПП; но с другой стороны — увидел свой выигрыш, и выигрыш значительный. По мере развития китайско-иранских экономических отношений, в первую очередь в энергетической сфере, их неизбежная диверсификация приведет к увеличению двусторонней торговли. И пакистанские предприниматели могут легко воспользоваться этим для укрепления своих торговых связей с обеими странами.

* * *

Китай не отставал от США в вопросе экономического «завоевания» Азии. В ноябре 2020 г. 15 стран, из них 10 членов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также Австралия, Китай, Новая Зеландия, Южная Корея и Япония подписали Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (СВРЭП). В совокупности на страны-члены пришлось 29 % мирового ВВП, 27 % мировой торговли и треть мирового населения. Ожидалось, что через СВРЭП произойдет объединение Восточной Азии в вопросах торгово-экономического сотрудничества.

Расширенное Соглашение Китая со странами региона в очередной раз «ограничивало» объемы пакистанского экспорта в Поднебесную. Товарным потокам из стран АСЕАН все еще предоставлялись большие по сравнению с Пакистаном налоговые льготы. По мере того, как страны СВРЭП становятся более конкурентоспособными, относительный доступ Пакистана на рынки этих стран, особенно Китая, может пострадать. А по мере того, как члены СВРЭП становятся более привлекательными для инвестирования на фоне повышения своей конкурентоспособности, Пакистан наоборот теряет привлекательность для капиталовложений. Прогнозируется, что их приток в Пакистан сократится. В долгосрочной перспективе, когда мир орга-

низуется в новые торговые блоки, Пакистан может оказаться изолированным и потерять долгосрочные выгоды от торговой интеграции.

Иными словами, подписанные Китаем с рядом стран Западной и Юго-Восточной Азии договоры и соглашения постепенно теснят Пакистан с приоритетных позиций во внешних торгово-экономических связях Китая.

* * *

Вывод коалиционных войск США/НАТО из Афганистана Иран, Китай, Пакистан и республики Центральной Азии расценили как бегство иностранных войск и начало нового этапа развития региона — этапа без иностранного военного присутствия в Западной Азии. Еще весной 2021 г. на слушаниях в Конгрессе США цитировали слова Си Цзиньпина о том, что «Азия должна быть для азиатов...»¹. США расценили уход из Афганистана наоборот, как победу над международным терроризмом.

В краткосрочной перспективе территория Афганистана рассматривалась Китаем как вектор продвижения ИПП в западном направлении, то есть Пекин руководствовался экономической стратегией выхода на новые рынки сбыта и источники природных ресурсов (в Центральной Азии, России, Евросоюзе и т. д.), транзит к которым проходит через территорию Афганистана. Китай уже включил Кабул в ИПП, отведя ему роль экономического хаба, регулирующего товарные потоки.

В долгосрочной перспективе ИПП с подключением к ней Ирана и Афганистана повышает экономическую безопасность Китая, одновременно усиливая его политическое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Конечно, Пекин рассчитывал на поддержку Пакистана и в вопросах безопасности.

Однако 20-летнее пребывание войск США/НАТО в Афганистане, разрушенная экономика, возвращение Движения «Талибан» (запрещено в РФ) к власти в Кабуле в августе 2021 г., разгул террористических организаций вновь нивелировали актуальность афганского вектора ИПП.

Помимо давних традиционных связей со странами Юго-Восточной Азии в последние годы Китай много и активно сотрудничает со

¹ Congressional Record Vol. 167, No. 55. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record/2021/3/24/senate-section/article/s1779-5?q=%7B%22search%22%3A%5B%22India%22%2C%22India%22%5D%7D&s=7&r=24> (accessed: 24.03. 2021).

странами Персидского залива. Пекин не скрывает, что поддержка Исламской Республики Пакистан способствовала выстраиванию доверительных отношений с мусульманским миром. Зарекомендовала себя одним из их крупнейших и надежных торговых партнеров, Китай предлагает мусульманским странам присоединиться к ИПП, и у многих из них он нашел понимание.

Пекин продвигает независимую внешнюю миролюбивую политику, избегая вмешиваться во внутренние дела других стран.

На многостороннем уровне наиболее ярким примером является Китайско-арабский форум сотрудничества (КАФС), который был создан совместно с Лигой арабских государств в 2004 г. во время визита президента Ху Цзиньтао в Египет. В 2016 г. Пекином было объявлено о выделении специального кредита в размере 15 млрд долл. для инфраструктурного и производственного секторов стран КАФС. Председатель КНР Си Цзиньпин в 2018 г. еще больше повысил уровень взаимодействия, объявив о выделении специального кредита в размере 20 млрд долл. на восстановление экономики КАФС. В 2021 г. в дни проведения пятой выставки «Китай — Арабские государства» стороны подписали 277 проектов на сумму 24 млрд долл. для стимулирования развития цифровой и «зеленой» экономики.

Китай является основным торговым партнером мусульманского мира и КАФС. Регион Персидского залива также является одним из крупнейших и самых оживленных торговых регионов благодаря экспорту нефти и импорту многих потребительских товаров. Рост товарооборота между Китаем и ближневосточными странами в 2020 г. достиг 240 млрд долл., что в 6,6 раз больше, чем в 2004 г. (36,4 млрд долл.). Однако скорость поставки и объемы торговли Китая со странами Персидского залива и обратно могут увеличиться в разы при вводе в эксплуатацию нового логического хаба в пакистанском порту Гвадар, который расположен на побережье Ормузского пролива.

Учитывая, что Пакистан является единственной страной в мусульманском мире, которая имеет богатый опыт работы с Китаем во многих областях (экономика, безопасность и т. д.), Исламабад видит себя посредником в переговорах Китая с государствами Организации «Исламская Конференция» по вероятному соглашению, аналогичному Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству, Соглашению с АСЕАН+5 и Всеобъемлющему соглашению об инвестициях с Европейским союзом.

Меняющаяся динамика в регионе, неконституционная смена федерального правительства во главе с бывшим премьер-министром

И. Ханом под давлением широкого оппозиционного движения в Пакистане в 2018—2022 гг. тормозили экономическое развитие страны (включая проекты КПЭК), наносили ущерб ее имиджу. И в результате в 2020—2022 гг. Пакистан был отброшен с передовых позиций в ИПП на второстепенные.

Таким образом, неудивительно участие Китая на 48-м заседании Совета министров иностранных дел (СМИД) Организации Исламского сотрудничества (ОИС), в Пакистане в марте 2022 г., на котором Пекин подтвердил свое намерение добиваться «...устойчивого партнерства с мусульманским миром»¹.

Китай и далее расширяет горизонты, ведя переговоры о статусе наблюдателя в Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Это даст ему твердую дополнительную локацию в Азербайджане. Учитывая заключение Стратегического соглашения с Ираном, а также прочные деловые отношения с Туркменистаном, Пекин получает доступ к каспийским рыбным и нефтяным рынкам.

Еще об одном кратком эпизоде пакистано-китайских отношений следует сказать. В декабре 2021 г. президент США Дж. Байден пригласил Пакистан на виртуальный саммит по демократии. В список стран-участниц был включен и Тайвань, который поблагодарил главу Белого дома, подтвердив, что эта встреча станет редкой возможностью для «самоуправляемой демократии» укрепить свои позиции на мировой арене. Возмущенный Пекин заявил, что «решительно выступает» против приглашения острова, который он рассматривает как неотъемлемую часть территории КНР. В знак солидарности с Пекином Исламабад отказался от участия в саммите.

Пакистано-китайские отношения (2020—2022 г.)

Пакистанские политологи и журналисты часто и много пишут о Китае, особенно об «экономическом чуде» Поднебесной, ее победе над абсолютной бедностью, социально-политической стабильности, этническом единстве. 98,99 млн жителей сельской местности Китая преодолели черту бедности². «Растущая экономика Китая еще больше

¹ Curtain Raiser: OIC Foreign Ministers' Meeting in Islamabad, 22—23 March 2022. URL: <https://mofa.gov.pk/curtain-raiser-oic-foreign-ministers-meeting-in-islamabad-22-23-march-2022/> (accessed: 20.03.2022).

² Pakistan accepts China's version on Xinjiang's Uighurs: PM Imran. URL: <https://www.dawn.com/news/1632539/pakistan-accepts-chinas-version-on-xinjiangs-uighurs-pm-imran> (accessed: 01.07.2021).

укрепит его потенциал внешней торговли и инвестиций, взаимосвязь рынков Китая и мира, а также внесет вклад в построение открытой мировой экономики и сообщества с общим будущим человечества»¹. Премьер-министр И. Хан неоднократно восторженно говорил о Коммунистической партии Китая, подчеркивая уникальность ее модели и называя ее альтернативой западной демократии.

ВВП Китая в 2020 г. достиг 101,6 трлн юаней (около 14,7 трлн долл.), показав рост на 2,3 % по сравнению с 2019 г. Впервые ВВП Китая превысил порог в 100 трлн юаней. ВВП в 100 трлн юаней и ВВП на душу населения в 10 тыс. долл второй год подряд свидетельствуют о новом росте общей национальной мощи и уровня жизни населения.

В Пакистане, напротив, волны оппозиционного движения «смелые» правящую Партию справедливости Пакистана / Техрик-и Истеклал с политической арены по итогам голосования по вотуму недоверия бывшему премьер-министру И. Хану 13 апреля 2022 г. К власти вновь (как и в 2013 г.) пришла коалиция партий, попеременно правившая страной с конца 1960-х гг. до 2018 г.

Внутриполитический хаос и глубокий экономический кризис резко замедлили строительство проектов второй фазы КПЭК. Пекин высказывал тревогу в вопросе обеспечения безопасности китайских рабочих в Пакистане в связи с участившимися террористическими актами против них. И, пожалуй, впервые в рассматриваемый период в местных СМИ стали появляться статьи о взаимных претензиях сторон. Объекты за рубежом, дипломатические представительства, предприятия и персонал Китая по всему миру неоднократно подвергались нападениям в результате беспорядков, терроризма или пиратства. В апреле 2022 г. был совершен террористический акт в Карачинском университете, в котором погибли китайские преподаватели.

КПЭК — один из многих проектов ИПП. По мере ввода в эксплуатацию его объектов в 2015—2021 гг., все более четко прослеживались особенности политики Китая по отношению к Пакистану и, соответственно, место ИРП в Инициативе. Лозунг «строительства единой судьбы», выдвинутый лидером Китая Си Цзиньпином, приветствуется обеими сторонами. Однако каждая из них вкладывает в него свой смысл. Плановая экономика Поднебесной с жестким партий-

¹ The new leap of China's economy benefits China-Pakistan cooperation. URL: <https://nation.com.pk/04-Feb-2021/the-new-leap-of-china-s-economy-benefits-china-pakistan-cooperation> (accessed: 04.02.2021).

ным контролем КПК при реализации проектов КПЭК «бессильна» перед экономическими кризисами, падением объемов экспорта, отсутствием структурных реформ, дефицитом наличности для оплаты обслуживания внешнего долга Исламабадом. Кризисная ситуация в экономике Пакистана осложняется отсутствием культуры налогообложения доходов, негативными тенденциями в области сбережений. Внешний долг Пакистана достиг небывало высокого уровня (127 млрд долл.)¹. Экономические/финансовые трудности ограничили маневренность правительства премьер-министра И.Хана в его внутренних и внешних отношениях.

Парадокс ситуации заключается в том, что традиционно натянутые отношения с Индией блокируют Пакистану развитие торгово-экономических связей со странами Юго-Восточной Азии. Исламабад постепенно переориентируется на торговые рынки республик Центральной Азии, Ирана, Турции, России, Персидского залива. И развивать торговые коридоры Исламабаду традиционно помогает Пекин, в первую очередь через проекты КПЭК.

Экспорт Пакистана в Поднебесную вырос на 69,7 % до 559,158 млн долл. в 2020—2021 финансовом году². Увеличение экспортной выручки было отмечено в постковидный период, особенно от экспорта риса.

Экспорт Пакистана в Афганистан, Китай, Бангладеш, Шри-Ланку, Индию, Иран, Непал, Бутан и Мальдивы составлял всего 13,5 % от общего экспорта Пакистана в первом квартале 2020—2021 финансового года. Пакистан вел приграничную торговлю с более далекими соседями, включая Шри-Ланку, Бангладеш и Мальдивы, только через море.

Пакистан импортирует товаров на сумму 50 млрд долл. против экспорта в 24 млрд долл., что свидетельствует об огромном дефиците торгового баланса, который еще больше сжимает экономику.

Подтверждением стратегического партнерства с Пекином является то, что 50 % всех инвестиций в Пакистан поступает из Пекина. Пакистанский экспорт в Китай увеличился на 30 % в период после подписания Договора о свободной торговле (ДСТ, второй фазы) в

¹ Pakistan's Outlook 2022: Challenges and Opportunities. URL: <https://www.hilal.gov.pk/eng-article/detail/NTc3OQ==.html> (01.01.2022).

² Trade deficit with region widens in 1QFY22. URL: <https://www.dawn.com/news/1658020/trade-deficit-with-region-widens-in-1qfy22> (accessed: 14.11.2021).

2019 г.¹, благодаря использованию экспортерами тарифных преференции ДСТ.

Несколько лет назад, когда был запущен КПЭК, стороны лелеяли надежду, что проект откроет новую эру промышленного сотрудничества между Пакистаном и Китаем. Особые экономические зоны (ОЭЗ) обеспечат создание необходимой современной промышленной инфраструктуры с нормативной средой мирового уровня, перемещением промышленных объектов из Китая в Пакистан, перспективами передачи технологий и модернизации промышленности.

Предполагалось, что второй этап Китайско-пакистанского соглашения о свободной торговле предоставит Пакистану столь необходимый преференциальный доступ на крупнейший в мире потребительский рынок, определит место Пакистана в глобальной цепочке формирования стоимости, окончательно перенастроит промышленный потенциал страны.

Спустя шесть лет после запуска КПЭК многие планы остаются нереализованными. Запланированное масштабное перемещение промышленности из Китая в период второй фазы строительства КПЭК все еще остается на бумаге.

В Пакистане называют множество причин невыполнения планов второго этапа строительства проектов КПЭК: разногласия бывшего премьер-министра И. Хана с генералитетом о приоритетности объектов; слабость управления администрации И. Хана, коррупция, местная бюрократия (медленная подготовка документации на выделение земель под промышленные объекты и экономические зоны, нехватка финансирования и т. д.).

Несмотря на внешние и внутренние вызовы властям Пакистана, Китай подтвердил, что будет и впредь поддерживать Пакистан в качестве стратегического партнера, расширяя сотрудничество с ним в экономике, в области обороны и региональной безопасности.

Исламабад со своей стороны ожидает от Пекина расширения доступа на китайский рынок, ускорения строительства проектов КПЭК (вторая фаза) и старта программы индустриализации в Пакистане.

Еще об одной тенденции часто говорят в Исламабаде. «Многомерное партнерство Пакистана с Китаем приобрело феноменальные масштабы. Этот альянс эффективно сдерживает воинственность Ин-

¹ Pakistan-US relations won't impact CPEC: Dawood. URL: <https://www.dawn.com/news/1633711/pakistan-us-relations-wont-impact-cpec-dawood> (accessed: 07.07.2021).

дии, лишив ее статуса регионального гегемона, и обеспечивает жизненно важную стабильность в регионе»¹.

Итак, в основе стратегического партнерства двух стран лежат экономические и оборонные интересы Китая. Используя территорию Пакистана, его людские ресурсы, армию в качестве гаранта безопасности и привлекая аффилированные с ВС Пакистана строительные компании, Пекин реализует проекты Китайско-пакистанского экономического коридора. И все это осуществляется в опоре на финансовый и дипломатический потенциал КНР.

Библиографический список

Гордиенко Д.В. Система международных отношений в XXI веке: взгляды китайского руководства // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXVI. 2021. С. 97—112. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-97-112.

Тимофеев О.А. Китайско-американские отношения в 2021 г.: сложная преемственность // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXVI. 2021. С. 48—62. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-48-62.

References

Gordienko D.V. (2021). Sistema meshdunarodnih otnosheniy v XXI veke: vzglyady kitaiskogo rukovodstva [The system of international relations in the XXI century: views of the Chinese leadership], *Kitay v mirovoy i regionalnoi politike. Istoriya I sovremennost [China in World and Regional Politics]*, Vipusk [Issue] XXVI: 97—112. (In Russian). DOI:10.24412/2618-6888-2021-26-97-112.

Timofeev O.A. (2021). Kitaisko-amerikanskije otnosheniya v 2021 g.: sloshnaya preemstvennost [Sino-US Relations in 2021: Complex Continuity], *Kitay v mirovoy i regionalnoi politike. Istoriya I sovremennost [China in World and Regional Politics]*, Vipusk [Issue] XXVI: 48—62. (In Russian). DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-48-62.

¹ President Biden and South Asia. URL: <https://nation.com.pk/07-Feb-2021/president-biden-and-south-asia> (accessed: 07.02.2021).

DOI: 10.48647/IFES.2022.79.23.018

Е.И. Сафронова

ЗНАЧЕНИЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЗИЦИЙ КИТАЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается значение латиноамериканского региона — наиболее политически и экономически продвинутой части развивающегося мира (РМ) — для международного положения Китая. Автор констатирует, что «экспансия» КНР на глобальной арене ныне уже не диктуется субъективным выбором китайского руководства, а обретает значение насущной необходимости. Пекин не может допустить спада экономического развития в Китае, дабы не подвергнуть риску устойчивость правящего режима, социально-экономическую ситуацию в стране и качество жизни ее населения.

Для обеспечения дальнейшего развития Китаю необходимы новые качественные «ареалы подпитки», и с начала XXI в. Латинская Америка все более явственно обретает эту роль. Так, КНР вышла на позиции второго по значению торгово-экономического партнера региона, получая из ЛА необходимые ресурсы для своего промышленного и социального роста. В политическом плане значение ЛА для КНР обуславливается тем, что, во-первых, регион стал еще одной площадкой противостояния Китая и США. Пекин ныне рассматривает Латинскую Америку «как многообещающий регион, а не чей-то задний дворик», фактически отказавшись от признания доктрины

¹ Статья подготовлена на основе доклада, сделанного на совместном Круглом столе Института Дальнего Востока РАН и Института Латинской Америки РАН «Роль и место стран Латинской Америки во внешней политике и экономике Китая» 9 марта 2022 г.

Монро, в уважении к коей он заверял США еще 15 лет назад. Во-вторых, Латинская Америка — это важный полигон обкатки китайских внешнеполитических концепций. Автор полагает, что «лозунговая дипломатия» в исполнении Пекина — явление серьезное: Китай последователен и настойчив в переложении доктрин в реальную жизнь. В-третьих, китайско-латиноамериканский диалог вносит вклад в жизнестойкость кооперации по линии «Юг—Юг», что весьма ценится Пекином. В статье раскрываются причины устойчивой ангажированности КНР в проблематике «Юг—Юг», наиболее актуальная из которых видится в том, что коллективный Запад стремится восстановить и приумножить свои позиции в РМ, тем самым сузив потенциал многополярности международных отношений и умалив внешнеполитические успехи Китая. Кроме того, КНР беспокоит активность в ЛА ее давнего регионального конкурента — Японии, намеревающейся заручиться поддержкой латиноамериканских и других развивающихся стран при возможной постановке вопроса о получении Японией места постоянного члена Совета Безопасности ООН. А ведь в свете последних мировых событий вопрос о реформировании ООН и ее СБ может получить новый мощный импульс.

Автор заключает, что в случае успеха начинаний КНР на латиноамериканской почве, присутствие и влияние КНР в Западном полушарии резко расширится, что станет новым ключевым успехом Китая в его противостоянии США.

Ключевые слова: Китай, Латинская Америка, США, доктрина Монро, развивающийся мир, отношения «Юг—Юг».

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-4256-2381; E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

E.I. Safronova

The significance of Latin America for China's international position¹

Abstract. The article studies the significance of Latin America — the most politically and economically advanced region of the developing world (DW) — for international standings of China. The author states that global

¹ The article is prepared on the basis of the report made at the joint Round Table of the Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences “The role and place of Latin American countries in China's foreign policy and economy” (March 9, 2022).

“expansion” of the PRC is no longer dictated by the subjective choice of the Chinese leadership, but acquires importance of an urgent need. Beijing cannot allow the country's economic progress to decline, so as not to risk stability of the ruling regime, the PRC's social situation and the quality of life of its population.

To ensure further development, China needs new high-quality “feeding areas,” and since the beginning of the XXI century Latin America has been increasingly acquiring this role. Thus, the PRC has taken position of the second most important trade and economic partner of the region, receiving from LA resources for industrial and social growth. In political terms, the significance of LA for the PRC is determined by the fact that, firstly, the region has become another platform for confrontation between China and the United States. Beijing now views Latin America “as a promising region, not someone's backyard,” actually abandoning the recognition of the Monroe doctrine, which Beijing assured the United States of respect for 15 years ago. Secondly, Latin America is an important testing ground for Chinese foreign policy concepts. The author believes that “slogan diplomacy” performed by Beijing, is a serious phenomenon: China is consistent in translating doctrines into real life. Thirdly, the Chinese-Latin American dialogue contributes to the vitality of the South-South cooperation, what is highly appreciated by Beijing. The article reveals reasons for the permanent engagement of the PRC in South-South issues, the most relevant of which is seen in that the collective West seeks to restore and broaden its positions in the DW, thereby narrowing the potential of multipolarity of international relations and diminishing foreign policy achievements of China as well. In addition, China is worried about the activity in LA of its long-standing regional competitor — Japan, which intends to enlist the support of Latin American and other developing countries in the possible formulation of the question about Japan's receipt of a permanent member of the UN Security Council. In the light of recent world events, the issue of reforming the UN and its Security Council may receive a new powerful impetus.

The author concludes that if the PRC's Latin American initiatives are successful, China's presence and influence in the Western Hemisphere will expand dramatically, and that will become a new key success of China in countering the United States.

Keywords: China, Latin America, USA, Monroe Doctrine, developing world, South-South relations.

Author: Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4256-2381; E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

В последние годы в основном коллективный Запад все чаще обвиняет Китай в проведении курса на мировую экономическую экспансию, которая, дескать, зачастую переходит и в геополитическое русло. В некоторых сегментах развивающегося мира также высказываются опасения по поводу бурного «выхода вовне» азиатского гиганта.

Действительно, присутствие КНР в глобальной экономике и политике весьма энергично расширяется, но является ли это «виной» Китая? На наш взгляд, это не его «вина», а насущная необходимость. Воспроизводство и так огромного населения, особенно после отмены закона «одна семья — один ребенок», с одной стороны, и ограниченность ресурсного потенциала КНР с другой — побуждают Пекин искать все новые и новые «ареалы подпитки». Интересы поддержания темпов экономического роста также требуют дополнительных ресурсов: Китай уже не может позволить себе существенно снизить темпы развития и качество жизни его огромного населения. В свое время Пекин извлек уроки из распада СССР и понимает, насколько важно, чтобы простой гражданин на себе чувствовал благотворные в материальном и культурном плане результаты политики, проводимой властями страны. Сама жизнеспособность и устойчивость правящего режима Китая зависят от успешности его социально-экономического курса.

В экономическом отношении значение Латинской Америки (ЛА) для международных позиций КНР обуславливается следующими обстоятельствами:

1. С начала текущего века регион все более явственно обретает роль «ареала подпитки» хозяйственного и социального развития Китая. КНР вышла на позиции второго по значению экономического партнера региона: в 2021 г. взаимный товарооборот достиг 451,591 млрд долл., продемонстрировав рост на 41,1 % по сравнению с предыдущим годом¹.

По импорту сырья азиатский титан является крупнейшим торговым партнером Бразилии, Перу, Аргентины и Чили. Нефть из Аргентины, Бразилии, Венесуэлы и Эквадора, минералы и металлы из Чили и Боливии, Мексики и Колумбии и Бразилии составляют большую часть экспорта этих стран в Китай. Значительна и торговля про-

¹ El Peruano. 08.02.2022. URL: <https://elperuano.pe/noticia/138914-comercio-entre-america-latina-y-china-bate-record> (accessed: 20.04.2022); Xi Yue y Chen Yao. Comercio entre China y America Latina y Caribe registra nuevo maximo en 2021 pese a pandemia. 2022:01:26. URL: <http://spanish.peopledaily.com.cn/n3/2022/0126/c31621-9949479.html> (accessed: 20.04.2022).

дукцией агрокомплекса. Так, в 2020 г. — в самый разгар пандемии — 75 % экспорта аргентинской говядины было направлено в КНР. (По оценкам, если в 2000 г. доля Китая составляла менее 2 % общего объема торговли ЛА, то к 2035 г. она может достичь 25 %)¹.

По словам Чжоу Ми, высокопоставленного сотрудника Министерства коммерции КНР, Китай, «являясь самым стабильным поставщиком в мире» способен удовлетворить потребности стран Латинской Америки и Карибского бассейна на пути к восстановлению экономики².

Можно сказать, что столь резкое увеличение китайско-латиноамериканского товарооборота объясняется непостоянными факторами: общим ростом мировых цен на сырье во время пандемии; «переброской» китайского импорта сои, мяса и металлов с рынков США на латиноамериканское направление вследствие торговых рестрикций, наложенных Вашингтоном на торговлю с КНР; а также появлением новых полей коммерческого китайско-латиноамериканского диалога — например, торговли товарами медицинского назначения, производства и экспорта-импорта антиковидных вакцин в условиях пандемии. Кроме того, по мере спада заболеваемости и восстановления экономической активности в ЛА, включая потребление машинотехнической продукции, возросли китайские поставки автомобилей, электромеханических изделий и других традиционных товаров китайского экспорта в ЛА³.

Однако есть и долгосрочные обстоятельства: Латинская Америка — это не просто обширный, но и компетентный рынок потребления китайской продукции. Он лучше, чем большинство других регионов развивающегося мира, адаптирован к поглощению продукции высоких переделов, особенно товаров высшего среднего качества — «*de grado medio superior*».

2. После того, как ряд китайских технологичных компаний (например, *Huawei*, *ZTE*, *Dahua* и *Hikvision*) пострадал от санкций США, экономическое значение ЛА для Китая аргументируется и возможностями обхода американских санкций благодаря внедрению этих компаний в латиноамериканскую инфраструктуру⁴.

¹ Bergman, Judith. China en America Latina. URL: <https://atalayar.com/content/china-en-am%C3%A9rica-latina> (accessed: 20.04.2022).

² Xi Yue y Chen Yao. Op. cit.

³ Ibidem.

⁴ Bergman, Judith. Op. cit. (accessed: 20.04.2022).

В Латинской Америке Китай получает больший по сравнению с другими сегментами РМ простор для капиталовложений в высокотехнологические сферы и производство продукции с повышенной добавленной стоимостью, в частности, на приобретаемых им предприятиях. Это и понятно: континент имеет немалый опыт технологического развития, по времени (но не по качеству) не уступающий опыту КНР.

Кроме того, регион обладает большим опытом работы с иностранными капиталовложениями, нежели, например, Африка, а также более развитой правовой системой. Данное обстоятельство способствует снижению инвестиционных рисков при взаимодействии со странами региона. Это в свою очередь благоприятствует стабильности экономических связей сторон. А стабильность хозяйственного партнера есть фактор устойчивости хозяйственной жизни и в самом Китае.

Два наиболее интересных для китайских инвестиций сектора в Латинской Америке — это транспорт и энергетика. ЛА является вторым по значению мировым реципиентом китайских инвестиций, и в регионе работают более 2 700 китайских предприятий¹. К настоящему времени более 2 тыс. китайских компаний осуществили капиталовложения в экономику Латинской Америки, создав там более 1,8 млн рабочих мест².

В качестве примера транспортного сотрудничества следует отметить китайский проект трансконтинентальной железной дороги, который соединит тихоокеанское побережье Перу с Атлантическим побережьем Бразилии через Боливию. В энергетическом же секторе весьма заметно присутствие китайских государственных компаний *State Grid* и *Three Gorges* в сфере сооружения и обслуживания электрических сетей, электростанций и ветряных электростанций в Чили, Бразилии, Эквадоре, Боливии и Перу³.

3. С особой остротой встает вопрос о китайских капиталовложениях в экономику ЛА в свете Инициативы «Пояс и путь».

2020 год можно определить как поворотную веху в инвестиционной политике КНР в отношении Латинской Америки: впервые за 15

¹ ТВ БРИКС. 17.11.2021. URL: https://tvbrics.com/news/delovoy-sammit-kitay-lak-startoval-v-kitayskom-chuntsine/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop; ИА «Красная весна». 17.11.2021. URL: https://rossaprimavera.ru/news/e8470080?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.04.2022).

² China-LatAm cooperation neither directed against, nor affected by third party: Chinese FM. 27.07.2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201907/1159348.shtml> (accessed: 20.04.2022).

³ Bergman, Judith. Op. cit. (accessed: 20.04.2022).

лет Китай не предоставил ни одного кредита какой-либо латиноамериканской стране. При этом китайские компании сместили акцент со сферы кредитования на прямое инвестирование в латиноамериканскую инфраструктуру, особенно электроэнергетическую и транспортную. Этот новый подход сформировался во многом под влиянием Инициативы «Пояс и путь», чьей частью Китай хочет видеть Латинскую Америку, а также в силу пандемийного кризиса COVID-19.

Следствием пандемии стало то, что ряд латиноамериканских стран столкнулся с немалыми трудностями в деле погашения внешней задолженности. Из-за возросшего дефицита бюджета некоторые страны оказались не в состоянии получить новые крупномасштабные кредиты. Особенно «не повезло» двум основным странам-должникам КНР в Латинской Америке — Венесуэле и Эквадору¹.

К настоящему времени Китаем подписаны меморандумы о взаимопонимании в сфере сотрудничества по совместному строительству «Пояса и пути» с 20-ю странами Латинской Америки. Подписание таких меморандумов — не просто жест дипломатического этикета и средство фиксирования двусторонних интенций. Похоже, что в инфраструктурные проекты, начатые КНР в развивающихся странах после провозглашения в 2013 г. проекта «Один пояс — один путь», исходно заложена их совместимость с «шелковой» инициативой. И именно поэтому они быстрее получают от Китая все необходимое инвестиционное обеспечение. Документарное же закрепление кооперационных намерений служит весомым доводом для реализации соответствующих проектов. «То, что записано, — надо исполнять» — таков непреложный принцип работы китайских функционеров. Прямое инвестирование производительного капитала в объекты ИПП представляется более надежным в плане целевого использования средств и их реальной отдачи.

В качестве новейших свидетельств подключения ЛА к мегапроекту «Пояс и путь» Пекин рассматривает подписание в августе 2021 г. соглашения с Бразилией о строительстве в этой стране протяженного подводного кабельного «моста», соединяющего г. Сальвадор с островом Итапарика, стоимостью 1,2 млрд долл., а также заключение с Перу в мае 2021 г. китайской государственной компанией *COSCO* (это

¹ См.: Llorente, José Antonio y Vallejo, Claudio (2021). América Latina ante la bipolaridad Estados Unidos-China, ¿es la hora de Europa? URL: <https://atalayar.com/content/am%C3%A9rica-latina-ante-la-bipolaridad-estados-unidos-china-%C2%BFes-la-hora-de-europa> (accessed: 20.04.2022).

третий по значению контейнерный перевозчик и пятый оператор портовых терминалов в мире) соглашения о строительстве близ Лимы нового порта стоимостью 600 млн долл. Китайские компании будут контролировать кабельный «мост» в течение 30 лет после завершения строительства. Кроме того, Китай через государственную компанию *China Merchants Ports* владеет и управляет вторым по масштабу контейнерным терминалом Бразилии — портом Паранагуа, являющимся одним из крупнейших терминалов в Латинской Америке. Также Китай строит новый порт стоимостью 500 млн долл. в Сан-Луисе — столице бразильского штата Мараньян.

Бразилия явилась площадкой Шелкового пути и в части его цифрового наполнения. Китайская *Huawei*, столь гонимая в США, в Бразилии несколько лет назад стала крупнейшим поставщиком сетевого оборудования. Кроме того, в 2018 г. *Huawei Marine Networks* и *China Unicom* завершили прокладку подводного телекоммуникационного волоконно-оптического кабеля протяженностью 9600 км, соединяющего по дну Атлантического океана Бразилию с Португалией через Кабо-Верде¹.

В декабре 2020 г. были подписаны китайско-аргентинские соглашения на сумму 4,7 млрд долл. по модернизации китайскими железнодорожными компаниями, включая Китайскую железнодорожную строительную корпорацию, связанную с НОАК, аргентинской железнодорожной сети и строительству почти 2 тыс. км новых путей².

Что касается энергетики, то Китай намерен приступить в 2023 г. к сооружению новой атомной электростанции стоимостью 8 млрд долл. недалеко от аргентинской столицы — Буэнос-Айреса в дополнение к двум гидроэлектростанциям, которые Китай уже строит на юге Аргентины.

Под знаком ИПП в ноябре 2021 г. в китайском Чунцине прошел 14-й Деловой саммит «Китай — Латинская Америка и Карибский бассейн». Гао Янь, глава Китайского совета по содействию международной торговле, подчеркнул на встрече, что регион является важным участником инициативы «Пояс и путь». На саммите было подписано 18 соглашений на сумму более 1 млрд долл.³

¹ Bergman Judith. Op. cit.

² Ibidem.

³ ТВ БРИКС. URL: https://tvbrics.com/news/delovoy-sammit-kitay-lak-startoval-v-kitayskom-chuntsine/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата доступа: 20.04.2022); Renmin Ribao on-line. 18.11.2021. URL: <http://spanish.peopledaily.com.cn/n3/2021/11/18/c31621-9920973.htm> (accessed: 20.04.2022).

В политическом отношении значение ЛА для глобальных позиций Китая обуславливается следующим:

1. Регион стал еще одной существенной площадкой противостояния Китая и США. Если раньше Пекин избегал признавать это обстоятельство, подчеркивая, что развивает связи с ЛА только во имя взаимовыгодного сотрудничества под лозунгом «мира и развития», не направленного против третьих сторон, то сейчас тональность его риторики заметно изменилась. Еще 15 лет назад Китай признавал наличие традиционных, требующих учета интересов США в регионе, заявляя, что в КНР «помнят о «доктрине Монро» и «уважают влияние» США в Латинской Америке¹. В наши же дни министр иностранных дел КНР Ван И, оценивая состояние китайско-латиноамериканских отношений, подчеркнул, что Китай рассматривает ЛА как многообещающий регион, а не чей-то задний дворик. Регион, народам которого нужны равноправие и обоюдный выигрыш, а не политика силы и травли². Это фактически прямая отсылка на доктрину Монро и деэвуирование ее значения в глазах Китая.

Несмотря на то, что по сравнению с Китаем США имеют в ЛА очевидные преимущества, среди которых географическое соседство, способствующее экономическим и логистическим связям; этническая близость населения, обусловленная миграцией латиноамериканцев в США; традиционная ориентированность экономик континента на североамериканские рынки (товарооборот США и Латинской Америки к концу 2021 г. составлял примерно 800 млрд долл.³), именно Китай ныне обладает на континенте лучшими возможностями для развития отношений, ибо он может сосредоточиться на интересных ему экономических формах взаимодействия, в то время как США должны отвлекаться на проблемы растущей нелегальной иммиграции, наркотрафика, коррупционных сетей, отмывания денег и недружественности ряда латиноамериканских правительств, идеологически оппонирующих Вашингтону [Berg, Ryan C.; Aragoao, Thiago de].

¹ Magnier, Mark (2005). U.S. Is Watching China's Latin American Moves. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2006-apr-15-fg-china15-story.html> (accessed: 20.04.2022).

² Вопросы и ответы Члена Госсовета, Министра иностранных дел Ван И на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям. 07.03.2022. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/202203/t20220309_10650115.htm (accessed: 20.04.2022).

³ *Моисеев А.* Латинамерика станет к нам еще ближе? // Международная жизнь. 22.09.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31805/> (дата обращения: 25.04.2022).

2. Латинская Америка — это важный полигон обкатки китайских внешнеполитических доктрин. Концептуальное обоснование внешних и внутренних инициатив всегда было важным направлением идеологической работы китайского руководства. Инкорпорирование развивающегося мира в китайские доктринальные установки в силу традиций китайского дипломатического менталитета само по себе свидетельствует о значимости развивающихся стран для КНР. Если тот или иной субъект международных отношений находит свою «нишу» во внешнеполитических построениях Пекина, то это обеспечивает ему устойчивое место в системе внешних связей КНР. Ныне Пекин муссирует лозунг об общности китайской и латиноамериканской мечты о «мире и развитии» и встраивает его в более общую концепцию «сообщества единой судьбы человечества».

Среди некоторых исследователей бытует мнение о декоративности и вторичности «лозунговой дипломатии», однако мы полагаем, что эта дипломатия в исполнении Пекина — явление весьма серьезное: Китай последователен и настойчив в переложении доктрин в реальную жизнь. Если партия и правительство выдвинули политически и/или идеологически значимый тезис, то вся исполнительская машина Китая будет подчинена цели его реализации.

3. Китайско-латиноамериканские отношения вносят вклад в жизнестойкость кооперации по линии «Юг—Юг», что весьма ценится Пекином. Диалог на высшем уровне с наиболее развитым сегментом РМ — Латинской Америкой зачастую описывается Китаем в «южных» тонах. Так, цель визитов руководителей КНР на континент характеризуется как «раскрытие новых перспектив для сотрудничества Юг—Юг»¹.

По словам Ван И, сотрудничество по линии «Юг—Юг», как «независимый и добровольный выбор обеих сторон», является сутью китайско-латиноамериканского взаимодействия². В Китае полагают, что на новом витке глобального развития диалог «Юг—Юг» продолжает служить механизмом достижения равноправных и сбалансированных партнерских отношений и между странами глобального

¹ См. например: Ministerio de Relaciones Exteriores de la R.P. China. Wang Yi: La visita del Primer Ministro Li Keqiang a America Latina. URL: https://www.fmprc.gov.cn/esp/wjlb/zjzg/ldmzs/xwlb/201506/t20150602_935120.html (accessed: 23.02.2022).

² China-LatAm cooperation neither directed against, nor affected by third party: Chinese FM. 27.07.2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201907/1159348.shtml> (accessed: 20.04.2022).

«Юга», и между «Югом» и «Севером», а также средством противостояния всем формам протекционизма.

Разрыв в уровнях экономического развития «Севера» и «Юга» действительно составляет серьезнейшую мировую проблему, ибо экономически отстающий «Юг» — по-прежнему «колыбель» и/или носитель практически всех современных мировых проблем. Это международный терроризм, во многом вскормленный бедностью «южных» стран и ненавистью к богатому эксплуататору «Северу», усугубившаяся в последние годы проблема массовой миграции, чреватая обострением социально-политической обстановки во многих странах, экологически враждебные способы хозяйствования, недостаточная эффективность борьбы с эпидемическими заболеваниями, голод и нехватка питьевой воды, низкое «качество населения» по индексу человеческого развития.

Дабы динамично развиваться, «Югу» нужно не так уж много, как это принято считать. В основном, ему необходимо обрести такую модель социально-экономического развития (МСЭР), которая не только гипотетически отвечала бы его стремлению к лучшей жизни, но реально учитывала политико-экономические обстоятельства его внутреннего и внешнего положения [Сафронова Е.И., с. 210]. Ведь в эшелон стран с формирующейся экономикой (ранее называемых новыми индустриальными странами) вырываются именно те государства, которые обрели адекватную своим условиям, реально «работающую» МСЭР, а также действенные политические и экономические рычаги управления национальным хозяйством. Пример Китая и азиатских «тигров» является свидетельством эффективности этих мер. Мировой опыт свидетельствует и о том, что наиболее успешно работает та МСЭР, которая явилась результатом поиска и разработки на родной почве (как то было в КНР, в Сингапуре, в ряде стран ЮВА), а не за рубежом [Сафронова Е.И., с. 211].

Каковы же причины устойчивой ангажированности КНР в проблематике «Юг—Юг»? Во-первых, роль РМ как резерва и ресурса мирового развития не может не учитываться Китаем. Он действительно полагает, что в силу закона о неравномерности глобального развития когда-то придет время и развивающегося мира «выстрелить» в верхние эшелоны мирового прогресса.

Во-вторых, Пекин, всегда относящийся с пиететом к деятельности ООН, учитывает традиционное внимание Организации к диалогу развитого и развивающегося мира. И ООН остается ключевым международным «супервайзором» активности по линии «Юг—Юг». Сим-

птоматична китайская нюансировка приоритетов в кооперационной связке «Юг—Юг» и «Север—Юг». Позиция «Группы 77 + Китай» такова, что ее усилия по имплементации Повестки дня ООН по устойчивому развитию до 2030 г. и других обязательств, расширяющаяся кооперация «Юг—Юг» должны быть по достоинству признаны и учтены, но при этом их не следует переоценивать, поскольку они — только дополнение к сотрудничеству «Север—Юг» и никак не заменяют последнее (*выделено мной. — Е.С.*)¹.

Единство позиций КНР и ООН по целому ряду проблем «Север—Юг» стимулирует «тематическую» работу Китая в Организации. Так, ООН усматривает неблагоприятное обстоятельство для стран «Юга» в финансовой политике Соединенных Штатов, приведшей к торможению притока капитала в развивающиеся страны. Программа развития ООН (ПРООН), как и КНР, видит необходимость в обновлении директивных принципов международных организаций в сторону учета опыта «Юга»: странам «Юга» необходимо более справедливое представительство в «Бреттон-Вудских учреждениях» (МВФ, МБРР), Организации Объединенных Наций и других международных органах².

Третью причину интереса КНР к проблематике «Юг—Юг» можно усмотреть в том, что в сфере содействия международному развитию глобального «Юга» солидные позиции занимает давний региональный конкурент Китая — Япония. Эта страна является членом Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР) и входит в пятерку основных мировых доноров — участников КСР ОЭСР [Содействие международному развитию, с. 129]. При этом Япония не быстро, но настойчиво расширяет свое экономическое присутствие в Латинской Америке. А политически Япония видит смысл в развитии диалога с развивающимися странами потому, что ей нужна их поддержка по вопросу обретения ею статуса постоянного члена СБ ООН.

В свете последних мировых событий, вопрос о реформировании ООН и ее Совета Безопасности может получить новый мощный импульс.

В двустороннем формате китайская сторона активно использует «координатную» терминологию всюду, где это целесообразно и с

¹ NA Inter Press Service. South-South Cooperation a Key to SDGs Success, Says G77. URL: <http://www.ipsnews.net/2016/11/south-south-cooperation-a-key-to-sdgs-success-sa-us-g77> (accessed: 20.04.2022).

² ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. Разд. «Резюме». М.: Весь мир, 2013. С. 14.

одобрением воспринимается не только прямым контрагентом, но и широким кругом развивающихся стран.

А в Латинской Америке не упускают из виду того, что Китай, даже обретя особую глобальную роль и вес, все же стремится дистанцироваться от «мировых гегемонов», педалируя свой статус как государства «Юга» и придерживаясь принципа равенства и взаимности в кооперации «Юг—Юг»¹.

Толкование же смысла отношений по линии «Юг—Юг» при всей его кажущейся неизменности обретает в Китае новые нюансы, привносимые временем. Так, экстраполируя смысл этих отношений на Инициативу «Пояс и путь», видный китайский дипломат Ли Хуэй подчеркивал, что она, по сути, являет собой пример сотрудничества «Юг—Юг»².

4. Латинская Америка — это «зона» противостояния материкового Китая и Тайваня за позиции на мировой арене, в частности, в ООН. По состоянию на декабрь 2021 г. государственный суверенитет Тайваня (Китайской Республики) признавали 14 государств (Белиз, Гватемала, Гаити, Гондурас, Маршалловы Острова, Науру, Палау, Парагвай, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Эсватини (бывш. Свазиленд), Тувалу и Ватикан), наибольшее число из которых (восемь) расположены в ЛА.

Отказ стран мира от официальных отношений с Тайванем и признание КНР для Пекина не только вопрос дипломатического самоуважения и государственного достоинства. Это еще одно доказательство правильности идеологического выбора, сделанного материковым Китаем в 1940-х гг. во времена острого соперничества между КПК, возглавляемой Мао Цзэдуном, и партией Гоминьдан, руководимой Чан Кайши и создавшей на Тайване Китайскую Республику. И хотя сейчас на Тайване правящей силой является Демократическая прогрессивная партия, однако Гоминьдан, похоже, до сих пор видится Пекину экзистенциальным соперником. Возникает вопрос: почему это так? Ведь КНР, достигшая небывалых социально-экономических высот, уже может ничего никому не доказывать, ибо эффективность избранной ею много десятилетий назад модели «социализма с китай-

¹ Slipak, Ariel (2014). América Latina y China: ¿cooperación Sur-Sur o «Consenso de Beijing»? // Nueva sociedad. Democracia y política en América Latina. 2014. No.250. Marzo-Abril. URL: https://static.nuso.org/media/articles/downloads/4019_1.pdf. P. 110. 102—113 (accessed: 21.03.2022).

² Приводится по: Жэньминь жибао он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1009/c95181-8959722.html> (дата обращения: 11.02.2022).

ской спецификой» очевидна. Но дело в том, что Китай мыслит не десятилетиями, а веками, и 70 лет истории — это для него совсем немного. Поэтому вопрос соперничества Пекина и Тайбэя так и не утратил своей актуальности.

Кроме того, за счет вытеснения Тайваня с мировой дипломатической арены Китай рассчитывает на переход к нему голосов бывших партнеров Тайбэя при обсуждениях в ООН и других международных институтах.

Итак, следует подчеркнуть, что Латинская Америка имеет значение для Китая как источник ресурсов, площадка реализации новых торгово-экономических, энергетических и транспортных проектов, а также субъект поддержки по таким вопросам, как свобода торговли и инвестиций, реформирование ООН и ее Совета безопасности и др.

Для достижения собственных целей развития, КНР нуждается в новом пространстве для международного маневра и в эффективизации своих внешнеэкономических связей. Китай стремится сформировать в Латинской Америке разветвленную сеть сбыта его товаров и услуг, а также превратить регион в перманентного реципиента китайских инвестиций и «стройплощадку» для экономико-стратегических начинаний. Это объективно создает стойкую привязку ЛА к хозяйству КНР, усиливает региональный и глобальный вес Китая. А в случае успеха Инициативы «Пояс и путь» на латиноамериканской почве, резко расширится политико-экономическое присутствие и влияние КНР в Западном полушарии. Это станет новым успехом Китая по вытеснению США с их традиционных международных позиций.

Библиографический список

Сафронова Е.И. Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений? // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М.:ИДВ РАН,2005. С. 204—228.

Содействие международному развитию. Курс лекций / под ред. В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой. М.: Всемирный банк, 2012. 408 с.

References

Safronova E.I. (2005). Rossiya, Kitaj i «tretij mir» na rubezhe vekov: vozmozhno li «vtoroje dyhanie» otnoshenij? [Russia, China and the “Third World” at the turn of the century: is “second wind” of relations possible?], *Rossijsko-kitajskie otnosheniya*.

Sostoyanie, perspektivy [Russian-Chinese relations. Status, prospects], Moscow: *Institute of far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences*: 204—228. (In Russian).

Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiyu. Kurs lekcij (2012). [Assistance to international development. Course of lectures], ed. V.I. Bartenev and E.N. Glazunova. — Moscow: *Vsemirnyj bank [World Bank]*, 408 p. (In Russian).

* * *

Berg, Ryan C.; Aragão, Thiago de (2021). Is Latin America Important to China's Foreign Policy?, *The Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. URL: <https://www.csis.org/analysis/latin-america-important-chinas-foreign-policy> (accessed: 20.04.2022).

DOI: 10.48647/IFES.2022.45.24.017

А.Ф. Клименко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА

Аннотация. В статье анализируется политика Китайской Народной Республики в отношении Афганистана. По мнению автора, особый интерес для Пекина представляет удачное геостратегическое положение этой страны, обеспечивающее возможность контроля военно-политической обстановки во всем регионе Большой Центральной Азии. Наряду с военно-политическими обстоятельствами, важным фактором, влияющим на современную политику Китая в Афганистане, является экономический — богатство афганской территории редкоземельными элементами и другими стратегическими ресурсами. Не меньший интерес в плане сотрудничества с Афганистаном для КНР представляет сфера обеспечения региональной безопасности: Китай сам сталкивается с определенными сложностями по решению задач обеспечения своего национального единства и территориальной целостности.

Автор обращает внимание на то, что помимо Центральной Азии к наиболее значимым для Китая регионам относится и АТР, где существенно расширяет свое присутствие главный конкурент Пекина — Вашингтон, «Индо-тихоокеанская стратегия» которого нацелена на «сдерживание» Китая. Здесь же наблюдается ряд антагонистических противоречий и нерешенных территориальных и иных проблем. Поэтому национальные интересы в АТР имеют для КНР

жизненно важное значение, и для их защиты Пекин готов использовать все средства, включая военные.

При этом автор полагает, что, выстраивая свою геополитику в Центральной Азии и Афганистане, Китай в сложившейся ситуации будет ограничиваться использованием «мягкой силы», поскольку это направление для него не имеет такого значения, как АТР, хотя и представляет определенный интерес.

Анализируя ситуацию в Афганистане, автор обращает внимание на то, что кроме Китая, свои интересы и цели имеют здесь и другие участники ШОС. И согласование этих целей и интересов при содействии правительству Афганистана в построении стабильного государства является необходимым условием для решения общих задач. Поэтому автор считает, что оказать помощь Афганистану можно лишь коллективными усилиями и в рамках ШОС.

Ключевые слова: Китай, Афганистан, экономическое сотрудничество, безопасность, Большая Центральная Азия, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A.F. Klimenko

Some features of China's modern policy towards Afghanistan

Abstract. The article analyzes the policy of the People's Republic of China towards Afghanistan. The author believes, that China is particularly interested in the favorable geostrategic position of Afghanistan, which makes it possible to exert control over the military-political situation in the entire Greater Central Asia region. Along with the military-political circumstances, an important factor influencing China's modern policy towards Afghanistan is the economic one — the richness of its territory with rare earth elements and other strategic resources. An equally important interest in China's cooperation with Afghanistan is the ensuring of regional security: China itself faces certain difficulties in solving the tasks of ensuring its national unity and territorial integrity.

At the same time, the author draws attention to the fact that in addition to Central Asia, the Asia-Pacific region also belongs to the most significant regions for China, where Beijing's main competitor, Washington, is significantly increasing its presence, and whose "Indo-Pacific strategy" is aimed at "containing" China. There are also a number of antagonistic contradictions and unresolved territorial and other problems in the AP. Therefore, national interests in this area are of vital importance to the PRC

and Beijing is ready to use all means, including military ones, to protect them.

As a result, the author believes that, building its geopolitics in Central Asia and Afghanistan, China, in the current situation, will be limited to the use of “soft power”, since this direction is not of such vital importance for it as the Asian-Pacific one, although it is of some interest.

Analyzing the situation in Afghanistan, the author points out that in addition to China, other SCO members pursue their interests and goals in Central Asia and Afghanistan. And their coherence in the process of assisting the Government of Afghanistan in building a stable State is a necessary condition for solving common tasks. Therefore, the author believes that it is possible to assist Afghanistan in its development only through collective efforts and within the framework of the SCO.

Keywords: China, Afghanistan, politics, economic cooperation, security, Greater Central Asia, Shanghai Cooperation Organization (SCO).

Author: Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D. (Military Sc.), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

Conflict of interests: The author declares that there is no conflict of interests.

Введение

Как известно, пришедшее к власти в Афганистане движение Талибан на международном уровне признано террористическим. Это создает препятствие для других стран по сотрудничеству с ним в вопросах превращения Афганистана в стабильное, экономически состоятельное государство, устраняя тем самым источник терроризма, экстремизма, наркотической и других сопутствующих им угроз для соседних государств. В случае обострения ситуации в Афганистане и вокруг него нарастают угрозы для России, Китая и других участников ШОС, где проживает значительное по численности мусульманское население. Разрядка напряженности вокруг Афганистана, являющегося наблюдателем при ШОС, возможна лишь при содействии пришедшему к власти правительству в стабилизации обстановки в стране и оказании ей помощи в восстановлении экономики со стороны Китая, России и других участников Организации.

Попытка проанализировать политику Китая в отношении Афганистана с учетом названных выше обстоятельств, с «привязкой» особенностей ситуации к интересам и возможностям России и

ШОС, и обуславливают актуальность и одновременно — новизну данной статьи.

Как представляется, политику КНР в Афганистане невозможно рассматривать в отрыве от китайской политики в Центрально-Азиатском и иных соседних регионах, пространство которых с подачи Вашингтона объединено общим понятием «Большая Центральная Азия».

Однако следует подчеркнуть и тот факт, что в настоящее время к наиболее значимым для Китая регионам относится не только расширенная Центральная Азия. Прежде всего интересен Пекину Азиатско-Тихоокеанский регион, где расположены основные торговые партнеры КНР — государства АСЕАН и где до сих пор не решены проблемы вокруг островов Тайвань и Сенкаку (Дяюйдао), спорных районов Южно-Китайского моря и морских проливов, по которым доставляются энергоресурсы для китайской экономики. Кроме того, с ростом экономической значимости АТР в нем существенно наращивает свое присутствие главный конкурент Пекина — Вашингтон. Его «Индо-тихоокеанская стратегия» нацелена на «сдерживание» Китая, стремящегося к статусу великой державы. С этой целью создан тихоокеанский аналог НАТО в лице регионального формата технологического сотрудничества QUAD (США, Индия, Япония, Австралия) и антикитайского военно-политического союза англосаксов AUKUS (США, Великобритания, Австралия). Поэтому национальные интересы Китая на этом направлении имеют жизненно важное значение, и для их защиты Пекин готов использовать все средства, включая военные.

Государства же расширенной Центральной Азии менее значимы для КНР. Их значимость определяется не только экономическими факторами, но и интересами обеспечения как собственной безопасности, так и стабильной обстановки в регионе, что необходимо для успешного решения хозяйственных задач. Поэтому, выстраивая свою геополитику на данном направлении, Китай, скорее всего, будет использовать инструментарий экономической «мягкой силы», то есть, не вмешиваясь во внутренние дела государств, с которыми собирается сотрудничать, действовать путем предоставления инвестиций и через реализацию совместных экономических проектов, в том числе таких, как Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП).

При этом в Пекине осознают необходимость координации своих действий с Москвой. Тесное взаимодействие КНР и России и на двусторонней основе, и в формате ШОС с другими заинтересованными

государствами-участниками Организации позволит нейтрализовать внешние попытки дестабилизировать обстановку в ЦАР и стремление третьих сторон столкнуть интересы двух наших государств.

1. Факторы, влияющие на политику Китая в отношении Афганистана

Потеря Соединенными Штатами Америки значительной части влияния в мире вследствие неподготовленного и бездарно проведенного вывода их войск из Афганистана не только ударила по имиджу США, но и создала на афганской территории некую «зону военно-политического вакуума», которую стремятся заполнить, создав там свой геостратегический плацдарм, не только Китай и Россия, но и Индия, Иран, Пакистан (постоянные члены ШОС), а также Турция (партнер по диалогу).

Однако сравнительная оценка потенциалов этих государств приводит к выводу о том, что у Пекина, учитывая его сильную экономику, военную мощь и грамотно выстроенную внешнюю политику, гораздо больше возможностей распространить здесь свое влияние. Хотя и препятствий к этому немало.

Становится очевидным, что современное состояние отношений Китая и США чревато серьезным конфликтным потенциалом. Это уже проявляется и будет проявляться в различных сферах взаимоотношений двух стран. Но внедрение Китая в Афганистан серьезно подняло бы его международный рейтинг и, в случае организации успешного сотрудничества с талибами в сфере экономики и в плане противодействия терроризму и экспорту наркотиков, существенно повысило бы авторитет КНР во всем мировом сообществе, способствуя тем самым успеху в ее противостоянии с США.

Особый интерес для КНР в Афганистане представляют его природные ресурсы и удачное геостратегическое положение в самом центре Евразии — на стыке Южной и Центральной Азии, где пересекаются национальные интересы ведущих держав мира. Это ставит территорию Афганистана в разряд ключевых факторов, благоприятствующих обеспечению контроля военно-политической обстановки во всем регионе Большой Центральной Азии. Но выстроить сотрудничество с этой страной Пекину нужно так, чтобы не нанести ущерба своим отношениям с другими партнерами по ШОС и, в первую очередь, с Россией — стратегическим партнером Китая по сдерживанию

глобальных амбиций Вашингтона. И в Пекине это прекрасно понимают.

Перед Россией и другими сопредельными с Афганистаном странами-участницами ШОС, как и перед Китаем, тоже встают вопросы по решению проблем, связанных с противодействием международному терроризму, религиозному экстремизму и сепаратизму, борьбой с наркотрафиком и организованной преступностью в Афганистане. Понятно, что для успешного разрешения этих проблем потребуются согласование позиций и координация действий всех соседних с Афганистаном государств. При этом необходимо учитывать, что наибольшую сложность в этом деле создает поддержка различными странами тех или иных враждующих между собой этнических групп и политических сил в Афганистане. Так, например, Иран поддерживает шиитские группировки, а арабские страны Персидского залива — суннитские. Пакистан поддерживает пуштунов, а Индия (по заявлению руководства страны) поддержит любое правительство страны, которое будет проводить независимую от Исламабада политику. Турция же поддерживает протурецкие и антипуштунские настроения у этнических узбеков Афганистана.

Не следует сбрасывать со счетов и вероятность новых попыток дестабилизации обстановки в регионе со стороны Вашингтона, о чем убедительно свидетельствует недавние события в Казахстане. Последовавший за этими событиями визит в эту республику американских военных и представителей спецслужб сразу после ухода из страны миротворцев ОДКБ лишней раз подтверждают такую возможность. Пока неизвестна цель их прибытия. Официальная же версия — эвакуации граждан США из Казахстана, которой так и не последовало. По мнению экспертов издания *NetEase*, реальной целью ЦРУ является проведение соответствующей разведывательной работы: «Соединенные Штаты могут захотеть воспользоваться хаосом в Казахстане, чтобы получить контроль над новыми регионами, ограничивающими Россию»¹. Скорее всего, это наиболее реалистичная версия.

Наряду с военно-политическими обстоятельствами, важным фактором, влияющим на современную политику КНР в Афганистане, является экономический фактор. Не секрет, что территория Афганистана богата редкоземельными элементами, в том числе крупнейшими

¹ С уходом ОДКБ в Казахстан прибыли американские военные и ЦРУ. 2022. URL: <https://avia.pro/news/s-uhodom-odkb-v-kazakhstan-pribyli-amerikanskie-voennye-i-cru0> (дата обращения: 20.01.2022).

месторождениями лития, а также железной рудой, медью, цинком, кобальтом и другими полезными ископаемыми, стоимость которых оценивается экспертами от 1 до 3 трлн долл. Эти металлы используются при производстве компьютеров, смартфонов, телевизоров, а также самолетов, электромобилей и иных технических изделий. Богата земля Афганистана и минеральными ресурсами, такими как нефть, газ и другие. Китайские компании уже вложили миллиарды долларов в добычу афганских полезных ископаемых.

Не менее важный интерес в деле сотрудничества КНР с Афганистаном представляет сфера обеспечения региональной безопасности. В настоящее время Китай и сам сталкивается с определенными сложностями в решении задач по обеспечению национального единства и территориальной целостности государства. Поэтому в Пекине серьезно опасаются, что следствием перманентной нестабильности в Афганистане, которая сложилась за многие десятилетия войны, может стать нестабильность внутри самого Китая, особенно в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). При этом в КНР осознают, что в случае возникновения конфликтной ситуации в регионе с возможным использованием террористических и других актов насилия, удар будет нанесен не только по экономике, но и по отношениям Китая с государствами исламского мира.

Таким образом, оценивая обстановку, складывающуюся в регионе в настоящее время, можно с уверенностью сказать, что Китай, равно как и Россия, заинтересован в подавлении любых проявлений терроризма в регионе, а также в обеспечении безопасности собственными силами, без вмешательства извне. Вместе с тем, ни Китай, ни Россия не заинтересованы в развитии сотрудничества США с государствами Центральной Азии.

Новое правительство Афганистана также проявляет интерес к сотрудничеству с Китаем. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, после десятилетий войны и вследствие катастрофического состояния экономики страны, Афганистан нуждается в финансовых вливаниях на цели развития. Во-вторых, в лице Китая Афганистан приобретает влиятельного союзника в деле продвижения национальных интересов Афганистана на международной арене. В-третьих, Афганистан может стать участником проекта ЭПШП, который сулит стране серьезные экономические перспективы и выгоды.

Рассмотрим более подробно некоторые особенности политики Китая в Афганистане по основным направлениям: обеспечение региональной безопасности и реализация китайских экономических проектов.

2. Сотрудничество КНР и нового правительства Афганистана в решении проблем региональной безопасности

По мнению ряда российских и китайских экспертов, основными негативными вариантами развития ситуации в Афганистане в настоящее время могут быть:

- неспособность нового правительства страны удержать власть, возможные ошибки в руководстве страной вследствие некомпетентности кадров, не обладающих опытом госуправления, и, как результат — гражданская война с вероятностью распада государства;
- обострение отношений нового правительства с различными этническими и экстремистскими группами, поддерживаемыми различными сопредельными государствами, а также резкое возрастание роли и значения ИГИЛ (запрещено в России) на территории Афганистана. Такое развитие событий приведет не только к гражданской войне, но и к актам агрессии в отношении соседних стран;
- образование на территории Афганистана и финансирование террористических и экстремистских групп с последующей их засылкой на территории сопредельных государств с целью дестабилизации обстановки в них, что уже подтвердилось в ходе недавних попыток государственного переворота в Казахстане;
- и, как самый сложный вариант, захват власти в стране радикальным крылом Талибана (запрещен в России), его возможное объединение с ИГИЛ, ячейки и группы которого уже находятся на территории Афганистана. А в последующем — организация объединенными усилиями экспансии по отношению к центральноазиатским государствам и СУАР Китая.

Очевидно, что, учитывая опыт СССР и США, Китай при всем его желании расширить свое влияние в Афганистане будет действовать осторожно, чтобы не быть втянутым во внутреннее противостояние властей и этнических групп. Очевидно и то, что главным направлением политики Китая станет формирование обстановки политической стабильности внутри страны, снижение уровня насилия и предотвращение «экспорта» терроризма.

Наибольшие опасения Пекина вызывает обстановка в СУАР, населенной самой крупной из исламских диаспор Китая — уйгурской, сепаратистская организация которой — Исламская партия Туркестана (далее — ИПТ, запрещена в России), тоже базируется на афганской территории. Она принимала участие в боевых действиях совме-

стно с движением Талибан. Не менее сложная обстановка в Нинся-Хуэйском автономном районе, где диаспора хуэйцев (в переводе: «почтенные правоверные мусульмане») составляет примерно 34 % населения района. При этом необходимо учитывать, что исламские сепаратистские организации, поддерживаемые сообщниками из Афганистана, нацелены не только на отделение ряда районов от КНР, но и являются проводниками экстремистской исламистской идеологии, которая представляет серьезную угрозу и для Китая, и для государств Центральной Азии.

Реализацию планов по сотрудничеству с Афганистаном в деле укрепления региональной безопасности Пекин активизировал сразу после захвата Кабула движением Талибан. МИД КНР заявил о поддержке выбора афганского народа и будущего правительства страны, а также о готовности развивать дружеские отношения между двумя странами. Укрепляя свои отношения с Талибаном, Китай обещал ему экономическую помощь и содействие в развитии страны в обмен на оказание помощи в решении своих проблем безопасности. В ответ на эти заявления новое правительство Афганистана объявило Китай своим близким партнером, в свою очередь заявив, что оно настроено на глубокое сотрудничество с Пекином, причем не только в экономической сфере.

Конкретные шаги правительства не заставили себя долго ждать. Так, боевики противостоящей официальным властям КНР сепаратистской организации уйгуров ИПТ, которые базировались на границе с Китаем в провинции Бадахшан, были переброшены в Восточную провинцию Нангархар. Это решение правительства Афганистана знаменует собой осязаемый шаг в сотрудничестве Пекина и Кабула. Кроме того, в сентябре 2022 г. талибы выслали из страны первую партию уйгурских боевиков и заявили, что разрывают всякие связи с их боевой организацией. Характерно, что так же ведет себя и руководство Пакистана, которое постоянно заявляет о непричастности к деятельности ИПТ и даже оказывает содействие спецслужбам Китая в розыске и поимке уйгурских сепаратистов.

Интересен и такой факт. Новые власти в Кабуле в сентябре 2021 г. обратились к мировому сообществу с просьбой об оказании гуманитарной помощи населению страны. Первым государством, откликнувшимся на этот призыв, был Китай. Уже 3 октября на афганской авиабазе Баграм приземлились китайские военно-транспортные самолеты, которые совершили по несколько рейсов. Согласно заявлению некоторых официальных лиц КНР, данная база представляет

особый интерес для Пекина, так как находится в 47 км от Кабула и потенциально пригодна для базирования даже стратегических бомбардировщиков¹.

В целом, для КНР сотрудничество с Афганистаном в сфере безопасности и оказание ему соответствующей разносторонней помощи является приоритетом во взаимодействии с правительством Афганистана. Особенно интересно, что при ее решении Китай учитывает и действия других партнеров по ШОС. Подтверждением могут служить консультации китайских экспертов из академических институтов КНР с автором данной статьи в первые же дни после прихода к власти в Кабуле Талибана по вопросу, намерена ли Россия признать эту организацию и в дальнейшем наладить с ней сотрудничество по обеспечению региональной стабильности. При этом китайские коллеги подчеркивали, что решение этой задачи невозможно без решения экономических и гуманитарных проблем в разрушенной многолетней войной стране.

3. Некоторые особенности и перспективы реализации экономических проектов Китая в Афганистане

Идеи экономической экспансии Китая в Афганистан начали реализовываться в самом начале XXI в. Так, в ноябре 2000 г. посол КНР в Пакистане встретился с муллой Омаром, основателем движения «Талибан» (запрещено в России) и главой Исламского Эмирата Афганистан. При этом даже после ввода в Афганистан американских войск в 2001 г. Пекин установил дипломатические отношения с Кабулом и предоставил ему гуманитарную помощь в размере 5 млн долл. Всего в течение 10 лет размер гуманитарной помощи Афганистану достиг почти 200 млн долл. В результате Китай получил права на разработку медного рудника и выиграл тендер на освоение в течение 25 лет трех нефтяных месторождений, запасы которых, по предварительным оценкам, составляют примерно 87 млн барр. нефти.

В 2014 г. между двумя странами было подписано соглашение об отмене некоторых торговых тарифов, в результате чего 97 % афганского экспорта стало поступать в КНР беспошлинно. В результате такой политики Китай стал одним из главных торговых партнеров

¹ Сокирко В. Китай заходит в Афганистан «тихой сапой». «Свободная пресса». 2021. URL: <https://svpressa.ru/world/article/311876/> (дата обращения: 20.01.2022).

Афганистана¹. Причем следует учесть и то, что все это происходило в государстве, оккупированном американцами.

В 2013 г. Пекин объявил о начале реализации крупнейшего за последние столетия экономического проекта «Один пояс — один путь (ОПОП)» (ныне — Инициатива «Пояс и путь», ИПП), важной составной частью которого, реализуемой в регионе, является Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП). Как известно, проект нацелен на создание современной инфраструктуры в различных регионах Азии и Европы (от Китая до Франции) с целью обеспечения высокоскоростной и более экономичной циркуляции товаров между странами. Следует подчеркнуть, что его реализация, особенно в части ЭПШП, позволяет Китаю более эффективно продвигать свои экономические проекты в странах региона с помощью «мягкой силы».

Изначально Афганистан не рассматривался в качестве участника проекта ОПОП вследствие внутренней нестабильности и невозможности обеспечения безопасности экономических инициатив. Однако позднее Пекин решил, что в рамках создания Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) можно эффективно использовать также и афганский Ваханский коридор. Более того, на развитие провинции Бадахшан, где проходит этот коридор, Китай выделяет 90 млн долл. Конечно, все это делается не бескорыстно. Вкладывая деньги в экономические проекты с Афганистаном и Пакистаном, Пекин не только развивает свои западные районы, особенно СУАР, но и требует от правительств задействованных стран жестких мер по отношению к уйгурским сепаратистам, что уже реализуется на практике.

Большое внимание китайцы уделяют медному руднику Мес-Айнак, который Пекин арендовал в 2007 г. на 30 лет. Тогда китайская госкомпания *Metallurgical Group Corporation* выплатила властям Афганистана 3 млрд долл. При этом меди планировалось добыть более чем на 100 млрд. Кроме того, китайская национальная нефтяная корпорация выиграла тендер на бурение нефти на севере страны². Однако есть информация, что согласия местных жителей на разработку не спросили. По словам представителей ряда афганских НКО, «в не-

¹ Нежданов В. Афганский кризис: взгляд из Китая // «Евразия эксперт». 2021. URL: <https://eurasia.expert/afganskiy-krizis-vzglyad-iz-kitaya> (дата обращения: 10.01.2022).

² Аббас Джума. Ставка на «Талибан»: как Пекин наводит в Афганистане свой порядок. 2021. URL: <https://riafan.ru/1536261-stavka-na-taliban-kak-pekinnavodit-v-afganistanen-svoiporyadok> (дата обращения: 14.01.2022).

скольких деревнях людей выселили из собственных домов без их согласия, что привело к массовым протестам населения против китайских проектов»¹.

Оценивая китайско-афганское сотрудничество в целом, следует заметить, что оно развивается с большими трудностями, и многие проекты терпят неудачу. Так, в результате вышеупомянутых протестов местного населения не оправдались надежды не только на разработку Мес-Айнакского медного месторождения, но даже на полномасштабное проведение геологоразведочных работ. Похожая судьба и у проекта Китайской национальной нефтегазовой корпорации *CNPC* и ее афганского партнера *Watan Oil & Gas*. Из-за отсутствия гарантий безопасности и коррупции в Афганистане реализация и этого проекта была свернута. Кстати, в частном порядке китайские правительственные чиновники и эксперты признавались, что «Пекин добился получения этих тендеров лишь для того, чтобы концессии не достались другим странам»².

Несколько лучше складывалась ситуация вокруг китайского участия в инфраструктурных проектах. Еще в середине 2020 г. китайцы предложили построить в Афганистане сеть дорог, которая в будущем способствовала бы распространению китайских инвестиций и на другие сферы. Но все эти проекты железных и автомобильных дорог и магистралей остаются только на бумаге. В Пекине не рассматривали и не рассматривают афганское направление в качестве подходящей транзитной линии ни для глобальной ИПП, ни для ее составной части — ЭПШП. Большинство нужных маршрутов проектируются и реально строятся, минуя проблемную афганскую территорию.

К тому же сегодня Китай начинает отказываться от значительных инвестиций в предложенные ранее проекты и инициативы в различных регионах мира. Объемы капиталовложений в последние годы сократились и продолжают сокращаться, поэтому и в Афганистане подход к проектам с КНР будет более осторожным.

Китайских инвесторов и правительство волнуют прежде всего вопросы безопасности их вложений. Пекин не очень доверяет утверждениям представителей Талибана, что они способны обеспечить за-

¹ Там же.

² Китайское чудо: восстановит ли Пекин экономику Афганистана. 2021. URL: <https://riafan.ru/1506793-kitaiskoe-chudo-vosstanovit-li-pekin-ekonomiku-afganista15> (дата обращения: 22.01.2022.).

щиту и гарантии иностранным компаниям. Поэтому следует согласиться с мнением экспертного сообщества в том, что «реализация значимых проектов в Афганистане станет возможной только тогда, когда внутривластная ситуация будет достаточно стабильной, чтобы китайские или любые другие иностранные инвесторы могли чувствовать себя в относительной безопасности. При этом Пекин не намерен повторять ошибок предыдущих держав и брать на себя полную ответственность за наведение порядка в стране»¹.

Каков же выход из сложившейся ситуации? Сегодня и в России, и в Китае осознают, что оказать содействие Афганистану, который к тому же является наблюдателем при ШОС, можно лишь коллективными усилиями и в рамках этой Организации. Здесь Пекин может в полной мере использовать свою экономическую, а Россия — военную мощь, чтобы поспособствовать восстановлению экономики и остановить поток боевиков, оружия и наркотиков, проходящий через территорию Центральной Азии. Однако для этого «Пекин и Москва должны прекратить свои двусторонние отношения с Талибаном и вместо этого сформулировать общую стратегию под руководством ШОС при активном участии Индии и Ирана»². Как заявил генеральный секретарь ШОС В. Норов, роль и значение ШОС в нормализации обстановки в этой стране в условиях полного вывода иностранных войск из Афганистана значительно возросли. По его словам, «странами ШОС в настоящее время рассматривается план практических мер содействия социально-экономическому восстановлению Афганистана»³. Но роль и место ШОС в решении данной задачи — это важная и самостоятельная тема. А пока, к сожалению, «процесс развития ШОС за последние 20 лет свидетельствует о том, что многие документы носят исключительно переговорный характер, что приводит к отставанию в реализации проектов» [Лян Чжэньпэн, с. 41]. Поэтому в повестке дня остро стоит вопрос о повышении эффективности ШОС, который неоднократно поднимался на различных форумах в Институте Дальнего Востока РАН [Лузянин С.Г., Сафронова Е. И., с. 160—165].

¹ Там же.

² *Нима Хоррами*. Афганистан после вывода войск США и значение ШОС // CABAR.asia. Институт по освещению войны и мира. 2021. URL: <https://cabar.asia/ru/afghanistan-posle-vyvoda-vojsk-ssha-i-znachenie-shos> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Норов В. Значительно выросла роль ШОС в нормализации обстановки в Афганистане. 2021 URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/09/14/znachitelno-vyroslo-rol-shos-v-normalizacii-obstanovki-v-afganistane-norov> (дата обращения: 22.01.2022.).

4. Некоторые выводы и предложения

1. КНР вполне способна оказать Афганистану поддержку и помощь в его развитии. Однако в условиях неустойчивости обстановки в стране и отсутствия гарантий на ее улучшение в обозримой перспективе Пекин, скорее всего, постарается избежать глубокой экономической вовлеченности в афганские дела, ограничив свое участие относительно небольшими проектами, которые быстро окупаются.

2. Ввиду того, что Афганистан рассматривается КНР как рискованное направление экономической деятельности, ее намерение активизировать с Афганистаном экономическое взаимодействие не носит характера первостепенной задачи. Китай больше обеспокоен поддержанием региональной стабильности, обеспечением безопасности и недопущением потока беженцев на свою территорию.

3. Образовавшуюся после ухода США и их союзников из Афганистана зону военно-политического вакуума стремятся заполнить, создав там свой геостратегический плацдарм, не только Китай, но и такие государства, как Индия, Иран, Пакистан, Россия — постоянные члены ШОС, а также Турция — партнер Организации по диалогу. Однако Турция — сложный партнер для Шанхайского форума. Она ведет свою игру по строительству «Великого Турана». События в Казахстане поставили под вопрос реализацию этой идеи, но ненадежность Анкары как партнера при реализации совместных серьезных проектов очевидна.

4. В отличие от Турции, остальные из названных выше государств, являющихся постоянными членами Шанхайской организации сотрудничества, проявляют интерес к развитию кооперации с Афганистаном, который к тому же является наблюдателем при ШОС. Но оказать содействие Афганистану можно лишь коллективными усилиями. Всем заинтересованным участникам Организации и, в первую очередь, ее постоянным членам нужно, сокращая свои двусторонние отношения с Талибаном, сформулировать общую стратегию по превращению Афганистана в стабильное и процветающее государство при содействии и под руководством ШОС.

5. По своим возможностям ШОС способна содействовать Афганистану в становлении его как мирной, стабильной и процветающей страны, свободной от терроризма, войны и наркотиков. А предоставив Афганистану полноправное членство и установив тесные рабочие отношения с афганскими силами безопасности, Организация могла бы предотвратить или минимизировать последствия наихудших вари-

антов развития ситуации в Афганистане. Но для этого необходимо предпринимать меры по повышению потенциала ШОС, прежде всего в таких сферах, как безопасность, экономика и гуманитарное сотрудничество.

Библиографический список

Лян Чжэньпэн. Китайский фактор развития ШОС в постэпидимический период // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 5. С. 31—44.

Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. О стратегии развития ШОС. Итоги исследования, обобщения и рекомендации // Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства: монография / под ред. С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 160—165 (дата обращения: 12.01.2022).

References

Liang Zhenpeng (2021). Kitayskiy faktor razvitiya ShOS v post-epidimicheskiy period. [The Chinese factor of SCO development in the post-epidemic period], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 5: 31—44. (In Russian).

Luzyanin S.G., Safronova E.I. (2015). O Strategii razvitiya ShOS. Itogi issledovaniya, obobshcheniya i rekomendatsii. [On the SCO Development Strategy. The results of the study, generalizations and recommendations] / *Strategiya razvitiya Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva do 2025 goda: iskhodnye realii i faktor rossijsko-kitajskogo partnerstva* [The development strategy of the Shanghai Cooperation Organization until 2025: the initial realities and the factor of the Russian-Chinese partnership] / ed. S.G. Luzyanin, E.I. Safronova. M.: IFES RAS: 160—165. (In Russian).

DOI: 10.48647/IFES.2022.69.40.016

И.С. Виноградов

КИТАЙ И РОССИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ ТУРКМЕНИСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается роль России и Китая во внешней политике Туркменистана, проблемы внешнеэкономического сотрудничества и основные направления отношений Ашхабада с Москвой и Пекином.

В настоящее время Китай играет ключевую роль в развитии газовой промышленности Туркменистана, осваивая крупнейшие месторождения, совершенствуя газовую инфраструктуру. Для Пекина Ашхабад стал крупнейшим поставщиком трубопроводного газа и неотъемлемым фактором его системы энергетической безопасности. Вместе с тем очевидным становится рост зависимости Туркменистана от одного партнера. Пекин, предоставляя значительные кредиты, фактически резервирует за собой продукцию газовой отрасли Туркменистана. Ашхабад расплачивается за кредиты поставками газа, при этом не получая реальных, монетарных доходов от экспорта своих углеводородов. Актуальным остается вопрос диверсификации товарного экспорта Туркменистана.

Туркменская программа «Возрождение Шелкового пути» успешно вписывается в китайскую инициативу «Пояс и путь» и может в перспективе ее дополнить, сделав Туркменистан важным транзитным звеном в транспортном сообщении Китая с Ираном и странами Ближнего Востока.

На современном этапе Ашхабад смог наладить конструктивные отношения с Москвой, возобновились закупки Газпромом туркменского газа. Сотрудничество с Россией весьма выгодно Туркмениста-

ну, так как уже имеется необходимая газовая инфраструктура, по которой Туркменистан может поставлять газ, при этом получая доход в бюджет. Однако объемы торговли пока не в полной мере соответствуют потенциалу двухсторонних отношений. Большое значение имеет дальнейшее расширение торгово-экономического сотрудничества с опорой на опыт налаженных межрегиональных связей. Российские компании продолжают играть существенную роль в развитии нефтедобывающей отрасли Туркменистана, и РФ может стать позитивным фактором в реализации его новых газотранспортных проектов, оказывая Ашхабаду материально-техническую поддержку. Кроме того, на фоне потенциальных угроз со стороны афганской границы Ашхабад углубляет сотрудничество с Пекином и Москвой и в военно-технической сфере, что по сути делает их гарантами безопасности Туркменистана.

Ключевые слова: Туркменистан, Россия, Китай, Центральная Азия, газ, сотрудничество.

Автор: Виноградов Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия. Китай и мир» Институт Дальнего Востока РАН, ORCID: 0000-0002-5572-3471. E-mail: vinbel19@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

I.S. Vinogradov

China and Russia in the foreign policy and economy of Turkmenistan

Abstract. The article discusses role of Russia and China in the foreign policy of Turkmenistan, problems of foreign economic cooperation and main areas of development of Ashgabat's relations with Moscow and Beijing.

At present, China plays an important role in the progress of the natural gas industry of Turkmenistan, by developing the country's largest fields and gas infrastructure. For Beijing Ashgabat has become the largest supplier of pipeline gas and an integral factor of China's energy security system. At the same time, the growing dependence of Turkmenistan on one partner is becoming obvious. Beijing, by providing significant loans, actually buys and reserves the products of the gas industry of Turkmenistan. Ashgabat pays for loans by gas supplies, while not receiving real income from the export of its hydrocarbons. The issue of diversification of Turkmenistan's commodity exports remains a burning one.

The Turkmen Silk Road Revival program successfully fits into the Chinese Belt and Road initiative and can effectively complement it in the

future, making Turkmenistan an important link in China's transport communication with Iran and the countries of the Middle East.

At the present stage, Ashgabat has established constructive relations with Moscow. Gazprom resumed purchasing Turkmen gas. Cooperation with Russia is very beneficial for Turkmenistan, since the necessary gas infrastructure is already in place, through which Turkmenistan can supply gas, while receiving incomes for the budget. However, trade volumes do not yet fully correspond to the potential of bilateral relations. The issue of great importance is the further expansion of trade and economic cooperation based on the experience of already established interregional ties. Russian companies continue to play an important role in the development of Turkmen oil industry. Russia can play a positive role in the implementation of new gas transportation projects in Turkmenistan by providing logistical support. Moreover, against the background of potential threats from the Afghan border, Ashgabat is deepening cooperation with Beijing and Moscow in the military-technical sphere, and that essentially makes them guarantors of Turkmenistan's security.

Keywords: Turkmenistan, Russia, China, Central Asia, gas, cooperation.

Author: Iliia S. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-5572-3471. E-mail: vinbel19@mail.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

Развитие дружественных и конструктивных отношений с Китаем и Россией является одним из приоритетов современной внешней политики Туркменистана. Как подчеркивал тогдашний президент Гурбангулы Бердымухаммедов на заседании правительства страны в 2021 г. накануне Дня нейтралитета, — «Туркменистан полностью следует курсу укрепления стратегического партнерства с Китайской Народной Республикой и с Российской Федерацией»¹. Несмотря на нежелание Ашхабада присоединиться к инициированным Россией интеграционным проектам, чрезмерная экономическая зависимость от Китая и нестабильная ситуация в Афганистане все же вынуждают его сближаться с Москвой. В свою очередь, Пекин стал для Ашхабада главным покупателем газа и источником финансовой помощи.

¹ Глава Туркмении назвал Россию и Китай стратегическими партнерами // РИА Новости. 11.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211211/turkmeniya-1763243100.html> (дата обращения: 02.05.2022).

Туркменистан—Китай

Китайско-туркменские отношения получили импульс после подписания в апреле 2006 г. семи двусторонних документов, главным из которых стало Соглашение между Министерством нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана и *CNPC* о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли, которое предполагало поставку в Китай 30 млрд куб. газа в год в течение 30 лет после пуска газопровода¹. Туркменистан искал возможность диверсификации поставок газа и снижения зависимости от газового экспорта в Россию, а поставки газа в Иран были невелики по объему. Ашхабад нашел в Пекине крупного импортера газа, причем в долгосрочной перспективе. Китай, в свою очередь, по мере колоссального роста экономики и увеличения потребностей в нем также нуждался в стабильных поставщиках углеводородов.

По данным *BP* запасы природного газа в Туркмении составляют 19,5 трлн куб. м (4-е место в мире)². Запасы нефти составляют 600 млн баррелей (44-е место)³. Однако по добыче газа Туркменистан занимает 13-е место с его 59 млрд куб. м газа/год, что говорит о недоиспользованных пока возможностях по добыче и экспорту газа и потребностях в инвестициях и развитии нефтегазового сектора.

Г. Бердымухамедов предлагал курс на сотрудничество с Китаем и в 2007 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация *CNPC* получила лицензию на разведку и добычу газа в размере 17 млрд куб. м на договорной добычной площади Багтыярлык на правом берегу Амударьи. Соглашение включало также строительство газопровода. Таким образом, Туркменистан впервые предоставил право иностранной компании добывать газ на суше⁴.

В 2009 г. был запущен газопровод «Центральная Азия — Китай», включающий в себя три нитки, берущие начало на месторождении Багтыярлык. Общая пропускная способность трех ниток — 50 млрд

¹ Neftegaz.ru. 28.09.2006. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/291761-utverzhen-proekt-truboprovoda-kotoryy-budet-dostavlyat-v-kitay-30-mlrd-kubometrov-turkmenskogo-gaza/> (дата обращения: 02.05.2022).

² BP Statistical Review of World Energy 2020/69th Edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 25.05.2022).

³ Ibidem.

⁴ Туркмения вручила свои недра Китаю // Коммерсантъ. 31.08.2007. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/800095> (дата обращения: 02.05.2022).

куб. м в год, причем 35—40 млрд куб. м обеспечивает Туркменистан¹. Остальной объем экспорта газа обеспечивают Узбекистан и Казахстан.

Китай в значительной степени финансирует газотранспортную инфраструктуру и не оплачивает все закупки туркменского газа в иностранной валюте. Он также получает компенсацию за предоставленные кредиты (в частности, полученные для освоения крупнейшего месторождения Галкыныш) в натуральном виде поставками газа [Парамонов, Строков, с. 205]. Еще в декабре 2009 г. Туркменгаз заключил контракты на сервисных условиях по выполнению комплекса работ с *CNPC*, которая и по сей день продолжает работу по расширению газодобычи и газоперерабатывающих мощностей.

В 2021 г. президент Бердымухамедов подписал Постановление, согласно которому «Туркменгазу» разрешается за счет поставок природного газа в КНР заключить с компанией *CNPC* право завершить закладку трех скважин на крупнейшем месторождении Галкыныш². Кроме того, в 2022 г. президент Бердымухамедов и председатель Си Цзиньпин договорились о строительстве 4-й нитки магистрального газопровода (МГП) «Туркменистан — Китай». 4-я нитка газопровода «Центральная Азия-Китай» в отличие от трех других ниток МГП возьмет начало на месторождении Галкыныш и пройдет через Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан в южные и центральные районы СУАР. Пропускная мощность 4-й нитки составит 30 млрд куб. м газа, то есть поставки туркменского газа в Китай в перспективе могут увеличиться до 65 млрд куб. м в год. Вовлекая страны Центральной Азии в систему своей энергетической безопасности, Пекин становится главным «диспетчером» в вопросах транспортировки углеводородов и усиливает механизмы своего политического влияния в регионе.

Основной проблемой для Туркменистана в торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем остается отсутствие реальных доходов от торговли газом. Туркменистан не продает активы нефтегазовой отрасли, и для достижения своей цели Китай использует две схемы: кредитование добычных проектов под будущие поставки газа в КНР и наращивание со стороны *CNPC* объемов газодобычи на туркменской

¹ Neftegaz.ru. 07.02.2022. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/724143-turkmenistan-i-kitay-gotovy-obsuzhdad-tseny-na-gaz-postavlyaemyy-po-novoy-nitke-gazopr-ovoda/> (дата обращения: 02.05.2022).

² Turkmenportal. 16.07.2021. URL: <https://turkmenportal.com/blog/38233/kitaiskaya-c-npc-dostroit-tri-skvazhiny-na-mestorozhdenii-galkynysh-v-obmen-na-turkmenskii-gaz> (дата обращения: 02.05.2022).

территории на условиях соглашений о разделе продукции (СРП). По условиям СРП, «Туркменгаз» получает лишь половину от добытого и экспортированного газа, другую половину — китайская сторона. Так, в 2018 г. в КНР было экспортировано 34 млрд куб. м туркменского газа, но более 15 млрд куб. м из них — доля дочерней компании CNPC. Таким образом на условиях СРП Китай окупает инвестиции, вложенные в освоение месторождений на правобережье Амударьи¹.

При динамично растущем экспорте периодически наблюдается снижение нефтегазовых доходов из-за неблагоприятной ситуации на рынке энергоносителей (как, например, в 2014—2015, 2019 гг.) [Мигранян, с.46], а снижение экспорта в Поднебесную, как это было в 2020 г. в разгар пандемии COVID-19, отражается на формировании бюджета страны и, как следствие, возникают различные социальные трудности. Так, на фоне сокращения валютных запасов правительство ввело ограничения на свободные валютные операции для населения.

Еще недавно в стране действовали социальные льготы, которые включали в себя бесплатный лимитированный доступ ко всем коммунальным услугам. Однако недофинансирование бюджета страны привело к тому, что в 2019 г. данные льготы были отменены. Таким образом, «заточенность» экономики на экспорт газа, главным образом в Китай, и, как следствие, — финансовая зависимость от монопартнера и от конъюнктуры цен на энергоносители показывают уязвимость экономики Туркменистана.

Китай — главный внешнеторговый партнер Туркменистана: в 2020 г. двусторонний товарооборот составил 6,6 млрд долл. Из них экспорт Туркменистана составил 6,01 млрд долл, импорт — 444,7 млн долл.² Причем почти весь туркменский экспорт представлен природным газом³. В 2020 г. 87 % экспорта Туркменистана приходилось на углеводороды, из которых 78 % поставляются в Китай⁴. По оценке

¹ Гавричев С. Туркменистан: без нефти, но с газом // Нефтькапитал. 02.08.2019. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/02-08-2019/turkmenistan-bez-nefti-no-s-gazom> (дата обращения: 25.05.2022).

² Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination,12.2020// General administration of custom's PRC.18.01.2021. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/81bd4a20-01a8-45be-bcbc-f0627fd206da.html> (accessed: 02.05.2022).

³ The Observatory of economic complexity.2020. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/tkm> (accessed: 02.05.2022).

⁴ Le commerce extérieur du Turkménistan en 2020 // Ministère de l'économie, des finances et de la relance.06.08.2021. URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Pays/TM/commerce-exterieur-du-turkmenistan-en-2018> (accessed: 02.05.2022).

экспертов скрытый долг Туркменистана перед государственными банками и компаниями КНР составляет 23 % от ВВП¹.

В связи с ухудшением отношений между Китаем и Австралией (вторым по значению экспортером газа в Китай, из которого КНР уже начинает сокращать импорт газа²) и ростом цен на СПГ, у Туркменистана появляется возможность стать абсолютным лидером по поставкам природного газа в КНР. Однако по мере запуска российских проектов «Сила Сибири 1 и 2» РФ также будет постепенно увеличивать экспорт газа в Китай. Таким образом, в долгосрочной перспективе российский трубопроводный газ может стать прямым конкурентом туркменскому. С другой стороны, китайский рынок слишком большой, и в последние годы потребление природного газа в Китае неуклонно растет: в 2018 г. оно составляло 280,3 млрд куб. м, а в 2020 г. уже 330 млрд куб. м³, и Китай уже является главным импортером газа в мире. Российский газ в первую очередь будет идти на удовлетворение потребностей Северо-Восточных провинций КНР. Кроме того, в свете новой экологической политики, руководство КНР поставило задачу достижения углеродной нейтральности к 2060 г. Чтобы выполнить этот план, Китаю придется в ближайшие десятилетия сокращать потребление угля, и использование «газовой паузы» может стать эффективным средством по мере продвижения к этой амбициозной цели китайского руководства.

В настоящее время становится актуальной проблема укрепления обороноспособности Туркменистана и защита туркмено-афганской границы от атак экстремистов. Для Китая же не менее важна и безопасность поставок газа.

В июле 2021 г. глава МИД КНР Ван И в рамках центральноазиатского турне посетил Туркменистан. На встрече с главой МИД Туркменистана Рашидом Мередовым стороны обсуждали в том числе вопросы региональной безопасности. Ван И выразил готовность Пекина укреплять традиционное и нетрадиционное сотрудничество с

¹ Desai Devika. China owed US\$385B in loans from 165 countries, including 'hidden debt' from poor nations: report // National Post. 30.09.2021. URL: <https://nationalpost.com/news/world/china-owed-385b-in-loans-from-165-countries-including-hidden-debt-from-poor-nations-report> (accessed: 02.05.2022).

² China turns to Turkmenistan for gas, thumbs nose at Australia//asiafinancial.com. 27.05.2021. URL: <https://www.asiafinancial.com/china-turns-to-turkmenistan-for-gas-thumbs-nose-at-australia> (accessed: 02.05.2022).

³ Gazprom-energy.fr. 25.10.2021. URL: <https://www.gazprom-energy.fr/gazmagazine/2021/10/lessor-du-gaz-naturel-en-chine/>(accessed: 02.05.2022).

Туркменистаном в области безопасности. Ван И отметил, что китайская сторона рассматривает Туркменистан как настоящего и надежного стратегического партнера и что Китай будет решительно поддерживать выбранный Туркменистаном путь, соответствующий реалиям страны¹. Таким образом, Китай в том или ином виде демонстрирует намерение стать гарантом безопасности Туркменистана.

Туркменистан поддерживает китайскую инициативу «Пояс и путь» (ИПП). Так, Г. Бердымухамедов отмечал, что ИПП не противоречит проекту самого Туркменистана по возрождению Шелкового пути. Стороны уже выразили готовность к сопряжению инициативы «Пояс и путь» с программой «Возрождение Шелкового пути», и для этого уже есть заделы. В данном случае ключевую роль играют транзитный потенциал Туркменистана для связи Китая со Средним и Ближним Востоком.

В китайскую инициативу успешно вписывается новый железнодорожный маршрут «Казахстан—Туркменистан—Иран», по которому в 2018 г. уже проследовал контейнерный поезд из Китая в Иран. В перспективе инициативу «Пояс и путь» может успешно дополнить реализация Ашхабадского соглашения о создании транспортного и транзитного коридора «Узбекистан—Туркменистан—Иран—Оман—Катар» [Грозин, с. 109].

Туркменистан—Россия

Победивший на выборах президента Туркменистана 12 марта 2022 г. Сердар Бердымухамедов подтвердил преемственность внешнеполитических приоритетов страны, в том числе курса на поступательное расширение взаимовыгодного партнерства с Россией. РФ, в свою очередь, опираясь на исторический опыт отношений с Туркменией, вполне может сыграть позитивную роль в развитии и диверсификации экономики этого государства, при этом следуя курсу сохранения своего влияния в Центральной Азии.

Россия является 3-м торговым партнером Туркменистана после Китая и Турции². В 2021 г. товарооборот РФ и Туркменистана соста-

¹ Ван И провел переговоры с вице-премьером, главой МИД Туркменистана Р. Меродовым // Синьхуа. 13.07.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-07/13/c_1310058364.htm (дата обращения: 02.05.2022).

² Trading Economics.2021. URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/exports-by-country> (accessed: 02.05.2022).

вил 865 млн долл.¹. Экспорт России в Туркменистан достиг 725 млн долл., импорт — 140 млн долл. В структуре экспорта России в Туркменистан основная доля приходится на машины, оборудование и транспортные средства (44 %, главным образом это суда, лодки и плавучие конструкции), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (18 %), продукцию химической промышленности (17 %, главным образом это фармацевтическая продукция), металлы и изделия из них (14 %). В структуре экспорта Туркменистана основная доля приходится на текстиль и обувь — 43 % (хлопок и готовые текстильные изделия), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 33 %, продукцию химической промышленности — 24 %.

После непростого периода, когда имели место газовые конфликты (в 2009, 2015 гг.) и заморозка сотрудничества в энергетической сфере, современные российско-туркменские отношения обрели устойчивую поступательную динамику. Работает Межправительственная Российско-Туркменская комиссия по экономическому сотрудничеству, которая в октябре 2021 г. приняла Программу сотрудничества на 2021—2023 гг., включающую в себя 9 разделов, касающихся наиболее перспективных сфер российско-туркменского взаимодействия².

Важным шагом для стабилизации и дальнейшего углубления сотрудничества двух стран стало подписание в июле 2019 г. 5-летнего контракта на импорт 5,5 млрд куб. м туркменского газа ежегодно. Таким образом, Россия возобновила импорт туркменского газа после 3х-летней заморозки. Подписанию соглашения между Газпромом и Туркменгазом предшествовали личные переговоры президентов России и Туркменистана в 2018 г. в Сочи, а также личные встречи главы Газпрома А. Миллера и главы МИД С. Лаврова с главой Туркменистана в Ашхабаде. Кроме того, накануне подписания газовой сделки Туркменистан закупил у Ростеха газотурбинные двигатели для газоперекачивающих агрегатов, а Челябинский трубопрокатный завод

¹ Торговля между Россией и Туркменистаном в 2021 г.// Russian-trade.com. 12.02.2022. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-turkmenistanom-v-2021-g/> (дата обращения: 02.05.2022)

² Россия и Туркменистан приняли программу экономического сотрудничества на 2021—2023 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. 08.10.2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_turkmenistan_prinyali_programmu_ekonomicheskogo_sotrudnichestva_na_2021_2023_goda.html (дата обращения: 02.05.2022).

выиграл тендер на поставки труб для туркменского участка газопровода ТАРІ.

На фоне неопределенности по строительству Транскаспийского газопровода и возможного подключения Туркменистана к южному газовому коридору, поставки туркменского газа в Россию являются хорошим подспорьем для туркменской экономики, способствуя диверсификации газоэкспорта Туркменистана. России это позволяет дополнить процессы газоснабжения южных регионов, Приуралья, Поволжья. В целом, возобновление поставок туркменского газа в Россию стало обстоятельством, способствующим задержке строительства Транскаспийского газопровода. Подписание конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. формально сняло внешние ограничители на строительство Транскаспийского газопровода. В свете новых геополитических событий, санкций стран Запада против России и весьма туманных перспектив дальнейшего партнерства в энергетической сфере между Россией и Европой у Туркменистана может появиться импульс к работе над европейским вектором экспорта газа, что не отвечает интересам российского газового импорта.

В настоящее время транспортировка газа из Туркменистана в Россию осуществляется по газопроводу «Средняя Азия-Центр», построенном еще в 1960—70-е гг. для перекачки газа из Узбекистана и Туркменистана через Казахстан в Россию. Это крупная газопроводная система, состоящая из пяти ниток. Четыре восточных нитки доставляют газ из юго-восточных месторождений Туркменистан. Западная нитка берет начало в Окареме и идет вдоль Каспия на север, где встречается с остальными нитками в Казахстане.

Очевидным преимуществом России является большой опыт экономической кооперации Туркменистана с рядом регионов России. Эти механизмы всегда остаются в резерве и приносят свои плоды по мере укрепления стратегического партнерства двух стран. Так, астраханские верфи реализуют проекты по строительству буровых и стационарных платформ, ремонту танкеров, сухогрузов, буксиров для Туркменистана, осуществляется сотрудничество по взаимным поставкам продуктов химической промышленности. В марте 2021 г. в ходе встречи сопредседателей Российско-Туркменской Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству с участием делегаций двух стран была достигнута договоренность о строительстве в Астраханской области логистического центра для Туркменистана. Это придаст дополнительный импульс развитию ме-

ждународного коридора «Север—Юг» и торговле между двумя странами¹.

Между Республикой Татарстан и Туркменистаном заключено Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Основными направлениями дальнейшего развития торгово-экономического сотрудничества между Татарстаном и Туркменистаном являются поставки машинотехнической продукции (большегрузные автомобили ОАО «КамАЗ», летательные аппараты и др.) на туркменский рынок, расширение участия ОАО «Татнефть» в проектах в нефтегазодобывающем секторе Туркменистана, а также участие татарстанских предприятий в создании и модернизации объектов нефтехимии, электроэнергетической и других отраслей, в строительстве, в том числе дорожной инфраструктуры².

Успешно развивается сотрудничество Туркменистана с Санкт-Петербургом. Губернатор Санкт-Петербурга А. Беглов в ходе встреч с президентом Гурбангулы Бердымухамедовым в Ашхабаде и с вице-премьером Сердаром Бердымухамедовым в Санкт-Петербурге в 2020 г. подписали «дорожную карту» и Договор о сотрудничестве до 2025 г.. Среди наиболее перспективных сфер взаимодействия глава МИД Туркменистана Рашид Мередов назвал судостроение для каспийского флота и IT-сектор³.

Весьма продуктивно развивается сотрудничество в нефтяной сфере. Российские нефтяные компании («Роснефть», ЛУКОЙЛ, «Татнефть» и др.) участвуют в разработке нефтяных месторождений на Каспии, поставляют оборудование. ЛУКОЙЛ примет участие в разработке туркмено-азербайджанского месторождения «Достлук»⁴.

Россия играет важную роль в укреплении безопасности Туркменистана, что особенно актуально в свете политической неустойчивости в Афганистане и уязвимости протяженной туркмено-афганской границы. Несмотря на нейтральный статус, Ашхабад ведет военно-техническое сотрудничество со странами ОДКБ, закупает у Рос-

¹ Turkmenportal. 21.01.2021. URL: <https://turkmenportal.com/blog/33858/turkmenistan-gotov-k-sozdaniyu-logisticheskogo-centra-v-astrahani> (дата обращения: 02.05.2022).

² Официальный Татарстан. 23.03.2017. URL: <https://tatturkmen.tatarstan.ru/obrasche.nye.htm> (дата обращения : 02.05.2022).

³ От раскопок до судостроения//Российская газета. 16.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/16/reg-szfo/sankt-peterburg-i-turkmenistan-podpisali-dorozhnnuiu-kartu-po-sotrudnichestvu.html> (дата обращения: 02.05.2022).

⁴ «Лукойл» рассчитывает стать оператором проекта Достлук на шельфе Каспия//ТАСС. 3.06.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11554891> (дата обращения: 02.05.2022).

сии военную технику. В октябре 2020 г. Госдума ратифицировала Соглашение РФ с Туркменистаном о сотрудничестве в области безопасности. По предположению экспертов, закрытая часть договора может предусматривать присутствие российских военных в качестве советников, консультантов по эксплуатации техники российского и советского производства [Князев, 2021].

Таким образом, российско-туркменское сотрудничество на современном этапе имеет весьма плодотворный характер. Россия, безусловно, имея свои стратегические интересы, связанные с сохранением ее влияния, играет весьма продуктивную и стабилизирующую роль для международных позиций Туркменистана. Москва и Ашхабад через механизмы межправительственного диалога и региональной кооперации выстраивают стратегию экономического партнерства. Торгово-экономическое сотрудничество при относительно невысоких показателях носит многоплановый характер, имеются перспективы наращивания экспорта в Россию текстиля, хлопка, продукции агропромышленного комплекса, химической продукции. Туркменистан заинтересован в сотрудничестве в судостроении, автопроме, в поставках российской высокотехнологичной продукции (фармацевтика, цифровые продукты).

Россия оказывает содействие в реализации новых проектов в нефтегазовой сфере (газопровод ТАРІ, освоение шельфа Каспия), в перспективе возможна модернизация газопровода «Средняя Азия — Центр» и участие РФ в новых газотранспортных проектах.

Заключение

Китай сохраняет статус главного торгового партнера и кредитора Туркменистана. На нынешнем этапе финансовая и материально-техническая помощь Пекина очень важна. Сохраняется высокая зависимость Ашхабада от китайских кредитов, что, по крайней мере, в экономике не способствует поддержанию линии на нейтралитет Туркменистана. Внутриэкономическая нестабильность будет вынуждать руководство Туркменистана искать оптимальный баланс между Россией, Китаем и другими региональными игроками.

Безусловно, при всей продуктивности экономических отношений с Пекином Ашхабаду все же необходимо, следуя политике многовекторности, продолжать расширение газоэкспорта и стремиться к его

диверсификации. А вот российско-туркменские отношения уже обладают нужным потенциалом для осуществления этих задач.

Опыт российско-туркменского диалога показал, что закупки туркменского газа Россией являются важным фактором стабильного взаимодействия и атмосферы доверия между двумя странами. В связи с этим даже в нынешних непростых условиях западных санкций и возможного прекращения в среднесрочной перспективе экспорта российского газа в Европу полностью отказываться от закупок туркменского газа, по мнению автора, не стоит. Его можно продолжать использовать как для нужд России, так и для реэкспорта в другие страны (например, в Узбекистан). Кроме того, Россия готова оказывать помощь в реализации новых газотранспортных проектов Туркменистана (в частности, ТАРІ, возможно, и Транскаспийского газопровода), что отвечает стратегическим интересам и Ашхабада, и Москвы.

Ашхабад на нынешнем этапе смог выстроить конструктивные отношения с талибами (движение «Талибан» запрещено в России), однако угроза со стороны Афганистана сохраняется. Россия и Китай напрямую заинтересованы в сохранении мира и безопасности в Центральной Азии и играют заметную роль в поддержании и развитии оборонного потенциала Туркменистана.

Библиографический список

Грозин А. В. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом энергетического и логистического факторов // *Геоэкономика энергетики*. 2020. № 3. С. 106—130. DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_106

Князев А. Кто гарантирует безопасность Туркменистана? // Информационно-аналитический центр МГУ. 2.09.2021. URL: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/kto-garantiruet-bezopasnost-turkmenistana/> (дата обращения: 02.05.2022).

Миграня А. А. Внешнеэкономическая политика Туркмении: итоги десятилетия // *Геоэкономика энергетики*. 2021. № 1(13). С. 43—66. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_13_1_43

Парамонов В., Строчков А. Китайское присутствие в нефтегазовом секторе Туркменистана // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Т. 18. Вып. 3—4. С. 200—212.

References

Grozin A. (2020). *Politika i interesy Irana v Central'noj Azii s uchyotom energeticheskogo i logisticheskogo faktorov* [Iran's policy and interests in Central Asia,

with regard to energy and logistical factors], *Geoekonomika energetiki [Goeconomics of Energetics]*, 3: 106—130. (In Russian). DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_106

Knyazev A. (2021). Kto garantiruet bezopasnost' Turkmenistana? [Who guarantees the security of Turkmenistan?], *Informacionno-analiticheskij centr MGU [Information and Analytical Center of Moscow State University]*, September 2, 2021. URL: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/kto-garantiruet-bezopasnost-turkmenistana/> (accessed: 02.05.2022). (In Russian).

Migranyan A. (2021). Vneshneekonomicheskaya politika Turkmenii: itogi desyatiletija [Turkmenistan's foreign economic policy: results of the decade], *Geoekonomika energetiki [Goeconomics of Energetics]*, 1(13): 43—66. (In Russian). DOI: 10.48137/2687-0703_2021_13_1_43

Paramonov V., Stokov A. (2015). Kitajskoe prisutstvie v neftegazovom sektore Turkmenistana [China in the oil and gas branch of Turkmenistan], *Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]*, 3-4(18): 200—212. (In Russian).

DOI: 10.48647/IFES.2022.74.22.015

К.В. Асмолов

О ПРИЧИНАХ РОСТА АНТИКИТАЙСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Аннотация. В течение нескольких последних лет автор отмечает существенный рост антикитайских настроений в Южной Корее, которые имеют форму не столько высказываний политиков, сколько действий негосударственных организаций (НГО) и народных кампаний возмущения, способных, например, отменить запуск сериала или «похоронить» коммерческий проект. КНР обвиняют в имперских замашках, искажении истории и желании украсть культурное наследие Кореи.

Хотя антикитайскую карту разыгрывают и консервативные силы, массовость синофобии доказывается как результатами опросов, так и количеством участников петиционных кампаний или интернет-дискуссий, часто руководимых фигурами, ассоциированными с Демократической партией.

На взгляд автора, синофобия в РК имеет несколько причин.

1. Страх перед превращением РК в мультикультурную страну при том, что китайцы — это самая многочисленная активная и богатая часть иноэтнических граждан РК.

2. Противостояние моноэтнического национализма Сеула и «имперского национализма» Пекина, в рамках которого эпитет «ханьский» не тождественен «китайскому», и культура китайских корейцев рассматривается как часть культуры КНР.

3. Раздражение, связанное с тем, что неформальные санкции, введенные Пекином против РК в ответ на размещение американской ПРО, так и не были полностью сняты, и проникновение корейского бизнеса и «корейской волны» в КНР сталкивается с проблемами.

4. Политический фон, связанный с тем, что в условиях противостояния США и КНР, где Южная Корея давно выбрала американскую сторону, раздувание образа врага позволит как оправдать определенные меры, так и смягчить вред от ответных действий Китая.

Ключевые слова: Китай, Южная Корея, синофобия, информационная война, шовинизм.

Автор: Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru; kvasm@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

K. V. Asmolv

On the reasons for the growth of anti-Chinese sentiment in South Korea

Abstract. Over the past few years, the author has noted a significant increase in anti-Chinese sentiment in South Korea, which take the form not so much of the statements of politicians but of activities of non-governmental organizations and popular indignation campaigns which are able, for example, cancel the launch of TV series or “bury” a commercial project. The PRC is accused of imperial habits, distortion of history and a desire to steal the cultural heritage of Korea.

Although conservative forces are also playing the anti-Chinese card, the mass character of sinophobia is proved both by the results of polls and by the number of participants in petition campaigns or Internet discussions, often led by figures associated with the Democratic Party.

In the author's opinion, sinophobia in the Republic of Korea has several reasons.

1. Fear of the transformation of the ROK into a multicultural country, while the Chinese are the most numerous, active and wealthy part of Korean citizens belonging to another ethnic group.

2. The confrontation between the mono-ethnic nationalism of Seoul and the “imperial nationalism” of Beijing, in which “Han” is not identical to “Chinese”, and the culture of Chinese Koreans is considered as part of the culture of the People's Republic of China.

3. Irritation related to the fact that the informal sanctions imposed by Beijing against the ROK in response to the deployment of American missile defense have not been completely lifted, and the penetration of Korean business and the “Korean wave” into the PRC is facing problems.

4. The political background associated with the fact that in the conditions of confrontation between the United States and China, where South Korea has long chosen the American side, fostering the image of the ene-

my will both justify certain measures and mitigate the harm from China's retaliatory actions.

Keywords: China, South Korea, sinophobia, information warfare, chauvinism.

Author: Konstantin V. ASMOLOV, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Korean Studies Center, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru; kvasm@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

В течение нескольких последних лет автор отмечает существенный рост антикитайских настроений в Южной Корее, которые имеют форму не столько высказываний политиков, сколько деятельности НГО и народных компаний возмущения, которые иногда ограничивались общественными волнениями, а иногда «отменяли» ряд достижений Сеула и Пекина.

И хотя эта тема частично затрагивалась в наших материалах [Асмолов К., 2020; Асмолов К., 2021], ее причины требуют более серьезного анализа, поскольку со сменой власти в РК эти тренды, скорее всего, не утихнут.

Обычно антикитайская тематика занимает важное место в повестке консерваторов (особенно их правого крыла), в представлении которых недавний президент РК Мун Чжэ Ин (состоял в должности до 9 мая 2022 г.) вообще являлся криптокоммунистом (то есть, лицом, тайно поддерживающим коммунизм) и сознательно «продавал страну Китаю». На ресурсах, отражающих данную повестку, можно в изобилии найти соответствующие слухи, — оказывается, в рамках инициативы «Пояс и путь» Китай создал в Южной Корее анклав — 29 скрытых чайнатаунов [О, Тага. Almost...], представители которых голосовали на выборах президента РК и привели к власти Муна. Кроме того, агенты КПК принимали-де участие в отстранении от власти Пак Кын Хе в ходе так называемой «революции свечей» [О, Тага. Chinagate...].

Поскольку подобные ресурсы отличаются высоким уровнем ажитации, возникает впечатление, что масштаб подобной повестки преувеличивается, однако массовость синфобии хорошо доказывают несколько групп аргументов.

Во-первых, это данные опросов, показывающие, какой процент респондентов негативно относится к КНР.

Согласно данным опроса американского исследовательского центра *Pew Research Center*, проведенного с июня по август 2020 г., 75 % респондентов ответили, что воспринимают КНР отрицательно, причем в 2015 г. этот показатель был равен 37 %, в 2017 г. — 61 %, в 2019 г. — 63 %¹.

Согласно совместному опросу в июне 2021 г. газеты «Кукмин Ильбо» и агентства *Global Research*, 51,7 % респондентов в возрасте от 18 до 39 лет поставили Китай на первое место в своем списке стран, к которым они относятся негативно. Для сравнения, Япония получила результат в 31,2 %, а КНДР — 12,6 %².

Согласно опросу, проведенному Корейским институтом национального объединения (KINU) в декабре 2021 г., 71,8 % респондентов назвали Китай самой большой угрозой для нации³.

Опрос, проведенный в январе 2022 г. Институтом международных исследований имени Фримена Спогли при Стэнфордском университете, показал, что положительное отношение к Китаю составило в среднем 26,5 балла из 100, при 69,1 баллов для США и 30,7 для Японии⁴.

Второй признак массовости синофобии — это разнообразные онлайн-компании антикитайской направленности. Хорошим показателем, в частности, являются петиции на сайте администрации президента РК, которые по разным поводам могло подписать несколько сот тысяч человек.

Во-вторых, это интернет-кампании (петиционные кампании или интернет-войны), в которых число подписантов или авторов комментариев может превышать сотню тысяч. И речь идет не только о схватках китайских и южнокорейских «воинов клавиатуры», но и о ситуациях, когда подобный ажиотаж приводил к отмене знаковых или значимых проектов.

¹ Хангугин 4 мен чжун 3 мен чунгугэ пучжончжок... корона тэен пхенга [3 из 4 корейцев отрицательно относятся к Китаю... Рейтинг реакции на Корону] Yonhap news. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20201007114100009?secti..> (дата обращения 10.05.2022).

² Park Han-sol. Young Koreans lash out at heavy-handed China // The Korea Times. 2021-08-26. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/culture/2021/08/703_314536.html (accessed: 10.05.2022).

³ 7 out of 10 S. Koreans see China as biggest threat: poll // Yonhap News, December 29, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20211229004900325?section=news> (accessed: 10.05.2022).

⁴ Kim Bo-eun. Experts urge caution against taking advantage of anti-China sentiment for election // The Korea Times. 2022-03-07. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/03/803_324991.html (accessed: 10.05.2022).

Поскольку объем данной статьи ограничен, упомянем только два с точки зрения автора знаковых события. Первое — это отмена строительства туркомплекса в провинции Канвондо, имеющего китайскую тематику и рассчитанного на китайских туристов.

29 марта 2021 г. на сайте Голубого дома (официальной резиденции президента РК) появилась петиция, призывающая компанию отказаться от проекта, утверждая, что, хотя непосредственное руководство работами осуществляет компания *Kolon Global*, это совместный проект правительства провинции и газеты «Жэньминь жибао» — центрального печатного органа ЦК КПК.

К апрелю 2021 г. публикации в *Instagram* (принадлежит организации *Meta*, признанной в РФ экстремистской) с меткой *#Chinatown*, призывающие людей обратить внимание на проблему и петицию, стали вирусными¹, и на 26 апреля ее подписали более 660 000 человек².

В итоге, хотя в 2022 г. комплекс уже должен был вступить в строй, в апреле этого года *Kolon Global* приняла решение об отмене проекта³.

Другая история (в конце марта 2021 г.) была связана с сериалом «Чосонский экзорцист», который был выполнен в жанре исторической фэнтези, что не помешало обвинить авторов в искажении истории на основании того, что герои там носят китайское платье и едят китайскую еду. Как заявил один из застрельщиков кампании профессор Со Гён Док, «от таких спорных сцен на фоне растущих претензий Китая к корейской культуре общественная реакция становится вполне ожидаемой».

Скриншоты с «оскорбительным» содержанием быстро распространились в популярных онлайн-сообществах. В итоге петиция на сайте Голубого дома с призывом прекратить производство сериала⁴ собрала более 247 000 подписей, а в Комиссию по стандартам связи Кореи поступило более 5000 аналогичных жалоб. После первой серии спонсоры отозвали из сериала рекламу, а после второй сериал и вовсе

¹ Nam Hyun-woo. Anti-China sentiment growing in Korea // The Korea Times. 2021-04-28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/04/120_307940.html (accessed: 10.05.2022).

² Ibidem.

³ Lee Gyu-lee. Money or freedom': Is South Korea safe from China's infiltration? // The Korea Times. 2021-09-08. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/09/120_315236.html (accessed: 10.05.2022).

⁴ New TV series 'Joseon Exorcist' embroiled in controversy over history distortion // Yonhap News, March 25, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210325006500315?seccion=news> (accessed: 10.05.2022).

закрыли, несмотря на то, что 80 % сериала уже было снято¹. Ранее ни один исторический драматический сериал не отменялся из-за возмущения зрителей.

Активная петиционная кампания ведется против законов, облегчающих иностранцам возможность проводить сделки с недвижимостью или смягчить правила приобретения гражданства РК детьми постоянно проживающих в стране иностранцев. Это связано с тем, что в обоих случаях основными бенефициарами сделки являются китайцы, и петиция, выступающая против пересмотра закона о гражданстве, собрала на сайте Голубого дома более 317 тыс. подписей². «Правительство не должно легко предоставлять гражданство постоянным жителям, большинство из которых являются китайцами», — утверждал автор петиции, настаивая на том, что Корея должна сохранить свою идентичность на основе принципа расовой однородности³.

Если же брать «войны» в интернете, то самая ажиотажная связана с попытками Китая «украсть корейское культурное наследие». В первую очередь это касается попыток включить в китайское национальное достояние кимчи и национальный костюм ханбок, хотя подобное объявляется не столько китайским наследием, сколько наследием китайских корейцев.

Когда китайский поисковый портал *Baidu* описал ханбок как костюм этнических корейцев в Китае, южнокорейские НГО, занимающиеся «популяризацией Кореи среди иностранцев», стали жаловаться на то, что Китай «искажает корейские традиции и культуру»⁴. Но особенно сильная вспышка случилась после того, как на открытии Олимпиады в Пекине появилась женщина в ханбок. Общее отношение аудитории тогда хорошо выразил пассаж из редакционной статьи в *Korea Times* от 7 февраля 2022 г., — «для женщины в ханбок может

¹ (LEAD) TV series 'Joseon Exorcist' terminated over history controversy // Yonhap News, March 26, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210326003451315?section=news> (accessed: 10.05.2022).

² 'Not acceptable': Gov't push to lower barrier for citizenship triggers protest // The Korea Times. 2021-06-01. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/06/356_309744.html (accessed: 10.05.2022).

³ Lee Hyo-jin . Gov't plan to ease citizenship acquisition for foreign children hit by anti-Chinese sentiment // The Korea Times. 2021-05-28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/05/356_309584.html (accessed: 10.05.2022).

⁴ Se-Woong Koo. Understanding Korea's Hatred for China. China is by far Korea's biggest trading partner. It has also become Korea's most hated country // The Korea Expose, 31 Jan 2022. URL: <https://koreaxpose.com/korea-sinophobia-hatred-for-china-explained/> (accessed: 10.05.2022).

быть естественным присутствовать на церемонии, представляющей этнических корейцев как часть 56 меньшинств Китая. Тем не менее, это было неуместно, поскольку могло создать у мировой аудитории впечатление, что ханбок является частью уникальной культуры Китая, несмотря на собственный суверенитет Кореи»¹.

Вторая «война» в сети касается исторических споров и идет по двум направлениям. Первое относится к древности, где Китай собирается «украсть нашу историю и сделать ее частью китайской» в развитие так называемого «Северо-восточного проекта»². В первую очередь это вопрос о государстве Когурё, ядро которого, скорее, находилось на территории Корейского полуострова, однако его территория охватывала Маньчжурию и Ляодунский полуостров, и целый ряд известных памятников этого времени находится на китайской земле.

Второе направление появилось относительно недавно и касается Корейской войны. Для Китая в его современном историческом нарративе Корейская война — это одна из трех войн, в которых Китай как сюзерен защищал Корею от внешнего вторжения. Более того, в последние годы Корейская война скорее рассматривается как американо-китайская война на корейской территории, в которой Китай противодействовал американской агрессии, нацеленной не только на КНДР, но и на Китайскую Народную Республику.

А после того, как в процесс оказалась вовлечена ведущая корейская поп-группа BTS (социальные сети Китая атаковали членов BTS за то, что они поблагодарили США за поддержку во время Корейской войны), фанатское сообщество «проснулось патриотами»³.

Иногда причиной громкого раздражения и «войн» комментариев бывает «отрицание Китаем своей роли в загрязнении полуострова мелкодисперсной пылью (хотя ее причиной скорее является политика Муна по отказу от ядерной энергетики, из-за которой пришлось включить ТЭЦ)» или китайское браконьерство в Желтом море (хотя стороны активно работают над этой проблемой)⁴.

¹ Appropriation of hanbok // The Korea Times. 2022-02-07. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/02/202_323448.html (accessed: 10.05.2022).

² ' Jason Lim. Abraham Lincoln: Vampire Hunter' // The Korea Times. 2021-04-04. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2021/04/352_306559.html (accessed: 10.05.2022).

³ Burton John. Sinophobia // The Korea Times. 2021-06-14. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2021/06/396_310444.html (accessed: 10.05.2022).

⁴ Park Han-sol. Young Koreans lash out at heavy-handed China // The Korea Times. 2021-08-26, URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/culture/2021/08/703_314536.html (accessed: 10.05.2022).

Много критики вызвали и «несправедливые и предвзятые судебские решения» на Олимпийских играх 2022 г. в Пекине, когда корейские фигуристы Хван Дэ Хон и Ли Джун Со были оштрафованы и дисквалифицированы, что позволило Китаю завоевать как золотую, так и серебряную медали¹.

При этом зачинщиками кампаний часто оказывались вполне правительственные активисты, такие как профессор Со Гён Док, хорошо известный своими эскападами против Японии, а активное участие в них принимают не столько пожилые люди (традиционный электорат консерваторов), сколько молодежь.

Можно обратить внимание и на тон центральных южнокорейских газет, освещающих новости, связанные с Китаем. Прокитайская точка зрения в них практически не представлена. Более того, когда посол Син Хаймин публиковал в центральных СМИ тексты в защиту позиции Пекина, его вызывали в МИД² и просили быть осторожнее³, а южнокорейские СМИ сравнили его с «высокомерными посланниками императоров династии Мин или Цин, которые относились к королям Чосон как к своим подчиненным»⁴.

Скандалы с участием китайцев часто попадают в СМИ, особенно когда речь идет о дипломатических работниках. Так, все лето СМИ мусолили историю, когда жена посла Бельгии (этническая китаянка) подралась с охранниками магазина, которые обвинили ее в краже. Возмущение по поводу дипломатов, которые «могут безнаказанно бить корейцев, прикрываясь дипломатическим иммунитетом», не знало границ⁵. И хотя китаянка принесла извинения, а посла в итоге сменили, это все равно спровоцировало негативные комментарии, так как «извинения были недостаточно искренними»⁶.

¹ (EDITORIAL from Korea Times on Feb. 10) // Yonhap News, February 10, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220210000600320?section=news> (accessed: 10.05.2022).

² Foreign ministry cautions China's ambassador over remarks on presidential front-runner // Yonhap News, July 20, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210720007800325?section=news> (accessed: 10.05.2022).

³ (EDITORIAL from Korea Times on July 19) // Yonhap News, July 19, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210719000500320?section=news> (accessed: 10.05.2022).

⁴ Oh Young-jin. Chinese emperor's arrogant messenger? // The Korea Times. 2020-02-07. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2020/02/667_283061.html (accessed: 10.05.2022).

⁵ Shepherd Scott. Undiplomatic immunity // The Korea Times. 2021-05-04. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/05/783_308234.html (accessed: 10.05.2022).

⁶ Police drop assault case involving Belgian ambassador's wife // Yonhap News, June 23, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210623009700320?section=news> (accessed: 10.05.2022).

Правительственные структуры пытаются выставить в качестве одной из главных причин синофобии то, что «корейцы, которые твердо приняли демократические ценности после суровых десятилетий военной диктатуры, были оскорблены репрессиями со стороны сил безопасности в Гонконге и обращением с уйгурами в Синьцзяне как частью агрессивного национализма президента Си Цзиньпина»¹.

Как заявлял в интервью *Korea Times* специалист по международным исследованиям Университета иностранных исследований Ханкук Ким Тхэ Иль, «Китай продолжает угнетать этнические меньшинства в пределах своих границ и пытается заявить о своих претензиях на Южно-Китайское море, не предпринимая дипломатических шагов, а строя искусственные острова ...Как может нация с таким послужным списком считаться нормальной страной в нынешнюю эпоху?»².

Однако единственное, что более или менее близко к «вмешательству в дела», так это серия инцидентов 2019 г., когда в университетах произошли стычки между южнокорейскими и китайскими студентами. РК фактически поддержала протестующих, а «гражданские группы» стали создавать в кампусах университетов доски объявлений в поддержку протестов. В ответ студенты из КНР³ где-то просто срывали объявления, а где-то вступали в потасовки.

Исходя из вышеизложенного, автор выдвигает свои несколько причин такого роста синофобии.

Первая причина связана с тем, что мобилизация сил южнокорейского гражданского общества отчасти построена на культивации образа врага, от чего изрядное количество сил активистов уходит на «выпуск пара» в форме мобилизационных кампаний, в том числе «клавиатурных войн», которые ранее активно велись в основном с той же Японией. Однако стандартный способ переключения внимания с внутренних проблем на то, что «японцы до сих пор не извинились», перестает работать из-за слишком частого употребления, и требуется новый жупел.

¹ Burton John. Sinophobia // The Korea Times. 2021-06-14. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2021/06/396_310444.html (accessed: 10.05.2022).

² Park Han-sol. Young Koreans lash out at heavy-handed China // The Korea Times. 2021-08-26. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/culture/2021/08/703_314536.html (accessed: 10.05.2022).

³ Bahk Eun-ji. Korean, Chinese students clash over Hong Kong protests // The Korea Times. 2019-11-15. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/11/181_278812.html (accessed: 10.05.2022).

И если ненависть к Японии возбуждается за счет актуализации событий все более далекого прошлого и вымороченных проблем типа японских претензий на остров Токто (претензии претензиями, но шанс серьезного конфликта нулевой), опасения, связанные с бурным ростом Китая, в повседневной жизни молодых корейцев ощущаются больше.

К тому же молодые люди часто сталкиваются с китайцами своего возраста в ходе регулярных сражений с ними в онлайн-играх и в «войнах комментариев».

Вторая причина — это страх перед превращением Республики Корея в мультикультурную страну. Традиционно Южная Корея была моноэтническим государством, китайская диаспора в правление Пак Чжон Хи была практически выдворена: в 1945 г. число корейских китайцев составляло 600 тыс. чел., к 1975 г. оно сократилось до 57 тыс.¹

Сегодня же, по демографическим и не только причинам, доля некореяцев с корейскими паспортами, либо проживающих в стране по долгосрочным визам, перевалила за 5 % населения. Для корейских традиционалистов это очень болезненный процесс, поскольку, на словах уважительно отзываясь о мультикультурности, многие видят в ней размывание национальных корней. Тем более что китайцы — самая многочисленная, активная и богатая часть корейских граждан иного этноса.

В 2019 г. статистика насчитала более 620 тыс. граждан Китая, проживающих в Южной Корее (по сравнению с примерно 20 тыс. в 1990 г.²), а по иным данным, в 2020 г. число граждан Китая в Корее, в том числе без виз, превысило 894,9 тыс. чел. (44 % от всех иностранных граждан, проживающих в стране).

По словам депутата-консерватора Хон Сок Чуна³, еще в 2019 г. китайские землевладельцы составляли 7,76 % иностранных граждан, владевших землей, а принадлежавшая им площадь достигала 19,3 кв.

¹ Se-Woong Koo. Understanding Korea's Hatred for China. China is by far Korea's biggest trading partner. It has also become Korea's most hated country // Korea Expose 31 Jan 2022. URL: <https://koreaxpose.com/korea-sinophobia-hatred-for-china-explained/> (accessed: 10.05.2022).

² Buchholz Katharina. Chinese Dominate Immigration to Japan and South Korea // Statista, Jun 23, 2021. URL: <https://www.statista.com/chart/25148/chinese-immigration-to-korea-japan/> (accessed: 10.05.2022).

³ Lee Kyung-min. Lawmaker seeks to prohibit Chinese from buying land // The Korea Times. 2020-11-12. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2020/11/367_299208.html (accessed: 10.05.2022).

км, а ее стоимость более чем утроилась с 765,2 млрд до 2,5 трлн вон (2,2 млрд долл.).

По данным Министерства юстиции, на 31 марта 2021 г. число китайских граждан, имеющих в РК право голоса, составляло 95,385 тыс. чел. (78,3 % от общего числа голосующих)¹, и именно поэтому петиции требуют запретить иностранцам голосовать вообще, так как это будет равносильно разрешению Пекину вмешиваться в выборы в Корею².

По данным Корейского института развития образования, по состоянию на 2019 г., в высших и средних учебных заведениях Кореи обучалось более 71 тыс. китайских студентов, что составляло 44 % всех иностранных студентов³.

Третья причина — стоящее за спорами о культурной апроприации и т. п. противоречие двух типов национализма. Корейский национализм формировался как национализм моноэтнической страны и поэтому предполагает, что присущие корейцам культурные феномены, будь то ханбок или кимчхи, должны находиться в исключительной собственности РК. Между тем, для Китая, как для многонациональной страны, естественно включать в «китайское» (не путать ханьским) культурное наследие не только ханьцев, но и других народов, населяющих Китай, в том числе более миллиона этнических корейцев. И поскольку эти этнические корейцы тоже делают кимчхи и носят ханбок, это позволяет Пекину объявлять кимчхи и ханбок частью национального достояния КНР.

В рамках этой же политики история государств, находившихся на территории нынешней КНР, воспринимается как часть истории Китая, будь то Когурё или империя Чингис-хана.

Четвертая причина — это, как принято говорить, «ресентимент» по поводу того, что уже более пяти лет Китай ставит неформальные барьеры против экономического и культурного проникновения РК на свое внутреннее пространство.

В 2016 г. в ответ на размещение на территории РК американской системы противоракетной обороны THAAD, Пекином против Сеула

¹ Jun Ji-hye. Petition calls for stripping foreign residents of voting rights // The Korea Times. 2021-05-05. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/05/356_308341.html (accessed: 10.05.2022).

² Ibidem.

³ Kang Hyun-kyung . Don't mention 3Ts': Confucius Institutes endanger academic freedom in Korea // The Korea Times. 2021-08-30. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/culture/2021/08/703_314693.html (accessed: 10.05.2022).

были введены неформальные санкции. По данным исследовательского института *Hyundai*, РК понесла экономические потери в размере более 9 млрд долл.¹

В конце 2017 г. Сеул заверил Китай в так называемых «трех нет». Никакого дополнительного размещения *THAAD* в Южной Корее, никакого участия в региональной системе противоракетной обороны США и никакого участия в трехстороннем военном союзе с США и Японией. С точки зрения консерваторов это была фактическая капитуляция Муна перед экономическими санкциями Пекина, однако полной отмены «недосанкций» не произошло.

Например, согласно опросу, опубликованному Федерацией корейской промышленности в декабре 2021 г., 85,5 % опрошенных представителей корейского бизнеса в КНР заявили, что их инвестиционные условия ухудшились по сравнению с десятилетием назад, а 81,7 % респондентов отметили, что они подвергаются дискриминации².

Что же до ограничений культурного контента, то эксперты полагают, что Китай развивает собственную индустрию развлечений, а «корейская волна содержит американские и западные идеи, такие как политическая демократизация, социальная справедливость и гендерные вопросы», и Пекин хочет заблокировать приток проблемного материала³.

Кроме того, в Южной Корее вызывают раздражение ряд методов, которые Китай использует для достижения своих целей. Если вспомнить типичные для патриотов РК методы воздействия и лоббирования (пропаганда «правильного понимания вещей» через образовательные структуры, использование диаспоры и т. д.), то выходит, что, используя те же институты Конфуция, Китай смеет применять против РК то же оружие, а это, с точки зрения готтентотской морали (то есть, с позиций двойных стандартов) — совершенно неприемлемо.

Пятая, и, возможно, главная причина связана с усиливающимся противостоянием США и Китая, в котором Южная Корея «должна

¹ Kim Yoo-chul. Seoul will ask Beijing to end 'THAAD retaliation' // The Korea Times. 2019-11-28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/11/356_279493.html (accessed: 10.05.2022).

² Lee Kyung-min. Over 4 in 5 Korean firms 'discriminated' against in China: FKI report // The Korea Times. 2021-12-22. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2021/12/175_320980.html (accessed: 10.05.2022).

³ Dong Sun-hwa. BTS, 'Parasite' — victims of China's culture protectionism // The Korea Times. 2019-12-05. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/art/2019/12/732_279853.html (accessed: 10.05.2022).

выбрать сторону». Хотя при Муне в Сеуле любили говорить о тяжелом выборе между ведущим экономическим партнером и главным союзником в сфере безопасности, на деле «демократы», не менее чем консерваторы ориентировались на США. В этом контексте разогревание антикитайских настроений может быть рассмотрено как способ:

а) заранее создать образ врага, открытый разрыв с которым будет объяснен ценностными причинами;

б) подготовить народ к последствиям разрыва, тем более, что в этом случае ответные меры Китая могут быть куда обширнее и болезненнее, чем реакция Пекина на размещение ТНААД.

Общественное мнение «должно» осознавать, что «они первые начали».

Что дальше? На сайте *koreaexpose.com* уже отмечали, что поддерживать или восхвалять Китай в современной Корее стало так же опасно, как демонстрировать прояпонские симпатии¹, а так как синофобия идет не только «сверху», но и «снизу», то отключить ее не получится. Более того, приход к власти консерваторов имеет шансы ее усилить.

В результате, при самом неблагоприятном стечении обстоятельств мы можем прийти к ситуации, когда уровень проблемности южнокорейско-китайских отношений будет равняться или даже превосходить уровень накала исторических и культурных войн Сеула и Токио.

Библиографический список

Асмолов Константин. Коронавирус и политическая ситуация в Южной Корее // Новое Восточное Обозрение, 09.04.2020. URL: <https://ru.journal-neo.org/2020/04/09/koronavirus-i-politicheskaya-situatsiya-v-yuzhnoj-koree/> (дата обращения: 10.05.2022).

Асмолов К.В. Южная Корея между США и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVI: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 227—241. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-227-241

¹ Se-Woong Koo. Understanding Korea's Hatred for China. China is by far Korea's biggest trading partner. It has also become Korea's most hated country // Korea Expose 31 Jan 2022. URL: <https://koreaexpose.com/korea-sinophobia-hatred-for-china-explained/> (accessed: 10.05.2022).

References

Asmolov K.V. (2021). Juzhnaja Koreja mezhdu SShA i KNR [South Korea between the USA and China] *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost' [China in World and Regional Politics]*, Moscow: IFES RAS: 227—241. (In Russian). DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-227-241

Asmolov Konstantin (2020). Koronavirus i političeskaja situacija v Juzhnoj Koree [Coronavirus and the political situation in South Korea]. *New Eastern outlook*, 09.04.2020. URL: <https://ru.journal-neo.org/2020/04/09/koronavirus-i-politicheskaya-situatsiya-v-yuzhnoj-koree/> (accessed: 10 May, 2022). (In Russian).

* * *

O, Tara (2020). Almost Secret: China's Extensive Belt and Road Initiative, Nearly 30 Chinatowns in South Korea, East Asia Research Center, 2020-4-10. URL: <https://eastasiaresearch.org/2020/04/10/almost-secret-chinas-extensive-belt-and-road-initiative-nearly-30-chinatowns-in-south-korea/> (accessed: 10 May, 2022).

O, Tara (2020). Chinagate: Chinese Trolls, Sockpuppets in South Korea to Manipulate Public Opinion Online, Impact Politics, and Intervene in Internal Affairs / *East Asia Research Center*, March 8, 2020. URL: <https://eastasiaresearch.org/2020/03/08/chinagate-chinese-trolls-sockpuppets-in-south-korea-to-manipulate-public-opinion-online-impact-politics-and-intervene-in-internal-affairs/> (accessed: 10.05.2022).

DOI: 10.48647/IFES.2022.14.85.014

Е.В. Махмутова

КИТАЙСКАЯ «МЯГКАЯ СИЛА» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧИТЕЛИ

Аннотация. На сегодняшний день механизмы «мягкой силы» прочно вошли в инструментарий успешной реализации внешней политики государства. Китай сумел за достаточно короткие сроки достичь внушительных результатов в этом направлении. Пандемия коронавируса внесла серьезные коррективы как в экономические показатели Китая, на время замедлив темпы его развития, так и в ход межкультурной коммуникации, заметно сократив прямые деловые и иные контакты (Китай выбрал тактику «нулевой терпимости к коронавирусу»). В то же время за последние годы Китай создал и развивает достаточно устойчивую систему институтов, направленных на расширение китайского влияния за рубежом. Особенно важно изучить опыт Китая на постсоветском пространстве, где традиционно сильно влияние России. Наиболее высокую активность на треке «мягкой силы» Китай демонстрирует в Центральной Азии — регионе, который не только имеет общую границу с Китаем, но и входит в китайский глобальный проект «Пояс и путь». Одновременно некоторые страны региона (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан как наблюдатель) являются партнерами России по Евразийскому экономическому союзу. В связи с этим видится важным изучить опыт Китая по реализации своих экономических интересов в регионе с использованием инструментария «мягкой силы», особенно в контексте перереформирования глобальной политической системы после начала военной фазы российско-украинского конфликта. В статье отмечается ставка Китая на возможности «мягкой силы» в большей степени для обеспечения более эффективной реализации собственных экономических

задач, нежели для достижения идеологического доминирования в регионе.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, «мягкая сила», инициатива «Пояс и путь» (ИПП), академическая мобильность, культурно-гуманитарное сотрудничество, институты Конфуция, интеграция, региональная безопасность.

Автор: Махмутова Евгения Викторовна, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. ORCID 0000-0002-9712-5023.

E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ye. V. Makhmutova

Chinese «soft power» in Central Asia: prospects and constraints

Abstract. Today, the mechanisms of “soft power” are firmly integrated into the toolkit of the successful implementation of the foreign policy of the state. China has managed to achieve impressive results in this area in a fairly short period of time. The coronavirus pandemic has made serious adjustments both to China’s economic performance, temporarily slowing its development, and to intercultural communication, markedly reducing direct business and other contacts (China has chosen the “zero tolerance to coronavirus” tactic). At the same time, in recent years China has created and developed a fairly stable system of institutions aimed at expanding Chinese influence abroad. It is especially important to study China’s experience in the post-Soviet space, where Russia’s influence is traditionally strong. China is most active in the “soft power” track in Central Asia, a region that not only shares a border with China, but is also part of China’s global “Belt and Road” project. At the same time, some countries in the region (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan as an observer) are Russia’s partners in the Eurasian Economic Union. In this regard, it is important to study China’s experience in implementing its economic interests in the region using the tools of “soft power,” especially in the context of the reformatting of the global political system after the beginning of the military phase of the Russian-Ukrainian conflict. The article notes China’s reliance on “soft power” to ensure more effective implementation of its own economic objectives, rather than to achieve ideological dominance in the region.

Keywords: China, Central Asia, “soft power”, Belt and Road Initiative (BRI), academic mobility, cultural and humanitarian cooperation, Confucius Institutes, integration, regional security.

Author: Evgeniya V. MAKHMUTOVA, Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation. ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Conflict of interests: The author declares no conflict of interests.

Введение

Актуализация вопроса о применимости инструментов китайской «мягкой силы» в Центральном-Азиатском регионе обусловлена возросшим политико-экономическим присутствием Китая в этом секторе постсоветского пространства. В целях расширения географии своего экономического присутствия, стимулирования экспорта и создания благоприятных условий для его успешного ведения, а также в целях укрепления политического влияния через достижение лояльности на внешнем контуре страны, китайское руководство активизирует процесс диверсификации механизмов продвижения своих интересов. К традиционным политико-экономическим механизмам добавляются все более востребованные инструменты «мягкого» проникновения в государство через комплекс образовательных, культурных, исследовательских проектов. Значимым моментом для китайского руководства становится расширение своего присутствия и создание комфортных условий для продвижения экономических проектов не только по традиционным государственным и бизнес-каналам, но и через подключение к этим проектам некоммерческих структур и «фабрик мысли».

Усиление китайского «мягкого» присутствия за рубежом на всех этапах обеспечивалось соответствующими государственными институтами. В отличие от западной модели «мягкой силы», китайской вариант отличается доминирующей ролью властных структур в процессе координации деятельности акторов «мягкой силы», которые в большинстве своем также реализуют государственные задачи.

Пандемия коронавируса и связанное с этим закрытие границ скорректировали темпы экономической активности Китая¹, однако в целом не повлияли на общую стратегию поддержания своего «мягко-

¹ Закрытый Китай замедляет мировую экономику// Finam.ru. 11 мая 2022. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/chem-chrevato-dlya-mira-zamedlenie-tempov-rost-a-kitayskoiy-ekonomiki-20220511-182237/> (дата обращения: 12.05.2022).

го» могущества в сопредельной Центральной Азии. Этот регион, имея с Китаем общую границу, продолжает занимать важное место в китайской внешнеполитической повестке. Кроме того, значимость региона для КНР определяется вопросами безопасности, а также стабильности транзита своей продукции (а также импорта энергоресурсов из Центральной Азии) после прихода в августе 2021 г. к власти в Афганистане движения Талибан (движение запрещено в России — *прим. авт.*). Главная угроза для Китая в данном случае заключается в вероятности «экспорта» радикального исламизма из Афганистана в соседние страны, прежде всего в Центральную Азию, находящуюся в зоне повышенного риска.

Исследовательскую проблему данной статьи можно сформулировать следующим образом: почему при наличии у Китая в Центральной Азии широко развитой сети институтов «мягкой силы», подкрепленной высокой степенью институционализации отношений и тесным экономическим взаимодействием, Пекин сталкивается с существенными ограничителями его дальнейшего проникновения в регион и экономика остается ключевым форматом поддержания китайского присутствия в Центральной Азии?

Векторы китайской культурно-гуманитарной политики в Центральной Азии

Термин «Центральная Азия» включает в себя пять географически и культурно близких стран (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан), каждая из которых, однако, за время независимости выстроила свою историю политических и экономических отношений с КНР. Распад СССР привел к появлению вдоль границ Китая сразу нескольких новых государств со своей спецификой и собственным форматом взаимодействия с Китаем. Если для стран Центральной Азии расширение контактов с КНР было обусловлено требованиями заявленного курса на многовекторность, то для китайского руководства центральноазиатское поле стало, прежде всего, ресурсной базой и транзитной территорией для экспорта китайской продукции.

И если на начальном этапе Китай не входил в число внешнеполитических приоритетов властей центральноазиатских республик, демонстрируя закрытость и низкую «экспансионистскую» активность, то с начала 2000-х гг. ситуация кардинальным образом меняется. Ки-

тай в силу особенностей экономического развития и поставленных задач начинает все более активно осваивать сопредельные территории на предмет возможного расширения своего политико-экономического и культурного влияния. Помимо традиционных механизмов экономического сотрудничества, Китай и Центральная Азия сближаются на интеграционном треке через создание в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества в составе собственно Китая, России и «центральноазиатской пятерки». Изначальным фундаментом ШОС стало подписание в конце 1990-х гг. соглашений об укреплении мер доверия в военной области и взаимном сокращении вооружений в районе общих границ. Тем самым страны «Шанхайской пятерки», впоследствии вышедшей в ШОС, демонстрировали готовность к исключительно мирной кооперации в рамках своих границ, не являясь при этом азиатским аналогом НАТО (то есть, не становясь военно-политическим альянсом и не беря на себя соответствующих обязательств в военной сфере). Ныне члены ШОС координируют усилия в сфере военной безопасности, проводя в том числе совместные учения¹.

Китайское «мягкое» присутствие в Центральной Азии на тот момент было ограничено. Несмотря на ряд заметных проектов, прежде всего в сфере продвижения китайского языка и популяризации национальной культуры в регионе, запуск стратегии «мягкой силы» еще не носил системного характера. Можно говорить, скорее, о «точечных» проектах, ориентированных на первичное знакомство центральноазиатской аудитории с китайским культурным наследием.

Стартом реализации китайской «мягкой силы» можно считать 2002 год, когда к власти в КНР пришел Ху Цзиньтао, возглавив ЦК Компартии страны, а годом позже став председателем КНР. Именно с приходом Ху Цзиньтао во внешней политике Китая стали проявляться акценты, связанные с использованием инструментов «мягкого» могущества. Отправной точкой для запуска проектов в сфере «мягкой силы» можно считать XVII съезд Компартии Китая, когда политика культурно-гуманитарного взаимодействия была провозглашена в качестве самостоятельного направления внешней политики страны. Серия протестных акций на Ближнем Востоке, получивших название «арабская весна», оказала серьезное влияние на конструирование последующего внешнеполитического дискурса в Китае.

¹ Первые совместные военные маневры всех стран ШОС состоялись в 2007 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе КНР.

В 2011 г. партийное руководство КНР принимает документ «Решение ЦК Компартии Китая о некоторых важных вопросах углубления реформы культурной системы, содействия развитию и процветанию социалистической культуры»¹. Характерно, что содержание этого документа не было подробно раскрыто руководством КПК, однако уже само название показывает важность инструментов культурного влияния для реализации Китаем экономических и политических задач.

Иными словами, китайское руководство, фиксируя высокий уровень экономической мощи страны, принимает решение дополнить традиционные инструменты воздействия на общественное мнение в странах Центральной Азии культурно-гуманитарными механизмами.

Тем не менее, ставка на популяризацию китайского языка и культуры была сделана именно по причине возросшего внешнего интереса к Китаю как стремительно растущей экономике мира [Ватаняр].

В качестве ориентира для создания разветвленной сети некоммерческих образовательных учреждений — Институтов Конфуция — были взяты институты продвижения языка и культуры западного образца — *British Council*, Институт Гете, Французский Институт, Институт Сервантеса. Координацией деятельности НКО в сфере продвижения китайского языка за рубежом с 2003 г. занимается Ханьбань (Hanban) — Канцелярия Международного совета китайского языка (еще один перевод — Канцелярия по распространению китайского языка), подотчетная Министерству образования КНР.

Институты Конфуция, как правило, функционируют на базе образовательных центров в странах Центральной Азии на основе модели софинансирования. Институты Конфуция действуют во всех республиках региона за исключением Туркменистана. Образовательный фокус в данных институтах делается преимущественно на изучении традиционной китайской культуры и языка, в то время как современные аспекты китайской политической жизни и культуры остаются вне поля изучения. По замыслу китайского руководства, зарубежное общество должно изучать именно традиционную культуру Китая в связке с социалистическими ценностями — социализмом с китайской спецификой. Важно доносить до внешней аудитории ключевые характеристики Китая — исторические и культурные традиции, социальную стабильность, доверие к власти, многонациональность, общественную сплоченность. Важной частью данного образа должно стать

¹ Китайские коммунисты ищут новую идеологию // Коммерсант. 20 октября 2011. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1799063> (дата обращения: 17 апреля 2022).

и представление о КНР как о государстве, уверенно смотрящем в будущее, ответственном за решение региональных и глобальных проблем, за мирное сосуществование.

Характерно, что конструирование данного образа основано не на современной массовой культуре, где Китай явно не доминирует, а на ярком культурном наследии страны. Кроме того, сознательный выбор в пользу традиционалистского содержания нарративов «мягкой силы» призван подчеркнуть китайский культурный суверенитет, независимость от западного масскульта. Китай через традиционализм сознательно сделал ставку на уход от острых политических дискуссий, тем самым не только минимизируя риски вербализации неудобных для Пекина сюжетов, но и компенсируя недостаток актуальных идеологических ценностей для внешней аудитории. Объекты китайской «мягкой силы» в Центральной Азии, в отличие от западной аудитории, придерживаются позиций политического суверенитета и отказа от грубого навязывания им чуждых ценностных догм. Как отмечает Е. Гарбузарова, политическим элитам стран Центральной Азии на этапе сближения в 1990-е гг. импонировал китайский стиль выстраивания отношений с новыми независимыми государствами, и во многом сегодня та модель также определяет характер отношений на треке «Китай — Центральная Азия» [Гарбузарова, 2021, с. 57]. В этом контексте вполне оправдана ставка Пекина на аполитичность при осуществлении своих гуманитарных проектов в регионе.

Инициатива «Пояс и путь»

По мере укрепления китайской экономики и расширения географии китайского экономического присутствия стратегия продвижения Китая в Центральную Азию трансформируется и становится более системной.

В 2013 г. была озвучена инициатива «Один пояс — один путь», которая впоследствии была трансформирована в инициативу «Пояс и путь» (ИПП). Экономическое наполнение инициативы предполагает планомерное развитие сети коммуникаций и логистических цепочек, установление тесных деловых контактов, прежде всего с сопредельными территориями, в число которых входит и Центральная Азия. Как отмечает Д.В. Гордиенко, концептуальной основой новой китайской внешней политики была провозглашена идея комплексной мощи государства, включающей реализацию основных задач не толь-

ко с помощью военных инструментов, но и экономических, гуманитарных, научно-технических [Гордиенко, 2021, с. 99]. Реализация стратегии продвижения экономических интересов Китая через ИПП предполагает усиление культурно-гуманитарной составляющей китайской внешней политики. Китайское руководство с 2013 г., помимо успешно зарекомендовавших себя институтов Конфуция, стремится использовать максимально широкий инструментарий для формирования позитивного образа страны за рубежом. Среди таких инструментов — традиционные СМИ, социальные сети, научно-исследовательский аппарат, индустрия культуры.

Характерно, что китайские медиа вещают для аудитории Центральной Азии преимущественно на русском языке. Среди наиболее заметных инструментов информационной политики Китая в регионе — новостное агентство «Синьхуа», газета «Жэньминь жибао».

Подробнее раскрывая содержание китайской концепции «мягкой силы» в Центральной Азии, можно выделить следующие направления. Во-первых, культурно-гуманитарное сопровождение экономических, инфраструктурных, социальных проектов в странах Центральной Азии вне политического контекста. Учитывая чувствительность политической тематики и болезненное восприятие региональными элитами попыток навязать политические сюжеты извне, такой подход Китая себя полностью оправдывает и выгодно отличает от, например, правозащитной риторики западных «фабрик мысли». Созвучие политических дискурсов в Центральной Азии и Китае, отражаемое в практически монолитном медийном поле, облегчает Пекину выход на общественно-политические площадки в Центральной Азии и минимизирует риски быть обвиненными в посягательствах на суверенитет стран региона.

Во-вторых, равноудаление Китая от международных конфликтов, избегание прямой и дипломатической вовлеченности в них. Это нашло отражение как в событиях 2021 г. в Афганистане после прихода к власти движения Талибан (запрещено в России), так и в российско-украинском конфликте 2022 г.. Пекин подчеркнуто избегает прямого втягивания в крупнейшие конфликты современности, если они напрямую не затрагивают интересы КНР, будь то Тайвань, СУАР или воды Южно-Китайского моря. В контексте проводимой центральноазиатскими элитами политики многовекторности — ставки на максимальную диверсификацию внешнеполитических контактов, подобный военный нейтралитет Китая только усиливает его привлекательность как миролюбивого государства и формирует образ КНР как

неангажированной страны, не вовлекающей в конфликты третьи стороны. Китайскими исследователями отмечается, что находящаяся в процессе институционализации инициатива «Пояс и путь» может выступать в качестве альтернативы современной крайне неустойчивой международной системе с ее кризисом глобального управления [Чжан, 2020, с. 25].

В-третьих, это собственно проекты в сфере «мягкой силы», реализуемые в рамках концепции «сообщества единой судьбы человечества». Данная концепция была впервые представлена зарубежной общественности в 2013 г. Си Цзиньпином в МГИМО(У) МИД РФ. Более того, идея формирования пространства человечества с единой судьбой была закреплена в поправках в Конституцию КНР в 2018 г.

Фактически данная концепция является идейным наполнением инициативы «Пояс и путь» и основана на идеях конфуцианства. Положения концепции предполагают призыв Китая к развитию дружественных отношений всех стран, мирное сосуществование, неделимую безопасность, равноправие, отказ от идей превосходства одних государств над другими вне зависимости от мотивации, широкое оказание гуманитарной помощи нуждающимся странам, невмешательство во внутренние дела других государств, признание культурного разнообразия и многое другое. По мнению А.В. Семенова и А.В. Цыка, данная концепция является системообразующим ядром китайской внешней политики, представляя собой глобальный проект по формированию нового миропорядка [Семенов, Цык, 2019, с. 75].

На глобальном уровне реализация данных положений находит воплощение, например, в оказании Китаем гуманитарной помощи нуждающимся странам в период пандемии коронавируса или равноудаление от сторон российско-украинского конфликта 2022 г..

Гуманитарная помощь Китая предоставляется под эгидой масштабных программ содействия развитию стран Центральной Азии. Регион, особенно в свете ИПП, входит в сферу непосредственных интересов Китая, стремление которого к оказанию финансовой и материально-технической помощи странам Центральной Азии на безвозмездной или льготной основе обусловлено несколькими факторами. Во-первых, интересами обеспечения безопасности вдоль одной из самых турбулентных границ на Северо-востоке КНР — СУАР. Китай заинтересован в устранении в регионе любой возможности для поддержки уйгурского национализма со стороны, в том числе, сопредельных стран Центральной Азии. В этом смысле укрепление экономического потенциала непосредственно самого СУАР и соседних

территорий в Центральной Азии должно предотвратить риски дестабилизации их политической обстановки и обеспечить сохранение территориальной целостности Китая. По этой же причине китайское руководство заинтересовано и в поддержании безопасности во всей Центральной Азии, а экономическое благополучие сопредельных территорий, по версии Пекина, минимизирует риски дестабилизирующих действий и внутри КНР.

Во-вторых, китайские инвестиции в Центральную Азию направлены, прежде всего, на укрепление экономической мощи самого Китая. Присутствие КНР в Центральной Азии начиная с 2013 г. стало более системным и целевым. Если в начале 2000-х годов китайские инвестиции были направлены, прежде всего, в топливно-энергетический сектор, то уже в 2010-х гг. сотрудничество распространилось и на другие сферы экономики — машиностроение, инфраструктуру, сельское хозяйство [Воробьев]. Как отмечают исследователи, большинство объемов помощи предоставляется в виде связанных кредитов на льготных условиях китайских банков [Кашин, 2018, с. 82]. В частности, Китай вкладывается в модернизацию региональной энергетической инфраструктуры (газопровод «Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай», нефтепровод «Атасу—Алашанькоу»). Кроме того, Китай выделяет гранты на реализацию объектов социальной инфраструктуры — сооружение больниц, школ, создание образовательных центров (среди них, например, — больничный комплекс в Оше, средние школы в Таджикистане, компьютерные классы некоторых школ Узбекистана и др.).

Предоставляя помощь странам Центральной Азии, Китай облегчает себе доступ к ее энергетическому сектору, развивая не только восточно-китайские области, но, прежде всего, удаленный от ресурсных центров, но экономически и финансово значимый прибрежный Западный Китай. Кроме того, Китай решает вопрос о разгрузке перенасыщенного рынка рабочей силы, предоставляя своим гражданам возможность работать на благо китайской экономики за рубежом на китайских предприятиях.

Третьим фактором активизации Китая в регионе можно назвать низкую конкуренцию со стороны других внешних игроков. В условиях ухудшения отношений между Россией и странами Запада фокус внимания Москвы к региону если не снижается, то заметно корректируется, становится более избирательным и «прицельным». Интерес западных стран к Центральной Азии также снижается.

Сообщество стран единой судьбы предполагает реализацию указанных положений, в том числе и с помощью академических инструментов, прежде всего, экспорта китайского образования. Помимо указанных ранее институтов Конфуция как ключевых проводников интересов Китая в Центральной Азии, реализуется целый спектр смежных проектов. Драйвером построения сообщества стран единой судьбы китайское руководство считает образовательную среду, причем не только в контексте изучения китайского языка, но и погружение в различные дисциплины в китайских вузах. Лидером по количеству студентов из Центральной Азии в китайских вузах долгое время остается Казахстан, стабильно занимающий место в первой десятке по количеству студентов-иностранцев в китайских вузах (до пандемии коронавируса)¹.

С момента провозглашения концепции «сообщества стран единой судьбы человечества» Китай стал активнее привлекать иностранных студентов в свои учебные заведения. Будучи сравнительно новым игроком на рынке глобальной академической мобильности, Китай на данный момент является одним из ключевых центров экспорта образовательной модели. Китайское понимание важности работы с иностранными студентами базируется на задачах, транслируемых в рамках инициативы «Пояс и путь», а именно — представлении о том, что прирост числа студентов-иностранцев укрепит влияние страны в мире, особенно на перспективу.

Согласно статистике, основной контингент иностранных обучающихся в Китае составляют студенты стран Юго-Восточной Азии, для которых учеба в Китае — это прежде всего возможность за доступные деньги получить образование на языке своей будущей работы в китайских компаниях. Студенты стран Центральной Азии также проявляют довольно большой интерес к возможностям, которые предоставляет китайская образовательная система.

В четкую систему стратегических приоритетов на треке привлечения студентов-иностранцев включены увеличение количества государственных программ и стипендий для этой категории студентов, стимулирование научной активности путем субсидирования исследований силами иностранцев, финансирование самих университетов, укрепление материально-технической базы учебных заведений. К числу государственных программ, разработанных для привлечения

¹ Топ-14 стран по количеству студентов в Китае. URL: <https://studyinchinas.com/ru/top-14-стран-по-количеству-студентов-в/> (дата обращения: 30.04 2022).

студентов-иностранцев, относятся *Great Wall* и Форум тихоокеанских островов [Махмутова, 2019, с. 27].

Необходимым условием обучения в Китае является владение китайским языком не ниже среднего, что должно быть подтверждено соответствующими сертификатами.

Ограничения китайской «мягкой силы»

Несмотря на обширные программы, реализуемые Китаем в рамках стратегии «мягкой силы», у китайского «мягкого» могущества в Центральной Азии есть существенные ограничители. К таковым относится, во-первых, достаточно узкое пространство использования китайского языка в регионе. Желаящие выучить китайский язык в Центральной Азии в будущем планируют работать на китайских предприятиях, где менеджмент и документооборот могут вестись в том числе на китайском языке. С учетом специфики китайской инвестиционной политики, которая предполагает создание зарубежных филиалов компаний на китайских условиях, с немалой (часто достигающей 50 %) долей китайского персонала и работающих на китайских материалах, владение китайским языком вполне оправдано. Однако рынок рабочей силы в Центральной Азии достаточно ограничен, и не способен вместить всех желающих трудоустроиться. Иными словами, пространство употребления китайского языка зачастую лимитируется собственно китайскими компаниями, и потребности во владеющих языком оперативно закрываются. Кроме того, как отмечают исследователи, многие студенты учат в Китае только язык как иностранный без получения соответствующей специальности, что также создает проблемы для них при трудоустройстве в КНР [Керимбаев, Мухаметханулы, 2020, с.27].

Во-вторых, если политическая элита ориентирована на последовательное сближение с Китаем по многим вопросам экономического и культурно-гуманитарного характера, то общественные настроения по отношению к КНР более сдержаны. Несмотря на обилие разнообразных китайских программ, направленных в том числе на преодоление недружественных стереотипов, связанных с так называемой китайской угрозой, этнической нетерпимости, слишком рельефных культурно-ценностных различий, общественные настроения можно назвать скорее настороженными. Синофобия при этом не является

общерегиональным трендом: наибольшее число антикитайских выступлений происходит в Казахстане и Кыргызстане.

В-третьих, много вопросов у центральноазиатских студентов вызывает качество преподавания для иностранцев в китайских университетах. Социальная адаптация осложнена необходимостью преодолевать выраженные проявления китайской культуры — преобладание китайских блюд в меню студенческих столовых, несоблюдение личного пространства, отсутствие у китайских студентов желания устанавливать контакт с одноклассниками-иностранцами, невнимательное отношение китайских преподавателей к научным работам иностранных обучающихся.

Заключение

Таким образом, рассмотрев ключевые инструменты реализации Китаем стратегии «мягкой силы» в Центральной Азии, можно сказать, что китайское руководство задействует максимально доступный инструментарий «мягкой силы» для продвижения своих интересов в регионе. К таковым относятся и культурно-гуманитарный трек, и помощь в содействии развитию, которая предоставляется через направление связанных кредитов, а также грантов на реализацию инфраструктурных проектов. Главная цель активизации инструментов «мягкой силы» КНР в Центральной Азии — реализация экономического интереса, а также обеспечение безопасности и стабильности вдоль китайских границ.

В целом и для Китая, и для стран Центральной Азии такой вид коммуникации видится взаимовыгодным. Китай, с одной стороны, наполняет предметным содержанием проект «Пояс и путь», создает рабочие места для жителей центральноазиатских республик, улучшая их социально-экономическое положение и сокращая риски политической дестабилизации вдоль собственных границ. Кроме того, Китай с помощью разнообразных инструментов «мягкой силы» монополизирует культурно-гуманитарное пространство западных «фабрик мысли» и НКО в Центральной Азии, тем самым пытаясь противопоставить глобалистскому доминированию альтернативный ценностный ряд.

Стратегия «мягкого» могущества Китая на центральноазиатском треке имеет и свои ограничители, обусловленные как объективным недостатком информации о специфике принятия политико-экономических решений в странах Центральной Азии, так и неготовностью

собственно китайских элит к более тесному взаимодействию с региональной общественностью. Одной из проблем также является различие в восприятии значимости китайского направления со стороны политических элит и общества стран Центральной Азии, что зачастую выливается в отсутствие транспарентности при принятии центральноазиатскими столицами решений по китайскому треку.

Кроме того, несмотря на общее сужение пространства реализации российской культурно-гуманитарной политики в Центральной Азии, Россия по-прежнему остается ключевым актором в регионе, обладая таким конкурентным преимуществом, как общий историко-культурный код с жителями центральноазиатских республик. Россию и страны региона объединяют также культурно-бытовые ценности и обычаи, основанные в том числе на опыте, приобретенном еще в советский период. Их влияние по-прежнему проявляется в определенной модели социального и даже политического поведения значительной части граждан центральноазиатских республик. Этот фактор во многом ограничивает усилия Китая по продвижению своего курса путем инструментария «мягкой силы».

Библиографический список

Ватаняр Я., Ли М. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI в. // *Международная жизнь*. 2015. № 7. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1336> (дата обращения: 10.04. 2022).

Воробьев А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России // *Российский совет по международным делам*. 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii/> (дата обращения: 10.04. 2022).

Гарбузарова Е. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // *Центральная Азия и Кавказ*. 2021. Т.24. Вып.24. С. 52—65. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.4.05>.

Гордиенко Д.В. Система международных отношений в XXI веке: взгляды китайского руководства // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2021. Т.26. С. 97—112. DOI: [10.24412/2618-6888-2021-26-97-112](https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-97-112)

Кашин В.Б., Королев А.С. Помощь КНР странам Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 3. С. 78—85. DOI: [10.20542/0131-2227-2018-62-3-78-85](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-78-85).

Керимбаев Е., Мухаметханулы Н. и др. Основные факторы «мягкой силы» Китая в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2020. Т. 23. Вып. 1. С. 22—35. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.1.02>.

Махмутова Е.В. Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9(6). С. 24—29. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29.

Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т.63. № 8. С. 72—81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81.

Чжан Юянь. Понять «великую трансформацию столетия» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 2. С. 20—29. DOI: 10.20542/afij-2020-2-20-29.

References

Garbuzarova, E. (2021) .Vneshnyaya politika stran Central'noj Azii: itogi 30-letnego razvitiya [Foreign policy of the Central Asian countries: results of the 30 years of independence], *Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]*, Vol.24: 24: 52—65. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.4.05>

Gordienko, D. (2021) Sistema mezhdunarodnyh otnoshenij v XXI veke: vzglyady kitajskogo rukovodstva [International relations system in the XXI century: a view from the Chinese leadership], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost' [China in World and Regional Politics]*, Vol.26: 97—112. (In Russian). DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-97-112.

Kashin, V., Korolev, A. (2018) Pomoshch' KNR stranam Central'noj Azii [Chinese aid to Central Asia], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*, Vol. 62: 78—85. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-78-85

Kerimbaev, E., Muhamethanuly, N. (2020). Osnovnye faktory «myagkoj sily» Kitaya v Central'noj Azii [Key factors of the Chinese soft power in Central Asia], *Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]*, Vol. 23: 1: 22—35. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.1.02>

Mahmutova, E. (2019). Analiz opyta raboty s inostrannymi studentami v Rossii i Kitae [Working with foreign students in Russia and China analysis], *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and Social sciences. The bulletin of the Financial University]*, 9(6): 24—29. (In Russian). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29

Semenov, A., Tsvyk, A. (2019). Koncepciya «obshchego budushchego chelovechestva» vo vneshnepolitcheskoj strategii Kitaya [«Common future of the humanity» concept at the Chinese foreign policy strategy], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*, Vol. 63: 8: 72—81. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81

Vatanyar, Ya., Li, M. (2015). Institut Konfuciya kak faktor «myagkoj sily» vo vneshnej politike KNR v XXI v. [Confucius Institution as a soft power factor in the Chinese foreign policy in XXI century], *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]*. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1336> (accessed: 10 April, 2022). (In Russian).

Vorobyev, A. (2017). Kitaj i Central'naya Aziya: rastushchaya druzhba pod bokom Rossii [China and Central Asia: growing friendship at Russia's side], *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Russian international affairs council]*, URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitaj-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-podbokom-rossii-/> (accessed: 10 April, 2022). (In Russian).

Zhang Yuyan (2020). Ponyat' «velikuyu transformaciyu stoletiya» [Understanding the greatest transformation of the century], *Analiz i prognoz. ZHurnal IMEMO RAN [Analysis and forecasts. IMEMO Journal]*, Russian Academy of Sciences, 2: 20–29. (In Russian). DOI: 10.20542/afij-2020-2-20-29

DOI: 10.48647/IFES.2022.62.39.013

Н.В. Селезнева

НОВЫЙ ВЕКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ИНСТИТУТОВ

Конфуция

Аннотация. Китай на протяжении последних 20 лет активно занимался наращиванием своей «мягкой силы». Качественно переработав концепцию Дж. Ная и адаптировав ее под китайские реалии и внешнеполитические задачи, Китай стал развивать концепцию «мягкой силы культуры», которая получила не только внешнеполитический, но и внутривнутриполитический вектор. Несмотря на сложную геополитическую обстановку, когда на первый план выходит применение «жесткой силы», вопросы, посвященные «мягкой силе» не перестают быть актуальными — осмысление самого феномена «мягкой силы», теории и практики ее применения, механизмов, инструментов и ресурсов «мягкой силы» позволяют заложить основы и сформировать рамки для действий политических акторов в мирное время. В связи с чем представляется небезынтересным проанализировать опыт применения «мягкой силы» крупными державами, в частности Китаем, поскольку он, являясь одним из важнейших локомотивов глобальной экономики, одним из ключевых игроков на мировой политической арене, важным гарантом безопасности, а также страной, рассматривающей «мягкую силу» как часть совокупной мощи государства, уже накопил богатый опыт теоретического осмысления и практического применения «мягкой силы».

Одним из общепризнанных инструментов «мягкой силы» Китая считаются Институты Конфуция, которые открывались под патронажем и при деятельном участии правительства Китая в различных странах и регионах мира. Между тем, «культурная экспансия» Китая в лице Институты Конфуция столкнулась с протестными настроениями во многих странах Запада, на что Китай не мог не отреагировать. Приход к власти Си Цзиньпина привел к переоценке и пересмотру внешней культурной политики Китая, что отразилось на трансформации концепции «мягкой силы культуры», которая в дополнение к внешнему, получила и внутренний вектор развития, направленный на население самого Китая. В то же время на внешнем треке произошло приспособление Институты Конфуция к инициативе «Пояс и путь», а также было проведено реформирование Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань). Представляется, что в новых реалиях Институты Конфуция будут использоваться Китаем не столько, как инструмент «мягкой силы», сколько как ресурс «мягкой силы культуры».

Ключевые слова: Китай «мягкая сила», «мягкая сила культуры» Китая, Институты Конфуция, культурная экспансия.

Автор: Селезнева Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

N. V. Selezneva

China's New Soft Power Vector: Transforming Policy towards Confucius Institutes

Abstract. China has been actively building up its soft power over the past twenty years. Having reworked J. Nye's concept and adapted it to the Chinese reality and foreign policy tasks, China has begun to develop the concept of soft power of culture, which has received not only the foreign policy, but also the home policy vector. Despite the complex geopolitical environment, when the use of hard power comes to the fore, the issues referring to soft power do not cease to be relevant — comprehension of the phenomenon of soft power itself, the theory and practice of its application, mechanisms, tools and resources of soft power allow laying the foundation and forming the framework for the actions of political actors in peacetime. In this regard, it is important to analyze the experience of large powers, particularly China, in applying soft power because, being one of the most important engines of the global economy, one of the most important players in the global political arena, an important guarantor of security, and a

country that views soft power as part of the total power of the state, China has already accumulated a rich experience of theoretical understanding and practical application of soft power.

Confucius Institutes, which have been opened under the patronage and active involvement of the Chinese government in various countries and regions of the world, are considered one of China's acknowledged soft power tools. However, China's "cultural expansion" through the Confucius Institutes has faced protest sentiments in many Western countries, to which China could not but respond. Xi Jinping's accession to power led to a reassessment and revision of China's foreign cultural policy, which was reflected in the transformation of the concept of soft power of culture, which, in addition to the external, received an internal vector of development aimed at the population of China itself. At the same time, on the external track, the Confucius Institutes were adapted to the Belt and Road Initiative and the reform of the Office of Chinese Language Council International (Hanban) itself was implemented. It seems that in the new realities, the Confucius Institutes will be used by China not so much as an instrument of soft power, but more as a soft power cultural resource.

Keywords: soft power, soft power of culture of China, Confucius Institutes, cultural expansion, China.

Author: Natalia V. SELEZNEVA, Ph.D. (Philology), Associate Professor, International relationship and regionology Department, Novosibirsk State Technical University. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

Китай на протяжении последних 20 лет активно наращивал свою «мягкую силу», сделав ее основным инструментом внешней политики страны и одной из четырех важнейших составляющих совокупной мощи государства. Качественно переработав концепцию Дж. Ная и адаптировав ее к китайским реалиям и внешнеполитическим задачам, Китай стал развивать концепцию *мягкой силы культуры*, сделав основную ставку на «культуроцентричность». Директор Научно-исследовательского центра по изучению «мягкой силы» Чжан Гоцзо считает, что постановка слова *культура* перед терминосочетанием *мягкая сила*, является показателем того, что именно культура занимает ведущее место, особенно в вопросах идеологии, ценностей и государственного устройства, и имеет ключевое значение в усилении права голоса (*хуаюйцюань*) [Чжан, 2015].

«Культуроцентричность», как специфическая черта «мягкой силы» по-китайски, признается многими отечественными специалистами (В.А. Абрамов, Н.А. Абрамова, О.Н. Борох, Т.Н. Кучинская,

А.В. Ломанов, С.В. Михневич, Е.И. Сафронова, К.Е. Тарабарко, М.Л. Титаренко и др.). Отечественными экспертами культуроцентричность «мягкой силы» Китая трактуется как соединение конфуцианских социальных и политических ценностей, народных традиций и обычаев, искусства и китайского языка [Кокарев, Комиссина, Сведенцов, 2019, с. 13]. Культура рассматривается как главный источник «мягкой силы» в Китае. Этот подход соответствует духу китайской традиции, в которой созидательное цивилизационное начало «вэнь» стояло выше разрушительной воинственности «у». Конфуцианцы противопоставляли путь мудрого и добродетельного правителя (*ван дао*) грубой власти использующего силу и пренебрегающего гуманностью деспота (*ба дао*). Моральные ценности и культура выступали чуть ли не единственным приемлемым инструментом для наставления людей. Такой же подход относился к взаимодействию с другими народами [Титаренко, 2015, с. 6—7].

Если говорить о периоде до прихода к власти Си Цзиньпина, то отечественные исследователи считали, что «Главное для Китая не в том, чтобы убедить мир в моральном превосходстве «китайского пути развития» и универсальности предлагаемых КНР решений, а в том, чтобы примирить международное сообщество с неизбежным фактом возвышения Китая и укрепить свое влияние в мире» [Лузянин, Мамонов, 2011, с. 11].

С.Г. Лузянини и М.В. Мамонов также отмечают, что задача китайской дипломатии — донести идею о том, что перестройка глобальной системы международных отношений невозможна без участия Китая. Эксперты видят три основных источника «мягкой силы»: «гармоничная» дипломатия, богатство национальной культуры и успех китайской модели модернизации¹. Сейчас же «мягкой силе» в Китае отводится иная роль: «...то, что китайский народ поднялся, разбогател, означает, что материальные опоры культурного развития и повышения мягкой силы культуры стали более прочными...повышение мягкой силы культуры является одним из ключевых смыслов великого возрождения китайской нации» [Чжан, Лю, 2020, с. 83]. Под «мягкой силой культуры» в Китае принято понимать «проявленные сплоченность, привлекательность и влияние культуры» [Чжан Шуанси, 2020, с. 30]. Под сплоченностью Чжан Шуанси подразумевает сплоченность китайского народа вокруг своей культуры. Не оставляет

¹ Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Полит.ру 07.04.2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/04/07/china/> (дата обращения: 15.04.2022).

сомнений тот факт, что вектор направленности «мягкой силы» Китая меняется с внешней аудитории на внутреннюю, что является результатом осмысления предшествующих действий. Так, китайские исследователи И Сяомин и Хэ Лигуан пишут, что у китайской культуры есть внутренние проблемы, именно поэтому она и не становится привлекательной, а может стать привлекательной только тогда, когда ее внутренние качества улучшатся. Китайские исследователи говорят больше о том, как повысить привлекательность культуры, увеличить мощь «мягкой силы культуры», то есть делают акцент на внутреннем проявлении. Описывая современное состояние китайской «мягкой силы культуры», И Сяомин и Хэ Лигуан прибегают к метафоре: *«если вино хорошее, то его аромат проникнет и в самые глухие закоулки»*, делая акцент на том, что китайская культура по своей сути включает и социалистические, и капиталистические, и феодальные элементы и необходимо критически подходить к тому, что же предполагается транслировать вовне. Авторы считают, что необходимо проводить реформирование и обновление традиционной культуры, становиться открытыми иностранной культуре, активно учиться и перенимать лучшие достижения западной культуры, тем самым пытаться улучшить ресурсы собственной культуры [И, Хэ, 2020, с. 3].

По мнению Чжан Гоцзо и Лю Цунлин, культура социализма с китайской спецификой складывается из трех составляющих: традиционной культуры (в качестве основной), революционной культуры как пример революционного духа, который необходимо взращивать для повышения влияния мягкой силы культуры и социалистической передовой культуры [Чжан, Лю, 2020, с. 83]. При этом авторы отмечают, что на экспорт должна идти только традиционная культура, объективно понимая, что революционная и передовая социалистическая культура могут быть использованы исключительно внутри Китая.

Кроме того, Чжан Гоцзо и Лю Цунлин рассматривают повышение влияния «мягкой силы культуры» как противостояние и борьбу с культурным доминированием Запада: «Перед лицом силовых культурных атак зарубежных государств, перед лицом контроля Запада над правом голоса в диалоге, перед лицом идеологических сражений, перед лицом сложной внутренней и внешней обстановки, для повышения мягкой силы культуры мы вынуждены проводить великую битву, чтобы прорвать эти преграды, превратить соперничество в свой шанс, из пассивных стать активными, сделать так, чтобы «китайское» стало «мировым» [Чжан, Лю, 2020, с. 87].

Но не следует полагать, что особое значение культуры в рамках концепции «мягкой силы», это нечто новое, что привнесли китайские авторы в процессе «китаизации» концепции Ная. Сам Дж. Най обращал внимание на то, что культура и транслируемые ею локальные ценности, становятся инструментом *soft power* — как сила притяжения и привлекательности стран. Среди объектов привлекательности может быть и привлекательность экономического роста, и даже военной силы, но главным ресурсом «мягкости» является культура и политические (внутри- и внешнеполитические) ценности. «Мягкая сила страны во многом опирается на три основных ресурса: культуру (там, где он нравится другим), политические ценности (когда есть соответствие им внутри страны и за рубежом) и ее внешнюю политику (когда другие считают ее законной и имеющий моральный авторитет)» [Нуе, 2012, с. 153]. Вместе с тем, китайская концепция «мягкой силы» имеет ярко выраженную специфику и рассматривает «мягкую силу» как ресурс не только для переустройства глобального мирового порядка, но и для внутреннего переустройства. Именно поэтому представляется возможным говорить о двух векторах «мягкой силы культуры» Китая — внешнем и внутреннем.

И.Е. Денисов отмечал, что «после 2012 г. активизировался поиск новой модели взаимоотношений Китая с внешним миром, что в практическую область перешли дискуссии о необходимости новой проактивной дипломатии» [Денисов, 2017, с. 86]. Именно после прихода к власти Си Цзиньпина Китай стал активно продвигать традиционные ценности китайской культуры, облаченные в политический дискурс глобальных общечеловеческих ценностей и сформулированные в концепции сообщества единой судьбы человечества. Несмотря на то, что с момента обнародования концепции в 2013 г. минуло уже почти 10 лет, она остается главной внешнеполитической концепцией Китая, о чем наглядно свидетельствует тот факт, что во всех официальных документах, программных речах и выступлениях, обращенных к внешней и внутренней аудитории формулировка *сообщество единой судьбы человечества* по-прежнему присутствует. Для Китая стало важным «уметь повествовать о событиях китайской жизни, правдиво, многомерно и всесторонне раскрывать Китай, наращивать мягкую силу культуры Китая» [Доклад Си Цзиньпина...], тем самым формируя и укрепляя свою «дискурсивную силу» [Денисов, 2020] как право высказываться, быть услышанным и принятым на международной арене.

Китайские исследователи Фань Минь и Ли Гоцин отмечают, что после XIX съезда КПК в китайском обществе усилились противоре-

чия по оценке внешней культурной политики Китая, касающиеся формирования имиджа Китая, методов и способов распространения китайской культуры за рубежом. Именно поэтому решением XIX съезда стало укрепление культурного строительства внутри Китая, что рассматривалось как важная составная часть внешней культурной политики [Фань, Ли, 2019, с. 106].

Китайские идеологи стали связывать концепцию «мягкой силы культуры» и ее укрепление с вопросами национальной идентичности, социалистическими ценностями, «четырьмя уверенностями», «дискурсивной силой», или правом голоса на международной арене. Директор научно-исследовательского центра по изучению мягкой силы Чжан Гоцзо считает, что «ядерные социалистические ценности являются душой мягкой силы культуры, они напрямую определяют характер и направление развития мягкой силы культуры» [Чжан, Лю, 2020, с. 88]. Китайский исследователь полагает, что «Новая эпоха выдвигает новые требования к мягкой силе культуры: она должна обладать еще большей *консолидирующей* способностью, должна быть более *конформной* (должны появляться новые надстройки в тех местах, где происходит разочарование, «потеря обаяния», в противном случае может наступить политический кризис»), должна вырабатывать консолидированное понимание и ответы на новые вызовы, новые нестабильности, на новые требования, возникающие из-за стремительного развития материального уровня жизни; должна обладать большей *направляющей ролью* [Чжан, Лю, 2020, с. 86].

Несмотря на то, что на сегодняшний день оценка эффективности применения «мягкой силы» до сих пор не имеет четких критериев и остается крайне субъективной, однако по мнению С.В. Кривожих, «мягкая сила» Китая справляется с задачами разъяснения своей позиции международному сообществу, вызывает понимание и уважение к культурным особенностям, делает так, чтобы голос Китая на международной арене был услышан, что в итоге способствует выстраиванию выгодных для Китая отношений с другими странами [Кривожих, 2019, с. 94]. А.И. Погорлецкий отмечает, что «наилучшие возможности реализации «мягкой силы» влияния Китая в мире сконцентрированы в таких областях, как технологии, образование, культура и спорт» [Погорлецкий, 2020, с. 27]. Наиболее заметны действия Китая именно на культурно-образовательном треке внешней политики.

Реализуя на практике концепцию «мягкой силы», Китай с 2004 г. начал построение глобальной сети культурно-образовательных цен-

тров Институтов и Классов Конфуция, общее число которых на сегодняшний день превышает 1,5 тыс. Согласно уставу, основной функцией Институтов Конфуция является обучение китайскому языку и культуре¹. Чжоу Янфэй считает, что распространение языка играет ключевую роль в распространении культуры, что язык является тем мостом, который свяжет Китай и весь остальной мир. Чжоу Янфэй также ссылается на слова Си Цзиньпина, который говорил о том, что для повышения мягкой силы культуры Китая необходимо «по форме — китайское, а исходим из зарубежного», а для этого необходимо построить мост, связывающий Китай и весь другой мир и таким мостом является язык [Чжоу, 2020, с. 91].

Между тем, Институты Конфуция вызвали в мировом сообществе амбивалентные реакции — от одобрения до категорического отрицания, доходящего до обвинений в политической пропаганде и полного прекращения деятельности в отдельных странах [Ван Шо, 2018]. Такое же противоречивое отношение к Институтам Конфуция наблюдалось и внутри страны [Фань, Ли, 2019, с. 106; Гао, Сун, 2019, с. 38]. Китайская сторона не оставила проблему без ответа и подошла к ее решению со всей серьезностью. Сперва в Китае были открыты научно-исследовательские центры, занимающиеся исключительно проблемами стратегического планирования и траекториями развития Институтов Конфуция. Так, в 2018 г. на открытии первого научно-исследовательского центра Институтов Конфуция при Шаньдунском университете Ма Цзяньфэй, являющийся заместителем генерального директором Штаб-квартиры Институтов Конфуция и партсекретарем Ханьбань² заявил, что Институты Конфуция стоят перед новым этапом перехода к внутренним преобразованиям³.

В своем выступлении Ма Цзяньфэй расставил ряд акцентов в последующем развитии Институтов Конфуция. Во-первых, говорилось о необходимости выстраивания системы оценки качества работы Институтов Конфуция, необходимости обновления моделей организа-

¹ Zhangcheng [CIEF Policy]. URL: <https://www.cief.org.cn/zcc> (accessed: 18 April, 2022). (In Chinese).

² Ханьбань — Канцелярия по распространению китайского языка (еще один перевод — Канцелярия Международного совета китайского языка).

³ Zlang Qingli (2020). Kongzi xueyuan jinru neihan fazhan jieduan [The Confucius Institute has entered the stage of connotative development] // Zhongguo shehui kexuewang — Zhongguo shehui kexuebao [China Social Science Net-Chinese Journal of Social Sciences]. URL: http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201811/t20181119_4777643.shtml (accessed: 18 April, 2022). (In Chinese).

ции обучения, и реализации стратегии «Китайский +»¹, необходимости проведения комплексного реформирования системы управления Институтами Конфуция. Во-вторых, серьезное внимание было уделено повышению качества организации обучения и развитию содержательной стороны обучения, а также активизации работы по расширению педагогических кадров, в том числе и подготовке преподавателей по месту базирования, активное привлечение местных преподавателей для работы в Институты Конфуция. Кроме того, в речи Ма Цзяньфэя была дана установка на укрепление регионального сотрудничества Институты Конфуция, создание механизмов межстранового и межрегионального сотрудничества между Институтами Конфуция для обмена опытом и совместного использования ресурсов. Помимо интенсификации сотрудничества внутри сети, Институтам Конфуция было рекомендовано укреплять сотрудничество с местными университетами, продвигать культурный туризм между городами-побратимами, укреплять сотрудничество с китайскими и иностранными компаниями, поддерживать и поощрять все слои общества к участию в строительстве Институты Конфуция, а также сделать фонды финансирования Институты Конфуция более разнообразными и многосторонними.

Говоря о роли и значении аналитических центров (при Шаньдунском университете, а также при Чжэцзянском педагогическом университете), ответственных за выработку стратегии развития Институты Конфуция, Ма Цзяньфэй отметил, что, во-первых, создается проблемно-ориентированный механизм решения проблем. Аналитические центры должны внимательно следить за реальностью развития Институты Конфуция и проводить исследования по ряду проблем, которые требуют немедленного решения. Во-вторых, создается механизм совместного использования информации и ресурсов. В-третьих, создается открытый механизм сотрудничества для постепенного расширения и формирования альянса мозговых центров Институты Конфуция².

¹ Программа «Китайский+» — программы специализированного китайского языка, предполагающие подготовку профессиональных кадров со знанием китайского языка для удовлетворения потребностей зарубежных профильных предприятий по ряду профессиональных квалификаций и НИОКР.

² Zlang Qingli (2018). Kongzi xueyuan jinru neihan fazhan jieduan [The Confucius Institute has entered the stage of connotative development] // *Zhongguo shehui kexuewang — Zhongguo shehui kexuebao* [China Social Science Net-Chinese Journal of Social Sciences]. URL: http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201811/t20181119_4777643.shtml (accessed: 18 April, 2022). (In Chinese).

Как показало время, идеи, заложенные руководством Ханьбань в работу аналитических центров, занимающихся проблемами стратегического планирования и развития Институтов Конфуция, стали той базой, на которой была осуществлена реорганизация системы управления Институтами Конфуция в июле 2020 г. В результате реорганизации вместо Канцелярии по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) и Штаб-квартиры Институтов Конфуция, которые рассматриваются даже китайскими специалистами как единая структура¹, были созданы Центр языкового образования и сотрудничества (*Zhongwai yuyan jiaoliu hezuo zhongxin / Center for Language Education and Cooperation (CLEC)*) и Китайский международный фонд образования (*Zhongguo guoji zhongwen jiaoyu jijinhui / Chinese International Education Foundation*)².

Реорганизация Ханьбань связана с тем, что китайское правительство осознало необходимость уменьшения политической окрашенности, которую носили Институты Конфуция в глазах правительств других стран. В результате реформ образовалось две отдельные структуры, занимающиеся культурной дипломатией — Центр языкового образования и сотрудничества (ЦЯОС) и Китайский международный фонд образования (КМФО). Прерогативой Фонда является курирование деятельности Институтов Конфуция, в то время как Центр занимается другими проектами образовательного и культурного сотрудничества с зарубежными странами и предлагает ряд программ по сути дублирующих те, которыми ранее занимались Институты Конфуция, в частности речь идет о таких брендовых проектах, как конкурс по китайскому языку «Китайский язык — это мост» и программы для молодых исследователей «Новое китаеведение». Кроме того, ЦЯОС активно использует мероприятия, проводимые Институтами Конфуция, для наполнения новостной повестки своего сайта (подробнее о реорганизации см. [Селезнева, 2021]).

С другой стороны, в экспертном сообществе высказываются мнения и о том, что Институты Конфуция оказались неэффективными

¹ Bai Ziwei (2021). Kongzi xueyuan zhuanxing fazhan yanjiu [Research on the Transformation and Development of Confucius Institutes]. URL: <http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/4651.htm> (accessed: 18 April, 2022). (In Chinese).

² Shiyong guoji zhongwen jiaoyu shiye fazhan: jiaoyubu sheli zhongwai yuyan jiaoliu hezuo zhongxin [Adapting to the development of international Chinese education: the Ministry of Education sets up a Sino-foreign language exchange and cooperation center]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/05/content_5524342.htm (accessed: 18 April, 2021). (In Chinese).

инструментами «мягкой силы» Китая, что и обусловило процесс их реформирования. В основном китайские исследователи сходятся на том, что Институты Конфуция не смогли качественно реализовать свою основную функцию — преподавание китайского языка, что было обусловлено целым рядом причин, касающихся подготовки преподавателей, качества учебных пособий, методик проведения занятий. Сами китайские эксперты видят роль Институты Конфуция гораздо шире, нежели исключительно обучение китайскому языку, и отмечают, что было бы очень обидно, если бы Институты Конфуция использовались исключительно как структуры, бесплатно обучающие китайскому языку [Гао, Сун, 2019, с. 38].

Обучение китайскому языку в Институтах Конфуция России, имеющей давние традиции преподавания китайского языка и всемирно признанные школы китаеведения, также оказались малоэффективными, поскольку организация занятий в форме вечерних курсов, характерная для дополнительного образования, не способна обеспечить высокий уровень преподавания китайского языка. Однако эффективность образовательной деятельности Институты Конфуция существенно повышается, когда преподавание ведется совместно с профильными кафедрами вузов. В российских вузах существует практика совместной работы с китайскими коллегами из Институты Конфуция по таким направлениям, как разработка и адаптация учебных пособий, совместное проведение занятий, привлечение преподавателей носителей языка из Институты Конфуция к чтению отдельных лингвистических дисциплин и специализированных курсов, совместное проведение конкурсов и мероприятий. Такие коллаборации существенно повышают эффективность деятельности Институты Конфуция.

В дальнейшем Институты Конфуция могут использоваться китайской стороной как «точки входа», как ресурс «мягкой силы» Китая, а не только как ее инструмент, поскольку сфера деятельности, первоначально заложенная в Институты Конфуция, достаточно обширна и разнопланова, вплоть до того, что их пытались признать иностранными агентами. Институты Конфуция могут выступать не только и не столько как центры высококачественного обучения китайскому языку, сколько как центры тестирования, ориентированные на тех, кто планирует обучение в вузах Китая, тем самым встраиваясь в китайскую образовательную систему. Это будет работать на внутренние потребности развития высшего образования и науки Китая за счет привлечения иностранных студентов и научных кадров. Инсти-

туты Конфуция способны выступать как консультационные центры, работающие с теми, кто желает пройти стажировки и обучение в Китае по программам Центра языкового образования и сотрудничества; как центры консолидации местного академического китаеведческого сообщества и как точки притяжения любителей китайского языка и культуры (особенно в регионах). Таким образом, реформирование Институтов Конфуция можно рассматривать как «перегруппировку сил» для правильного ответа на вызовы миростроительства. Институты Конфуция, выступая в роли ресурса «мягкой силы культуры» Китая, способны усиливать образовательное, научное и культурное присутствие Китая за рубежом, тем самым формировать большую степень привлекательности культуры Китая по каналам публичной дипломатии.

Библиографический список

Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая. URL: <http://polit.ru/article/2008/04/07/china/> (дата обращения: 15.04.2022).

Ван Шо. Институт Конфуция и обучение китайскому языку за рубежом в контексте публичной дипломатии КНР // *Международные отношения*, 2018. № 2. С. 90—97.

Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017. Т. 10 (5). С. 83—98.

Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // *Сравнительная политика*. 2020. № 11(4). С. 42—52.

Кокарев К.А., Комиссина И.Н., Сведенцов В.Л. Политика «мягкой силы» Китая в Азии // *Проблемы национальных стратегий. Доклады РИСИ*. 2019. Вып.3 (54). С. 11—67.

Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XVI: ежегод. издание / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 5—31.

Погорлецкий А.И. «Мягкая сила»: экономические оценки и перспективы, позиции Китая // *Экономика. Налоги. Право*. 2020. № 13(6). С. 23—33.

Селезнева Н.В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция // *Проблемы Дальнего Востока*, 2021. Вып. 2. С. 166—176.

Титаренко М.Л. Предисловие // *Мягкая сила в отношениях Китая с внешним миром*. М. ИДВ РАН, 2015. С. 4—12.

References

Borokh O., Lomanov A. (2008). Skromnoe obayanie Kitaya [The discreet charm of China]. URL: <http://polit.ru/article/2008/04/07/china/> (accessed: 08 April, 2022). (In Russian).

Denisov I.E. (2017). Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i no-vatorstvo [China's Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innovation], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]*, 10 (5). S. 83—98. (In Russian).

Denisov I.E. (2020). Kontseptsiya «diskursivnoi sily» i transformatsiya kitaiskoi vneshnei politiki pri Si Tszin'pine [The concept of “discursive power” and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping], *Sravnitel'naya politika [Comparative policy]*, 11(4): 42—52. (In Russian).

Kokarev K.A., Komissina I.N., Svedentsov V.L. (2019). Politika «myagkoi sily» Kitaya v Azii [China's soft power policy in Asia], *Problemy natsional'nykh strategii. Doklady RISI [Problems of national strategies. RISS reports]*. 3 (54): 11—67. (In Russian).

Luzyanin S.G., Mamonov M.V. (2011). Kitai v global'nykh i regional'nykh izmereniyakh. Resursy i marshruty «vozvyscheniya» [China in global and regional dimensions. Resources and “elevation” routes], *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics (History and Modernity)]*, 19: 5—31. (In Russian).

Pogorletskii A.I. (2020). «Myagkaya sila»: ekonomicheskie otsenki i perspektivy, pozitsii Kitaya [“Soft power”: economic assessments and prospects, China's position], *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economy. Taxes. Law]*. 13(6): 23—33. (In Russian).

Selezneva N.V. (2021). Reorganizatsiya Kantselyarii po rasprostraneniyu kitaiskogo yazyka (Khan'ban'): sud'ba Institutov Konfutsiya [Restructuring of the Office of Chinese Language Council International (Hanban): The Fate of the Confucius Institutes], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*:2: 166—176. (In Russian).

Titarenko M.L. (2015). Predislovie [Foreword], *Myagkaya sila v otnosheniyakh Kitaya s vneshnim mirom [Soft power in China's relations with the outside world]*: 4—12. (In Russian).

Van Sho (2018). Institut Konfutsiya i obuchenie kitaiskomu yazyku za rubezhom v kontekste publichnoi diplomatii KNR [Confucius Institute and teaching Chinese abroad in the context of PRC public diplomacy], *Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]*, 2: 90—97. (In Russian).

* * *

Fan Min, Li Guoqing (2019). Xin shidai beijing xia Kongzi xueyuan mianlin de kunjing yu zhuanxing lujing [Problems facing Confucius Institutions in the new era and ways of transformation], *Gaige yu kaifang [Reform and opening]*, 17: 106—109. (In Chinese).

Gao Yingze, Song Mengxiao (2019). Xin sidai kongzi xueyuan de fazhan kunjing yu jie jue jianyi [Difficulties in the development of Confucius Institutions in the new era and

recommendations for solving problems], *Kaifeng jiaoyu xueyuan xuebao [Journal of Kaifeng Institute of Education]*, 6: 38–39. (In Chinese).

Joseph S. (2012). Nye China and soft power: Kennedy School of Government, Harvard University, Cambridge, MA, USA, *South African Journal of International Affairs*, 19,2: 151–155.

Yi Xiaoming, He Liguang (2020). Cong wai zai dao nei zai: wenhua ruanshili jianshe zhi zhongxin zhuan yi [From the outside to the inside: the focus of cultural soft power construction], *Henan shifan daxue xuebao [Journal of Henan Normal University]*, 47 (04): 1–7. (In Chinese).

Zhan Guozuo, Liu Cunling (2020). Xin shidai Beijing xia de wenhua ruanshili tisheng [The promotion of cultural soft power in the context of the new era], *Makesizhuyi yanjiu [Marxist Studies]*, 09: 82–90. (In Chinese).

Zhang Guozuo (2015). Zhongguo wenhua ruanshili jianshe bixu huida de jig e zhongyao wenti [Several important questions that must be answered in the construction of Chinese cultural soft power], *Kexue shehuizhuyi [Science socialism]*, 5. (In Chinese).

Zhou Yanfei (2020). Jiyu guoji zhongwen jiaoyu shijiao de “wenhua zouchuqu zhanlue”tanjiu [Research on “Culture Going Out Strategy” from the Perspective of International Chinese Education], *Wenhua chuangxin bijiao yanjiu [Comparative Study of Cultural Innovation]*, 32: 190–192. (In Chinese).

K. Zakić, N. Stanojević

BETWEEN ASPIRATION AND REALITY: SINO-SERBIAN ECONOMIC RELATIONS¹

Abstract. China and Serbia maintain active economic cooperation within the framework of two Chinese initiatives — Belt and Road and China-CEEC² Coordination Mechanism. Since 2009, cooperation has constantly been growing, both in terms of trade and investment and, finally, in terms of financing various infrastructure projects through Chinese loans. Regardless of the two countries' excellent, primarily political relations, it is necessary to objectively look at the actual economic forms of cooperation and options for their improvement.

The methodology used in this paper is the qualitative analysis and descriptive statistics. Displayed results in the paper showed significant trade growth between China and Serbia, but also the accelerated degradation of the structure of Serbian exports.

As investments in Serbia are concerned, Chinese companies have invested in the exploitation and processing of copper, steel, and automobile industry, which is of great importance for the Serbian economy, given that these are essential export sectors. Chinese loans were disbursed for the projects of Serbian infrastructure, which was outdated and devastated, and its renewal was necessary.

¹ The paper presents the findings of a study developed as part of the research project entitled 'Serbia and challenges in international relations in 2022', financed by the Ministry of Education, Science, and Technological Development of the Republic of Serbia, and conducted by the Institute of International Politics and Economics, Belgrade.

² CEEC — Central and Eastern European Countries.

The main recommendations for improving cooperation in trade are to increase Serbian exports to China through products with higher added value, and at the same time, it is necessary to negotiate the reduction or elimination of customs duties for certain product groups.

Chinese investments in Serbia are successful, and infrastructure project works are going smoothly, with Serbia fulfilling its financial obligations to China.

Keywords: economic cooperation, China, Serbia, reality, aspirations.

Authors: Katarina Zakić, Ph.D. (Economics), Research Fellow, Head of the Regional Centre Belt and Road, Institute of International Politics and Economics (Belgrade, Serbia). E-mail: katarina@diplomacy.bg.ac.rs

Nataša Stanojević, Ph.D. (Economics), Research Fellow, Centre for Neighbouring and Mediterranean Countries, Institute of International Politics and Economics (Belgrade, Serbia). E-mail: natasa.stanojevic@diplomacy.bg.ac.rs

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

К. Закич, Н. Станоевич

Китайско-сербские экономические отношения: между желаемым и действительным

Аннотация. Китай и Сербия ведут активное экономическое сотрудничество в рамках двух китайских инициатив — «Пояс и путь» и Координационный механизм «Китай — ЦВЕ»¹. С 2009 г. это сотрудничество неуклонно расширяется как в плане торговых отношений и инвестиционного взаимодействия, так и в аспекте финансирования различных инфраструктурных проектов посредством китайского кредитования. Несмотря на превосходные, в первую очередь политические, отношения двух стран, необходимо объективно взглянуть на реальную картину экономического сотрудничества и возможные пути его совершенствования.

Методология, используемая в данной статье, представлена принципами качественного анализа и иллюстративности статистических данных. Полученные результаты показывают факт значительного роста товарооборота между Китаем и Сербией, но также и ускорение деградации структуры сербского экспорта.

Что касается инвестиций в сербскую экономику, то китайские компании направили капиталовложения в добычу и переработку меди, производство стали и в автомобильную промышленность, что имеет большое значение для экономики страны, учитывая важность этих экспортных отраслей. Китайские кредиты были направлены в

¹ «Китай и страны Центральной и Восточной Европы» (прим.ред.).

Сербии в проекты по обновлению устаревшей и разрушенной инфраструктуры, нуждавшейся в модернизации.

Основными рекомендациями по улучшению сотрудничества в сфере торговли являются увеличение сербского экспорта в Китай за счет продукции с более высокой добавленной стоимостью и одновременно — проведение переговоров по снижению или отмене таможенных пошлин на определенные группы товаров.

Китайские инвестиции в Сербию успешны, и работы по инфраструктурным проектам идут без затруднений. Сербия выполняет свои финансовые обязательства перед Китаем.

Ключевые слова: Китай, Сербия, экономическое сотрудничество, соотношение желаемого и действительного.

Авторы: Катарина Закич, доктор философии (экономика) (Ph.D. (Ec.)), научный сотрудник, руководитель Регионального Центра «Пояс и путь», Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия). E-mail: katarina@diplomacy.bg.ac.rs

Наташа Станоевич, доктор философии (экономика) (Ph.D. (Ec.)), научный сотрудник, Центр изучения соседних и средиземноморских стран Института международной политики и экономики (Белград, Сербия). E-mail: natasa.stanojevic@diplomacy.bg.ac.rs

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Introduction

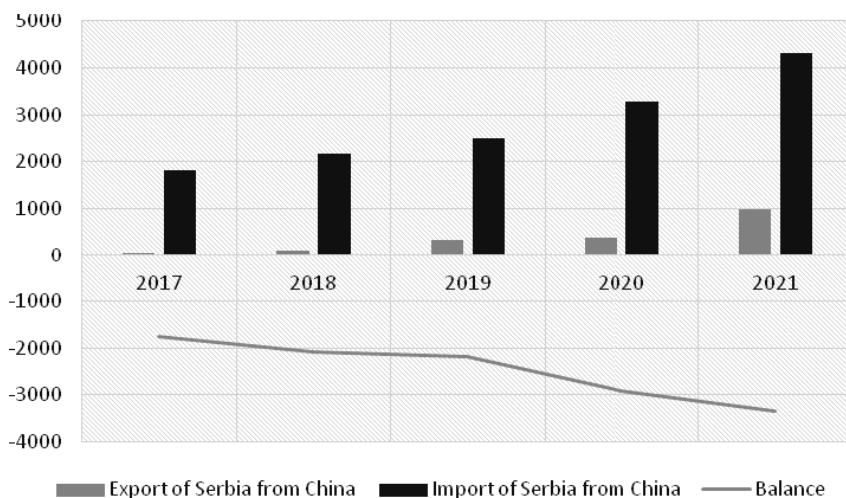
As one of the most powerful economies globally, which has successfully overcome decades of economic problems and poverty, China has the potential to influence the economic development of other countries positively. Even though Serbia is not neighbouring China, nor is its economy compatible with the Chinese in any way, the relations of economic cooperation between China and Serbia are developing increasingly.

The subject of this analysis is the current situation, dynamics, effects, and challenges of economic relations between China and Serbia, with particular reference to a certain discrepancy between the aspirations of both countries and the reality of their relations. Applying qualitative and descriptive statistical analysis deals with the key aspects of foreign trade, investment, and financial arrangements between China and Serbia.

Bilateral trade relations between Serbia and China

The cooperation between China and Serbia in trade has sharply intensified in the last three years. Although the China-CEEC Coordination Mec-

hanism has provided a solid incentive to China's trade with the countries of this region for years [Chen, Yang, 2016], in the case of Serbia, it cannot be regarded as the only reason for the expansion of bilateral trade. Serbian export to the Chinese market has multiplied, but so has the import from China. In 2017, Serbia sold only 0.3 % of its total exports to China, and in 2021, exports reached 3.8 %. Serbia's exports in 2021 are almost three times higher than in 2019 and 2020 and ten times higher than in 2018. Despite Serbia's exports growing faster than imports, Serbia's trade deficit has increased dramatically from -1.7 billion USD in 2017 to -3.3 billion in 2021 (Graph 1) due to the high absolute value of imports from China. In that respect, Serbia does not differ much from the most developed countries, which also have a significant deficit in trade with China due to high competitiveness and the volume of Chinese products on the global market.



Graph 1. Trade between Serbia and China in the period from 2017 to 2021 (in millions of USD). *Source:* The Statistical Office of the Republic of Serbia, <https://www.stat.gov.rs> (accessed: 20 March 2022).

Apart from the constant growth of the deficit, one can notice a very unfavourable structure of Serbia's exports in the Serbian-Chinese trade relations. Processed copper occupied a crucial place in Serbia's exports to China until 2020, accounting for about 2/3 of exports to China in recent years. This is not a highly processed product but includes significant added value compared to primary sector products. However, in 2021, the export structure deteriorated due to the rapid growth of exports of only one product —

copper ore. It is a primary product that did not have its place on the Chinese market until 2020 due to the low price per unit of product and the distance between the countries. The value of copper ore exports in 2021 amounted to more than 500 million USD out of a total of 972 million USD, or 52 % of total exports to China. In 2021, copper and copper ore combined accounted for 85 % of Serbian exports to China.

This trade structure is favourable for China generating a huge surplus by importing raw materials while exporting finished goods. In addition, China has a growing need for copper, which is a necessary raw material in industrial production both in terms of electronics production, and in terms of green energy¹, which has a central place in China's new energy policy aiming to achieve carbon neutrality by 2060.

Apart from the copper ore, raw wood and unprocessed silver have a relatively high export share as primary sector products. Serbia did not export silver to China until 2020, when exports amounted to about 8.6 million USD, while in 2021 decreased to 4.5 million USD. There are expectations of increased exports of unprocessed silver for the oncoming period, given the same origin (Bor copper mine) and the same Chinese company (Zijin Mining). In 2020, silver exports to China accounted for 99 % of the total silver exports from Serbia. The total exports of raw silver from Serbia are slightly higher than in previous years but not as dramatic as in the case of copper ore.

The increase in the export of copper and silver ore is a consequence of purchasing the majority of shares of RTB Bor, the most significant Serbian producer of copper, gold, and silver, by the Chinese company Zijin Mining, at the end of 2018. The export of copper ore will rise in the coming years because the Ministry of Mining and Energy of Serbia issued a decision to Zijin Mining in June 2021 for the construction and operation of the copper and gold mine "Čukaru Peki" — a copper deposit near the town of Bor.

Serbia's trade position with China is unfavourable due to monolithic exports, limited to four products, which account for 90 % of exports, but even more so because 55 % of exports are raw materials. In addition to the

¹ In the green energy sector, copper is used in the production of solar panels, wind turbines, as well as offshore windfarms. Namely, copper has extremely high thermal and electrical conductivity, which makes it an integral part of the production of any electrical infrastructure. Speaking of solar panels, copper is used for cables and wires, and China is the largest global manufacturer of solar panels. As for wind turbines, copper is used to produce turbines, cables and transformers. In terms of wind turbines, in 2021, China was the country that invested the most in the construction of wind turbines on its territory. Copper is of special importance for the operation of offshore wind turbines, because of large quantities of copper which are used to make submarine cables.

unfavourable position in bilateral relations, one Chinese company only (Zijin Mining) has reshaped the entire export structure of Serbia in two years. Until 2020, ore export was generally not in Serbia's first 50 export sectors, while in 2020, they reached 30th place. In 2021, it took as high as 7th place in the total export of Serbia.

A particular problem, typical for resource economies, is the dramatically reduced period of exploitation. Exports of unprocessed ore compared to products with a lower degree of processing decreased export earnings in annual terms. However, this is a minor problem because such a pace of exploitation multiplies the speed of the ultimate exhaustion of resources. Specifically, in the case of the "Čukaru Peki" mine, a production plan of 3.3 million tons of copper ore was announced during the takeover of the company. The total reserves being slightly less than 37 million means that the mine will be used up in 11 years.

Other products that have a relatively important place in Serbian exports to China are some electrical and mechanical industry products (water pumps, electric motors and generators, and spare parts), frozen beef, and cigarettes.

Regarding Chinese exports to the Serbian market, the most exported products are mobile phones, computers and monitors, clothing, iron and steel products, measuring products, footwear and clothing accessories, plastic, furniture, vehicles and vehicle parts, tires and products of rubber [Statistical Office of the Republic of Serbia].

Chinese investments in Serbia

Countries on major transit routes in all world regions are attracting large amounts of Chinese investment under Belt and Road Initiative (BRI) [Yiwei, 2016; Vinokurov, Tsukarev, 2018]. Due to its significant position on transit routes between Eastern and Western Europe, Serbia has attracted significantly more Chinese FDI than neighbouring countries.

The first small entrepreneurs from China came to Serbia in the 1990s. They opened independent shops, selling consumer goods, mostly of lower quality. Within the BRI and the China-CEEC Coordination Mechanism, the number of investments has increased sharply since 2014. According to the data shown in Table 1, the total amount of Chinese investments in Serbia in 2014–2022, in acquisitions, joint ventures, and FDIs, is 2.77 billion USD.

Table 1. Chinese investment projects in Serbia (January 2014 — March 2022)

Project	Chinese partner/investor	Type of the project	Sector	Status (finished, in progress)	Value
Hesteel, Smederevo	HBIS Group Iron and Steel	acquisition	metallurgy	finished	€300 million
Mei Ta, Obrenovac	Mei Ta	joint venture with Serbian Government	auto industry	finished	\$110 million
Zijin Mining, Bor	Zijin Mining	acquisition	metallurgy	finished	\$1.26 billion and \$200 million for previous loans
Shandong Linglong tire company, Zrenjanin	Shandong Linglong	FDI	auto industry	in progress	€800 million
Yanfeng, internal entirior for cars, Kragujevac	Yanfeng Seating	FDI	auto industry	finished	€40 million
Yanfeng, car security systems Kragujevac	Yanfeng Seating	FDI	auto industry	in progress	€18 million
Xingyu, lights for cars, Niš	Changzhou Xingyu Automotive Lighting Systems	FDI	auto industry	finished	€60 million
Minth, Loznica and Šabac	Minth	FDI	auto industry	finished	€100 million
Eurofiber, yarn, Čuprija	China Prosperity Industrial Corporation	FDI	textile	finished	€1.1 million

Source: Authors' data collection.

The most significant Chinese investments are in the previously mentioned copper mine in Bor, Zijin Mining Bor, and the tire factory Shandong Linglong in Zrenjanin. There is a noticeable trend of Chinese investments in the automotive industry. As many as five companies have invested in the auto industry (Mei Ta, Shandong Linglong, Yanfeng, Xingyu, and Minth), and they are already announcing the expansion of existing capacities. Chinese investors have seen the situation in the Serbian market and noticed that Serbian workers have extensive experience in the automotive industry and that there is unused potential for their employment. Namely, the Italian car factory Fiat from Kragujevac has been doing poorly for years and is gradual-

ly withdrawing its production from Serbia, leaving many workers without a job. Nowadays, some of them can find a job in Chinese companies.

Company Hesteel made the acquisition of the steel plant *Železara Smederevo*. In previous times, this steel plant used to generate huge losses for decade, with the Serbian state paying social and health contributions and minimum wages for 5,000 workers. Today, Hesteel Smederevo is one of the largest exporters from Serbia, next to *Zijin Bor*, exporting steel primarily to the European market.

All these investments have been successfully realized and are mutually beneficial. In general, the cooperation between China and Serbia in the field of investment has significantly better effects on the Serbian economy than bilateral trade. The positive effects on the Serbian economy are more visible than FDI from EU countries [Stanojević, Jovanović, 2019]. The key reason is the placement in manufacturing and export activities, as opposed to European FDI, which is mostly concentrated in non-manufacturing activities, such as retail chains and banks [Hofmann, 2013; Stanojević, Kotlica, 2015].

Chinese infrastructure projects in Serbia in the form of loans

Chinese loans to the Serbian economy have increased significantly in recent years. They are obtained through cooperation framework China—CEEC and BRI. Most of the projects aim to build and improve infrastructure, which is a precondition for the overall development¹ (Prud'homme, 2004) and has been neglected in Serbia, as well in the CEE countries for years [Bastian, 2017]. In Serbia, loans are used to construct highways, regional roads, railways, a subway, energy infrastructure, etc.

One of the most important projects in Serbia is the renovation of the railway, which is in a poor condition. In Table 2, the first loan relates to the railway section between Belgrade and Subotica, connecting further with Hungary. For Serbia to achieve full positive effects of the one day finalized railway routes, it is necessary to invest in the rest of the railway network — from Belgrade to Northern Macedonia and Greece in the south [Zakić, 2020b, p. 38]. As for road infrastructure, significant improvements and large investments are still required, bearing in mind that Serbia's development strategy is based mainly on attracting foreign direct investment (FDI), and good road infrastructure is a must.

¹ Prud'homme, R. (2004). Infrastructure and Development, Paper prepared for the ABCDE (Annual Bank Conference on Development Economics), Washington, May 3—5, 2004. Published by Canadian Center of Science and Education.

Table 2. Chinese infrastructural projects in Serbia, loans (January 2014—March 2022)

Project	Chinese partner/investor	Structure of loans	Sector	Status (finished, in progress)	Value
High speed railway Belgrade-Stara Pazova and Novi Sad –Subotica	China Communication Construction Company and China Railway International	Chinese loan (85%) and budget of Republic of Serbia (15%)	transport	in progress	\$1.49 billion
Kostolac thermal power plant	China Machinery Engineering Corporation	Chinese loan	energy	in progress	\$715.6 million
Highway Miloš Veliki (Corridor 11) 1. Surčin-Obrenovac 2. Obrenovac-Ub	Shandong Hi-Speed Group and China Communication Construction Company	Chinese loan (85%) and budget of Republic of Serbia (15%)	transport	finished	\$541 million
Corridor Fruška gora	CRBC	Chinese loan	transport	in progress	€606 million
Traffic bypass around Belgrade, sector B (bridge over river Save near Ostružnica and sections of road 4, 5, 6)	Power Construction Corporation of China	Chinese loan and budget of Republic of Serbia	transport	in progress	€227 million
Belgrade metro	Power China International Group Limited	/	transport	in progress	/

Source: Authors' data collection¹.

Regarding thermal power plants, it should be highlighted that the Serbian coal reserves are significant, and Kostolac TPP is the crucial electricity producer in Serbia. The modernization project of this plant and the expansion of surface mines is vital for Serbia because it guarantees its energy stability.

As for the terms for China providing funds for these loans, they are relatively uniform for projects with publicly available data in Serbia. These are usually loans of 10—20 years, with a grace period of several years for loans with a more extended repayment period [Pavlicmevicm, 2019]. Interest rates

¹ Belgrade subway is a joint project between Serbia, France (company Alstom) and China. The only part of the project that is known is that project will be worth 4.4 billion euros. It is unknown how much the Chinese company is paid and how this project is financed.

range between 1.5 and 3 %, and loans are primarily provided through Chinese state-owned banks. Loans and projects are agreed upon through bilateral cooperation. Very favourable Chinese lending conditions have led many underdeveloped countries to excessive borrowing¹. For now, Serbia is using these loans within its realistic capabilities. Chinese state-owned companies engaged in these projects work on them with the Chinese workforce. They are not obliged to go through tendering process, which some other companies would otherwise go through, which makes their job much easier [Zakić, 2020a, p. 65].

Therefore, even with large infrastructure projects, both sides share a clear interest to cooperate. The Chinese have a surplus of free financial re-

Table 3. Chinese infrastructural projects in Serbia that Serbia is financing (January 2014—March 2022)

Project	Chinese partner/investor	Finances	Sector	Status	Value
Novi Beograd – Surčin highway (part of Miloš Veliki highway)	China Communication Construction Company	Serbia is financing	transport	in progress	\$70.5 million
Traffic bypass around Belgrade, sector C (Bubanj Potok- Vinča- Pančevo)	Power China and Azvirt (Azerbaijan)	Republic of Serbia	transport	in progress	€500 million
Preljina-Požega Highway (part of Miloš Veliki)	China Communication Construction Company	Republic of Serbia	transport	in progress	€450 million
Traffic bypass around Užice - Čačak	Power Construction Corporation of China Limited	Republic of Serbia	transport	starts in June 2022	€29.8 million
Heating pipeline between Obrenovac and Novi Beograd	Power Construction Corporation of China	EPS (15%) and Republic of Serbia (85%)	hydro and coal	in progress	\$193 million
Design and construction of infrastructure for municipal solid waste disposal in 65 municipalities and cities in Serbia	China Road and Bridge Company	Local municipalities and governments from Serbia	infrastructure for solid waste	starts at the end of 2022	€3.2 billion

Source: Author's data collection.

¹ Hurley, J., Morris S. and Portelance, G. (2018). Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective, Center for Global Development Policy Paper 121, ITC, Market Access Conditions. URL: <https://www.macmap.org/> (accessed: 20 March, 2022).

sources to employ through large infrastructure projects worldwide, including Serbia. The additional profitability of these projects is reflected in the engagement of state-owned Chinese companies and Chinese workers. In addition, through the projects in which it participates, China improves the references of its state-owned companies, which work on large infrastructure projects in Europe. On the other hand, Serbia deals with several problems in its infrastructure, which was inadequate and led to a number of economic opportunities being missed. Moreover, Serbia has applied to other international institutions and the EU for some infrastructure projects, but they were rejected.

In addition to projects financed by Chinese loans, Chinese companies are working on infrastructure projects financed by Serbia, such as particular sections of freeways or water and sewage construction projects. Table 3 shows the projects that Chinese companies are working on, financed by the Republic of Serbia, both from its own funds and commercial loans.

Prospects for improving economic cooperation between China and Serbia — aspirations versus reality

Based on the presented data, it is timely to assess the dynamics of economic cooperation between China and Serbia and see if there are prospects for its improvement. The first conclusion is that the economic relations between Serbia and China have entirely changed since the signing of the Strategic partnership agreement between China and Serbia in 2009. Before this period, Chinese exports to Serbia had been the only form of economic cooperation. From that perspective, the results achieved are above the average. Serbia has significantly increased exports to China, as has China to Serbia; the number of Chinese investments in Serbia has increased, primarily in production activities, which directly contribute to increasing Serbian exports; Chinese loans were placed in infrastructure projects nominated by Serbia for which there was a real need.

Although Sino-Serbian economic relations are on the rise, there is plenty of room to improve cooperation, especially in trade. As Serbia is a country with a small population and modest production capacities, it is not realistic to expect a significant increase in the volume of exports to the Chinese market. On the other hand, it is both possible and necessary to change the structure of Serbian exports. Exports of raw copper ore and even copper in basic form (HS 7403), which dominates exports to China, are not acceptable for Serbia, whose total exports are dominated by products of the elect-

rical and mechanical industries. Even though China owns the Bor mine, bilateral negotiations would make it possible to explore the possibility of additional capacities for copper processing in Serbia to achieve higher export values and decrease transport costs.

Another way to improve trade relations is to reduce tariffs on products already exported to the Chinese market through bilateral negotiations. China already has preferential trade arrangements with a large number of countries. If Serbia's modest export capacities are added to that, it is clear that this is not a big concession for China. However, it would significantly contribute to the improvement of trade relations. As an example, Table 4 shows comparative data on customs duties on imports of Serbian products to China and the EU, which indicate significant room for reducing Chinese customs duties on almost all products.

Table 4. Chinese and EU customs duties on imports from Serbia (%)

HS code	Product	China's Customs tariffs on imports from Serbia	Customs tariffs of EU on imports from Serbia
8501	Electric motors and generators	12%	4,7%
8536	Electrical apparatus for switching or protecting electrical circuits	10%	10%
8544	Insulated wire, cable incl. coaxial cable	10%	3,7%
8503	Parts of Electric motors and generators	8%	2,7%
0811	Fruits and nuts, frozen		
	Strawberries	30%	0%
	Raspberries, blackberries, blueberries	30%	0%
2402	Cigarettes	25%	0%
0202	Meat of bovine animals, frozen	25%	25-62%
1507	Soya-bean oil and its fractions	9%	0%
2204	Wine of fresh grape	14-20%	0,5-15%

Source: ITC, Market Access Conditions, <https://www.macmap.org/>

When it comes to investments, Serbia and China can be satisfied with the development of the situation at this moment. Chinese state-owned and private companies have opened factories or bought existing production facilities. Two Chinese companies are leading exporters from Serbia. In its aspirations to attract foreign investments from China, Serbia should pay attention to two types of effects of Chinese business in Serbia. The first group is environmental consequences and environmental pollution. Companies operating in Serbia, Zijin and Hesteel are already on the list of the biggest polluters in the country. With their production of tires, the company Shandong Linglong could also get to that list if it does not apply the appropriate technology. Cooperation between Serbia and China in this segment can be

much better, especially considering that China has significantly advanced in applying techniques and methods in the prevention of environmental pollution¹ (Sheng, Zhou, Zhang, Wang, 2021). The second group refers to economic effects, which can be characterized as mixed. The operation of Chinese companies in Serbia contributes to the engagement of the labour force and the growth of exports significantly. On the other hand, as these are basic products, there are no effects of these investments on the technological and overall improvement of the Serbian economy.

Chinese companies do not apply for projects through tendering procedures — the contracts are awarded through bilateral negotiations. Serbia has a reliable partner in China to implement major infrastructure projects that have been delayed for a long time due to the collapse of Yugoslavia, sanctions, bombing of the country, and subsequent economic crises. However, at this moment, it is necessary to keep in mind that the economic situation has changed significantly due to the pandemic. The questions are whether Serbia will still have a good investment environment due to the worsening of the global economic situation, whether its economic recovery will continue, and whether it will ultimately be able to repay the loans, it took. Therefore, Serbia must consider every possible scenario of future economic development, take into account foreseeable risks, and reconsider if this expansive infrastructure policy is sustainable.

Библиографический список / References

Bastian, J. (2017). The potential for growth through Chinese infrastructure investments in Central and South-Eastern Europe along the “Balkan Silk Road”, *Report for the European Bank for Reconstruction and Development*, Athens/London: 1–62, URL: <https://www.ebrd.com/documents/policy/the-balkan-silk-road.pdf> (accessed: 10 March, 2022).

Chen, X., Yang, C. (2016). An Quantitative Analysis on China-CEEC Economic and Trade Cooperation, Working Paper Series on European Studies, *Institute of European Studies, Chinese Academy of Social Science*, Vol. 10, 5: 1–21 URL: <http://ies.cass.cn/english/wp/201610/P020161031602504416535.pdf> (accessed: 11 March, 2022).

Hofmann, P. (2013). The Impact of International Trade and FDI on Economic Growth and Technological Change, *Springer Verlag, Berlin Heidelberg*.

Pavlicmevic, D. (2019). A Power Shift Underway in Europe? China’s Relationship with Central and Eastern Europe under the Belt and Road Initiative in Xing, L. (ed.)

¹ CCICED (2018). Special Policy Study on Green Belt and Road and 2030 Agenda for Sustainable Development, Policy Paper, China Council for International Cooperation on Environment and Development.

Mapping China's "One Belt One Road" Initiative: 249–278. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-92201-0_10

Sheng, R. Zhou, R. Zhang, Y. Wang, Z. (2021) Green Investment Changes in China: A Shift-Share Analysis, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18, 6658. DOI: 10.3390/ijerph18126658

Stanojević, N. and Jovanović, Z. (2019). Total and Chinese FDI in Serbian economy and economic development, *The Matica Srpska Journal of Social Sciences*, 171 (3): 361–374.

Stanojević, N. and Kotlica S. (2015). The Features and Effects of Foreign Direct Investment in the Transition Economies, *The Matica Srpska Journal of Social Sciences*, 152 (3): 543–555.

Vinokurov, E. and Tsukarev, T. (2018). The Belt and Road Initiative and the transit countries: an economic assessment of land transport corridors. *Area Development and Policy*, 1 (3): 93–113.

Yiwei, W. (2016). The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in Its Rise, *New World Press, Beijing*.

Zakić, K. (2020a). The Results and Risks of China's Belt and Road Investment Projects in Serbia, *The Review of International Affairs*, Vol. 71 (1180): 45–71. DOI: 10.18485/iipe_ria.2020.71.1180.3

Zakić, K. (2020b). Potencijali regionalne saradnje u okviru 17+1 i iskustva Srbije. *Medunarodna politika*, LXXI (1177): 30–52.

DOI: 10.48647/IFES.2022.81.26.011

О.К. Вавилов, С.Л. Сазонов

КИТАЙ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СУХОПУТНО-МОРСКИЕ МАРШРУТЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Аннотация. Бурное развитие внешнеэкономических связей между КНР и странами Евросоюза за последнее десятилетие вызвало резкий рост объема транзитных перевозок между двумя ведущими экономическими регионами, который в 2021 г. составил рекордные 1,5 млн контейнеров — лучший показатель за все время эксплуатации евразийского железнодорожного маршрута. В 2021 г. Китай уже шестой год подряд был крупнейшим коммерческим партнером Германии, причем объем торговли между КНР и Германией достиг примерно 30 % товарооборота между Китаем и странами Европы. Это позволило Германии превратиться в центр притяжения евразийского железнодорожного транзита, а города Дуйсбург и Гамбург — в основные перевалочные логистические хабы. Основным «диспетчером» евразийского железнодорожного потока из Китая стал г. Чунцин, являющийся одним из ведущих китайских центров автомобилестроения и производства компьютерной техники, чья продукция наиболее востребована в странах ЕС, Центральной и Южной Азии.

Для диверсификации направлений континентальных транзитных железнодорожных потоков в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора продолжает строиться железнодорожная магистраль к пакистанскому порту Гвадар, которая позволит поставлять продукцию центральных и западных провинций КНР и стран ЮВА сухопутно-морским путем из пакистанского порта в страны Западной и Северной Европы (через Дуйсбург и Гамбург), и в страны Центральной и Восточной Европы (через греческий порт Пирей).

Объединение континентальных железнодорожных маршрутов с интегрированной сетью мультимодальных перевозок грузов через порты провинции Шаньдун в Японию, Республику Корея и страны АТР, а также с новым Международным сухопутно-морским торговым коридором, созданным в рамках реализации Китайско-сингапурской (Чунцин) демонстрационной инициативы по стратегической взаимосвязанности, станет важнейшим шагом на пути к объединению «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» и созданию более устойчивой, сбалансированной многополярной структуры региональной и мировой торговли.

Ключевые слова: Китай, Европа, Чунцин, Дуйсбург, сухопутно-морские перевозки, порт Гвадар, региональная и мировая торговля.

Авторы: Вавилов Олег Кимович, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, аспирант ИДВ РАН.

E-mail: ovavilov@ifes-ras.ru;

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-8889-7072.

E-mail: sazonovch@mail.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

O.K. Vavilov, S.L. Sazonov

China paves alternative land-sea routes on the Eurasian continent

Abstract. The rapid development of foreign economic relations between China and the EU countries over the past decade has generated a sharp increase in transit traffic between the two leading economic regions, which in 2021 amounted to a record 1.5 mln containers — the best indicator for the entire activity of the Eurasian railway route. In 2021 China has been Germany's largest trading partner for six years in a row, with the volume of bilateral trade accounting about 30 % of the trade turnover between China and European countries. This fact allowed Germany to become the center of attraction for Eurasian rail transit, and the cities of Duisburg and Hamburg have become the main transshipment logistics hubs.

The main dispatcher of the Eurasian railway flow from China is Chongqing, which is one of the leading centers of automotive and computer equipment manufacturing in China, whose products are most in demand in the EU, Central and South Asia. In order to diversify the directions of continental transit railway flows within the framework of the China-Pakistan Economic Corridor, a railway line to the Pakistani port of

Gwadar is being built. This will allow to export products of the Central and Western provinces of China and Southeast Asian countries by land and sea from the Pakistani port to the countries in Western and Northern Europe (via Duisburg and Hamburg), and to the countries of Central Asia and Eastern Europe (via the Greek port of Piraeus). China carries out the unification of continental railway routes by an integrated multimodal transport network through the ports of Shandong Province to Japan, the Republic of Korea and the Asia-Pacific countries, as well as by a new International land-sea trade Corridor as a part of the China-Singapore (Chongqing) Demonstration Initiative. That will be an important step towards the merger of the «Silk Road Economic Belt» and the «Maritime Silk Road of the 21st century» and the creation of a more stable, balanced and multipolar structure of regional and world trade.

Keywords: China, Europe, Chongqing, Duisburg, land and sea transportation, Gwadar port, regional and world trade.

Authors: Oleg K. VAVILOV, Deputy Director, postgraduate student, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ovavilov@ifes-ras.ru;

Sergey L. SAZONOV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8889-7072. E-mail: sazonzov@mail.ru

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

В 2021 г. объем торговли между Китаем и странами ЕС значительно вырос и достиг 828,1 млрд долл., а объем двухсторонних накопленных инвестиций — 270 млрд долл.¹ Как итог, в 2021 г. Китай оставался крупнейшим торговым партнером ЕС, в то время как Евросоюз являлся вторым по величине торговым партнером Китая². Бурное развитие торгово-экономических отношений между КНР и Европейским союзом в последнее десятилетие требует увеличения объема транзит-

¹ Sino-EU cooperation beneficial to world economy amid headwinds. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202204/01/WS624664e1a310fd2b29e54a0f.html> (accessed: 02.04.2022).

² По данным Министерства торговли КНР, за первые два месяца 2022 г. Европейский союз обогнал страны АСЕАН и стал главным торговым партнером Китая, при этом объем двусторонней торговли достиг 137,16 млрд долл., что на 14,8 % больше, чем за аналогичный период 2021 г., и на 570 млн долл. больше, чем у Китая со странами АСЕАН. Согласно заявлению пресс-секретаря министерства Гао Фэна, «трудно судить, является ли изменение в объемах торговли Китая со странами АСЕАН и ЕС сезонным явлением или тенденцией, но он отражает более сильную устойчивость и динамизм в торговле между Китаем и странами ЕС» (China calls for more cooperation with EU as it becomes top trading partner. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1255194.shtml>) (accessed: 19.03.2022).

ных перевозок между двумя ведущими региональными драйверами мировой экономики, начало которым было положено 19 марта 2011 г., когда с железнодорожной станции Туаньцзэкунь города Чунцин в Дуйсбург (Германия) по маршруту протяженностью 11 179 км, который в Китае называют «YUXIN'OU» (аббревиация *Chongqing—Xinjiang—Europe*), отправился первый грузовой поезд «Китай—Европа». Сегодня новый сервис *China—Europe Railway Express (CERE)* уже более 11 лет работает на всем евразийском континенте, и, по данным китайского национального железнодорожного оператора *China State Railway Group*, в 2021 г. по маршруту «Китай—Европа—Китай» проследовало 15 183 грузовых поезда, которые перевезли 1,46 млн контейнеров, что больше, чем в 2020 г. по числу поездов на 22 %, а по числу контейнеров на 29 %¹. Увеличилось ежедневное количество отправлений грузовых поездов — с 10,8 поездов в 2020 г. до 16,2 в 2021 г., а также загрузка составов — до 118 контейнеров, при этом вследствие существующих ограничений пропускной способности произошло определенное увеличение времени поездки до 6,9 суток, что превысило показатель 2020 г., но примерно соответствовало показателям предыдущих лет, а доля порожних контейнеров, проследовавших по маршруту страны «ЕС—Китай», уменьшилась до 19 %, что является лучшим показателем за все время эксплуатации маршрута. В начале 2022 г. поезда CERE курсировали по 78 маршрутам, следовали до 169 городов в 23 европейских странах, перевозя более 50 тыс. видов товаров, включая ИТ-продукцию, автомобили и запчасти, химикаты, механические и электронные товары. Логистическая распределительная сеть в настоящее время охватывает весь евразийский континент². За последние пять лет общее количество рейсов грузовых поездов «Китай-Европа» превысило 50 тыс. (средние ежегодные темпы прироста составляли 55 %), а стоимость товаров, перевозимых грузовой службой, резко возросла в 9 раз с 8 млрд долл. в 2016 г. до 74,9 млрд долл. в 2021 г., а их доля в общем объеме внешней торговли между Китаем и Европой увеличилась с 1,5 до 8 %³.

¹ Chen Yingqun (2022). China, EU urged to strengthen cooperation, manage differences. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202201/26/WS61f08830a310cdd39bc833b2.html> (accessed: 27 January, 2022).

² China-Europe freight train service bolsters continental supply chain stability: Foreign Ministry says. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1245139.shtml?id=11> (accessed: 17.01.2022).

³ China-Europe freight train trips top 50,000, yearly growth of 55 % from 2016 to 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1250227.shtml?id=11> (accessed: 24.01.2022).



Рис. 1. Рост объемов евразийского железнодорожного транзита.

Источник: Yin Yeping (2022). Parties work to ensure smooth operation of China-Europe freight trains amid Ukraine situation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1255109.shtml> (accessed: 28.09.2022).

В период 13-й пятилетки темпы роста ВВП Чунцина были самыми высокими среди всех провинций и автономных районов КНР, превышая темпы роста ВВП страны, и в 2021 г. объем ВВП Чунцина достиг 2,78 трлн юаней (438 млрд долл.)¹, увеличившись на 8,3 % по сравнению с 2020 г.² Расположенный на Юго-западе Китая Чунцин находится на расстоянии более 2 тыс. км как от ближайшего морского порта восточного побережья КНР, так и от крупнейшего погранперехода «Алашанькоу-Достык» в СУАР, являющегося «воротами» в страны ЕС, что превратило Чунцин в идеальный логистический центр, откуда расходятся сухопутно-морские маршруты как в Европу, так и страны Азии. Чунцин также является одним из крупнейших центров Китая по производству компьютерной³, электротехнической и авто-

¹ По мнению экономистов Университета Цинхуа (Пекин), в период 14-й пятилетки (2021—2025 гг.) по объему ВВП Чунцин превзойдет Гуанчжоу и займет четвертое место по этому показателю среди крупнейших городов КНР, а рейтинг будет следующим — Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь, Чунцин (Sun Chi (2021). Nanjing projected to become city with 10th highest GDP. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/07/WS5ff67e2ca31024ad0baa1188.html> (accessed: 7 January, 2021).

² China's Chongqing posts robust economic growth in 2021. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/202201/17/WS61e52d1fa310cdd39bc81857.html> (accessed: 18.04.2022).

³ Последние 8 лет Чунцин был крупнейшим в мире центром по производству ноутбуков, выпустив более 70 млн ед. в 2020 г. В 2021 г. в КНР было произведено 32.31 млн мониторов для ПК, причем 27 % объема производства пришлось на Чунцин (China's PC monitor shipments to drop slightly in 2022: report. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202204/06/WS624cffeca310fd2b29e55490.html> (accessed: 06.04.2022). За первые десять ме-

мобилестроительной промышленности, что обеспечивает ему лидерство по объемам экспорта железнодорожным транспортом в Европу инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью и значительную конкурентоспособность по сравнению с морскими перевозками по срокам доставки и, в особенности, учитывая негативное влияние пандемии COVID-19 на рост ставок морского фрахта (подробнее о влиянии пандемии на морской транспорт в Евразии см. [Сазонов С.Л.]). Морской транспорт Китая и новые контуры мировых транзитных перевозок в условиях постпандемии). Себестоимость железнодорожных транзитных перевозок в итоге оказывается значительно ниже морских¹.

В октябре 2020 г. на заседании Политбюро ЦК КПК было предложено образовать Экономический круг «Чэнду—Чунцин (ЭКЧЧ)», с целью превращения Чунцина и Чэнду — столицу провинции Сычуань, в новые двигатели роста экономики Западного региона Китая и превращения его в центр международных транзитных перевозок. Сегодня ЭКЧЧ является одним из важнейших направлений стратегии регионального развития после региона «Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй», дельты реки Янцзы и района Большого залива «Гуандун—Сянган—Аомэнь»². Площадь ЭКЧЧ составляет около 185 тыс. кв км (1,9 % тер-

сяцев 2021 г. основными экспортными товарами Чунцина были ноутбуки, интегральные схемы и компьютеры, а Европейский союз, АСЕАН и США оставались основными торговыми партнерами Чунцина — объем товарооборота составил 101,67 млрд юаней, 100,94 млрд юаней и 95,89 млрд юаней соответственно (Chongqing posts robust foreign trade growth. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-11/23/content_77887664.htm (accessed: 24.11.2021).

¹ Грузовые поезда «Китай—Европа», оснащенные интеллектуальными замками безопасности, помогают повысить эффективность таможенного оформления, поскольку время таможенной очистки в 2021 г. сократилось почти на 84 % по сравнению с 2015 г. Также, с целью экономии времени прохождения процедуры таможенного оформления и доставки был введен интермодальный транспортный документ, который заменил традиционную накладную и позволил торговым компаниям использовать один документ для соответствия всем требованиям каждой страны на евразийском маршруте (Dong Yifan (2021). A decade of dramatic growth of China-Europe cargo rail service. URL: https://www.bjreview.com/Opinion/Voice/202106/t20210607_800248790.html (accessed: 8 June, 2021).

² В 2020 г. на долю трех последних регионов, занимающих 2,8 % территории Китая, приходилось около 40 % ВВП КНР и в них проживало около 20 % населения. Напротив, на Западный регион КНР, занимающий 71 % территории страны, приходилось всего 20 % ВВП КНР. Именно поэтому, по мнению руководства страны, Западному региону нужен мощный драйвер в лице ЭКЧЧ, который способен стимулировать региональное экономическое развитие (Chengdu-Chongqing economic circle gets underway to accelerate development of western Region. URL: http://www.bjreview.com/Business/202011/t20201110_800226568.html (accessed: 10.11.2020).

ритории КНР), в 2021 г. здесь проживало около 98 млн человек, а объем ВВП был равен 6,3 трлн юаней (983,3 млрд долл.), что составляло 6,9 % и 6,3 % от общих национальных показателей соответственно¹. 20 октября 2021 г. Госсовет КНР представил Генеральный план развития ЭКЧЧ, который к 2025 г. должен стать крупнейшим центром логистики, обслуживающим Европу, Западный Китай, Центральную, Южную и Юго-Восточную Азию².

С отправлением первого грузового поезда «Китай—Европа» Германия превратилась в центр притяжения евразийского железнодорожного транзита³, а Дуйсбург стал основным перевалочным логистическим хабом: более 40 % поездов CERE проходят через Дуйсбург (45 поездов еженедельно). Внутренний интермодальный терминал Дуйсбурга, имеющий выход на городской порт, является ключевым узлом мультимодальных перевозок китайских товаров в страны Европы. Крупнейший в Европе контейнерный терминал площадью 240 тыс. кв. м и вместимостью 850 тыс. контейнеров сможет обслуживать до 100 контейнерных поездов в неделю из Китая. В 2020 г. дочернее подразделение основного железнодорожного оператора Германии *Deutsche Bahn AG* компания *DB Cargo* перевезла около 200 тыс. контейнеров по маршруту «Китай—Европа» и к 2025 г. планирует увеличить контейнерооборот более чем вдвое — до 500 тыс. ед. в 2021 г. С целью развития железнодорожных перевозок между Европой и Китаем, в конце 2021 г. *DB Cargo* учредила новую компанию *DB Cargo Transasia*,

¹ Chengdu-Chongqing economic circle to boost 160 key projects in 2022. URL: https://www.bjreview.com/Latest_Headlines/202112/t20211220_800270441.html (accessed: 20.12.2021).

² China issues master plan for Chengdu-Chongqing economic circle. URL: https://www.bjreview.com/Latest_Headlines/202110/t20211021_800261247.html (accessed: 21.10.2021).

³ Согласно данным Федерального статистического управления Германии, в 2021 г. объем внешней торговли между Германией и Китаем увеличился на 15,1 % до 245,4 млрд евро (278,5 млрд долл.).

Председатель Немецкой торговой палаты и генеральный директор *Volkswagen Group China* С. Велленштайн отмечал: «с момента вспышки COVID-19 при полной поддержке Китая железнодорожный коридор между Китаем и Германией стал самым стабильным и безопасным маршрутом между двумя странами, играя ключевую роль для немецких компаний в возобновлении производства и роста объемов экспорта в Китай. В 2021 г. Китай был крупнейшим торговым партнером Германии шесть лет подряд, объемом торговли между Китаем и Германией составляет около 30 % объема торговли между Китаем и ЕС, почти 60 % немецких компаний в Китае продемонстрировали рост объемов своего бизнеса, и более 70 % немецких компаний планируют увеличить объемы инвестиций в Китай в ближайшие два года, что демонстрирует полное доверие немецких компаний к китайской экономике и рынку» (*Chinese Vice FM meets representatives of German Chamber of Commerce in China*). URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1257052.shtml> (accessed: 26.03.2022).



Рис. 2. Железнодорожный маршрут «Чунцин—Дуйсбург».

Источник: Tan Yingzi (2017). Pivot in go-west campaign. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/26/content_29087352.htm (accessed: 16 December, 2021).

которая распространила свой бизнес через Дуйсбург и Гамбург на 18 европейских стран¹.

Гамбург также является одним из крупнейших европейских узлов по торговле с Китаем. В 2020 г. в этом крупнейшем морском порту Германии было обработано более 2,4 млн стандартных контейнеров, причем треть всех контейнеров, проходящих через Гамбург, отправляются в КНР или приходят из Китая². В общей сложности 15 международных морских линий соединяют Гамбург со всеми основными китайскими портами. Также Гамбург является центральным транспортным узлом европейской железнодорожной сети: еженедельно в страны ЕС отправляется около 2 тыс. рейсов, причем 230 рейсов — в КНР, а города Чунцин, Чэнду, Чанчунь, Чанша, Далянь, Ганьчжоу, Харбин, Хэфэй, Цзинань, Шэньян, Шэньчжэнь, Шилун, Сучжоу, Вэйхай, Ухань, Сямэнь, Сиань, Яньтай, Иу и Чжэнчжоу связаны с Гамбургом регулярным сообщением. В 2020 г. объем железнодорожных перевозок между Гамбургом и Китаем увеличился на 7 % и составил 107 тыс. контейнеров. Оператор терминалов компания *COSCO Shipping Ports* является бизнес-подразделением *China COSCO Shipping Corp.*, крупнейшей судо-

¹ Chen Weihua (2021). China, Germany show the way to mutually beneficial cooperation. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202112/24/WS61c51160a31019b029ba2c15.html> (accessed: 25 December, 2021).

² BRI boosts Hamburg's logistics role. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-08/25/content_75141753.htm (accessed: 25.08.2020).

ходной компании Китая. В сентябре 2021 г. *COSCO Shipping Ports* объявила о приобретении 35 %-й доли в контейнерном терминале *Hamburger Hafen HHLA Tollerort (CTT)*, который является одним из трех контейнерных терминалов *Hamburger Hafen* в порту Гамбурга. Он имеет четыре причала и 14 контейнерных причальных крана, которые способны обрабатывать крупнейшие контейнеровозы *China COSCO Shipping Corp.* вместимостью 20 тыс. контейнеров¹.

В период 13-й пятилетки крупный железнодорожный оператор *Sinotrans*, объединяющий более 1,1 тыс. национальных и 77 зарубежных филиалов, создал интегрированную сеть мультимодальных перевозок, которая, проходя через Экономический круг «Чэнду—Чунцин», соединяет железнодорожные маршруты «Китай—Европа» с сухопутно-морскими маршрутами, пролегающими через восточную прибрежную провинцию Шаньдун, в такие страны как Япония, Республика Корея и государства — члены АСЕАН². Для интеграции всех основных портовых активов и обеспечения стабильных цепочек поставок, в 2019 г. правительство провинции Шаньдун создало один из крупнейших портовых операторов в мире *Shandong Port Group Co Ltd (SPG)*, которая объединила порты провинции (Циндао, Вэйхай, Вэйфан, Яньтай, Жичжао) и группу портов Бохайского залива. В 2021 г. грузооборот группы *SPG*, базирующийся в Циндао, по сравнению с 2020 г. увеличился на 5,8 % и составил 1,5 млрд т (по этому показателю портовый оператор *SPG* вышел на первое место в мире), а контейнерооборот группы вырос на 8,1 % и превысил 34 млн TEU (20-тифутовый эквивалент), что обеспечило Группе третье место в мире. В 2021 г. общий объем выручки *Shandong Port Group* превысил 80 млрд юаней (12,56 млрд долл.), и группа *SPG* открыла 34 новых маршрута контейнерных перевозок, из которых 25 предназначены для международной торговли. К началу 2022 г. общее количество международных маршрутов контейнерных перевозок достигло 317³. *Shandong Port Group* построила 26 внутренних портов, разработала 72 маршрута комбинированных морских/железнодорожных перевозок и в 2021 г. объем пере-

¹ Port of Hamburg. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-07/07/content_77611749.htm (accessed: 08.07.2021).

² Yuan Shenggao (2021). Freight trains to enhance supply chain, build BRI. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202109/29/WS61539639a31019b029ba0aff.html> (accessed: 29 March, 2021).

³ Cao Yingying (2021). Key players to secure supply chain at forum. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202110/29/WS617b2ba3a31019b029ba160f.html> (accessed: 29 October, 2021).

валки контейнеров при мультимодальных перевозках составил 2,5 млн ед., а к 2025 г. в провинции планируется создать конгломерацию портов с ежегодным объемом грузооборота в 1,72 млрд т и контейнерооборота — в 37 млн ед.¹ В 2021 г. в провинции Шаньдун было обработано более 1,8 тыс. грузовых поездов «Китай—Европа». Сегодня по 51 международному железнодорожному маршруту товары из провинции могут достичь 54 города из 23 европейских стран, а 18 февраля 2022 г. был запущен очередной грузовой железнодорожный маршрут «Китай—Европа», соединяющий портовый г. Циндао с г. Мангейм (Германия), протяженностью 10,3 тыс. км (время в пути составляет 22 дня)².

Сегодня «главным диспетчером» транзита китайских грузов из ЭКЧЧ в Европу (и обратно) по маршруту «КНР—Казахстан—Россия—Белоруссия—страны ЕС», а также по маршруту «КНР—страны Центральной Азии» стал Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), где расположены два важнейших пограничных железнодорожных перехода. В начале 2022 г. через КПП «Алашанькоу—Достык» проходило 22 маршрута в 23 страны ЕС, а 16 маршрутов проходили через КПП «Хоргос—Алтынколь» в 10 азиатских стран³.

В связи с созданием в 2013 г. Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК)⁴, в СУАР появился третий КПП в г. Кашгар (Каши) на границе с Пакистаном, который должен стать главным пропускным пунктом транзитных потоков по новому региональному транзитному железнодорожно-автомобильному маршруту протяженностью 2 тыс. км от границы Китая через Исламабад и Карачи до порта Гвадар на берегу Ормузского пролива⁵. Этот проект позволит обеспечить западным провинциям КНР и странам Южной и Центральной Азии (через участок «Хоргос—Кашгар» в СУАР) возможность сухопут-

¹ East China's Jiaodong Peninsula to build 'one-hour' economic circle. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1209356.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/12/8) (accessed: 08.12.2020).

² Freight train link connects nation and Germany. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202202/23/WS62159460a310cdd39bc885c0.html> (accessed: 24.02.2022).

³ China-Europe freight trains via Xinjiang hit record high in 2020. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/202101/04/WS5ff2d304a31024ad0baa059b.html> (accessed: 04.01.2021).

⁴ В 2021 г. объем товарооборота между Китаем и Пакистаном достиг 27,82 млрд долл., увеличившись на 59,1 % по сравнению с 2020 г. Объем китайского экспорта в Пакистан составил 24,23 млрд долл., а объем импорта из Пакистана — 3,59 млрд долл. (рост на 57,8 % и 68,9 % по сравнению с 2020 г. соответственно) (China welcomes more imports from Pakistan to promote bilateral trade to a new level: Commerce Minister. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1257358.shtml>) (accessed: 24.03.2022).

⁵ CPEC enters new phase of high-quality development: NDRC. <https://www.globaltimes.cn/page/202110/1236794.shtml?id=11> (accessed: 25.10.2021).

но-морского транзита своих товаров через глубоководный порт Гвадар¹ и соседний порт Карачи в страны Ближнего Востока, Африки и Европы. Транзит грузов из порта Гвадар позволяет китайским компаниям значительно снизить как себестоимость транзита в страны ЕС, поскольку отпадает необходимость сухопутной транспортировки грузов в порты восточного побережья КНР или залива Бэйбу, так и сократить плечо морской перевозки грузов по маршруту «Китай—Европа» на 30 %². Основными пунктами назначения из порта Гвадар станут немецкие порты Дуйсбург и Гамбург, откуда китайские товары железнодорожным транспортом будут отправляться в страны Западной и Северной Европы, и греческий порт Пирей, отправной пункт последующего транзита в страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)³.

После того, как крупнейший китайский морской перевозчик компания *China COSCO Shipping* в 2009 г. начала управлять контейнерными терминалами греческого порта Пирей (*Piraeus Port Authority SA (PPA SA)*), в ноябре 2021 г. компания объявила, что завершила приобретение дополнительных 16 % акций греческого порта, что увеличило долю *COSCO* в активах порта до 67 %⁴. Китай использует порт Пирей в качестве перевалочного узла для азиатского экспорта в Европу, прибывающего на контейнеровозах из восточных портов Китая. Если в 2010 г. количество морских контейнеров, обработанных в порту Пирей, составило 880 тыс. ед, то, а в 2021 г., несмотря на сбои, вызванные пандемией COVID-19, оно достигло 5,94 млн ед., причем в мировом рейтинге контейнерных портов Пирей поднялся с 93 места в 2010 г. до 26 в 2021 г.⁵

19 марта 2022 г. китайские строительные компании завершили прокладку участка «Белград—Нови-Сад», который является важным

¹ Работы по развитию портовых мощностей порта Гвадар обеспечивает китайская компания *China Overseas Port Holding Company*, которая планирует увеличить ежегодный объем обработки грузов в порту до 450—500 млн т (Country to take advantage of CPEC, boost infrastructure. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202105/21/WS60a6fca2a31099a234356471.html>) (accessed: 21.05.2021).

² Phase-II of CPEC, flagship BRI project, much broader in scope: Pakistan Ambassador to China. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246043.shtml> (accessed: 17.01.2022).

³ В 2021 г. объем внешней торговли между Китаем и странами ЦВЕ достиг 133,55 млрд долл., увеличившись на 32 % по сравнению с 2020 г., что на 4,5 % выше темпов роста объема внешней торговли между Китаем и ЕС за тот же период (China-Serbia Ironclad friendship sets a good example of China-CEEC cooperation amid world complex: Embassy. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1257321.shtml>) (accessed: 26.03.2022).

⁴ Zhong Nan (2021). COSCO raises stake in Greek port. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202110/26/WS61775552a310cdd39bc7140a.html> (accessed: 27 October, 2021).

⁵ Greece's Piraeus port posts record high profit for 2021. URL: http://www.china.org.cn/business/2022-03/15/content_78108744.htm (accessed: 15.03. 2022).

звеном железной дороги «Белград—Будапешт» протяженностью 350 км¹. В будущем эта магистраль будет продлена через Македонию и Афины до порта Пирей, что позволит сократить время транспортировки китайских грузов в страны ЦВЕ с двух месяцев до 15 дней и превратит «Балканский Шелковый путь» в важнейший транзитный коридор для грузов из КНР и стран ЮВА в страны ЦВЕ².

Можно с уверенностью утверждать, что новая конфигурация сухопутно-морской евразийской транспортной сети, создаваемая Китаем в рамках «Экономического пояса Шелкового пути», обеспечит ему быстрые, надежные и эффективные каналы экспорта высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью и будет генерировать максимальный синергетический эффект для экономик стран-участниц этого евразийского транзитного мегапроекта. Стыковка же с новым Международным сухопутно-морским торговым коридором, созданным в рамках реализации Китайско-сингапурской (Чунцин) демонстрационной инициативы по стратегической взаимосвязанности, станет важнейшим шагом на пути к объединению «Экономического пояса Шелкового пути и «Морского Шелкового пути 21 в.» и созданию более устойчивой, сбалансированной и многополярной структуры региональной и мировой торговли.

Библиографический список

Сазонов С.Л. Морской транспорт Китая и новые контуры мировых транзитных перевозок в условиях постпандемии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / отв.ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 371—386. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-371-386.

References

Sazonov S.L. (2021). Morskoj transport Kitaya i novye kontury mirovyh tranzitnyh perevozok v usloviyah postpandemii [China's maritime transport and new contours of global transit traffic in postpandemic conditions], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]* / ed. E.I. Safronova. Moscow: IFES RAS: 371—386. (In Russian). DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-371-386.

¹ BRI projects in the fast lane across CEECs amid headwinds, geopolitical uncertainty. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1256740.shtml> (accessed: 11.03.2022).

² China-Serbia Ironclad friendship sets a good example of China-CEEC cooperation amid world complex: Embassy. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1257321.shtml> (accessed: 21.03.2022).

DOI: 10.48647/IFES.2022.88.31.010

А.Н. Лозинский, С.Л. Сазонов

НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУХОПУТНО-МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ КОРИДОР «КНР—АСЕАН»

Аннотация. С целью развития внешнеторговых отношений со странами АСЕАН в последние годы Китай приступил к строительству нового международного сухопутно-морского торгового коридора в рамках реализации Китайско-сингапурской (Чунцин) демонстрационной инициативы по стратегической взаимосвязанности. Транзит грузов из центральных и западных провинций Китая в страны АСЕАН с опорой на центральный логистический центр Экономического круга Чэнду-Чунцин будет осуществляться по строящейся при помощи китайских компаний Паназиаатской сети железных и автомобильных магистралей, а также путем морской транспортировки грузов из портов залива Бэйбу и порта Янпу в провинции Хайнань.

Разработка и ратификация Соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве, которое стала генератором роста объемов внешней торговли «Китай—страны АСЕАН, Япония, Республика Корея», потребовали адекватных мер по обеспечению регионального грузового транзита. В связи с этим в Китае был создан крупный национальный логистический оператор, а также запланировано строительство к 2025 г. финансового центра в Чунцине, который станет важной площадкой для дальнейшего развития трансграничных платежей в юанях и углубления финансового сотрудничества со странами АСЕАН.

Новый коридор позволяет значительно сократить время и стоимость транспортировки грузов из западных провинций КНР в страны АСЕАН. А в будущем, с подключением через Экономический круг Чэнду-Чунцин евразийского сухопутно-морского маршрута и железнодорожной магистрали «Кашгар — порт Гвадар» (в рамках развития Китайско-пакистанского экономического коридора), обеспечить выход центрального и западного региона на рынки стран Европы, Африки, Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии. Китай стремится переформатировать маршрут инициативы «Пояс и путь» в глобальный замкнутый логистический маршрут, от возможности присоединения к которому и использования его синергетического и мультипликативного эффектов, значительную и весомую выгоду смогут получить все участники региональных и мировых транзитных перевозок.

Ключевые слова: Китай, АСЕАН, международный сухопутно-морской торговый коридор, залив Бэйбу, Паназийская железнодорожная сеть, транзит, региональная и мировая торговля

Авторы: Лозинский Александр Николаевич, аспирант ИДВ РАН. E-mail: 285aleks299@gmail.com;

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-8889-7072.

E-mail: sazonovch@mail.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

A.N. Lozinskiy, S.L. Sazonov

New international land-sea trade corridor “China—ASEAN”

Abstract. In order to develop trade with the ASEAN countries, in recent years China has begun the construction of a new international land-sea trade corridor as a part of the implementation of the China-Singapore (Chongqing) Demonstration Initiative on strategic interconnectedness. The transit of goods from Central and Western provinces of China to the ASEAN countries, relying on the central logistics center of the Chengdu-Chongqing Economic Circle, will go through the Pan-Asian Railway and Highway Network, that will be built with the help of Chinese companies. As well as by sea transportation of goods from the ports of Beibu Bay and Yangpu Port in Hainan Province. The development and ratification of the Comprehensive Regional Economic Partnership Agreement, which has become generator of growth in the volume of trade between China and the ASEAN countries, Japan, and the Republic of Korea, require adequate measures to ensure regional cargo transit. In this regard, a large national logistics operator has been fo-

unded in China, and there are plans to build a financial center in Chongqing by 2025, which will become an important platform for further development of cross-border payments in yuan (renminbi) and deepening financial cooperation with ASEAN countries.

The new corridor allows to significantly reduce time and cost of cargo transportation from the Western provinces of China to the ASEAN countries. In the future, with the connection of the Eurasian land-sea route and the Kashgar-Gwadar Port railway (as part of the development of the Chinese-Pakistani economic corridor) through the Economic Circle of Chengdu-Chongqing, it also allows to ensure the access of the Central and Western region to the markets of Europe, Africa, the Middle East, South and Central Asia. China is striving to reformulate the Belt and Road route into a global closed logistics route, from the possibility of joining which and using its synergetic and multiplicative effects, all participants in regional and global transit traffic will be able to receive significant and significant benefits.

Keywords: China, ASEAN. International land-sea trade corridor, Beibu Bay, Pan-Asian Railway Network, transit, regional and world trade.

Authors: Aleksandr N. LOZINSKIY, Postgraduate student, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: 285aleks299@gmail.com;

Sergey L. SAZONOV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8889-7072. E-mail: sazonzov@mail.ru

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

Долгие годы более длительная и дорогостоящая логистика по морю из портов восточных провинций Китая до стран АСЕАН была одним из узких мест, препятствующих экономическому развитию западных провинций и автономных районов КНР. 7 января 2019 г. 8 западных административных единиц провинциального уровня (муниципалитет г. Чунцина, власти провинции Гуйчжоу, Ганьсу, Цинхай и Юньнань, Гуанси-Чжуанского автономного района (ГЧАР), Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), Нинся-Хуэйского автономного района (НХАР) подписали рамочное соглашение в Чунцине о сотрудничестве по строительству «Международного сухопутно-морского торгового коридора» (далее — Международный транспортный коридор/МТК), являющегося новым международным логистическим маршрутом, создаваемым в рамках реализации Китайско-сингапурской (Чунцин) демонстрационной инициативы по стратегической взаимосвязанности, инициированной западными провин-



Рис. 1. *Источник:* New corridor to boost western growth. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-08/16/content_75105779.htm (accessed: 17.08.2019).

циями Китая и государствами — членами АСЕАН в сентябре 2017 г.¹ Новый МТК, который проходит через ключевой логистический узел Экономического круга Чэнду-Чунцин на юго-западе Китая через провинцию Гуйчжоу до Наньнина в ГЧАР² и далее — до портов залива Бейбу и порта Янпу в провинции Хайнань на юге Китая, сокращает время доставки между Чунцином и Сингапуром с 23 до 7 дней³ (см. схему).

¹ China-Europe freight train trips reach 15,000 in 2021, a y-o-y jump of 22 %. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1245139.shtml> (accessed: 24.01.2022).

² Несмотря на последствия пандемии COVID-19 в 2020 г. объем внешней торговли Гуанси-Чжуанского автономного района (ГЧАР) вырос на 3,5 % в годовом исчислении до рекордных 486,13 млрд юаней (75,22 млрд долл.), причем объем внешней торговли автономного района со странами АСЕАН составил 55,5 % от общего объема внешней торговли ГЧАР [Zhang Li].

³ Чтобы перевести товары по железной дороге из Чунцина до залива Бейбу (расстояние составляет 1450 км) сегодня требуется всего 2 дня, а в прошлом подобный путь речным транспортом только до Шанхая занимал 14 дней (Land-sea freight transport via Chongqing on the rise. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-11/24/content_77890335.htm) (accessed: 24.11.2021).

Ранее более длительная и дорогостоящая логистика по морю из восточных провинций Китая была одним из узких мест, препятствующих развитию западных административных единиц провинциального уровня КНР, а сегодня используя железнодорожный, автомобильный и морской виды транспорта товары из западного Китая через Чэнду и Чунцин могут перемещаться на юг до залива Бэйбу и выходить на рынки стран АСЕАН и АТР через прибрежные порты за более короткое время по сравнению с традиционным маршрутом из портов восточного Китая. Протяженность береговой линии залива Бэйбу составляет 1,6 тыс. км, и он является единственным в Китае регионом, связанным морским и сухопутным сообщением со странами АСЕАН. В 2021 г. порты залива Бэйбу (Фанчэнган, Циньчжоу и Бэйхай) насчитывали 273 грузовых причала, могли принимать суда дедевитом до 200 тыс. т; 52 международных морских маршрутов связывали порты залива с 311 портами в 106 странах мира, в том числе 19 маршрутов проходили в страны АСЕАН¹, а порт Янпу (пров. Хайнань) открыл 33 маршрута, охватывающих более 100 стран².

По итогам 2021 г. объем контейнерооборота портов залива Бэйбу после пяти лет непрерывного двузначного прироста увеличился на 18,8 % по сравнению с 2020 г. и составил более 6 млн контейнеров³. Благодаря своим расширяющимся логистическим возможностям порты залива Бэйбу в феврале 2021 г. были включены центральным правительством в перечень 11 международных узлов страны, а кластер портов залива (*Beibu Gulf Port Group*) стал вторым по объему грузооборота в Южном Китае после порта Гуанчжоу⁴.

С целью увеличения объема контейнерных перевозок в страны ЮВА, в 2021 г. крупнейшая сингапурская логистическая компания *Pacific International Lines Pte Ltd* и *Guangxi Beibu Gulf International Port Group* создали совместное предприятие *Beibu Gulf-PSA International*

¹ Land-sea freight service brings more goods to Chinese New Year market. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202201/18/WS61e62b24a310cdd39bc81cbe.html> (accessed: 19.01.2022).

² 2nd global cities investment promotion conference held in S. China's Hainan as RECP comes into force. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1245733.shtml> (accessed: 29.01.2022).

³ China's Beibu Gulf Port logs over 6 mln TEUs of cargo throughput. URL: <http://en.people.cn/n3/2022/0105/c90000-9941183.html> (accessed: 17.01.2022).

⁴ Expanding bilateral trade, remaking of industry chains expected as ASEAN FMs visit China. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219981.shtml> (accessed: 12.03.2021).

*Container Terminal Co Ltd*¹. В конце 2021 г. в г. Гуйяне (пров. Гуйчжоу) был введен в эксплуатацию международный логистический порт Дулаин с годовой пропускной способностью около 5 млн т, являющийся одним из ключевых логистических центров нового международного сухопутно-морского коридора и объединяющий железнодорожные линии, соединяющие Чунцин, Чэнду и центры экономического пояса реки Янцзы с портами залива Бэйбу, причем проект сократил время, необходимое для доставки контейнеров из Чэнду в порты залива Бэйбу на 9 дней².

С целью ускорения развития нового Международного сухопутно-морского торгового коридора, в январе 2021 г. по инициативе *China Railway Corp.* и при участии *China COSCO Shipping Lines* был создан транспортный комитет для координации логистики и мультимодальных перевозок. В декабре 2021 г. решением Госсовета КНР был создан крупный национальный логистический оператор, образованный путем слияния нескольких компаний, в том числе одного из ведущих операторов железнодорожной логистики *China Railway Materials Group Corp (CRM)* и четырех филиалов крупной инвестиционной компании *China Chengtong Holdings Group Ltd. (China Materials Storage and Transportation Group Co Ltd, CTS International Logistics Corp Ltd, China Logistics Co Ltd u Pachn Group)*. На долю главного регулятора государственных активов Китая — Комиссии по надзору и управлению государственными активами Госсовета КНР и компании *China Chengtong Holdings Group Ltd.* приходится по 38,91 % акций созданного национального логистического оператора. Кроме того, Госсовет КНР определил три стратегических инвестора, которыми стали *China Eastern Airlines, China COSCO Shipping Corp Ltd u China Merchants Group.* Доли акций этих трех компаний составят 10 %, 7,3 % и 4,9 % соответственно³.

23—24 ноября 2021 г. в Чунцине состоялся саммит Китайско-сингапурской (Чунцин) демонстрационной инициативы по стратегическому взаимодействию, в работе которого приняли участие предста-

¹ Shi Ruipeng, Chen Meiling. Guangxi rising as efficient trade portal to world. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202112/08/WS60462348a31024ad0baadb8b.html> (accessed: 9 December, 2021).

² Land-sea corridor plays vital role in accelerating shipments. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/202110/19/WS60061602a31024ad0baa36bf.html> (accessed: 20.10.2021).

³ Liu Yukun. New State-owned logistics group set up. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202112/06/WS61ae03e5a310cdd39bc79ab6.html> (accessed: 6 December, 2021).

вители центральных банков, финансовых институтов, корпораций и логистических компаний из стран АСЕАН и Китая. На саммите было объявлено о плане строительства к 2025 г. финансового центра в Чунцине, который станет важной площадкой для дальнейшего развития трансграничных платежей в юанях и углубления финансового сотрудничества со странами АСЕАН. Также на саммите было отмечено, что в рамках указанной инициативы в 2021 г. объем международных мультивалютных операций в трансграничных сделках Чунцина со странами АСЕАН составил 3 млрд долл. и достиг более 17 млрд долл. с момента создания Инициативы в 2017 г.¹ К 2022 г. между сингапурскими и чунцинскими корпорациями было подписано 10 крупных контрактов в области инфраструктурного сотрудничества и трансграничных финансовых операций, которые стимулировали развитие взаимной торговли в рамках развития МТК².

По официальным данным, в 2021 г. по МТК было перевезено 570 тыс. контейнеров, что на 57,5 % больше, чем в 2020 г.³ 2 апреля 2022 г. в рамках МТК был открыт новый мультимодальный транспортный маршрут, обеспечивший Китаю прямое сообщение с Индийским океаном. Первый грузовой железнодорожный состав прибыл в столицу Лаоса Вьентьян, затем контейнеры были перегружены на автомобильный транспорт, проследовали через Таиланд и прибыли в конечный пункт назначения — порт Янгон в Мьянме. Время доставки грузов по новому маршруту до Янгона составило 10 дней, что сократило логистические сроки более чем на 20 дней по сравнению с традиционным маршрутом, который по реке Янцзы проходит до портов восточного побережья Китая, а затем по морю до Мьянмы⁴.

* * *

Сеть Паназиатских железных дорог, которая будет проходить по территории Субрегиональной экономической зоны «Ланьцанц-

¹ Singapore-Chongqing connectivity strengthens, facilitating trade. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202111/1239911.shtml> (accessed: 09.11.2021).

² Singapore-Chongqing financial connectivity strengthens amid pandemic: MAS. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-11/24/content_77889773.htm (accessed: 25.11.2021).

³ China-Europe freight train service bolsters continental supply chain stability: Foreign Ministry says. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1245139.shtml> (accessed: 13.01.2022).

⁴ Land-sea trade corridor adds new direct route to Indian Ocean. URL: http://www.china.org.cn/business/2022-04/03/content_78146794.htm (accessed: 03.04.2022).

ян-Меконг»¹ и объединит три маршрута, а именно — центральный маршрут, который начинается в Куньмине, проходит через Лаос и заканчивается в Бангкоке; западный маршрут — через Мьянму и Таиланд; восточный маршрут пересекает Вьетнам, Камбоджу и Таиланд, причем все три маршрута соединяются в Бангкоке и следуют далее на юг через Малайзию и Сингапур² (см. схему).

3 декабря 2021 г. после 5 лет строительства, в присутствии председателя КНР Си Цзиньпина и президента Лаоса Т. Сисулита была пущена в эксплуатацию одна из важнейших магистралей сети Паназиатских железных дорог — китайско-лаосская железная дорога протяженностью 1035 км (участок в Лаосе составляет 422 км), соединяющая Куньмин (пров. Юньнань) со столицей Лаоса Вьентьяном, которая в будущем продлится через Таиланд и Малайзию до Сингапура³. На новой магистрали расположено 50 станций, по ней ежедневно курсируют 380 грузовых поездов, в том числе 70 международных грузовых поездов, и ожидается, что железная дорога позволит увеличить объем перевозки грузов между Китаем и Лаосом с 1,5 млн т в 2021 г. до 3,9 млн т в 2030 г., в том числе 2 млн т будут переведены с морского транспорта на железнодорожный⁴.

¹ Субрегиональная экономическая зона «Ланьцанцзян-Меконг» (Lancang—Mekong), являющаяся составной частью Экономического коридора Китай—полуостров Индокитай (ЭККПИК), была официально образована на встрече руководителей шести стран ЮВА (Китай, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам), расположенных вдоль реки Меконг (на китайском — Ланьцанцзян) в г. Санья (пров. Хайнань) 23 марта 2016 г. (3rd Lancang-Mekong business forum held in Cambodia. URL: http://www.china.org.cn/business/2022-03/31/content_78140317.htm) (accessed: 03.04.2022). Основная цель создания этой экономической зоны заключалась в развитии региональной транспортной инфраструктуры. Решение этой задачи позволяет добиться ускоренного и сбалансированного развития экономик всех стран ЮВА. В последние годы Китай активизировал развитие приграничных городов провинции Юньнань, имеющей общую сухопутную границу с Мьянмой, Лаосом и Вьетнамом протяженностью около 4 тыс. км, и Гуанси-Чжуанского автономного района, который является единственной административной единицей провинциального уровня КНР, имеющей общую морскую и сухопутную границу со странами АСЕАН. В 2021 г. объем внешней торговли Китая с пятью странами Субрегиональной экономической зоны «Ланьцанцзян-Меконг» составил почти 400 млрд долл., что стало на 23 % больше, чем в 2020 г. (Lancang-Mekong Cooperation becomes sub-regional tie-up with strongest potential: Chinese FM. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1256659.shtml>) (accessed: 14.03.2022).

² Land-sea corridor plays vital role in accelerating shipments. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/202101/19/WS60061602a31024ad0baa36bf.html> (accessed: 20.01.2021).

³ Zhong Nan. China-Thailand railway project continues apace. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/202103/29/WS60619558a31024ad0bab251b.html> (accessed: 29.03.2021).

⁴ Ji Jing. China-Laos Railway delivers economic benefits in first month. URL: http://www.bjreview.com/World/202201/t20220105_800271968.html (accessed: 05.01.2022).

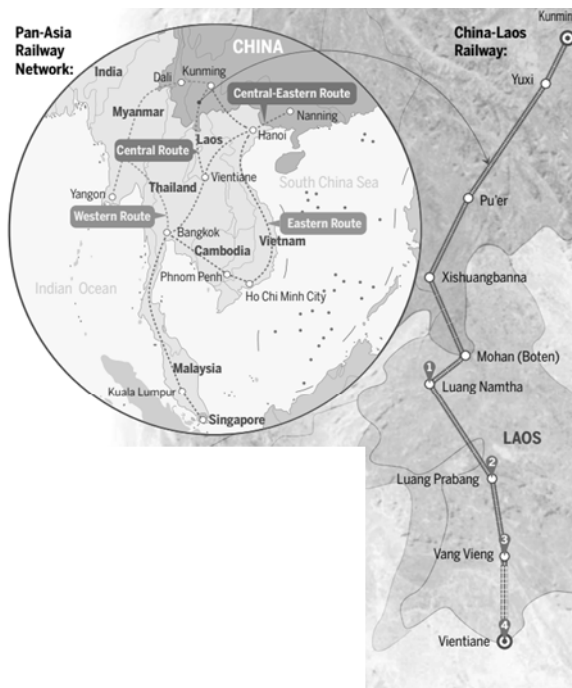


Рис. 2. *Источник:* China, Laos presidents witness new rail link opening. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202112/03/WS61a9d93ba310cdd39c793ec.html> (accessed: 03.12.2021).

В начале 2022 г. 12 городов семи провинций Китая стали отправлять грузы в Лаос международными грузовыми поездами по китайско-лаосской железной дороге, причем более 85 % этих грузов направляются далее в страны АСЕАН, включая Мьянму, Таиланд и Сингапур. Согласно прогнозу Всемирного банка, железная дорога позволит сократить стоимость перевозки на внутренних маршрутах в Лаосе на 20—40 %, стоимость перевозки грузов из Вьентьяна в Куньмин на 40—50 % и на 32 % — стоимость транзита между Куньмином и важнейшим портом Таиланда Лаем Чабанг (Laem Chabang), входящим в число 25 крупнейших портов мира. Дорога обеспечивает Лаосу, стране не имеющей выхода к морю¹, не только возможность превра-

¹ Расположенный в самом сердце полуострова Индокитай, Лаос граничит с Мьянмой и Китаем на северо-западе, Вьетнамом на востоке, Камбоджей на юго-востоке и Таиландом на западе и юго-западе.

щения в один из крупнейших региональных логистических узлов в ЮВА, но и позволяет построить новый логистический коридор между Китаем и остальными странами АСЕАН, сокращая время в пути для грузовых поездов, связывающих Куньмин и Вьентьян, всего до 10 часов, включая время таможенного оформления¹. Ожидается, что объем грузовых перевозок по китайско-лаосской железной дороге будет продолжать неуклонно расти, а магистраль будет стимулировать региональную экономическую интеграцию и рост объемов ВВП азиатских стран, особенно после того, как 1 января 2022 г. вступило в силу Соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП)². По заявлению Ци Даня, генерального директора *Yuxinou (Chongqing) Logistics Co., Ltd.*, одного из операторов на маршруте железнодорожных перевозок «Китай—Европа—Китай», «товары из стран Юго-Восточной Азии могут транспортироваться в Европу по маршрутам грузовых поездов Китай-Европа и Китай-Лаос, что придаст новый импульс экономическому и торговому обмену между странами Центральной Европой и ЮВА»³. По предварительным оценкам аналитиков Министерства транспорта КНР, доставка грузов между странами АСЕАН и ЕС по новому евразийскому железнодорожному маршруту будет занимать около 20 дней, что будет в два раза быстрее морской перевозки⁴ (подробнее о влиянии пандемии на железнодорожные перевозки в Евразии см. [Ван Цзинвэй, Сазонов С.Л.]).

В конце марта 2021 г. Министерство транспорта Таиланда и китайские строительные корпорации подписали соглашение о прокладке первого участка высокоскоростной железной дороги «Китай—Таиланд» протяженностью 251 км, который соединит столицу Таиланда Бангкок и город Накхонратчасима на северо-востоке Таиланда, более известный как Корат⁵. Объем финансирования строительства первого участка ВСЖД «Китай—Таиланд» определен в размере 179 млрд бат (5,85 млрд долл), а запуск участка в эксплуатацию запланирован на

¹ China trades goods worth over \$100M via China-Laos Railway. URL: http://www.china.org.cn/business/2022-01/06/content_77973596.htm (accessed: 06.01.2022).

² Guangxi launches cross-border freight train via China-Laos Railway. URL: http://www.china.org.cn/business/2022-04/03/content_78146645.htm (accessed: 04.04.2022).

³ China-Laos Railway delivers economic benefits in first month. URL: https://www.bjreview.com/World/202201/t20220105_800271968.html (accessed: 05.01.2022).

⁴ Cargo from Chongqing heads for Laos via China-Laos Railway. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-12/30/content_77961540.htm (accessed: 30.12.2021).

⁵ Chen Weihua. Embrace of rail brings transport sea change. URL: <https://www.china-daily.com.cn/a/202112/07/WS61aec5f6a310cdd39bc79cd7.html> (accessed: 08.12.2021).

2026 г.¹ Ранее, в октябре 2020 г., Таиланд и КНР подписали контракт на предоставление Китаем в рамках строительства первого участка ВСЖД комплекта технических средств, используемых для регулирования и обеспечения безопасности движения поездов (устройства сигнализации, централизации и блокировки), продажу подвижного состава для ВСЖД, обучение персонала и обеспечение эксплуатации и технического обслуживания первого участка железнодорожного пути². Запланированный второй участок ВСЖД «Китай—Таиланд» свяжет г. Накхонратчасима с г. Нонгкхай на границе с Лаосом, а железнодорожная магистраль «Китай—Таиланд» общей протяженностью 873 км соединится с железной дорогой «Китай—Лаос», и сформирует важную железнодорожную артерию, соединяющую Китай, Лаос и Таиланд (Куньмин—Бангкок)³. В 2022 г. в Мьянме продолжалось строительство железной дороги «Мандалай—Кьяукпью» (приморский город в штате Ракхайн, где китайские компании строят новый глубоководный порт), и железной дороги Мандалай — крупный сухопутный порт Мьюз, граничащий с городом Жуйли на юго-западе Китая⁴.

В 2022 г. китайская строительная компания *China Communications Construction Company* продолжала электрификацию железной дороги «Гемас—Джохор—Бару» протяженностью 191 км⁵, а также строительство магистрали *East Coast Rail Link*, которая проходит от крупнейшего транспортного узла Малайзии морского порта Кланг (*Pelabuhan Klang*) до штата Келантан (*Kelantan*) на северо-востоке полуострова Малакка, что в будущем станет частью Паназиатской железнодорожной магистрали, а также значительно улучшит транспортную доступность, связав менее развитый регион на восточном побережье с экономическим центром на западном побережье⁶. В январе 2022 г. китайские специа-

¹ China, Thailand sign agreement on high-speed rail line, set to open in 2026. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219753.shtml> (accessed: 27.03.2021).

² Thailand signs 3 contracts for Thai-Chinese high-speed railway. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-03/30/content_77359335.htm (accessed: 30.03.2021).

³ Thailand hopes China-Thailand railway project finalized as soon as possible. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1147574.shtml> (accessed: 11.04.2021).

⁴ Zhang Dan. Largest China-Myanmar land port reports no impact on cross-border trade so far. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1214686.shtml> (accessed: 27.02.2021).

⁵ Chu Daye, Zhang Dan. Stakeholders look toward BRI infrastructure as RCEP trade pact set to boost China-ASEAN trade, investment. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202112/23/WS61c3d886a310cdd39bc7d0b1.html> (accessed: 24.12.2021).

⁶ Chinese experiences, technical know-how boost confidence in construction of joint rail project: Malaysian official. URL: http://en.ce.cn/main/latest/202201/14/t20220114_372574.shtml (accessed: 15.01.2022).

листы закончили проходку самого протяженного в Юго-Восточной Азии 16,39-километрового туннеля *Selamat Datang Ke Genting*, обеспечив выполнение 30 % строительных работ на магистрали¹.

После 14 лет строительства в конце марта 2022 г. была завершена проходка 17,6-километрового туннеля Сюлин протяженностью 17,6 км, который позволил соединить 21 туннель на железнодорожном участке «Дали—Баошан» — важного проекта железной дороги «Дали—Жуйли»², что позволило запустить в эксплуатацию железную дорогу «Китай—Мьянма», соединяющую границу КНР с Чэнду,³ а 7 апреля 2022 г. был открыт новый прямой маршрут сухопутных железнодорожных транзитных перевозок из «сухого» порта Гоюань в порт Янгон в Мьянме⁴.

Паназиатская сеть автомобильных дорог проходит из Чунцина в страны АСЕАН через провинцию Юньнань по трем коридорам, которые соединяют приграничный город Хэкоу с Ханоем (Вьетнам), а приграничный г. Мохань с Вьентьяном (Лаос), Бангкоком (Таиланд), Сингапуром и г. Янгун (Мьянма). Для того, чтобы доставить товары автомобильным транспортом из Чунцина до Ханоя, требуется около 45 часов, до Бангкока около 98 часов, до Сингапура — примерно 7 дней⁵. Через ГЧАР товары в страны АСЕАН перевозятся через китайский КПП «Юи» в приграничном городе Пинсян. В 2021 г. через КПП «Юи» проследовало 402,8 тыс. автомобилей, которые перевезли около 4,4 млн т грузов⁶, а благодаря упрощению таможенных процедур на китайском КПП, грузы из ГЧАР могут быть доставлены в Бангкок за четыре дня⁷ (см. схему).

¹ Railway projects in SE.Asia make progress, boost connectivity. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246900.shtml> (accessed: 12.01.2022).

² Zhuang Qiange. Darui Railway sees light at end of 'toughest' tunnel. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202204/02/WS6247a564a310fd2b29e54ca6.html> (accessed: 03.04.2022).

³ China continues reform and opening up to further integrate with the global economy. URL: https://www.bjreview.com/Business/202201/t20220107_800272398.html (accessed: 08.01.2022).

⁴ New int'l land-sea transport service to Indo-China Peninsula launched. URL: http://www.china.org.cn/photos/2022-04/08/content_78154327_3.htm (accessed: 08.04.2022).

⁵ Highway service speeds up link between ASEAN, western China. URL: http://www.bjreview.com/Latest_Headlines/202012/t20201207_800229170.html (accessed: 29.12.2020).

⁶ S. China border port ensures smooth int'l trade during Spring Festival. URL: <http://en.people.cn/n3/2022/0205/c90000-9953220.html> (accessed: 06.02.2022).

⁷ Border city in south designated pilot zone to enhance collaboration with ASEAN. URL: https://www.bjreview.com/China/202004/t20200426_800202248.html (accessed: 27.04.2020).

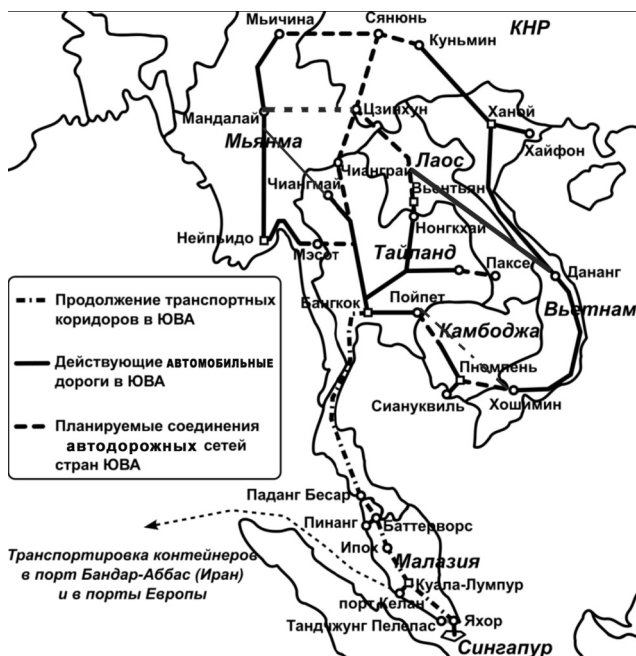


Рис. 3. Источник: Belt and Road cooperation report released. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2019-10/13/content_33211027.htm (accessed: 14.10.2019).

В 2021 г. продолжалось активное использование центра внутренней международной логистики — сухого порта (внутреннего грузового терминала) Гоюань в новом районе Лянцзян в Чунцине, который будет связан железнодорожным и автомобильным сообщением со странами АСЕАН¹. С целью сокращения времени таможенной очистки сухому порту было предоставлено право предлагать ряд преференций, таких как введение системы «предварительной декларации», облегчающей порядок таможенного декларирования, и предоставление зеленого коридора при совершении таможенных операций досмотра, что позволило повысить скорость грузоперевозок на 40 %². 26 марта 2022 г. первый грузовой поезд отправился из порта Гоюань в столицу

¹ В финансировании строительства мультимодального логистического комплекса в Чунцине принимало участие совместное предприятие, участниками которого были оператор порта Дуйсбург «Duisport» и сингапурский оператор портов «PSA PORTS» [Chen Weihua].

² New dry port to be established in Chongqing, Chengdu. URL: http://www.chinadaily.com.cn/regional/chongqing/liangjiang/2021-09/09/content_37546713.htm (accessed: 09.09.2021).

Вьетнама Ханой, ознаменовав пуск нового маршрута грузового поезда между Китаем и Вьетнамом. Раньше большая часть товаров из Чунцина и соседней провинции Сычуань во Вьетнам перевозилась морским транспортом через Шанхай и другие порты, что занимало более 20 дней, а новый маршрут сократил время транспортировки из Чунцина во Вьетнам до 4 дней¹.

Сегодня в Китае происходит создание глобального коридора транзитных перевозок, где Экономический круг Чэнду-Чунцин является центральным исходным транспортным узлом для маршрутов как в страны ЕС и Центральной Азии², так и страны АТР. Восточным полигоном этого маршрута выступает Международный сухопутно-морской торговый коридор, который, используя сеть Паназиаатских железных и автомобильных дорог и порты в заливе Бэйбу в ГЧАР, обеспечивает транспортировку грузов из центральных и западных провинций КНР в порты стран АТР, Ближнего Востока, Африки и Америки. Стыковка глобального коридора транзитных перевозок через Экономический круг Чэнду—Чунцин в западном направлении с евразийскими континентальными автомобильными и железнодорожными маршрутами («Чунцин—Европа», «Чунцин — Центральная и Южная Азия») обеспечивает пространственное объединение маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути», «Морского Шелкового пути 21 в.», «Экономического пояса реки Янцзы», «Китайско-пакистанского экономического коридора» в единый бесшовный глобальный инфраструктурный коридор, позволяющий выстроить материковую и портовую инфраструктуры в единую логистическую систему параллельно с развитием и расширением существующей региональной транспортной сети. Тем самым, Китай приступил к созданию оптимальной конфигурации глобальной инфраструктурной интеграции, от возможности присоединения к которой и использования ее синергетического и внешнего эффектов значительную и весомую выгоду смогут получить все участники региональных и мировых транзитных перевозок.

¹ New freight train route links China's Chongqing, Vietnam. URL: http://www.china.org.cn/business/2022-03/28/content_78133371.htm (accessed: 29.03.2022).

² В марте 2021 г. был открыт новый маршрут грузовых перевозок протяженностью 5031 км, который соединил Наньнин (ГЧАР) и столицу Казахстана Нурсултан через Чунцин. Если раньше требовалось около 45 дней для транспортировки грузов по железной дороге из ГЧАР в Казахстан, то новый маршрут сократил время транспортировки до 13 дней (New freight train route linking China's Guangxi, Kazakhstan opens. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-03/14/content_77306494.htm) (accessed: 15.03.2021).

Библиографический список

Ван Цзинвэй, Сазонов С.Л. Особенности работы железнодорожного транспорта Китая на евроазиатском транзитном пространстве в условиях COVID-19 // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / отв.ред. Е.И. Сафронова. М.:ИДВ РАН, 2021. С. 387—395. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-387-395.

References

Wang Jingwei, Sazonov S. L. (2021). Osobennosti raboty zheleznodorozhnogo transporta Kitaya na evroaziatskom tranzitnom prostranstve v usloviyah COVID-19 [Features of China's railway transport in the Eurasian transit space in the context of COVID-19], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]* / ed. E.I. Safronova. Moscow: IFES RAS:387—395. (In Russian). DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-387-395.

DOI: 10.48647/IFES.2022.25.24.009

М.В. Александрова

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОРТА КНР В ПЕРИОД КОРОНАВИРУСА¹ (2020—2021 гг.)

Аннотация. В настоящей статье рассматривается, как пандемия COVID-19 отразилась на экспортной активности КНР. Прежде всего, автор отмечает рост удельного веса Китая в мировом экспорте. Благодаря целенаправленной политике правительства страна первая вышла на плато по заболеваемости и первой в мире восстановила экономику, в то время как в развитых странах мира, не справлявшихся с постоянными мутациями коронавируса, восстановление производственного процесса было затруднено.

В этот период Китай «выхватил» часть экспортного «пирога» развитых стран. С началом массовой вакцинации и относительной стабилизации эпидемиологической обстановки в развитых странах производство стало восстанавливаться, но в другой части мира, где проживает бедное население и до массовой вакцинации еще далеко, начались непрерывные локальные локдауны (полное прекращение экономической активности). В результате китайский экспорт «заполнил» и эти бреши в мировом экспорте.

В статье рассматривается динамика китайского экспорта, и автор отмечает, что летом 2020 г. китайский экспорт превысил показатели аналогичного периода 2019 г., а в 2021 г. темпы прироста экспорта оказались выше прогнозируемых. Что касается структуры экспортных поставок, то в ней традиционно доминирует электромеханическая и высокотехнологическая продукция. Однако в период вспышки

¹ Автор предпочитает не употреблять термин «пандемия», заменяя его словом «коронавирус» (прим. ред.).

COVID-19 был отмечен значительный прирост по товарной группе «Текстиль, текстильные ткани и изделия», что произошло в основном за счет расширения поставок тканевых защитных масок.

В разделе статьи о географии экспорта автор акцентирует внимание на особенностях китайских поставок в США.

Ключевые слова: Китай, глобальные производственные цепочки, восстановление экономики, эпидемия, электромеханическая и высокотехнологическая продукция, трудоемкая продукция, США, ЕС, АСЕАН.

Автор: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН; доцент ИСАА МГУ. ORCID: 0000-0001-7257-5573. E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

M. V. Alexandrova

Features of China's exports during the COVID-19 pandemic (2020—2021)

Abstract. The article examines how the COVID-19 pandemic affected China's export activity in 2020—2021. First of all, the author points to the growth of China's share in world exports. Thanks to the deliberate policy of the government, the country was the first in the world to reach the plateau of morbidity and to restore the economy, while in developed countries, unable to cope with constant mutations of the coronavirus, the restoration of the production process proved to be difficult.

During this period, China “snatched” part of the export “pie” of developed countries. With the beginning of mass vaccination and relative stabilization of the epidemiological situation in developed countries, production began to recover there, but in another part of the world inhabited by poor population where mass vaccination is still far away, continuous local lockdowns (cessation of economic activity). As a result, Chinese exports also “filled in” these gaps in world exports.

The article examines the dynamics of Chinese exports, and the author notes that in summer of 2020, Chinese exports exceeded the figures of the same period in 2019, and in 2021 export growth rates were higher than predicted.

As for the structure of export supplies, it is traditionally dominated by electromechanical and high-tech products. However, during the COVID-19 outbreak, the group “textiles, textile fabrics and products” experienced significant growth, which occurred mainly due to the expansion of the supply of protective masks.

In the section of the article devoted to the geography of exports, the author focuses on the peculiarities of Chinese supplies to the United States.

Keywords: China, global production chains, economy revitalization, epidemic, electromechanical and hi-tech products, labor-intensive products, USA, EU, ASEAN.

Author: Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Institute of Asia and Africa, MSU. ORCID: 0000-0001-7257-5573. E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

В декабре 2019 г. в Ухане появились первые случаи заражения новой коронавирусной инфекцией. В результате вспышки COVID-19 практически по всей страны были приостановлены нежизненно важные предприятий, многие из которых были сугубо экспортноориентированными. В КНР была прекращена работа крупнейших портов, погранпереходов, что неизбежно отразилось на внешней торговле. Несмотря на такое серьезное испытание для экономики, КНР смогла первой в мире восстановиться и даже достичь новых ощутимых результатов. Экспорт сыграл ключевую роль в быстром постэпидемическом восстановлении экономики Китая. В 2020 г. чистый экспорт привел к росту ВВП на 0,64 %, а вклад экспорта в рост ВВП достиг 28 % — самого высокого уровня с 1998 г.¹

Рост доли Китая в мировом экспорте (2020—2021 гг.)

С 2001 по 2020 гг. экспорт товаров из КНР неуклонно рос, что обусловило положительность сальдо торгового баланса страны. В 2001 г. на Китай приходилось 4,3 % мирового экспорта, а начиная с 2009 г. страна становится ведущим мировым экспортером товаров с долей в мировом экспорте в 9,6 %. В 2009—2019 гг. Китай лидировал по экспорту в мире, с соответствующей долей в диапазоне 12—13,7 %².

¹ Чжун Чжэншэн, Чжан Лу. Чжунго чукоу дэ жэньсин [Устойчивость китайского экспорта] // Чжунго вайхуэй. 2021. № 15. URL:<http://www.chinaforex.com.cn/index.php/cms/item-view-id-50984.shtml>. (Дата обращения: 29.04.2022). (На кит.яз.)

² Рассчитано на основании статистики Чжунго тунцзи няньцзянь 2002—2020 гг.

Эпидемия COVID-19 привела к росту доли КНР в мировом экспорте, которая на протяжении всего 2020 г. росла. Только за период с апреля по декабрь 2020 г. она достигала отметки в 15 %¹.

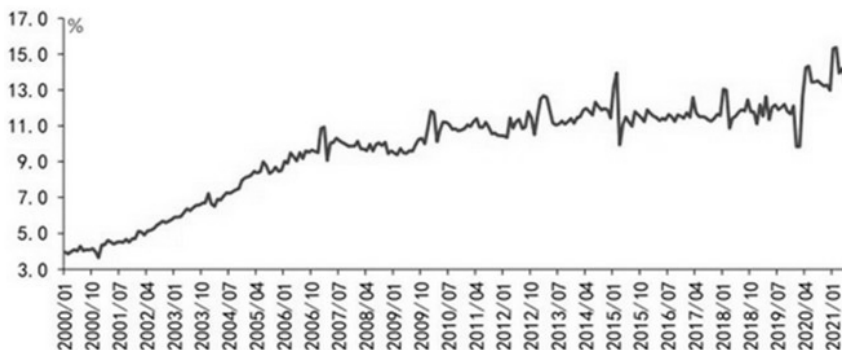


График 1. Доля КНР в мировом экспорте, %.

Источник: Ицин туй гао дэ чукоу фэньэ хуэй ю чицзю син ма? [Будет ли доля экспорта, увеличенная эпидемией, долговременной?]. URL: <http://finance.sina.com.cn/zl/china/2021-08-03/zl-ikqcfnc0739126.shtml> (дата обращения: 01.05.2022). (На кит. яз.).

Рост доли Китая в мировом экспорте происходил вследствие замещения экспорта других стран мира. Данный процесс можно разделить на четыре этапа:

1. Январь—февраль 2020 г. — когда в Китае разразилась эпидемия. Доля страны в мировом экспорте упала, а страны АСЕАН, США, Мексика, Канада временно «переключили на себя» долю Китая;
2. Март—май 2020 г. — эпидемия распространилась на многие страны мира. Доля экспорта Китая начала резко расти в основном счет поставки товаров медицинского назначения, при этом удельный вес экспорта АСЕАН, Японии и Южной Кореи также вырос, заменив временно приостановленный экспорт ЕС, США, Мексики, Канады и ряда других стран;
3. Июнь—декабрь 2020 г. Глобальная эпидемия продолжала распространяться, но страны постепенно адаптировались к ней, и началось восстановление промышленных и логистических цепочек в раз-

¹ Чжун Чжэншэн, Чжан Лу. Чжунго чукоу дэ жэньсин [Устойчивость китайского экспорта] // Чжунго вайхуэй. 2021. № 15. URL:<http://www.chinaforex.com.cn/index.php/cms/item-view-id-50984.shtml>. (Дата обращения: 29.04.2022) (На кит.яз)

витых странах мира. Наиболее значительным изменением на этом этапе является внезапный рост доли ЕС в мировом экспорте, в то время как доля экспорта остальных стран и регионов (за исключением КНР) в целом снизилась. ЕС быстрее восстановил утраченную долю экспортного рынка. На этом этапе доля КНР в мировом экспорте колебалась в диапазоне 15–16 %.

И наконец, четвертый этап — весь 2021 год. С распространением вакцинации эпидемическая ситуация в Европе и США постепенно стабилизировалась, в то время как вакцинация в АСЕАН и в целом ряде менее развитых странах шла относительно медленно. В результате КНР по многим товарным позициям заместила экспорт стран АСЕАН, Южной Азии и Латинской Америки¹.

Причины, по которым доля экспорта КНР остается значительной, заключаются не только в постоянно повторяющихся вспышках коронавируса в разных странах и регионах мира, но и в изначально высокой конкурентоспособности китайского экспортного продукта.

Во-первых, в период повторяющихся вспышек коронавируса китайский экспорт противоэпидемических материалов возрос. Так, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. *прирост экспорта* защитной одежды, масок, инфракрасных термометров и хирургических перчаток увеличилась более чем на 20 %, что послужило первым импульсом для роста китайского экспорта как такового. В 2021 г. объемы экспорта противоэпидемических материалов несколько уменьшились, зато увеличился объем экспорта китайской вакцины, что стало еще одним импульсом для роста экспорта.

Во-вторых, в условиях повторяющихся эпидемических «волн» восстановление мирового производства было затруднено. С учетом коэффициента использования оборудования, мощности крупнейших экономик по состоянию на июнь 2021 г., за исключением Китая и Германии, не восстановились до доэпидемического уровня².

Рассмотрим основные показатели китайского экспорта за период 2020—2021 гг.

¹ Чжун Чжэншэн, Чжан Лу. Чжунго чукоу дэ жэньсин [Устойчивость китайского экспорта] // Чжунго вайхуэй. 2021. № 15. URL:<http://www.chinaforex.com.cn/index.php/cms/item-view-id-50984.shtml> (дата обращения: 29.04.2022) (На кит.яз).

² Ицин туй гао дэ чукоу фэньэ хуэй ю чицзю син ма? [Будет ли доля экспорта, увеличенная эпидемией, долговременной?]. URL:<http://finance.sina.com.cn/zl/china/2021-08-03/zl-ikqcfnc0739126.shtml> (дата обращения: 01.05.2022). (На кит. яз.).

Динамика экспорта

2020 год оказался крайне сложным для китайского экспорта. В феврале-марте 2020 г. китайские предприятия не могли в полной мере исполнять зарубежные заказы, были частично прерваны производственные цепочки внутри страны, а также имели место проблемы с транспортировкой грузов как по Китаю, так и с их вывозом за рубеж. Рабочие не могли вернуться на предприятия, а возвращающиеся попадали под карантин и обсервацию. В результате столь непростой ситуации началось снижение суммарных показателей экспорта КНР. Статистические данные ГТУ КНР показывают, что с ноября по декабрь 2019 г. экспорт страны составлял 459,4 млрд долл., а в первые два месяца 2020 г. — 292,9 млрд долл., что на 17,2 % меньше, чем за январь—февраль 2019 г.

Таблица 1. Экспорт КНР (2019—2021 гг.) (млрд долл.)

Месяц\Год	2019	2020	2021
Январь	217,6	146,2	234,2
Февраль	135,2	146,7	234,4
Март	198,7	185,1	241,1
Апрель	193,5	200,2	263,9
Май	213,9	206,8	263,0
Июнь	212,8	213,5	281,4
Июль	221,5	237,6	282,6
Август	214,8	235,2	294,3
Сентябрь	218,1	239,7	305,7
Октябрь	212,9	237,1	300,2
Ноябрь	221,7	268,0	322,4
Декабрь	237,7	274,0	340,5

Источник: данные ГТУ КНР.

В апреле 2020 г. объем экспортной торговли составил 200,1 млрд долл. С мая по июнь распространение эпидемии в Китае было локализовано, и продолжающаяся «аритмия» эпидемической ситуации в зарубежных странах привела к 3%-ному приросту экспорта КНР.

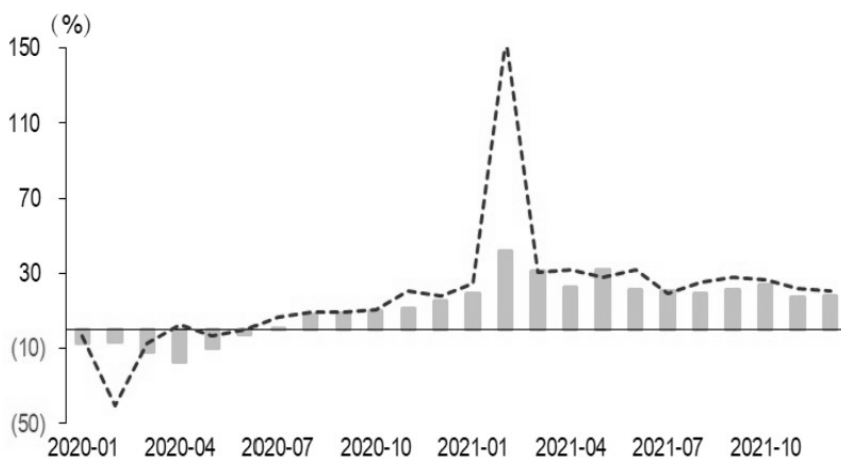


График 2. Темпы прироста экспорта КНР в период COVID-19.

Источник: данные ГТУ КНР.

С введением последовательного и эффективного контроля над эпидемией в зарубежных странах, в третьем квартале 2020 г. масштабы экспортной торговли КНР постепенно восстановились. В сентябре 2020 г. экспорт страны составил 239,7 млрд долл., показав прирост на 9,72 % по сравнению с 2019 г.

В 2021 г. экспорт КНР рос быстрее, чем ожидалось, в результате чего он достиг 3,36 трлн долл. при среднегодовом темпе прироста в 29,9 %. Согласно данным ГТУ КНР, общая стоимость экспорта Китая сохраняла двузначный прирост с октября 2020 г. и весь 2021 г., но не по всем формам экспорта.

Основные формы экспорта

Экспорт в форме обычной торговли и толлинговый экспорт (экспорт на основе давальческой переработки) являются двумя ведущими направлениями во внешнеторговых связях КНР. При этом, начиная с 2011 г. прослеживается устойчивая тенденция к сокращению доли экспорта на основе давальческой переработки в общем экспорте страны. Так, только за 2020—2021 гг. давальческая форма сократилась практически на 5 %.

Если рассматривать особенности соотношения форм экспорта КНР в самый «острый» период коронавируса в 2020 г., то следует выделить следующие ключевые моменты:

Таблица 2. Основные формы экспорта*

Год	Доля обычной торговли, %	Доля давальческой переработки, %
2007	44,2	50,7
2008	48,3	47,18
2009	44,1	41,1
2010	45,7	46,91
2011	48,3	44,0
2012	48,2	42,1
2013	49,2	39,0
2014	51,4	37,7
2015	53,4	35,1
2016	53,9	34,1
2017	54,3	33,5
2018	56,3	32,1
2019	57,8	29,4
2020	59,3	27,1
2021	60,9	24,6

* Рассчитано на основании данных ГТУ КНР.

С января по февраль 2020 г. из-за вспышки новой эпидемии было отмечено падение экспорта как по линии обычной торговли, так и толлинговой на (-) 14,3 % и 29,7 % соответственно. По мере того, как эпидемию COVID-19 в КНР удавалось брать под контроль, ситуация со всеми формами экспорта стала стабилизироваться, был отмечен небольшой прирост их обеих.

С мая по июнь 2020 г., хотя эпидемическая ситуация в КНР и стабилизировалась, но продолжающееся распространение вируса по другим странам оказывало неоднозначное влияние на экспорт. Так, у экспорта в форме обычной торговли наблюдался небольшой прирост на 5 % по сравнению с тем же периодом 2019 г., а толлинговый экс-

порт уменьшался и снизился по сравнению с апрелем на 3 %. Постепенно с улучшением обстановки во всем мире к сентябрю 2020 г. ситуация по двум основным формам экспорта выровнялась, хотя у экспорта по линии обычной торговли наблюдался годовой прирост на 14,4 %, а у толлинга показатель был ниже по сравнению с 2019 г. на 6,09 %¹.

Вспышка COVID-19 привела к существенному снижению темпов как экспорта в форме обычной торговли, так и толлинговой формы. В частности, с января по сентябрь 2020 г. объем экспорта в форме обычной торговли составил 1,078 трлн долл., снизившись по сравнению с 2019 г. на 1,1 проц.п., что составило 59,5 % от суммарного экспорта страны. Объем экспорта по линии толлинга за этот же период составил 486,5 млрд долл., при этом в годовом исчислении он уменьшился на 9,15 %, что составило 26,8 % от суммарного экспорта — самый низкий показатель за период 2014—2020 гг.

В целом вспышка COVID-19 оказала большее влияние на экспорт по линии давальческой переработки, чем на обычный экспорт, что можно связать с проблемами в глобальных производственных цепочках.

Влияние коронавируса на структуру экспортных поставок

Среди основных статей экспорта КНР следует выделить сельхозпродукцию, текстильную пряжу, ткани и готовые изделия; предметы одежды и аксессуары для нее, электромеханическую и высокотехнологическую продукцию (две последние товарные группы составляют основу экспорта страны). С 2014 по 2019 гг. доля механической, электромеханической и высокотехнологической продукции в суммарном объеме экспорта увеличилась на 2,42 % и 1,05 % соответственно, что в основном было связано с постоянной оптимизацией структуры внешней торговли. Удельный вес сельхозпродукции, текстильной пряжи и готовых изделий в период с 2014—2019 гг. изменялся в диапазоне 0,1 %. Доля товарной группы «Одежда и аксессуары для нее» за указанный период сократилась на 2 % — с 8 до 6 %, что было связано с

¹ Ян Фэнминь, Тянь Янян. Синьгуань фэйянь ичин дуй вого чукоу маои дэ инсян [Воздействие новой эпидемии коронарной пневмонии на экспортную торговлю моей страны] // Чжэнчжоу ханкун гунъе гуаняли сюэюань сюэбао. 2022. № 1. С. 5—15. (На кит. яз.).

переносом производства в Юго-Восточную Азию и другие регионы для снижения себестоимости выпуска продукции.

Таблица 3. Структура экспорта КНР (2014—2021 гг.), %*

Товарные позиции \ годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Сельхозпродукция	3,05	3,08	3,46	3,32	3,19	3,14	3,00
Электромеханическая продукция	55,96	57,62	57,64	58,38	58,72	58,38	56,00
Высокотехнологическая продукция	28,19	28,80	28,78	29,49	30,03	29,24	28,00

* Рассчитано на основании данных ГТУ КНР.

Пандемия по-разному сказалась на экспорте товарных групп.

Без учета сезонных факторов объемы экспорта сельскохозяйственной, электромеханической, высокотехнологичной продукции, одежды и аксессуаров к ней, текстильных нитей, тканей и изделий в январе-феврале 2020 г. сократились на 6,16 %, 13,80 %, 13,88 % и 17,99 %, 13,85 % соответственно в годовом исчислении.

В этот период снизился экспорт текстильных нитей, тканей и изделий с одной стороны — из-за закрытия предприятий и сложностей транспортировки, вызванных пандемией, а с другой стороны — из-за остроты эпидемии в самом Китае: маски в тот период поставлялись в основном на внутренний рынок. В среднем в январе 2020 г. экспорт 5-ти основных товарных групп сократился до диапазона 15—40 % по сравнению с декабрем 2019 г. При последовательном и эффективном сдерживании пандемии в КНР, за исключением сельскохозяйственной продукции, темпы роста экспорта Китая в апреле 2020 г. показали существенную динамику. Особенно это касалось товарной группы «Текстильные нити, ткани и изделия», по которой прирост достиг 20,15 %.

С мая по июнь 2020 г. эпидемическая ситуация в Китае была стабильной, однако остальной мир продолжал оставаться в тенетах эпидемии. Темпы прироста экспорта высокотехнологичной продукции, электромеханической и сельхозпродукции значительно замедлились. В то же время начал стремительно расти экспорт одежды и аксессуаров для нее, а темпы прироста экспорта группы «Текстильные нити, ткани и изделия» существенно снизились.

В 2020 г. экономика Китая восстановилась первой в мире, но в структуре экспорта продолжали происходить изменения, которые были связаны с продолжающейся пандемией и «заполнением» Китаем некоторых позиций ослабленных стран-экспортеров.

С августа по декабрь 2020 г. в структуре экспорта КНР преобладали потребительские товары, связанные с эпидемией, а также продукция, необходимая для «домашней экономики». Значительно повысились темпы прироста по следующим товарным позициям: текстиль; медицинские товары, связанные с эпидемией, такие, как оптика и медицинские инструменты, мебель и игрушки. Благодаря политике количественного смягчения, такой как снижение нормы обязательных резервов в США, был стимулирован объем сделок в сфере недвижимости и особенно коммерческого жилья, что в свою очередь приводило к росту американского импорта из КНР.

С февраля по май 2021 г. наблюдалось ослабление всплеск COVID-19 за рубежом. За исключением категории «Текстильные нити, ткани и изделия» по всем остальным группам товаров продолжилась тенденция к росту их экспорта. У товарных групп, связанных с эпидемией и «домашней экономикой», темпы прироста оставались высокими. Основная причина этого заключалась в том, что эпидемия многократно усилила востребованность и потому — устойчивость экспорта потребительских товаров, связанных с «домашней экономикой» (товаров длительного пользования и электромеханической продукции, включая электронные компоненты, интегральные схемы, компьютеры и мобильные телефоны, на долю которых приходится более 50 % от общей стоимости экспорта КНР).

В третьем и четвертом кварталах 2021 г. импортеры всего мира готовились к Рождеству Христову, что приводило к увеличению объемов импорта со стороны стран Запада. В результате, тогда вырос объем китайского экспорта мобильных телефонов, одежды, аксессуаров и др.

В 2021 г., в плане поставок основных продуктов, устойчивость экспорта оставалась неизменной. Заметно вырос экспорт промышленных полуфабрикатов, таких как интегральные схемы и жидкокристаллические дисплеи. Годовой прирост здесь составил 32,0 % и 39,8 % соответственно. Заметно вырос экспорт удобрений, стали и алюминия — на 73,2 %, 80,2 % и 48,7 % соответственно¹.

¹ Хао Цзэ, Чжан Итин, Хао Бижун. Чукоу Цзисюй Баочи Жэньсин Цзиньчукоу Цзэго Цзиньбу Юхуа [Экспорт продолжает оставаться устойчивым, а структура импорта и экспорта еще более оптимизирована] // Чжунго Уцзя. 2022. № 3. С. 3—11. (На кит. яз.).

Среди особенностей структуры экспорта КНР в 2021 г. следует выделить следующее.

Во-первых, то, что электромеханическая и высокотехнологическая продукция в 2021 г. сохранила относительно высокие темпы годового прироста. В электромеханической продукции следует выделить ведущие позиции: оборудование для автоматической обработки данных и их комплектующие, мобильные телефоны, бытовые электроприборы, автомобильные детали, автомобили и шасси автомобилей, универсальное оборудование. Среди выделенных экспортных позиций особое внимание необходимо обратить на автомобили. В 2021 г. КНР экспортировала 2,015 млн автомобилей, что в 2 раза превысило объем 2020 г. Экспорт автомобилей на новых источниках энергии показал взрывной рост: их годовой экспорт в 2021 г. составил 310 тыс. единиц, продемонстрировав 3-х кратное увеличение по сравнению с 2020 г. Кроме того, из-за глобального «дефицита» микросхем экспорт высокотехнологичной продукции, представленной интегральными схемами, достиг показателя в 154,52 млрд долл. с годовым приростом в 30,9 %.

Во-вторых, экспорт трудоемкой продукции тоже показал высокие темпы прироста. В 2021 г. ввиду восстановления мировой экономики значительно возрос экспорт Китая в ЕС и США. Экспорт трудоемкой продукции, который медленно восстанавливался в 2020 г., стал быстро расти в 2021 г. Это относится к одежде, изделиям из пластика и мебели. В плане конкретных трудоемких товаров совокупный годовой темп прироста экспорта игрушек, обуви, чемоданов и мебельной продукции превысил 25 %, а одежды — 24 %. В то же время темпы роста экспорта текстильных нитей, тканей, включая маски, снизился на 5,6 %, что связано с относительно высокой экспортной базой материалов для профилактики эпидемий в 2020 г. и относительно благоприятной эпидемической ситуацией в мире в 2021 г.

В-третьих, быстро рос экспорт стали, цветных металлов и химической продукции. Хотя доля химической и металлургической продукции в экспорте невелики, но темпы ее прироста были высокие. В 2021 г. экспорт стали увеличился на 80,2 %; масштабы экспорта некованой меди и медных изделий, а также алюминия-сырца и алюминиевых изделий увеличились соответственно на 71,6 % и 48,1 %. Экспорт продукции химической промышленности возрос на 37 %. Высокие темпы роста экспорта химической продукции в основном обусловлены ускоренным восстановлением мировой эко-

номики в 2021 г.. Рост спроса на биржевые товары с непрерывным ростом цен на них привели к существенному увеличению экспорта стали¹.

География экспорта КНР

США, страны ЕС и АСЕАН, Япония, Южная Корея являются крупнейшими рынками потребления китайской продукции. По данным ГТУ КНР, порядка 60 % экспорта Китая приходится на эти страны и регионы.

Таблица 4. Доля ключевых рынков в экспорте КНР, %*

Страны, регионы \ годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Япония	6,38	5,97	6,16	6,07	5,91	5,73	5,51	4,93
РК	4,28	4,46	4,47	4,54	4,37	4,44	4,34	4,42
США	16,91	18,01	18,36	18,99	19,24	16,75	17,44	17,12
АСЕАН	11,62	12,21	12,20	12,33	12,84	14,38	14,81	14,37
ЕС	15,83	15,65	16,16	16,44	16,43	17,15	20,68	15,41

* Рассчитано на основании данных ГТУ КНР.

Вспышка новой коронавирусной инфекции в определенной мере повлияла на основные экспортные рынки, но в разной степени воздействия.

С января по февраль 2020 г. было отмечено снижение экспорта КНР практически всем крупнейшим партнерам. В Японии, Южной Корее, США, АСЕАН и ЕС китайский экспорт снизился на 22,29 %, 16,67 %, 24,34 %, 1,29 % и 16,38 % соответственно.

Но уже в апреле 2020 г. экспорт КНР крупнейшим партнерам стал расти (и только в странах АСЕАН продолжалось его сокращение). Так, к примеру, китайский экспорт в ЕС, Японию и США показал прирост на 11,24 %, 15,39 % и 12,93 % соответственно.

¹ Ван Мэйтин. 2021 нянь вого ваймао чукоу синши фэнси юй 2022 нянь чжань [Анализ ситуации с внешнеторговым экспортом моей страны в 2021 и 2022] // Хунгуань гуаньча. 2022. № 7 (404). С. 1—18. (На кит. яз.).

С мая по июнь 2020 г. в Китае эпидемия была сдержана, однако число инфицированных в США, Европейском союзе, других странах и регионах мира продолжало расти. В результате повышательную тенденцию экспорт из КНР показал в двух направлениях — европейском и североамериканском.

К третьему кварталу 2020 г. ситуация в мире стабилизировалась. В сентябре объем китайского экспорта продемонстрировал стабильный рост. В среднем по основным рынкам (за исключением Японии и Гонконга) темп прироста экспорта составлял от 12 до 20 %¹.

В целом в 2021 г. экспорт КНР основным торговым партнерам значительно вырос. Его прирост в страны ЕС, США и АСЕАН составил 16,3 %, 16,1 % и 12,7 % соответственно.

Отдельно хотелось бы остановиться на *экспорте КНР в США*. До 2020 г. китайско-американские экономические и торговые трения оказывали серьезное сдерживающее влияние на экспорт КНР в США. Так, с 2018 по 2019 гг. темпы прироста китайского экспорта снизились с 9,9 % до 0,5 %. «Шероховатости» в отношении двух стран привели к оттоку американского капитала из КНР и выводу промышленных мощностей в основном в ЮВА. Однако после начала COVID-19 в торговых отношениях Китая и США вновь произошли изменения. Во-первых, торговля показала восстановительный рост. В 2020 г. экспорт Китая в США составил 451,8 млрд долл., увеличившись на 7,9 %. При этом, согласно статистике США, в 2020 г. на китайские товары приходилось 19 % всего импорта США (Китай занял первое место среди экспортеров). Это изменение в основном было связано с недостатком противоэпидемических материалов в Соединенных Штатах в условиях эпидемии, увеличением спроса на оборудование и технику для удаленной работы и предметы первой необходимости в период локдауна, а также с необходимостью импорта большого количества китайских товаров в условиях ограниченного предложения. Быстрый рост спроса на электромеханическое оборудование, аксессуары для жилья и потребительские товары привел к дальнейшему росту экспорта в США. В 2021 г. экспорт достиг 576,899 млрд долл., и рост в годовом исчислении составил 28,5 %. Во-вторых, китайско-американские экономические и торговые спо-

¹ Ян Фэнминь, Тянь Янян. Синьгуань фэйянь ичин дуй вого чукоу маои дэ инсян [Воздействие новой эпидемии коронарной пневмонии на экспортную торговлю моей страны] // Чжэнчжоу ханкун гунъе гуанъли сюэюань сюэбао. 2022. № 1. С. 5—15. (На кит. яз.).

ры демонстрируют признаки ослабления. С июня 2021 г. высшие руководители двух стран неоднократно общались по телефону по экономическим и торговым вопросам. 4 октября 2021 г. торговый представитель США Кэтрин Тай впервые изложила американское предложение по торговой политике в отношении Китая, указав, что для Китая и США прекратить торговлю нереально¹. В 2021 г. среди категорий продуктов, экспортируемых КНР в Соединенные Штаты, электромеханическое оборудование, а также трудоемкие продукты занимали большую долю и демонстрировали быстрый рост поставок.

В 2021 г. объем экспорта только электромеханического, аудиовизуального оборудования и аксессуаров достиг 248,66 млрд долл. или 43,2 % китайского экспорта в США, увеличившись на 20,3 % в годовом исчислении; экспорт транспортных средств, судов и транспортного оборудования вырос на 51,3 %. Одновременно, быстро рос экспорт продукции трудоемких отраслей. К примеру, годовые темпы прироста экспорта одежды и аксессуаров, обуви, игрушек и спортивных товаров, мебели и ламп составили 53 %, 56,5 %, 59,2 % и 33,2 % соответственно, что намного выше, чем показатели 2020 г.²

Несмотря на положительные тенденции роста американского импорта из КНР, у этого явления есть оборотная сторона. В 2020 г. США являлись крупнейшим рынком сбыта для КНР, однако в 1-ой половине 2021 г. произошли изменения на рынке импорта США. Одним из них является изменение географии импорта США. Так, в декабре 2020 г. импорт США возрос на 6,1 %, притом прирост импорта из КНР был 4 %, а из прочих стран Азии лишь 1,6 %.

С апреля 2021 г. ситуация кардинально изменилась. По состоянию на май, импорт США увеличился на 41,2 % в годовом исчислении, в том числе импорт из КНР увеличился лишь на 1,3 проц.п., а из других стран Азии — на 12,1 проц.п. В целом в 2020—2021 гг. суммарный импорт США вырос на 2,6 %, но из КНР сократился на (-) 0,1 %, а из прочих стран Азии вырос на 2,2 %. При этом, сравнивая удельный вес импорта США из различных стран и регионов, можно отметить, что с января по май 2021 г. доля импорта США из Китая вернулась на уровень несколько ниже, чем за аналогичный период 2019 г.

¹ Чжоу Цзинтун Ван Мэй. Хоу ицин шидай цюаньшо маои гэцзюй синь бяньхуа юй индуй [Новые изменения и ответы структуры мировой торговли в постпандемическую эпоху] // Хунгуань гуаньча. 2021. № 63 (386). С. 1—14. (На кит. яз.).

² Ван Мэйтин. 2021 нянь вого ваймао чукоу синци фэньси юй 2022 нянь чжань [Анализ ситуации с внешнеторговым экспортом моей страны в 2021 и 2022] // Хунгуань гуаньча. 2022. № 7 (404). С. 1—18. (На кит. яз.).

В то же время в течение всего 2020 г. доля импорта США из других азиатских стран оказалась выше, чем была до пандемии. Таким образом, на фоне американо-китайских торговых противоречий американские компании преднамеренно увеличивают импорт из стран АСЕАН. Хотя нельзя исключать, что некоторая часть китайского экспорта в США может идти в обход через страны ЮВА¹.

Что касается *экспорта КНР в страны ЕС*, то он в основном состоит из электромеханического оборудования и продукции химической промышленности. Во-первых, в 2021 г. экспорт электромеханической продукции составил 232,968 млрд долл. с годовым приростом в 31 %. По отдельным категориям, таким как транспортные средства и транспортное оборудование, прирост составил 74,7 % по сравнению с 2020 г., а экспорт автомобилей и электрооборудования увеличился на 33,3 %. Во-вторых, под влиянием таких факторов, как рост мировых цен на сырьевые товары и энергетический кризис в ЕС, объем экспорта КНР полезных ископаемых, продукции химической промышленности, металлов возрос соответственно на 77,3 %, 62 % и 50,9 %. В-третьих, хотя масштабы экспорта текстильного сырья и продукции все еще относительно велики, существует структурная дифференциация. Так, темпы роста экспорта одежды, обуви, головных уборов и других товаров составили более 30 %, в то время как экспорт прочего текстиля (включая защитные маски) снизился на 65,7 %².

Третьим важным экспортным направлением для КНР являются *страны АСЕАН*. В 2021 г. экспорт в АСЕАН составил 483,636 млрд долл. с годовым приростом в 21,8 %, что было на 16 проц.п. выше, чем в 2020 г. Крупнейшими импортерами китайской продукции в АСЕАН являются Вьетнам, Малайзия и Таиланд. В 2021 г. экспорт во Вьетнам составил 137,93 млрд долл., в Малайзию — 78,74 млрд долл. и в Таиланд — 69,37 млрд долл. На эти три страны приходится 59,1 % от общей стоимости экспорт Китая в АСЕАН. Доминирующее положение в экспорте занимает электромеханическое оборудование, фармацевтические препараты и пластиковые изделия. В 2021 г. среднегодовые темпы прироста импорта китайских лекарств Вьетнамом,

¹ Чжун Чжэншэн, Чжан Лу. Чжунго чукоу дэ жэньсин [Устойчивость китайского экспорта] // Чжунго вайхуэй. 2021. № 15. URL: <http://www.chinaforex.com.cn/index.php/cms/item-view-id-50984.shtml>. (дата обращения: 29.04.2022). (На кит. яз.)

² Ван Мэйтин. 2021 нянь во го ваймао чукоу синци фэньси юй 2022 нянь чжань [Анализ ситуации с внешнеторговым экспортом моей страны в 2021 и 2022] // Хунгуань гуаньча. 2022. № 7 (404). С. 1—18. (На кит. яз.)

Малайзией и Таиландом достигли 172,5 %, 150,4 % и 144,9 % соответственно¹.

В заключение хотелось отметить общие «достижения» экспорта КНР в период мировой эпидемии COVID-19. Несмотря на то, что Китай первым в мире столкнулся со вспышкой нового вирусного заболевания, стране удалось его быстро локализовать, в результате чего КНР увеличила свой «вес» в мировом экспорте.

Долгое время восстановлению производства в развитых странах препятствовала постоянная мутация коронавируса, влекшая за собой новые эпидемические «волны», локдауны и иные ограничения. В этот период Китай «выхватил» часть экспортного «пирога» развитых стран. С началом массовой вакцинации и относительной стабилизации эпидемиологической обстановки в развитых странах производство стало восстанавливаться. Но в другой части мира, где проживает бедное население и до массовой вакцинации еще далеко, начались беспрерывные локальные локдауны, и в результате китайский экспорт «заполнил» и эти бреши в мировом экспорте. Данные статистики показывают, что наиболее значительное снижение китайского экспорта в 2020 г. пришлось на развитые страны (ЕС, США, Великобритания и Япония).

В 2021 г. страны с наибольшим снижением экспорта оказались сосредоточенными в Африке, Ближнем Востоке и Латинской Америке, поскольку именно развивающиеся государства более всех в мире пострадали от эпидемии. Это касается и таких крупных стран-экспортеров, как Индия и ряд стран ЮВА, экономика которых восстанавливается крайне медленно. Китай, пользуясь ситуацией, замещает продукцию этих стран на мировом рынке, за счет чего его экспорт стремительно растет. Этот эффект замещения постепенно снизится по мере восстановления других стран-производителей.

Развитые страны, такие как США и страны ЕС, пострадали от медленного восстановления глобальных производственных цепочек, активными участниками которых они являлись. В такой ситуации страны Запада были вынуждены наращивать импорт из КНР. Так, Соединенные Штаты — это страна, которая больше всего встроена в глобализацию: почти все производственные цепочки самолетов, автомобилей, компьютеров, мебели и одежды зависят от импорта из КНР узлов и деталей.

¹ Там же.

Библиографический список / References

Hao Jie, Zhang Yiting, Hao Birong (2022). Chukou jixu baochi renxing jinchukou jieguo jinyibu youhua [Exports continue to maintain resilience, and import and export structure is further optimized], *Zhongguo wujia [Chinese prices]*, no. 3: 3—11 (In Chinese).

Yang Fengmin, Tian Yangyang (2022). Xinguan feiyan yiqing dui woguo chukou maoyi de yingxiang [Research on the Impact of COVID - 19 on China's Export Trade], *Zhengzhou hangkong gongye guanli xueyuan xuebao [Journal of Zhengzhou University of Aeronautics]*, no.2: 5—15. (In Chinese). DOI: 10.19327/j.cnki.zuaxb.1007—9734. 2022.01.00

Zhong Zhenngsheng, Zhang Lu (2021). Zhongguo chukou de renxing [The resilience of China's exports], *Zhongguo waihui [China forex]*, no. 15. URL: <http://www.chinaforex.com.cn/index.php/cms/item-view-id-50984.shtml> (accessed: 29 April, 2021). (In Chinese). DOI: 10.13539/j.cnki.11-5475/f.2021.15.002

DOI: 10.48647/IFES.2022.18.24.008

В.И. Балакин

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КАПИТАЛА ДЛЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ КНР (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ РОТШИЛЬДОВ)

Аннотация. Элиты «коллективного Запада» стремятся не допустить естественной континентальной интеграции в лице Евразийского экономического союза, который дает реальный шанс независимого развития странам региона в отличие от Евросоюза, упустившего возможности для реального рывка. Складывается весьма опасная ситуация, когда «коллективный Запад» откровенно стремится сорвать процесс евроазиатской интеграции. Однако здесь не все так линейно просто, поскольку после распада СССР западные финансовые элиты, и не в последнюю очередь Ротшильды, пытаются не допустить естественного хода евроазиатской континентальной интеграции, препятствуя независимому развитию стран региона. Западные финансисты отмечают новую экономическую политику России, нацеленную на формирование регионального рынка, имеющего два измерения: территориальное и структурное, подразумевающие восстановление и дальнейшее расширение собственного производства при его адекватной защите от внешних конкурентов, что реально обеспечивает углубление внутреннего спроса.

Ротшильды не скрывают, что их основной целью является установление реального финансового контроля над хозяйственными системами ведущих государств мира: в частности в собственности британской ветви Ротшильдов находятся крупные предприятия горнодобывающей промышленности, лидеры нефтяной сферы, а также

компании цветной металлургии. Отсюда напрашивается вывод, что реально управляют мировой экономикой и политикой только те, кто обладает крупным капиталом, но это не безграничная величина, ибо приводит к жесткой конкуренции за сферы влияния и доступ к источникам богатства. Наблюдая сегодняшнее развитие событий, следует признать ситуацию, когда еще можно предотвратить жесткую конфронтацию «коллективного Запада» с Китаем и Россией путем настойчивого продвижения в ключевых западных странах рационально мыслящих политиков, способных осознать общие интересы человечества, а кроме того, понять и принять, что КНР и РФ готовы к любому варианту военного столкновения, чего нельзя сказать о НАТО.

Ключевые слова: «коллективный Запад», Евразийский экономический союз, Европейский союз, Ротшильды, мировая экономика, Китай, Россия.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент ВАК, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru prof_bvi@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V.I. Balakin

On the importance of the international capital for China's foreign economic positions (on the example of the Rothschild family)

Abstract. Elites of the “collective West” have strived not to admit natural continental integration in the framework of Eurasian Economic Union, which give real chance for regional countries on independent development in distinction with EC states missing possibilities to make real jerk. There have been formed greatly dangerous situation when “collective West” openly long for snatch away the process of Eurasian integration but not all are simple with those process since after USSR disintegration western financial elites, including the Rothschilds, attempt to avert natural course of Eurasian continental integration preventing regional countries from independent development. Western financial business marks new Russian economic policy aimed toward forming regional market having two dimensions: territorial and structural ones implying restoration and further extension of own production in the time of adequate protection from outside competitors that really provide with hollowing of inner demand. Former Russian doctrine of potentials balance today is completely not acceptable because of too long military power accumulating in competition with “collective West” and that is meaning to prevent the last one from stake on

restless, unstable power balance which would tempt on unjustified ambitions and adventures. Rothschilds don't hide their main aim which has been understood as a establishment of real financial control over leading economical systems of key world countries, particularly in possession of British Rothschilds' branch there have been big enterprises of mining industry, leaders of oil industry and tinged metallurgy too. Hence from that springs conclusion concerning those who really govern world economy and policy — they have always possess huge capitals but that is not unlimited value since lead toward tough competition for influence spheres and for the access to wealth sources. Observing nowadays development of events it's have to be recognized a situation when the tough confrontation between "collective West", Russia and China can be prevented by the way of pressing move in key Western countries rationally thinking politicians able to realize mankind's common interests and besides understand and accept the fact that PRC and RF are ready for any variant of military collision what is difficult to say about NATO.

Keywords: "Collective West", Eurasian Economic Union, European Union, Rothschild family, world economy, China, Russia.

Author: Vyacheslav I. BALAKIN, Ph.D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru prof_bvi@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Евроазиатская геополитика клана Ротшильдов

Влиятельная банковская династия Ротшильдов в настоящее время активно участвует в построении нового экономического порядка на ближайшие пятьдесят лет, когда власть в западных странах постепенно начнет переходить к крупнейшим финансовым корпорациям. Видимо, Ротшильды вынашивают собственную стратегию формирования государственной власти в странах евроазиатского континента, опираясь не столько на возможности Федеральной системы США, сколько с учетом новых факторов возрастания китайского геополитического влияния в Евразии [Yu, p.1—3]. Ротшильды первыми задумались о том, что в нынешних условиях финансовые потрясения нуждаются в аккуратном сдерживании с последующей их нейтрализацией, а это невозможно без фундаментального присутствия в экономике КНР. Это присутствие уже более десяти лет выражается в глубоком участии в китайских инвестиционных программах на территории

практически всех евроазиатских стран, что связано с решительной переоценкой Пекином места и роли Китая в евроазиатской политике и экономике. Ротшильды явно решили сменить парадигму сохранения своей финансовой империи, корректируя ее огромный инвестиционный потенциал в сторону поддержки будущего несомненного лидера, стремящегося к установлению нового регионального экономического порядка на континенте Евразия.

Изменение руководством КНР евроазиатской геополитической стратегии оказало существенное влияние на переоценку крупнейшими западными финансовыми группами видения глобального и регионального развития. В частности, Ротшильды приняли принципиальное решение впредь опираться на гарантии безопасности для своих огромных финансовых активов со стороны Китая, включившись в поддержку развития китайских инвестиционных проектов в рамках инициативы «Пояс и путь». Сегодня Ротшильды не верят в эффективность потенциала США, поскольку Федеральная резервная система оказалась неспособной найти оптимальный вариант своего сохранения в качестве универсального финансового механизма, надежно гарантирующего прибыльный инвестиционный оборот крупнейших состояний мира. Нынешний кризис Федеральной резервной системы вызван тотальным перепотреблением ресурсов со стороны США, которые являются монополистом в «производстве мировых денег» — американских долларов, в результате чего создаются условия, когда большое количество производящих корпораций погружаются в жесткую зависимость от крупнейших транснациональных финансовых институтов, включая фонды Ротшильдов.

Китайское руководство весьма скрупулезно отслеживает усилия глобальных финансовых групп и фактически сделало выбор в пользу привязки юаня не к нефти, а к золоту, то есть, таким образом предоставило свою стратегическую поддержку клану Ротшильдов, всегда ориентировавшемуся на драгметаллы в качестве резерва для своих накоплений [Sugiyama, p. 53].

С учетом реальной международной ситуации КНР постепенно становится основной опорой Ротшильдов в глобальной игре за счет привязки юаня к золотому стандарту и превращения китайской валюты в новую мировую резервную валюту. Это в недалеком будущем позволит обрушить доллар и сами США в финансовом плане. Крах США как государства невыгоден никому, поскольку будет означать крах всей мировой экономики и мировых финансов, а дове-

рие к доллару будет постепенно утрачиваться. Ротшильды первыми среди крупнейших финансовых групп осознали названную тенденцию и стали искать себе новую защиту, исходя не столько из физического страха утратить имеющиеся долларовые накопления, сколько предвидя надвигающиеся геополитические изменения [Eihengreen, p. 1—4].

Глобальная сделка с руководством КНР вызревала постепенно в обход Федеральной резервной системы США путем перевода в Пекин золотых активов семейства Ротшильдов по всем имеющимся в их распоряжении каналам, согласившегося при этом на полный контроль операций со стороны китайских властей. Этим самым финансовый клан полностью признал приоритет китайских геополитических интересов над американскими, поскольку Ротшильды явно почувствовали нарастание экономического кризиса в США и стремление американской администрации реализовать «планы экономического спасения» на краткосрочной основе, что серьезно подрывает макроэкономическую стабильность и грубо игнорирует интересы мирового сообщества.

Вопрос о макроэкономической стабильности в Евразии в значительной мере беспокоит Ротшильдов, поскольку данная международная финансовая группа фактически сделала ставку на поддержку китайской программы интеграции в континентальном масштабе. Названная проблема весьма актуальна для евроазиатской финансовой системы и требует глубокого осмысления с точки зрения сохранения процесса воспроизводства в Евразии, а при необходимости — экстраординарного государственного вмешательства с учетом последовательного реформирования национальных экономик. Сотрудничая с китайским правительством, Ротшильды определили одним из важнейших приоритетов своей стратегии финансирование строительства инфраструктуры по содействию созданию Евроазиатского сухопутного транспортного моста, состоящего из скоростных железных дорог и мощных трубопроводных систем, включая переброску пресной воды [Zhang, p. 8]. Инвестиции в продовольствие и пресную воду представляются Ротшильдам весьма перспективными с точки зрения интересов стабильности в Евразии, а также с учетом возможности предотвращения тлеющих конфликтов на континенте. Суть проблемы заключается в абсолютно неравномерном распределении водных ресурсов и весьма серьезном дефиците энергообеспечения «горных» государств Евразии, что в ближайшем будущем несомненно обострит

для России борьбу за евроазиатскую интеграцию на российских условиях.

Изначально Ротшильды понимали евроазиатскую интеграцию как геополитическое явление, превращающее большое пространство в некий панрегион, и далее — в конгломерат государств, не зависящих от внешних политических связей. Безопасность подобного государства достигается не путем укрепления общей стабильности, а через наращивание государством односторонней военной мощи, что и делает, например, Китай, привлекательным объектом для размещения огромных финансовых ресурсов клана Ротшильдов. Такое сотрудничество весьма взаимовыгодно, ибо оно направлено на прямое распределение материальных ресурсов и целевое проектное финансирование в интересах реализации концепции устойчивого регионального развития в Евразии [Geeraerts, p. 259].

Модернизация мировой валютно-финансовой системы позволяет обеспечивать экономический рост с учетом реалий сегодняшнего дня, а именно: складывающейся региональной многополярности и явного стремления евроазиатских государств к переходу в международных расчетах на национальные валюты. Тон здесь прежде всего задают китайцы, постоянно и явно стремящиеся вести бизнес с применением быстрых и эффективных расчетов. Иными словами, КНР в данном вопросе закрепила за собой лидирующие позиции, в том числе выстраивая корреспондентские отношения с банками Российской Федерации.

Сейчас отмечается заметное снижение доли мировых расчетов в долларах США и евро в пользу азиатских валют, включая использование китайского юаня, реально ставшего в последнее время мировой резервной валютой. Юань занимает сейчас четвертое место в рейтинге наиболее часто используемых в международных расчетах мировых валют, обойдя при этом японскую йену. Китайская валюта начинает пользоваться все большим спросом в Евразии, что свидетельствует о начале «новой эры» в развитии мощной финансовой системы КНР [Nakanishi, p. 17]. Выполняющий роль центрального банка Народный Банк Китая запустил процесс покупки и продажи национальной валюты вне территориальных границ КНР, что способствовало использованию юаня в качестве инструмента финансирования торговых сделок. Кроме того, и это особо отмечается крупными международными финансовыми группами, включая Ротшильдов, юань стал выступать как валюта инвестиционных потоков и кредитных ресурсов на евразийском пространстве.

Россия в геополитической стратегии Ротшильдов

Для Ротшильдов Россия всегда оставалась исключительно враждебным государством, поскольку мешала господству финансового клана над миром через негосударственную Федеральную резервную систему США. В России Ротшильды весьма последовательно и целенаправленно пытаются получить прямой доступ к стратегическим ресурсам, а кроме того, координировать коррупционные связи среди российских олигархических структур, рассчитывая продвинуть их преданных представителей во властные органы Российской Федерации. В настоящее же время кланом используется несколько иная тактика воздействия на мировые финансы с учетом геополитических интересов КНР, которые Ротшильды вынуждены принимать во внимание, исходя из реальной зависимости от жесткой китайской стратегии построения нового мироустройства [Zhao Suisheng, p. 3].

Современная политика Ротшильдов в отношении России выглядит исключительно ситуационной и во многом зависящей от согласования с китайским руководством, которое имеет решающее слово во всех стратегических вопросах развития на геополитическом пространстве Евразии. Складывается впечатление, что между Россией и Китаем возникла устойчивая договоренность относительно любых изменений в финансовой стратегии США на евроазиатском пространстве, когда Пекин явно способен эффективно заблокировать попытки Ротшильдов выйти из-под китайского контроля в экономической сфере. Ротшильды вряд ли могут рассчитывать играть какую-либо существенную роль в стратегических отношениях между Россией и Китаем, поскольку ни Москва, ни Пекин никогда не позволят финансовому клану реализовать идею создания независимой мировой валюты, которая была бы способна оказаться вне контроля любого суверенного правительства [Kosaka, p.57]. Однако, Ротшильды полагают, что идущая в последнее время жесткая битва между рациональностью и иррациональностью, когда рационалисты отдают предпочтение глобализации, а иррационалисты предпочитают во всем исходить из интересов национального суверенитета вполне может закончиться сокрушительной победой иррационалистов.

В России весьма тщательно отслеживая взаимодействие Ротшильдов с руководством КНР, исходя из реальной необходимости контролировать валютную связку «золото—юань», что довольно эффективно способен делать лишь Си Цзиньпин, с самого начала взявший под свое полное управление КПК и Военный совет. Ротшильды

последовательно выводят свои деньги в КНР, опасаясь «усыхания» потоков долговых обязательств, поступающих в ФРС, что ведет к сужению возможностей для финансового клана инвестировать в производственные активы, приобретаемые китайскими корпорациями [Libman, p. 18].

В числе крупных российских предпринимателей основными партнерами Ротшильдов называются владелец РУСАЛа Олег Дерипаска и владелец НОРНИКЕЛЯ Владимир Потанин, которых якобы пытаются использовать для продвижения идеи поддержания европейской стратегической оборонной автономии с целью построить европейскую архитектуру геополитической безопасности в самом широком смысле.

Несмотря на обострение геополитической ситуации в Евразии, России необходимо сделать правильный выбор во внутренней политике и внешнеполитической ориентации и, главное, — стараться не ввязываться в большую войну, чреватую термоядерным конфликтом. Для российского общества самой большой опасностью продолжает оставаться отсутствие устремленной в будущее идеологии, которая на фоне провалов западной цивилизации может оказаться расслабляющим фактором, способным вновь увлечь Россию в водоворот внешне выгодных, но катастрофических финансовых операций.

Будучи глубоко погруженным в геополитические схемы Китая на евроазиатском пространстве, клан Ротшильдов рассматривает Россию исключительно с точки зрения российского участия в китайско-американском противостоянии, то есть, в качестве существенно-го силового фактора, ограничивающего амбиции Вашингтона вернуть себе глобальное лидерство [Ху, p. 94]. Вместе с тем, Ротшильды начинают понимать, что при всех вариантах российско-китайского сближения Москва всегда будет играть по тем правилам, которые она считает для себя справедливыми и выгодными, а это наглядно показывает последовательное завершение этапа уступчивости России в международных делах.

Стратегия Ротшильдов на континенте Евразия ориентирована прежде всего на тесное сотрудничество с КНР и рассматривает при этом Россию исключительно в качестве важной составной части своей китайской геополитики на евроазиатском пространстве. Финансовый клан сегодня настолько зависит от китайского государства, что вряд ли готов на какие-то самостоятельные геополитические шаги на евроазиатском пространстве. Отсюда просматривается неотложная необходимость для России осознать для себя идеологию новой им-

перской государственности, запрос на которую общепризнан, что обеспечивает практическое понимание хода социальных процессов, сознательное успешное участие в них, включая геополитическую активность в Евразии.

Необходимо подчеркнуть: идеология — это всегда урок российской истории, русского народа и его государственности. Ротшильды, реально связав свое будущее с Китаем, осознают, что российская государственность, в основу которой заложены правда и справедливость, является рефлексией на опыт всех предшествующих этапов исторического развития России, включающего в себя долгое государство Ивана III, имперскую модель Петра Великого, государство Ленина—Сталина и сегодняшнее четвертое государственное измерение, ориентированное на принцип передачи власти через прямое народное волеизъявление [Cohen, p. 12].

Ротшильды и ШОС

В последние годы финансовый клан Ротшильдов спешно покидает территорию США и последовательно выводит из американской экономики свои огромные капиталы. Подобная спешка весьма похожа на паническое бегство, вызванное состоянием финансовой системы мирового гегемона, а также нарастающими проблемами существующего миропорядка, установленного сразу после Второй мировой войны. Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) Ротшильды воспринимают в качестве самого ценного актива Китайской Народной Республики, способного стать ядром будущего устойчивого развития Большой Евразии [Saxer, p.17]. Параметры эффективности ШОС оцениваются сегодня Ротшильдами исключительно исходя из возможности абсолютного доминирования в данной международной организации Китая, что будет наверняка способствовать реализации завершающей стадии формирования проекта по перемещению основного мирового финансово-производственного центра с Запада в Азию. Названный азиатский центр вполне может стать для ШОС началом будущей трансформации в интеграционную платформу евроазиатских государств на основе китайской инициативы «Пояс и путь», что должно рассматриваться как серьезный вызов позициям США в регионе.

Опираясь на поддержку Китая, Ротшильды активно развивают геоэкономическую и геополитическую концепцию Большой Евразии,

в реализации которой ШОС естественным образом будет насыщаться конкретными проектами и опытом разностороннего сотрудничества между КНР и крупным финансовым кланом. Геополитическая стратегия КНР в ШОС является для Ротшильдов оптимальной, поскольку предоставляет возможность инвестиционного выбора, способного повлиять на реализацию финансовой политики в Центральной и Южной Азии [Simons, p. 83]. Ротшильды высоко оценивают тот факт, что ШОС заведомо выступает как действенный инструмент многосторонней экономической кооперации на евроазиатском пространстве, что само по себе способствует согласованию вопросов региональной внешней политики, создает солидные предпосылки для гармонизации правового пространства на континенте Евразия. Для Ротшильдов вопрос о главенствующей силе в ШОС практически решен в пользу Пекина, ибо он реально влияет на баланс сил, развитие интеграции и экономическое сотрудничество внутри Организации. Политическая и экономическая весомость Китая в ШОС исключительно выгодна мощному финансовому клану, поскольку Ротшильды напрямую получают самую актуальную информацию о состоянии и глубине континентального партнерства, его приоритетах и готовности каждого конкретного государства-участника претендовать на большую часть средств, накапливаемых Организацией.

В настоящее время Ротшильдов весьма волнует судьба Афганистана, ибо Китай принял вполне осознанный курс на экономическое доминирование в этой стране, в том числе путем предоставления ей значительной гуманитарной помощи. Финансовый клан также готов вкладывать под китайские гарантии значительные средства в китайско-афганские программы сотрудничества, включая восстановление брошенной американцами авиабазы Баграм, где уже функционирует электроснабжение и система диспетчерского управления, позволяющие проводить взлеты и посадки самолетов.

В связи с этим у Пекина появилась прекрасная возможность распространить свое влияние в центре Евразии и получить стратегическое территориальное преимущество, которое позволит КНР заметно поменять геополитическую карту евроазиатского континента в свою пользу [Moriya, p. 51]. Как представляется, Ротшильды, кроме того, имеют реальное намерение в сотрудничестве с Китаем через ШОС выйти на активное взаимодействие с государствами ЕАЭС, чтобы сформировать общую стратегию геополитического сотрудничества в Евразии. Такой подход позволяет выстроить комплексные геополитические отношения на евроазиатском континенте, обеспечивая са-

мостоятельный выбор региональными государствами основного вектора своего развития, что с точки зрения руководства КНР предоставляет уникальную возможность создать системную платформу для выстраивания китайских стратегических интересов в Евразии.

Сегодня Ротшильды рассматривают ШОС как выход в Центральную Азию, который обеспечивается китайскими экономическими возможностями, эффективно упреждающими российские попытки сохранить за Москвой бывшее постсоветское пространство. Центральноазиатские государства в геополитической стратегии Ротшильдов играют заметную роль, но финансовый клан давно уже исповедует один и тот же подход, суть которого в том, что локальный бизнес внутри любой страны не достигнет необходимого размаха и влияния, если не сделать его региональной международной сетью. Благодаря так называемому принципу сообщающихся сосудов, семье Ротшильдов на протяжении многих лет удается удерживать свою финансовую стабильность, которая, как правило, опирается на две главные неустаревающие ценности: семью и веру [Brown, p. 258].

Ротшильды всегда целенаправленно и активно поддерживают государство Израиль, фактически планомерно выводя его из-под влияния США и включая в орбиту геополитического становления китайского «центра силы».

При посредничестве Ротшильдов состоялось историческое китайско-израильское сближение путем установления тесных стратегических военных связей, что вызывает сегодня серьезную обеспокоенность с американской стороны и понижает эффективность использования Вашингтоном устоявшихся рычагов политического и экономического давления.

Ротшильды видят в сотрудничестве с КНР реальную возможность укорениться в экономиках государств ШОС через прямые китайские инвестиции и осязаемое участие финансовых ресурсов данного международного клана, «не запятнанных» принадлежностью к американской Федеральной резервной системе. Тесное сотрудничество Ротшильдов с китайским руководством по линии ШОС представляется серьезной попыткой найти реальную альтернативу сложившемуся после Второй мировой войны экономическому порядку. В частности, финансовый клан считает необходимым поддерживать уже существующие активы и крайне осторожно относиться к каким-либо новым обязательствам.

Для России «танDEM» Китая с Ротшильдами в Евразии имеет стратегический характер, а именно: с одной стороны — он явно направлен

против американского присутствия на евроазиатском континенте, что объективно в интересах Москвы, с другой стороны, — огромные финансовые ресурсы, аккумулированные в рамках данного синергетического взаимодействия, объективно снижают российский геополитический потенциал на просторах Центральной Азии [Rahimov, p. 20]. В отдаленной перспективе проблемной выглядит экономическая роль РФ в развитии ШОС, поскольку те же центральноазиатские государства, не задумываясь свернут политические связи с Москвой в случае получения экономических преференций со стороны «коллективного Запада». Клан Ротшильдов вряд ли пойдет на отдельные контакты с Россией, однако в качестве некоей альтернативы возможны отдельные варианты согласованного с Пекином использования финансовых ресурсов Ротшильдов в интересах дальнейшего китайско-российского стратегического сближения.

Библиографический список / References

- Brown, Michael (1996). *The Israeli-American Connection*, Wayne State University Press, 396 p.
- Cohen, Stephen (2021). *Imperial mystery of Russia*, *Military Review. Analytics. TopWar*. Washington D.C., 28 p.
- Geeraerts, Gustaaf (2020). *International Relations Theory in China*, *Global Society 15(3) Fudan University*: 251—276.
- Kosaka, Hiroyuki (2019). *Yurasia keizaiken [Eurasian economic aria]*, *Hitotsubashi daigaku. Sogo seisaku kenkyusyo* : 45—61. (In Japanese).
- Libman, Alexander (2015). *Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism*, *Munchen Personal RePEc. Archive. Paper No.61639*, 29 p.
- Moriya, Masayuki (2019). *Hogo Seisaku [Protection Policy]*, *Syakai Gakkai*, Vol.11. : 65—75. (In Japanese).
- Nakanishi, Hira (2021). *Atarashiy “Teikoku” to Amerika [New “Empire” and America]*, *Hosei daigaku kenkyusyo*, 158 p. (In Japanese).
- Rahimov, Rahim (2018). *Geopolitical and Conflict Potential in Central Asia*, *Geopolical Monitor*, 25 p.
- Saxer, Marc (2021). *Neue Geopolitische Strategie der Eurasien*. *Friedrich Ebert Stiftung*, 59 s. (In German).
- Simons, Greg (2019). *New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order*. *University of Canterbury. New Zealand*: 77—93.
- Sugiyama, Taro (2020). *Enerugi-torihiki no kiso tishiki [Basic knowledge over energetic deals]*, *Tocom siryo*, 204 p. (In Japanese).

Xu Hongfeng. Zhonghe hezuo (2017) [China-Russia cooperation], *Oya jingji* No.1: 88—103 p. (In Chinese).

Yu, Anton (2019). Geopolitik und Militarisierung, *Telegramm Kanals "Brusseler Schnatz"*. *Koln*: 1—3. (In German).

Zhang Chun (2016). Xiuxi biange Beijing xia de sanbian hezuo guanxi [Relations of trilateral cooperation against the background of systemic transformations], Shanghai: *Zhexue shehui kexue yanjiuguo*. (In Chinese).

Zhao Suisheng (2021). Die Zukunft des chinesischen Modells, *Neue Züricher Zeitung*. (In German).

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.48647/IFES.2022.40.60.007

Г.И. Саркисова

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: УЛХУНСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ ИНЦИДЕНТ (1767—1768 гг.) (АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Аннотация. Статья посвящена истории одного пограничного конфликта второй половины XVIII в., связанного с российским Улхунским караулом. После территориального разграничения, закрепленного Кяхтинским трактатом (21 октября 1727 г.), на границе Российской и Китайской империй были сформированы караулы в основном из местного населения (бурят и тунгусов) для охраны установленных пограничных знаков (маяков) и поддержания порядка: предотвращения воровства, угона скота, незаконной торговли, перехода границы. Впоследствии правительство в разные годы предпринимало шаги по дальнейшему укреплению границы: переселение казаков из городов на пограничную линию, их обучение военному делу, организация полков. Однако полностью предотвратить нарушения границы не удавалось.

10 ноября 1767 г. в результате нападения китайской стороны на российский Улхунский пограничный караул его 12 человек были уведены в Ургу. Этот пограничный инцидент не получил широкого и углубленного освещения в отечественной историографии, а те немногочисленные исследования, в которых ему уделено внимание, представляют события не совсем соответствующими их изложению в исторических документах. В статье на основе архивных источников дано подробное описание Улхунского пограничного конфликта и попыток его урегулирования.

Заслуга в возвращении улхунских караульных в Россию принадлежит полковнику И.И. Кропотову, который был направлен на китайскую границу в 1768 г. полномочным комиссаром для ведения переговоров (с июля по октябрь) и решения споров с китайской стороной. Эти переговоры, помимо урегулирования спорных вопросов, закончились подписанием Дополнительной статьи к Кяхтинскому договору о режиме на русско-китайской границе. Не без основания можно считать, что при разработке процессуальных правил расследования пограничных происшествий, в данной статье был учтен и опыт, извлеченный обеими сторонами из пограничного инцидента с российским Улхунским караулом.

Ключевые слова: Кяхтинский договор, Улхунский караул, пограничный конфликт, И.В. Якоби, И.И. Кропотов.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

G.I. Sarkisova

From the history of the Russian-Chinese relations: Ulkhun border incident (1767—1768) (archival materials)

Abstract. This article is devoted to the history of one of the border conflicts in the second half of the XVIIIth century involving the Russian Ulkhun Guard.

After the territorial demarcation fixed in the Kyakhta Treaty (October 21, 1727) the Guards were formed mainly from the local population (Buryats and Tunguses) on the border of the Russian and Chinese empires. The Guard's mission was to protect the established border signs (beacons), maintain order, prevent theft, hijacking of livestock, illegal trade, and border crossing.

Subsequently, to further strengthen the border in different years the government took steps such as the resettlement of the Cossacks from the cities to the border line, their training in military affairs, and the organization of regiments. However, it was not possible to completely prevent violations of the border.

On November 10, 1767, as a result of an attack by the Chinese on the Ulkhun Guard, its 12 guardsmen were taken to Urga. This border incident did not receive wide and in-depth coverage in Russian historiography, and presentation of the events in the few existing studies does not fully correspond to the historical documentation. Based on archival sources, this article provides a detailed description both of the Ulkhun border conflict and attempts to resolve it as well.

The credit for the return of the Ulkhun guards to Russia belongs to Colonel I.I. Kropotov, who was sent to the Chinese border in 1768 as a plenipotentiary commissioner to negotiate (from July to October) and to resolve disputes with the Chinese side. These negotiations, in addition to settling disputed issues, ended with the signing of an Additional Article to the Kyakhta Treaty on the regime on the Russian-Chinese border. It is not without reason that when developing procedural rules for the investigation of border incidents, the Article also took into account the experience gained by both sides from the border incident with the Russian Ulkhun guard.

Keywords: Treaty of Kyakhta, Ulkhun Guard, border conflict, I.V. Jacobi, I.I. Kropotov.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

Линия территориального разграничения между Российской и Китайской империями была определена и закреплена Буринским (20 августа 1727 г.) и Кяхтинским трактатами (21 октября 1727 г.), а Разменные письма и реестры пограничных знаков [Русско-китайские..., док. № 3, 4, с. 32—41, док № 6, 7, с. 48—52] зафиксировали прохождение границы с установленными на ней пограничными маяками от Кяхты до верховьев реки Аргунь и до Алтайских гор (63 — к востоку от Кяхты, 24 — к западу).

После подписания Кяхтинского договора Иллирийский граф С.Л. Владиславич-Рагузинский (1669—1738), возглавлявший посольство в Пекин, занялся укреплением новой границы. Им были назначены генеральный пограничный управитель и пограничные дозорщики, а также написаны подробные инструкции по поддержанию достигнутого порядка. По возвращении посольства из Пекина С.Л. Владиславич-Рагузинский объединил составленные в разное время документы (21) по пограничным вопросам в единый свод под названием «Пограничное определение», копия которого 17 сентября 1728 г. была представлена в Сибирскую губернскую канцелярию [РКО в XVIII в., коммент. к док. № 114, с. 486—487.]. Ценность этого документа определяется тем, что на протяжении многих лет он оставался основным и направляющим в работе сибирской администрации. В частности, инструкции пограничным дозорщикам Г. Фирсову (восточного участка границы от Кяхты до реки Аргунь) и А. Михалеву (западного участка от Кяхты до Шабин-Дабага) были подтвержде-

ны высочайшим указом 6 марта 1783 г. [РКО в XVIII в., с. 487].. В соответствии с этими документами дозорщики были обязаны каждый год летом (с мая по октябрь) осуществлять разъезд по границе по установленным маякам¹, осматривать их и ремонтировать в случае необходимости. Для этих целей казна предоставляла шесть железных лопаток и шесть топоров [РКО в XVIII в., док. № 114, с. 298]. Под контролем дозорщиков находились и сформированные караулы, содержать которые предписывалось «порядочно, остерегая все то, что противно сочиненному трактату, пресекая воровства и непорядки между пограничными, не допуская российских подданных переходить за мунгальскую границу, ниже мунгальских за российскую» [РКО в XVIII в., док. № 114, с. 298].. Дозорщики были обязаны также «всякие непорядки пограничные разводить, смирять и успокоивать, ни с кем не описываясь». В случае же невозможности решения конфликта собственными силами разрешалось «списоваться» с комендантом уезда или генеральным пограничным управителем в Селенгинске [РКО в XVIII в., док. № 114, с. 299].

Ежедневная охрана маяков и караулов, по инструкциям С.Л. Владиславич-Рагузинского, вверялась «каждого рода жителям», то есть местному населению: бурятам, тунгусам [РКО в XVIII в., док. № 49, с. 101], в некоторых родах возведенных в статус казаков [РКО в XVIII в., коммент. 1 к док. № 48, с. 470—471]. Впоследствии правительство в разные годы предпринимало шаги по дальнейшему укреплению границы: переселение казаков из городов на пограничную линию, их обучение военному делу, организация полков. Так, для охраны селенгинской границы сенатским указом от 22 июля 1764 г. были сформированы 4 бурятских полка (2400 чел.), в названиях которых отразилась родовая принадлежность их членов: Ашебагатов, Цонголов, Атаганов и Сортолов [Смирнов]. Однако полностью предотвратить нарушения границы (угон скота, незаконную торговлю, переход населения) не удавалось.

¹ В инструкциях, написанных С.Л. Владиславичем-Рагузинским для руководителей разграничительных комиссий комиссара С.А. Колычева и секретаря И.И. Глазунова, были указаны следующие способы оформления пограничных знаков (маяков): «по той новой границе в пристойных местах, где на натуральных [камнях] знаков нет, ставить каменные столбы с натписями, а где время не допустит к постановлению тех каменных столбов, в таком случае высекаль на натуральных камнях крест святаго апостола Андрея с-ызыяснением году, месяца и числа, где же и сего учинить невозможно, то насыпать земляные курганы, где место ж допустит...». // РКО в XVIII в. Док. № 47. С. 94 и Док. № 49. С. 100.

Довольно ярким примером отступления от пограничных требований является эпизод из истории Улхунского караула, который находился на российско-китайской границе на востоке от Кяхты вблизи 30 маяка. О самом карауле известно, что он состоял из «Цамцагинского рода тунгусов в пяти юртах с засулом под надзором того рода шуленга Хонтона» [Русско-китайские..., док № 4, с. 38]. Место расположения караула было на «Тырне-речке» [Русско-китайские..., док № 4, с. 38]. Немаловажное значение в формировании более точных ориентиров дислокации Улхунского караула имеют данные о размещении 31 маяка: «Улхуцкаго караульного маяка против севернаго конца Онона реки на левой (сиречь восточной) стороне Арабаин Зюрике на сопке на верху» [Русско-китайские..., док. № 4, с. 38, 39]. Сведений о Тырне-речке обнаружить не удалось¹, поэтому есть все основания именно Онон-реку считать основным географическим ориентиром в установлении размещения Улхунского караула. Тем более что существуют свидетельства того, что в 1758 г. в Улхунский караул входили представители Чемчагирского² (38 чел.) и Кунцеляцкого (10 чел.) тунгусских родов, кочевавших по Онону [Васильев, с. 147].

8 декабря 1767 г. селенгинский комендант генерал-майор В.В. Якоби³ в рапорте в Коллегию иностранных дел сообщил о совершенном 10 ноября 1767 г. нападении с китайской стороны на Улхунский пограничный караул и увозе 12 человек «за границу в Ургу со всеми бывшими у них пожитками и лошадьми» [АВПРИ, оп. 62/2, 1763—1773, д. 12, л. 138]. В результате переписки селенгинского коменданта с пограничными «мунгальскими управителями» выяснилось, что захват Улхунского караула произошел «по повелению самих тех управителей нарочно командированными от них людьми в отместку будто за захваченных в их стороне улхунскими караульными двух мунгал» [АВПРИ, л. 138 об.]. По данным из рапорта генерал-майора В.В. Якоби, эти два монгола в свое время были доставлены к нему и при допросе показали, что «они, будучи в своей стороне в подводах под едущим по границе для осмотра оной заланом, нечаянно заблудились и в здешнюю сторону въехали, а никакого воровства

¹ Однако было установлено, что река Тырын (Дзун-Тырын) впадает в реку Онон в 552 км от устья.

² Не исключено, что названия родов Цамцагинский и Чемчагирский являются в источниках искаженными написаниями одного и того же рода.

³ Якоби (Якобий) Варфоломей Валентинович (1693—1769) был назначен на должность селенгинского коменданта и генерального пограничного управителя в 1740 г. В 1769 г. вышел в отставку в чине генерал-поручика.

ими не учинено и чинить не намерены» [АВПРИ, 1766—1769, д. 15, л. 185]. В соответствии с Кяхтинским трактатом селенгинский комендант в начале октября 1767 г. задержанных монголов отправил к монгольским пограничным управителям с нарочным толмачем «при письме с требованием выдачи предписанных же здешних находящихся в их стороне людей и о учинении тем мунгальцам за переезд за границу наказания» [АВПРИ, л. 185 об.].

Этот пограничный инцидент не получил широкого и углубленного освещения в отечественной историографии. Кроме того, те немногочисленные исследования, в которых ему уделено внимание, представляют события не совсем соответствующими их изложению в исторических документах¹. Так, Н.Н. Бантыш-Каменский упоминает лишь о двух захваченных улхунских караульных «в отмщение за укрывательство нескольких, будто перебежчиков в российскую сторону, китайских подданных» [Бантыш-Каменский, с. 325]. А Х. Трусевич, также говоря лишь о двух, уведенных в Ургу улхунских караульных «нагло» напавшими монгольскими караульными, называет этот эпизод «малой войной» [Трусевич, с. 61]. Лишь со ссылкой на Пекинский архив без привлечения каких-либо новых фактов упомянул об Улхунском карауле В.С. Мясников [Мясников, с. 235].

Таким образом, необходимо не только исправить историографические факты в соответствии с историческими документами, но и на основе этих документов дать подробное освещение Улхунского пограничного конфликта для выяснения его причин и попыток урегулирования.

Коллегия иностранных дел в указе, отправленном генерал-майору В.В. Якоби по поводу этого инцидента, вынесла следующую резолюцию: «сколь ни сожалетельно здесь видеть продолжающуюся с некоторого времени с китайскою стороною доньне или еще и более день от дни возрастающую холодность и явное нарушение ими в противность Трактата пограничного покоя, принуждено, однакож, до времени все то терпеливо сносить единственно по известному здешних границ в тамошнем крае худому укреплению за недостатком воинских людей. Хотя согласно с вами и здесь применяется, что китайцы, зная здешнее на границе малолюдство и потому не видя никакой себе опасности, все свои поступки по сродному им варварскому обы-

¹ Лишь Сычевский Г.А. в «Исторической записке о китайской границе...» привел отдельные достоверные сведения об этом эпизоде, содержащиеся в опубликованных им архивных материалах. См.: *Сычевский Г.А. Указ. соч. С. 279—280.*

чаю устремляют к тому только, дабы привести здешнюю сторону в раздражение...» [АВПРИ, 1763—1773, д. 12, л. 139—139 об.].

Однако стремление к урегулированию данного конфликта выражали обе стороны. Но прийти к соглашению им удалось не сразу. В конце января 1768 г. в Кяхте состоялся съезд¹, на котором была сделана попытка решения этого вопроса. Российскую сторону на съезде представляли полковник И.В. Якоби² и майоры Тевяшов и Копылов, а китайскую — заргучей³ Солий, засак⁴ и закырыкчей⁵ Чюван, который 31 января встретился с главой русских участников переговоров. Во время их беседы полковник И.В. Якоби узнал, что с китайской стороны следствие поручено заргучею и засаку, звание и ранг которых не соответствовали уровню представителя русской стороны. К тому же выяснилось, что хотя с улхунскими караульными и приехал чиновник более высокого ранга: Кыбей-гун, но в следствии он участвовать не будет, и, по словам закырыкчея, «находитца в прикрытии» [АВПРИ, оп. 62/2, 1766—1769, д. 15, л. 279 об.—280]. Исходя из этого, полковник Якоби ответил, «что российская сторона всегда готова споспешествовать благополучию и не хочет входить ни в какие ссоры. Но сами они справедливости наблюдать не хотят. А когда с их стороны выше заргучея к следствию никто определен не будет, то и он, полковник, сам не будет, а определит двух маиоров» [АВПРИ, л. 280].

1 февраля два представителя российской стороны имели беседу в Наймачинах⁶ с заргучеем Солием. По словам расположенного к российской стороне засака Иринчина, заргучей Солий, будучи членом Трибунала⁷ и маньчжуром, по своей гордости, не хотел вести рассле-

¹ Н.Н. Бантыш-Каменский указал в своем исследовании неточную датировку, отнеся начало съезда к апрелю. См.: Указ. соч. С. 325.

² Якоби И.В. (1726—1803) — сын селенгинского коменданта В.В. Якоби. С 1747 г. после окончания шляхетского кадетского корпуса в чине прапорщика он начал служить в Селенгинске. Несколько раз ездил курьером в Пекин. С 1764 г. — полковник. В 1769 г. после смерти отца уехал из Сибири для дальнейшего прохождения службы.

³ Цзаргучи (заргучей) — судья, чиновник, совмещавший судебные и административные функции (Русско-китайские..., с. 674).

⁴ Засак — командир пограничных караулов.

⁵ Закырыкчей — начальник подразделения монгольской пограничной службы, подчиненный гуна (начальника монгольской пограничной службы).

⁶ Маймайчэн (Наймачин) — торговая слобода на монгольской территории у самой границы.

⁷ Лифаньюань (*кум.*) (Трибунал внешних сношений, Палата по делам «зависимых» территорий, Мунгальский приказ) — центральное учреждение Цинской империи, ведавшее управлением Монголией, Тибетом, а также сношениями с Россией (РКО в XVIII в., с. 508).

дование с майорами [АВПРИ, л. 283]. Однако, если селенгинский комендант генерал-майор В.В. Якоби в присланном 10 февраля ордере подтвердил назначение майоров Я. Тевяшова и Копылова к ведению разбирательств по делу Улхунского караула «под наставлением полковника Якобии» [АВПРИ, л. 283 об.], то относительно китайской стороны было установлено, «что к заргучею прислано из Урги письмо почти с выговором, для чего он с российскими вступает в ссору» [АВПРИ, л. 284 об.]. В результате заргучей Солий был вынужден вступить в переговоры с майорами.

Одновременно с вопросом о степени соответствия ранга и званий представителей сторон предварительно обсуждался и вопрос о возвращении российских улхунских караульных. В самом начале переговоров китайцы выдвинули условие, при выполнении которого были готовы удовлетворить требование российской стороны: очную ставку с ефрейтором Улхунского караула Данилой и пятью его подчиненными для выяснения обстоятельств дела, поскольку считали, что их люди были схвачены по приказу ефрейтора¹ в ответ на задержание монгольским караулом в своих пределах товарища Данилы Григория. Поскольку заранее российская сторона не была оповещена об этом условии, она объявила, что на его выполнение потребуется время: «за дальностию места ожидать надобно дней десять, а по крайней мере тринадцать» [АВПРИ, л.284]. 19 февраля заргучей Солий был поставлен в известность, «что улхунские ефрейтор Данило Матафонов с тунгусами сего дня привезены» [АВПРИ, л. 284 об.].

21 февраля на границе встретились уполномоченные двух сторон. По настоянию заргучей русские майоры пришли в его юрту. Первый день съезда не был результативным, поскольку стороны не достигли согласия в вопросе о порядке процессуальных действий: русские требовали сначала выдачи караульных, а китайцы — допроса ефрейтора Данилы. Из-за неуступчивой позиции заргучей Солия майоры на следующий день согласились на проведение очной ставки с ефрейтором. Заргучей задал ему такие вопросы: «Григорей российской поиман в китайской земли или в российской стороне? И за поимкою их дву мунгал, Дундупа и Уржана, он тунгусов посылал ли?» Данила ответил ему следующим образом: «Григорей отпущен был по прозьбе с прот-

¹ Подобное заключение было сделано на основании показаний находившегося у китайцев старшины тунгусских казаков Удумана, «что тот Данило посылал их в китайскую сторону для поимки Дундупа и Уржана» (Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1766—1769. Д. 15. Л. 278 об., 286).

чими двумя тунгусами для промыслу к пропитанию зверя по российской стороне. И те двое тунгусов уехали за подстреленным зверем, а тот Григорей остался близ границы на российской стороне на становой с убитыми восьмью козулями. И те двое тунгусов, возвратясь, ему, Даниле, сказали, что на Григорья, наехав с китайской стороны мунгал семь человек, поймав его, увезли совсем, и три лошади, а мунгал их два человека пойманы в российской же стороне от границы версты с полтары и со ими три лошади, одна без седла. И по привозе те мунгалы объявили, что они, заблудясь и незнаемо, захали в российскую сторону» [АВПРИ, л. 289 об.—290]. Затем заргучей потребовал перечислить поименно тунгусов, посланных ефрейтором в разезд по границе. Данила назвал имена пяти человек, уточнив, что «было точно пять, а не шесть человек». По распоряжению заргучея, все, сказанное ефрейтором Данилой, было записано, а затем зачитано [АВПРИ, л. 290—290 об.].

После того как заргучей Солий получил интересовавшие его сведения, российская сторона предложила китайцам вернуть 12 российских караульных. Однако заргучей, отметив несовпадение показаний ефрейтора с показаниями находившегося в их руках улхунского караульного Удумана, намеревался провести очные ставки Данилы с каждым из трех тунгусов, участвовавших в поимке монголов, не передавая их российской стороне. Пытаясь достичь соглашения, русские участники переговоров предложили такой компромиссный вариант: «ежели им угодно, то б они российских двенадцать человек, привезя к юрте, отдали только в наши руки. А чтоб они ни с кем не говорили, то со обеих сторон приставить караул и, не выходя из юрты, в общем присутствии Удумала, Унерчу и Тушелгуя по одиночке, буде их надобно, или всех вместе, спросим. И буде против Данила несходно покажут, то очную ставку произвестъ» [АВПРИ, л. 292 об.—293]. Однако и это предложение не было принято заргучеем, ответившим, что имеет предписание не отдавать людей до окончания следствия. Поскольку российская сторона также не пошла на уступки, переговоры были прекращены [АВПРИ, л. 293—293 об.].

До отъезда с Кяхты нашим представителям из разных источников удалось получить сведения, подтвердившие отсутствие единогласия в вопросе о возвращении улхунских караульных среди китайских участников переговоров, созывавших даже совет по этому вопросу. Однако позиция кяхтинского заргучея превозобладала [АВПРИ, л. 267 об.—268] и дала повод к разговорам о нем: «все мунгалы разсуждают, да и гун проговаривал, что он несходно делает и напрасно упрямитца: не

отдает российских людей» [АВПРИ, л. 265]. А один из монголов, охранявших Удумана, сообщил, что с китайской стороны российского караульного «и подговаривают и дают награждение, чтоб он показал будто мунгалы пойманы в китайской стороне, однако-де тот Удумал очень с ними спорит и говорит, что они точно пойманы в российской, а не в китайской стороне, а он их награждения не хочет потому, что и в Российской империи всем они довольны» [АВПРИ, л. 265].

Таким образом, состоявшийся в феврале 1768 г. съезд не решил вопрос о судьбе улхунских караульных. Его участники не смогли провести расследование и установить виновников конфликта по причине отсутствия как согласованных процессуальных правил и действий, так и взаимопонимания сторон.

Заслуга в урегулировании пограничных споров и возвращении улхунских караульных в Россию принадлежит полковнику И.И. Кропотову, который был направлен на китайскую границу полномочным комиссаром и с июля по октябрь 1768 г. провел переговоры с китайской стороной. Одним из их результатов и стало решение вопроса об улхунских караульных. В соответствии с договоренностью сторон проведенная очная ставка между ефрейтором Данилой и старшиной Удуманом не выявила настоящих виновников конфликта, поскольку, как и раньше, Удуман утверждал, что «Данила посылал их в разъезд по границе и говорил: «Естьли мунгалы попадутся, ловите!», а Данила и его товарищи, «хотя и довольно увещеваемы были», отрицали подобное заявление [АВПРИ, оп. 62/1, 1768, д. 2, л. 55 об.]. После многочисленных «упорных» разговоров полномочный комиссар был вынужден согласиться на наказание Данилы, который «в удовольствие амбаням» был «наказан тростью с умеренностью» в присутствии монгольского гуна (по настоянию китайской стороны) и российского майора. Вслед за этим гун потребовал применить карательные меры к еще шестерым караульным: троим, находившимся у них, и троим — в российской стороне. Однако полковник И.И. Кропотов на это не согласился. Несмотря на отказ, китайцы выдали 12 человек улхунских караульных «с лошадьми и с прочим» [АВПРИ, л. 57 об.]. Таким образом, китайская сторона, добившись наказания предполагаемого ею виновника конфликта, достигла своей цели «отмщения» за двух монгольских подданных.

А полномочный комиссар по возвращении улхунских караульных допросил Удумана «с увещеванием о правде» и узнал следующее: «Данила ловить людей не приказывал, а показал он на нево на очной ставке от страха по научению мунгал» [АВПРИ, л. 57 об.—58]. Исходя

из полученных сведений, полковник И.И. Кропотов был убежден, что «справедливость на нашей стороне». В связи с этим он рекомендовал генерал-майору В.В. Якоби и иркутскому губернатору¹ «наградить за претерпение для согласия двух государств» ефрейтора Данилу Матафонова и 12 человек из Улхунского караула: первого произвести в сержанты и выдать 20 рублей, а остальным — по 5 рублей [АВПРИ, л. 70]. Но для того, чтобы развеять сомнения, вызванные несопадением возвращенных китайской стороной вещей с их количеством в нашем реестре [АВПРИ, оп. 62/2, 1766—1769, д. 15, л. 226—230], при твердом убеждении китайцев в том, что, кроме этих вещей, «ничего людьми их не взято», полномочный комиссар послал секретно на Улхунский караул корнета Еленева с наставлением «сыскать во всем деле правду» [АВПРИ, оп. 62/1, 1768, д. 2, л. 70]. В результате допросов русских и тунгусских казаков корнету Еленеву удалось установить следующее: «что рапортом показано было лошадей восемьдесят пять, но угнато только шеснатцать, денег двести девяносто шесть рублей, но увезено не более пятнатцати рублей, что такая приписка учинена по приказу присланных из Акшинской крепости² прапорщика Долгих и сотника Сенотрусова» [АВПРИ, л. 70]. Кроме этого обстоятельства, прояснились и события, повлекшие за собой нападение на Улхунский караул. По словам казаков («Алексей Власов с товарищи»), «Григорей был отпущен ефрейтором Данилой и старшиной Удуманом для зверования в трех человеках. Что оные три человека зашли в мунгальскую сторону, и так один из них, Григорей, взят разъездом с Беркейсага караула». Далее приехавший в российский Улхунский караул монгол из монгольского Улхунского караула предложил ефрейтору Даниле и старшине Удуману для возвращения Григория поймать двух монголов с Беркейсага караула с его помощью: «то де я их заведу в вашу сторону для рубки укрюков³, и вы их поймайте». Ефрейтор Данила и старшина Удуман послали «для взятъя тех двух мунгальцов семь человек тунгусов. А как тех двух мунгальцов тунгусы взяли, то того ж часа отослали они к Акшинскому коменданту. По прошествии же несколько времени приезжал на границу с мунгальской стороны из Цырюка главной пограничной командир, называе-

¹ Генерал-поручик А.И. Бриль — иркутский губернатор в 1767—1776 гг.

² Акшинская крепость была построена в 1765—1772 гг. на правом берегу реки Онон в месте впадения в нее реки Акша.

³ Укрюк (*тюрк.*) — легкий шест с веревкой и арканом или петлей на конце для поминки пасущихся лошадей или других животных (*Ушаков Д.Н.* Толковый словарь).

мой бесуй, и требовал своих двух человек с тем, что нашава Григорья выдаст. Почему за теми двумя мунгальцами с того Улхунского караула в Акшинскую крепость было послано. Токмо их в крепости уже не было, а были отосланы к господину генерал-майору и кавалеру Якобии. Месеца чрез с три или более, приехав на Улхунской караул на утренней зоре, мунгальская многочисленная команда, и весь караул разбив, взяла в полон двенадцать человек» [АВПРИ, л. 70 об.—71].

Сведения, полученные корнетом Еленевым от казаков и совпавшие с признаниями задержанного Григория на допросе у китайцев [АВПРИ, оп. 62/2, 1766—1769, д. 15, л. 215 об.], указали на несколько иную роль российских участников в конфликте: нарушение ими служебных предписаний повлекло за собой череду пограничных осложнений. А неспособность решения этого конфликта местными властями привела к необходимости его урегулирования на государственном уровне.

Данные обстоятельства изменили, по всей видимости, взгляд полковника И.И. Кропотова на степень вины российских подданных в пограничном конфликте. Он обратился к иркутскому губернатору с предписанием, «чтоб помянутого салдата в чин по прежней рекомендации не производил» [АВПРИ, оп. 62/1, 1768, д. 2, л. 71].

Русско-китайские пограничные переговоры 1768 г., помимо урегулирования спорных вопросов, закончились подписанием Дополнительной статьи к Кяхтинскому договору о режиме на русско-китайской границе. Не без основания можно считать, что при разработке процессуальных правил расследования пограничных происшествий в данной статье был учтен и опыт, извлеченный обеими сторонами из конкретного пограничного инцидента с российским Улхунским караулом [Русско-китайские..., док. № 9, с. 54—55].

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/2. 1763—1773. Д. 12. Л. 138—139 об.; Оп. 62/2. 1766—1769. Д. 15. Л. 265, 278 об.—293 об.; Оп. 62/1. 1768. Д. 2. Л. 55 об., 57 об.—58, 70—71.

Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. 565 с.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916. Т. 2. 267 с.

Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв.). М.: ИДВ РАН, 1996. 480 с.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Док. № 3, 4, 6, 7.

Русско-китайские отношения (РКО) в XVIII в. 1727—1729. Документы и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Т. III. Док. № 114.

Смирнов Н.Н. Забайкальское казачество. М., 2008. URL: <https://itexts.net/avtor-nikolay-nikolaevich-smirnov/251635-zabaykalskoe-kazachestvo-nikolay-smirnov/read/page-3.html> (дата обращения: 05.01.2022).

Сычевский Г.А. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного управления Сычевским в 1846 г.. М., 1875. 292 с.

Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882. 304 с.

References

Arhiv vneshney politiki Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond "Snosheniya Rossii s Kitaem" [Fund "Russian Relations with China"]*, Op. (Inventory) 62/2, 1763—1773, D. (File) 12, L. (p.) 138—139 ob. (with reverse side). Op. (Inventory) 62/2, 1766—1769, D. (File) 15, L. (p.) 265, 278 ob.—293 ob. (with reverse side). Op. (Inventory) 62/1, 1768, D (File) 2, L. (p.) 55 ob. (with reverse side), 57 ob. (with reverse side)—58, 70—71.

Bantysh-Kamenskiy, N. (1882). *Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossiyskim I Kitaiskim gosudarstvami s 1619 po 1792 god* [Bantysh-Kamensky N.N. Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792], Kazan. 565 p. (In Russian).

Myasnikov, V. (1996). *Dogovornymi statyami utverdili (diplomatičeskaya istoria rusko-kitaiskoi granitsy XVII — XX vv.)* [Approved by treaty articles (diplomatic history of the Russian-Chinese border of the 17th—20th centuries)], Moscow: IDV RAN. 480 p. (In Russian).

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. М.: Памятники исторической мысли, 2004, Док. no 3, 4, 6, 7 [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689—1916], Moscow: *Monuments of Historical Thought*, 2004, Doc. no 2, 3, 5, 6, 8. (In Russian).

Русско-китайские отношения в XVIII в. 1727—1729. Документы и материалы (РКО в XVIII в.), М.: Памятники исторической мысли, 2006, Т. III, Док. no 114. [Russian-Chinese relations in the XVIIIth century. 1727—1729. Documents and materials (RCK in the XVIIIth century)], Moscow: *Monuments of Historical Thought*, 2006, Vol. III, Doc. no 114. (In Russian).

Smirnov, N. (2008). *Zabaykalskoe kazachestvo* [Transbaikal Cossacks]. URL: <https://itexts.net/avtor-nikolay-nikolaevich-smirnov/251635-zabaykalskoe->

kazachestvo-nikolay-smirnov/read/page-3.html (accessed: 5 January, 2022). (In Russian).

Sychevskiy, G. (1875). Istoricheskaya zapiska o kitayskoy granitse, sostavlennaya sovetnikom Troitsko-Savskogo pogranichnogo upravleniya Sychevskim v 1846 godu [Historical note on the Chinese border, compiled in 1846 by Mr. Sychevskii, an adviser of the Troitsko-Savskii border department], Moscow, 292 p. (In Russian).

Trusevich, X. (1882). Posolskie i trgovye snosheniya Rossii s Kitaem (do XIX v.) [Inter-embassy and trade relations between Russia and China (before the XIX century)], Moscow. 304 p. (In Russian).

Vasilev, A. (1916). Zabaikalskie kazaki. Istoricheskiy ocherk [Transbaikal Cossacks. Historical essay], Chita, Vol. 2, 267 p. (In Russian).

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XXVII

Ежегодное периодическое издание

ISSN 2618-6888

Редактор *М.А. Кириченко*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 27.09.2022. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 24,8.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Электронная библиотека ИКСа РАН

www.iccargas.ru

Почтовый адрес ИКСа РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»
109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5